

**АНАТОЛИЙ
БОЧАРОВ**

**РЫЦАРЬ
ИЗ ДОМА ДРАКОНОВ**

2016

В дни, когда королевство Иберлен разорвано на части гражданской войной, юный рыцарь Артур Айтверн становится последним защитником законного наследника престола. Блуждая в хитросплетениях политических интриг, ощутив дыхание древней магии, он должен сделать правильный выбор и защитить тех, кто ему дорог.

Бочаров Анатолий Юрьевич

Рыцарь из Дома Драконов

Пролог

История, которую мы хотим рассказать вам, случилась в давние дни, в королевстве, называемом Иберлен. Иберлен не был ни сильнейшим, ни богатейшим из государств той эпохи — однако его рыцари были храбры, вельможи — не обделены мудростью, а королевский дом пользовался любовью у народа. Тысячу лет уже правили на этой земле короли рода Карданов, и правили бы, возможно, еще много столетий, не настигни их в тот год злая судьба.

Могущественная южная империя Тарагон, тень которой накрывала тогда треть известного мира, вторглась в Иберленское королевство. Король Эларт, не желая склониться перед захватчиками, собрал вокруг себя всех своих лордов и рыцарей, и принял бой. Была середина осени. В сражении, названном впоследствии Битвой Ста Сломанных Копий, Эларт Кардан погиб, а возглавляемая им армия была разбита и отступила на север, во внутренние области королевства. Здесь, укрепившись в древнем замке Шоненгем, иберленские рыцари встретили зиму — а зима в тот несчастливый год выдалась лютой настолько, что казалось, весь мир скоро будет скован панцирем льда и снега. Много дней из-за туч не было видно солнца, много дней дул безжалостный ветер, много дней снег падал косою стеной. Отрезанные непогодой равно от неприятеля и от собственного стольного города, рыцари Иберлена готовились к обороне, зная, что как только зима закончится, враг пойдет на штурм их последней твердыни, и отбить этот штурм едва ли будет возможно. Слишком ослаблены они были понесенным поражением и гибелью государя, слишком силен и многочисленен был враг. Близилась битва — и многим казалось, что эта битва станет последней.

Вьюга в тот день разошлась не на шутку. Она надрывалась раненым волком, выла тысячей злых голосов, ревела так яростно, будто была исполинским чудовищем, вознамерившимся сожрать весь мир.

Возле окна, что выглядывало на заметаемый метелью крепостной двор, стоял немолодой мужчина, облаченный в простую темную одежду. Черные волосы его посеребрила кое-где седина, лицо казалось изможденным и усталым. Он был высокого роста, хотя и держался слегка сутулясь. У него были широкие плечи и сильные руки, привычные к рукоятке меча.

Хотя ставни были распахнуты настезь, мужчина будто и не чувствовал холода. Он и впрямь его почти не чувствовал. Сам родившийся и выросший здесь, на далеком севере, он повидал много холодных зим.

Двор совсем уж замело, снега навалило в человеческий рост. С утра его пробовали расчищать, но потом вновь поднялась буря. Человек в черном смотрел, как буря низвергает с небес косою стеной тяжелые серые хлопья. Он ощущал себя загнанным зверем, которого очень скоро настигнет охотник. Ему казалось, эти хлопья падают, заматавая его будущую могилу.

Стоящего у окна мужчину звали Камбер Эрдер, и был он сейчас регентом королевства Иберлен. Один из самых знатных дворян королевства, опытный и умелый воин, Камбер

возглавлял Коронный совет, правящий ныне остатками государства. Здесь, в Шоненгеме, родовом замке дома Эрдеров, иберленская армия заняла свои позиции в ожидании весны. И в ожидании того, как весной, по просохшим дорогам, к ним подступятся армии врага.

Камбер Эрдер помянул в сердцах нечистого и закрыл наконец ставни. Отвернулся от окна, прошел вглубь комнаты, к большому письменному столу. На столе лежала, придавленная по краям тяжелыми бронзовыми статуэтками, карта королевства и окрестных земель. Регент склонился над ней. Согнув спину и прищутив слезящиеся глаза, он внимательно всмотрелся в карту. Можно подумать, от десятитысячного просмотра могло что-то измениться. Не могло. И не изменилось.

Этот замок, поначалу представлявшийся последним надежным убежищем, в действительности оказался ловушкой. Отступать из него было уже некуда. К северу лежали одни только Каскадные горы, за перевалы которых ни один смертный не поднимался уже тысячу лет. Говорят, там правят фэйри, и людей в их владениях ожидает лютая смерть. Южнее же Шоненгема располагались внутренние иберленские земли, уже захваченные чужеземцами. Даже столица была осаждена ими. Некоторые в Коронном совете предлагали держать оборону там, в главном городе страны, но Камбер еще осенью настоял на отходе на север, в свою родовую крепость. Тут, по крайней мере, они могли продержаться на несколько месяцев дольше. Тогда ему казалось, что в этом есть смысл.

Теперь Камбер не видел смысла ни в чем. Постоянные заботы и тревоги подточили его, и ему казалось, он вот-вот свалится с ног. Очень болели и слезились глаза. Их жгло постоянно, уже незнамо сколько дней подряд. Еще сильнее того раскальвалась голова. Почти терпимо утром, чуть похуже к вечеру и совсем остервенело — по ночам. Боль сжимала череп тугими тисками, заставляя порой путать дневную явь с ночным бредом. Порой ему казалось, он слышит призрачные голоса, и эти голоса смеются над ним.

Слуги, замечая испытываемые их господином страдания, тихонько перешептывались и предлагали позвать лекарей. Камбер в ответ только молча сжимал зубы. Соратники, в отличие от слуг, не говорили ни слова — лишь отворачивались и молчали.

Эрдер слышал, что ему уже давно прочат заслуженный отдых и считают, что должность регента ему не по силам. Соглашаться с этим он, однако же, не хотел. Уступать цепь регента кому-то другому — тоже. Это его долг, и он его исполнит. Тем более, Камберу давно уже не нравились настроения, завладевшие его соратниками. Слушая выдвинутые ими планы, он сомневался, что может по-прежнему доверять этим людям.

Камбер взялся за кувшин с вином. Попробовал налить его в стоящий на столе кубок. Разумеется, расплескал — больно уж дрожали руки. Вино вылилось на карту, окрашивая пожелтевший ломкий пергамент в темный цвет и расплзаясь по нему огромным пятном.

В дверь постучали.

— Войдите! — бросил герцог, рассеянно барабаня пальцами по рукоятке кинжала.

В дверях возник капитан Виллем, командир шоненгемской гвардии. Он кутался в роскошный, из соболиных шкур сшитый плащ. Зима выдалась на редкость морозной даже для этих северных краев, издавна принадлежавших дому Эрдеров. Единственным утешением осталось то, что куда больше неудобств морозы доставляют вторгнувшимся в Иберлен солдатам Империи. Хоть какое-то преимущество, жаль, что самое крайнее к апрелю оно сойдет на нет. Армии противника были многочисленны, отлично вооружены и не испытывали особых проблем с подвозом продовольствия. Они не отступят.

Империя Тарагон вознамерилась сжать в своем кулаке все земли и все страны, весь мир

от одного края света до другого, и гордое северо-западное королевство ей в этом не помеха. Пришедшие с юга войска растопчут Иберлен, и он падет, как пали до него королевства Лумей, Бритер, Гердланд. Треть Срединных земель уже изнемогала под пятой захватчиков.

— Герцог Эрдер, — Виллем глубоко и с почтением поклонился, — совет вновь собрался и ожидает лишь вашего присутствия.

"Совет". Одно это слово заставило душу Камбера сжаться от боли, и регенту пришлось приложить усилие, дабы и тени чувств не отразилось на его нарочито невыразительном лице.

План спасения, принять который предлагало большинство входивших в Коронный совет вельмож, представлялся Эрдеру предательством памяти всех, кто погиб на этой войне, и предательством чести всех, кто еще оставался в живых. Он спорил, возражал, приводил доводы, едва не срывался на крик — все было тщетно. Его не слышали, будто он разговаривал на каком-то непонятном всем языке.

— Хорошо, — Эрдер надел регентскую цепь, опустившуюся на плечи тяжелыми металлическими звеньями. — Проводите меня, капитан.

Блейр Виллем вновь поклонился. За семнадцать лет службы он превратился в неотступную тень герцога Эрдера. Камбер уже сбился со счета, сколько раз Блейр спасал ему жизнь — и в гуще боя, на полях сражений, и от кинжалов и стрел наемных убийц.

Коронный совет, составленный из наиболее знатных и могущественных дворян королевства, собрался в Большом Зале, под сенью знамен с вышитым на них яблоневым деревом. То были королевские знамена, стяги дома Карданов, правившего страной многие сотни лет и пресекшегося с гибелью короля — два месяца назад, в осенней грязи и слякоти на Дрейданском поле.

Они не стали избирать нового короля. Когда привычный мир рушился прямо на глазах, это казалось предательством памяти Эларта. Тогда они предпочли оставить престол пустым, а вопрос о его наследовании — зависшим в воздухе. Даже герцог Айтверн, чья семья издавна была опорой правящей династии, не стал претендовать на престол. Но сейчас Коронный совет все же поднял вопрос наследования, и при одной только мысли о претенденте, которому собравшиеся здесь вельможи собирались вручить королевский титул, герцога Шоненгемского начинало мутить от ярости.

Камбер поклялся себе, что пока он жив, этот новый претендент ни за что не получит корону.

— Лорд Эрдер, — герцог Радлер Айтверн приветливо улыбнулся. Казалось, он был искренне рад видеть регента. — Хорошо, что вы наконец присоединились к нам. Я тревожился, пока вы заперлись один в своих покоях на три дня. Желаете выпить глинтвейна? Сегодня холодней обычного, — подтверждением его слов служил выступивший на щеках Радлера румянец.

— Я не нуждаюсь ни в каком глинтвейне, — сухо ответил Камбер, занимая свое место во главе стола. Виллем встал в трех шагах позади него. — Это моя родина, Радлер. И мне здесь не холодно.

— Воля ваша, — Айтверн кивнул.

Радлер сидел в противоположном конце зала, окруженный своими вассалами. Он словно нарочно выбрал место в самом низу стола — прямо напротив регента. Герцог Западных Берегов был облачен в родовые зеленые и золотые цвета, сплошь бархат и шелк. Фамильные светлые волосы, скрадывающие и делающие незаметной легкую пока еще

седину, рассыпались по плечам. Пальцы Айтверна, пребывающие в неизменном движении, то и дело касались висящего у него на груди медальона, украшенного гербом дома — расправившим крылья драконом.

Эрдер заставил себя отвести взгляд от старого друга. Друг этот стал сейчас немногим лучше врага, потому что решение, к которому Радлер склонял совет, являлось безусловным злом. Но любого врага можно вызвать на поединок и пронзить мечом, остановив распространение подогреваемой им смуты. Айтверн врагом не был. Их семьи всегда были дружны. Камбер и Радлер вместе учились ратному делу и вместе скакали на войну. Прежде лорд Эрдер и подумать не мог, что их с Радлером может разделить пропасть непонимания.

— Вы достаточно много времени провели у себя, размышляя. Скажите же, каково ваше окончательное решение? — подал голос Ральф Блейсберри, чья семья всегда была верным вассалом дома Эрдеров, а он сам — верным вассалом Камбера. Граф Блейсберри сидел по правую руку от регента, но, как и все остальные здесь, принял сторону Айтверна.

— Мое решение остается неизменным, — тяжело ответил герцог. — Мы никогда не согласимся на предложение Ретвальда. Да я скорее позволю имперцам сжечь весь Иберлен дотла, а пепел его засыпать солью, нежели увижу на престоле Эларта эту бледную тварь! Мне стыдно слушать вас и видеть вашу трусость. Вспомните о том, кто вы есть! Никогда наши предки не ползали на коленях перед всякой мразью, и не нам нарушать их обычаи. Предлагаю прекратить впустую сотрясать воздух и перейти к обсуждению насущных дел. Например, к планированию весенней кампании. А о том, что говорилось здесь раньше, и думать забудьте.

По залу волной прокатился шепот — совсем тихий во главе стола, он тем усиливался, чем ближе приближался к месту, где замер герцог Запада. Радлер Айтверн сидел в кресле ровно, будто насаженный на копье. Его доселе блуждавшие тут и там ладони легли на самый край стола, скованные несвойственной им неподвижностью. Внезапно старый друг показался Эрдеру очень молодым — куда моложе истинного своего возраста, куда моложе даже собственного сына и наследника, не присутствующего на совете. Радлер выглядел совсем еще юнцом, мальчишкой. В точеных чертах лица, выдававших родство с эльфами, обозначилась беззащитность. Но вот Радлер тряхнул головой, и наваждение пропало.

— Мне кажется, — сказал он, и в мелодичном голосе зазвенели серебряные колокольчики, — мне кажется, у нас найдется куда более животрепещущая тема для разговора, нежели весенняя кампания. Потому что, как к ней ни готовься, весна все равно не принесет нам ничего иного, кроме смерти. Давайте посмотрим правде в глаза, милорды. Лгать себе самим — последнее дело, а мы сейчас только этим и занимаемся. Мы проиграли эту войну. Нас убьет если не голод, то штурм, а если не штурм, то осада. Нам некуда отсюда бежать, а осаждать нас здесь имперцы смогут долго. Мы не продержимся и до лета. Наш единственный оставшийся шанс — чтобы кое-кто все же предоставил нам обещанную им помощь. Вы знаете, о ком я говорю.

Да, они знали.

Бердарет Ретвальд. Так звали никому не известного бродягу, проходимца без рода и племени, явившегося ко двору Эларта через неделю после того, как Тарагон объявила войну Иберлену. Бледный, слабый телом, побитый жизнью невзрачный человек в черных одеждах, потребовавший аудиенции у его величества. Ретвальда впустили. Эларт был не из тех королей, что прячутся от народа за семью стенами. Эрдер помнил, как этот ублюдок стоял на беломраморных плитах тронного зала, в столице, в оставленном ими позже, в начале

ноября престольном городе Тимлейн. Незванный гость стоял, небрежно потирая пальцами подбородок и задрал нос до потолка. Надменно кривил губы, ронял с них презрительные фразы, будто говорил не с первыми рыцарями Иберлена, а с равным себе сбродом.

Ретвальд сказал, что он чародей. Маг. Прошел обучение в каком-то тайном ордена за многими морями, и является одним из сильнейших мастеров в своем ремесле. Двор ответил на его слова презрительным хохотом. Волшебник! Подумать только, волшебник! Ну и ну, вот это новость! Да все люди во всех просвещенных землях, начиная с самого несмышленного ребенка и заканчивая дряхлейшим из стариков, знают, что последний чародей на земле сгинул шесть столетий назад. Да, когда-то на свете жили волшебники, укравшие секреты своего мастерства у фэйри. Но они были горды и надменны, и истребили друг друга в междоусобных войнах. Шесть столетий назад закончилась война, названная Войной Пламени. Победителей в ней не нашлось, и после нее всякая магия отошла в область сказок. Ни один здравомыслящий человек не поверит теперь в ее существование, и нужно быть полным безумцем, чтоб называть себя волшебником.

Так думали они все — пока чужак не показал кое-что из своего искусства. Черные тени толпились вокруг Ретвальда, призванные его волей, и колдовские огни разгорались в этих тенях. Тонкая вуаль задернула льющийся из окон свет, и удивительные видения смущали разум собравшихся у королевского трона высоких лордов. Настоящая, древняя магия, никем в стране не виданная много веков. При одном только воспоминании о том дне у Эрдера мурашки пробегали по коже — и тем сильнее становилась его злость. Потому что когда удивительное представление закончилось, Бердарет Ретвальд, так и не снявший с лица высокомерной гримасы, поведал о причинах своего визита в Иберлен. Он сказал, что в начинающейся войне у королевства нет никаких шансов победить. Что Империя разгромит любые силы, которые только может выставить Иберлен. Что их сокрушительное поражение — не более чем вопрос времени.

И что он, искусный и могущественный чародей, единственный чародей в этой части света, готов предложить лордам севера свои услуги. Истинную магию, которая окажется полной неожиданностью для тарагонцев и переломит ход войны. Но за любые услуги полагается цена, и Бердарет не забыл назвать свою.

"В случае, если мое чародейство будет применено, — сказал он, в школярском жесте спрятав руки за спиной, приобретя оттого еще более нелепый вид, — в случае, если мое чародейство будет применено и превозможет силу Империи, принеся вам победу в войне, ваше королевство должно оплатить мне за спасение достойной платой. Ибо пусть в таком случае Эларт Кардан уступит мне и моим потомкам принадлежащие ему корону и трон, и все вельможи Иберлена признают меня своим законным королем и властителем".

Никогда за всю историю не звучало более неслыханного, дерзкого и смехотворного предложения. Добровольно отдать престол великой державы пришедшему с большой дороги наглецу?! Вот так, прямо как в сказке?! Уж не считает ли колдун их идиотами?

Разумеется, ему тут же указали на дверь. Иного и быть не могло. Тогда они еще пребывали в здравом уме. Уже уходя, чародей обронил: "Я ничуть не удивлен вашим отказом. Сильным мира сего свойственна гордость, переходящая в гордыню, так уж заведено на свете. Впрочем, любая гордыня рано или поздно сталкивается со здравым смыслом. Попробуйте выиграть эту войну сами — и когда увидите, что не способны сделать это, я охотно окажу вам свои услуги. Если пожелаете найти меня, ищите в Слайго", — назвал он порт на юго-западном побережье.

Колдун ушел, и все вскоре забыли о нем — до поры до времени. Слишком много событий вобрала в себя вспыхнувшая яростная, кровопролитная и безнадежная война. Разгромив и опрокинув выставленные Элартом и его военачальниками дружины в чередe ожесточенных сражений, имперцы подобно половодью разлились по стране, сметая любые встречавшиеся на их пути попытки сопротивления. Казалось, что любые начинания рассыпаются прахом, а небо готово обрушиться на землю.

Вслед за тем с юго-запада стали поступать донесения, поначалу казавшиеся чистым безумием, но со временем подтвержденные в докладах очевидцев, которым нельзя было не доверять в силу уже хотя бы их многочисленности. В тех донесениях сообщалось, что подступившая к Слайго тарагонская армия герцога Торисмонда была начисто уничтожена разразившейся бурей стихий, каковая буря даже краем не затронула расположившиеся рядом иберленские войска. Огонь, и ветер, и дикие тени, и погибельный свет — все они обрушились на иноземцев, истребляя их или обращая в бегство. Чародей доказал свое могущество.

И теперь, когда король мертв, столица оставлена на милость врагу и любая надежда потеряла силу — Коронный совет решил вспомнить о сделанном Ретвальдом предложении. Хотя лучше бы не вспоминал.

— Никогда, — в который раз за все эти бесконечные, повторяющиеся в своем однообразном течении, неотличимые друг от друга споры выдохнул Камбер. Ему очень захотелось стукнуть кулаком по столу. А еще лучше — по упрямым дубовым головам иберленских вельмож. — Никогда! Мы не пойдем этим путем. Я скорее умру, нежели увижу на Серебряном Престоле чужака и чародея, пришедшего из ниоткуда и желающего получить власть над страной так, как мастеровой получает за свою работу пригоршню монет.

— Вот как? — губы Айтверна сложились в изысканную, церемонную улыбку. — Ваши твердость и решительность невольнo вызывают у меня уважение. Мало кто смог бы отстаивать убеждения подобного рода с такой непреклонностью. Однако да простятся мне дерзкие слова, герцог Эрдер, но ваши твердость и решительность неизбежно приведут нас всех в могилу.

— Вы желаете меня оскорбить? — осведомился Эрдер, пытаясь задавить клокочущую в сердце ярость.

— Нет, я лишь пытаюсь докричаться до вашего рассудка, хоть мне порой и кажется, что это невозможно, — герцог Запада откинулся на спинку кресла, всем видом выражая усталость. — Поверьте, Камбер, мне и самому становится дурно, когда я представляю будущую необходимость называть мастера Бердарета своим государем. Однако я не вижу никакого другого способа уберечь нашу родину от полного уничтожения. Чародей способен остановить нашего врага, случившееся при Слайго доказало это. А мы сами не можем сделать уже ничего, кроме как сложить свои головы. Я скорее предпочту жить в свободной стране с хоть каким-то королем, а не в рабской провинции, лишенной всякого короля.

— Вы просто предпочтете жить, — огрызнулся регент. — Ни для кого не секрет, что имперцы развешают нас всех по перекресткам дорог, если только смогут. Они желают вырезать под корень иберленскую знать, не пощадив никого. А вы просто хотите выжить, и вам плевать, какую цену за это придется заплатить.

— С этим я не поспорю, — согласился Радлер настолько вежливо, что это было способно довести до бешенства. — Было бы ложью отрицать, что я очень хочу жить. И мои люди хотят. Моей матери, моей жене, моему сыну, моей дочери, моим вассалам и моему

коню очень не хочется умирать, и я был бы дурным сеньором, оставив их чувства без внимания. Мои люди должны жить. И они будут жить. Это и в самом деле сделка, а когда заключаешь сделку, положено платить. Никто не просил Ретвальда спасти наше королевство, но он его спасает, и наш долг отдать ему взамен то, чего он хочет.

— Ах, вот как. Ваш долг. Ваш долг — жить с мужеством, и умереть с ним же. Как и мой долг, как и долг моих наследников. Жаль, если кто-то это забыл. Пока я регент королевства, мы не пойдем ни на какие переговоры с колдуном и будем сражаться своими и только своими силами. Иной раз поражение честнее и достойней победы. Вы должны это понимать.

Шепот, проносящийся по залу, стал громче и тревожней.

Айтверн внимательно рассматривал стоящий перед ним бронзовый кубок.

— Иными словами, — наконец произнес он, — вы, лорд мой Эрдер, утверждаете, что охотно обречете всех нас на поражение и гибель во имя декларируемых вами принципов?

— Если вам угодно выставлять все в подобном извращенном свете — да, обреку, — сказал Камбер. Он уже забыл, что Радлер был ему другом, злость вытеснила это воспоминание вместе со всеми прочими. Но одновременно со злостью герцог Эрдер ощущал растерянность. Он уже попросту не понимал, как его соратники могут всерьез рассуждать о тех вещах, о которых они сейчас рассуждали. Они же не купцы, чтоб заключать сделки подобного рода, они воины, а воины не платят за жизнь свободой. Камбер поражался, откуда только взялось охватившее совет безумие. Как можно было не краснеть и не отводя глаз говорить подобные вещи?

— Вы готовите подобную участь и своей семье? — дотошно продолжал Радлер. — Мне кажется, что ваш сын не разделяет высказанного вами мнения, и присутствуй он здесь, охотней поддержал бы меня, а не вас.

Будь это ложью, Эрдер с удовольствием заставил бы наглеца ответить за нее всей кровью, что у того нашлась бы. Но к сожалению, Айтверн говорил правду. Камберу не осталось ничего иного, кроме как пожать плечами:

— Отцы имеют право решать за детей, ведь именно они породили их на свет. Для Элтона будет уместней умереть, не опозорив себя и семейного имени.

— Не могу вас понять, — пожаловался Айтверн, сплетая пальцы замком. — Вы и я — прошлое, а наши дети — будущее. Как прошлое может отправлять будущее в могилу? — Неожиданно он перешел на Высокое Наречие: — *Брат, неужели ты не понимаешь, что творишь?* — Голос герцога Запада был тих.

— *Радлер*, — регент неожиданно запнулся. Он не знал, что сказать. — *Радлер... Я не бездушное чудовище, каким ты, наверно, меня возомнил. Правда. Просто... Просто иногда лучше не побеждать. Если мы пойдем на это... Это будет хуже, чем полный разгром. Мы перестанем быть самими собой.* — Он помолчал, прежде чем перейти на всеобщий. — Господа Совет! Мое решение окончательное и обжалованию не подлежит. Ни ныне, ни впредь мы не будем иметь с господином Ретвальдом никаких сношений. Таково слово регента.

Последовавшая за тем пауза показалась Эрдеру бесконечной. Все собравшиеся в огромном зале аристократы хранили молчание. Никто не проронил ни слова, но регента жгли устремленные на него взгляды. Ему казалось, каждый из этих взглядов обвиняет его.

— Господа, — наконец сказал Айтверн очень ровным голосом, — обстоятельства таковы, что я вынужден лишить регента Эрдера его полномочий и объявить взятым под арест. До тех пор, пока нынешняя смута не закончится и пока в стране не восстановятся

порядок и мир. Стража, препроводите лорда Эрдера в его покои, — подчинившись его словам, четверо дежуривших на посту у дверей воинов двинулись через все помещение к регенту. Похоже, солдат известили обо всем заранее — уж больно готовы они оказались исполнить подобный приказ.

Камбер выскочил из-за стола, сорвав с плеч и отбросив в сторону гербовый плащ. Меч сам собой прыгнул ему в руки.

— Радлер, вы понимаете, что это измена? — спросил он.

Айтверн наклонил голову:

— Если угодно, можете считать это изменой. Опустите клинок, я не хочу кровопролития. Когда все вернется на круги своя, вы выйдете на свободу. Сейчас ваше пребывание у власти опасно для нас всех, и для вас самих в первую очередь.

Да что он несет, в ярости подумал регент. Почему змеиный язык этого мерзавца еще не усох и не вывалился из лживых уст? В любом случае, Камбер Эрдер не собирался слушать доводы врага. Он обратился к своим вассалам, так и сидевшим за столом без малейшего движения:

— Блейсберри, Данкрейн, Лайонс! Встать! Обнажить клинки! Покажем подлецам, какого цвета у них кровь!

Никто из троих вассалов герцога Эрдера, присутствующих на совете, даже не шелохнулся.

— Прошу простить меня, господин, но герцог Айтверн прав, — сказал Ральф Блейсберри, отводя глаза. — Его слова кажутся мне разумными... Извините. И, кроме того, ваш сын действительно не согласен с вами.

— Совершенно верно, — кивнул Данкрейн. Этот глаз не прятал. — Короля у нас все равно нет. Лучше такой, как волшебник, чем никакого. Лорд Ретвальд, по крайней мере, приведет нас к победе, а не к гибели.

Похоже, дело безнадежно, подумал Камбер. Ну что ж, остается драться — не в обычаях его рода сдаваться врагам. Хоть немного этих предателей он с собой заберет в могилу, а там трава не расти.

— Блейр, — негромко сказал герцог Эрдер, не отводя взгляда от приближающихся стражников. Те явно не торопились. Должно быть, боялись — все знали, как хорошо Камбер владеет мечом. — Блейр, придется прорываться с боем.

— Милорд... — казалось, Виллем колеблется. — Милорд... Не придется. Опустите оружие.

Послышался мягкий шепот покидающей ножны стали.

Что?!

Лорд Эрдер молнией развернулся к капитану своей охраны, забыв, что тем самым подставляет спину врагам. Блейр Виллем стоял, высоко подняв голову и опустив меч острием вниз.

— Ты предал меня?!

— Да! — капитан неожиданно сорвался на крик. — Да, я предал вас! Потому что не хочу, чтобы вы погибали! И не хочу, чтоб лорд Элтон погибал! Так что замолчите, бросьте оружие и делайте, что вам сказали!

— Камбер, ваш капитан прав, — послышался голос Радлера, похоже, тот встал из-за стола и теперь приближался к нему, — положите оружие, я не хочу...

Все, что он хотел или мог сказать, уже не имело значения. Камбер рванулся вперед,

выставив клинок. Похоже, Виллем не ожидал атаки, по крайней мере на его лице отпечаталось неподдельное изумление. Наверно, Виллем еще успел бы парировать — капитан был опытным бойцом, закалившим искусство фехтования в сотнях ожесточенных схваток. Но он не поднял меча. Не шелохнулся, не сдвинулся с места. Он так и не смог поднять оружие против своего господина. Даже для того, чтобы защититься.

Меч Камбера вонзился Виллему в живот, превращая его в одну огромную зияющую рану. Во все стороны хлынула кровь. Герцог Северных земель вновь погрузил оружие в тело командира собственной охраны, пробив тому грудь, и насадил Виллема на клинок. Затем Эрдер быстро развернулся, с трудом высвобождая оружие, и бросил тело Блейра под ноги солдатам.

— Стоять! — заорал во всю глотку подбежавший к месту схватки Радлер Айтверн. — Прекратите немедленно, — продолжил он хрипло. — Камбер, ты еще не сошел с ума! Остановись! Что ты творишь?! — Церемонность и придворный лоск оставили герцога Айтверна. Казалось, он был растерян. В иных обстоятельствах Эрдер пожалел бы его, в иных обстоятельствах он бы даже послушал его, но сейчас перед низложенным регентом стоял враг.

— Нам не о чем говорить, — отрезал он.

— Отойдите, — бросил Радлер солдатам, — отойдите подальше, чтоб вашего духу здесь не было! Я побеседую с герцогом Эрдером один на один, — воины попятились в разные стороны.

— Айтверн, не сходите с ума! — крикнул кто-то из дворян. — Этот безумец не знает, что творит! Он убьет вас!

— Хватит вам меня пугать, — герцог Запада широко, по-мальчишески улыбнулся, — что за глупости вы придумали. Этот человек мой друг. Друзей я не боюсь.

Он высоко поднял разведенные в стороны руки и двинулся вперед. Зря он это сделал. Камбер ринулся на Радлера, распластав меч в глубоком проникающем выпаде — засвистел разрываемый воздух. Айтверн ускользнул, перетек в сторону от линии атаки — плавным, обманчиво-легким движением, наверняка отозвавшимся в его теле тугой вяжущей болью. Крутанулся на каблуках, разворачиваясь лицом к Эрдеру. Выхватил меч из ножен — в его руке сверкнула серебристая молния.

— Я не хочу с тобой сражаться, — мягко сказал Радлер, медленно водя острием клинка из стороны в сторону. — Мы ведь не враги.

— Ты так думаешь? — усмехнулся Камбер, кружа вокруг него, как настарнийский тореадор танцует вокруг бешеного быка. — Ты решил свергнуть регента королевства. Решил свергнуть меня. Разве это не делает нас врагами?

— Я бы не стал это делать, будь у меня другой выход.

Эрдер не ответил ему. Вместо этого он вновь сделал выпад — на сей раз рубящий в шею. Айтверн закрылся, черты его лица неожиданно исказила ярость. Он крутанул кистью и выбил у Камбера меч из рук. Кто-то из придворных крикнул.

Дальнейшее произошло слишком быстро. Камбер выхватил из наплечных ножен изогнутый дарнейский кинжал и попробовал ударить Айтверна, метя в бедро. Тот отшатнулся, взмахнул клинком, а Эрдер потерял равновесие и начал заваливаться вперед. Чуть правее сердца вдруг вспыхнул огонь, жаркий, как в кузнечном тигле, перед большими глазами заплясали звезды, а рот наполнился кровью. Герцог Севера рухнул на колени, увлекая Радлера за собой, но тот в последний момент разжал пальцы, выпуская эфес, и

устоял на ногах. Камбер полубессмысленно скосил глаза вниз — и увидел, что в его грудь вонзился меч Айтверна. Похоже, что Камбер напоролся на клинок случайно. Все тело сотрясла судорога, спину разорвало нестерпимой болью.

— Брат!!! — в крике Радлера Айтверна, рухнувшего оземь рядом со смертельно раненным регентом, не оставалось и следа разума. — Брат, что я наделал?!!

Камбер попробовал что-то сказать, но не смог. Рот его вдруг наполнился кровью. Вокруг что-то кричали наконец вскочившие со своих мест вельможи, но их вопли казались отдаленными и приглушенными, долетавшими с огромного, немыслимо огромного расстояния. Застыл перед глазами обезумевший от отчаяния Радлер, бледностью сам напоминавший мертвеца. Эрдер попробовал опереться ладонями о гранитные плиты и встать на ноги, но тело отказало, и герцог тяжело повалился на пол. Айтверн склонился над ним, но его лицо теряло четкость и уплывало прочь.

Губы Камбера Эрдера, герцога Северных земель и регента королевства Иберлен, сами собой внезапно раздвинулись в кривой усмешке.

И стало совсем темно.

Так началась эта история. Два знатнейших вельможи королевства, два соратника, два лучших друга сошлись в смертном бою — и один из них пал.

Разумеется, Радлер Айтверн, отважный и справедливый герцог Запада, лорд побережья пошел на захват власти не из честолюбия, а из желания спасти свой народ. И он спас свой народ — потому что чародей по имени Бердарет Ретвальд, откликнувшись на призыв Коронного совета, явил свою колдовскую силу и в жестокой битве уничтожил армию Империи, на многие годы отогнав иноземцев от иберленских границ. Наградой чародею стал опустевший трон.

Вопреки опасениям многих, чужеземный колдун, сев на Серебряный Престол, не оказался ни угнетателем, ни тираном. Напротив, надев корону, Бердарет Ретвальд правил осмотрительно и мудро, и при помощи своих советников, первым из которых сделался герцог Айтверн, он вновь поднял из пепла разрушенное королевство. Истоптанные поля были засеяны, сожженные города — отстроены, и дни войны сменились днями мира. Страна, что недавно стояла на краю гибели, уцелела и процветала. Победа, казавшаяся недостижимой в ту страшную зиму, была достигнута.

Однако любая победа имеет свою цену, и однажды эту цену приходится платить.

Ценой победы над южными захватчиками, ценой выживания королевства оказалась навсегда разрушенная дружба между благородными домами Эрдеров и Айтвернов. Приняв титул своего отца, герцог Элтон Эрдер хорошо запомнил, чей меч лишил его отца жизни — и передал эту память своему наследнику. Два самых знатных рода королевства не враждовали открыто — но и прежней теплоты между ними уже не было. Пока лорды Запада сидели по правую руку от королей и пребывали в зените славы, лорды Севера наблюдали за ними со стороны. В стране царил мир, но не для всех этот мир был добрым.

Минуло сто лет, и миру пришел конец.

Глава первая

Выдалось ясное майское утро, погожее и беззаботное. Солнце уже поднялось из-за поросших душистыми травами восточных равнин, осветив бескрайнее синее небо. Стольный город Иберлена Тимлейн купался в свете разгорающегося дня, и свет этот, казалось, проникал повсюду. Он окружал сверкающим ореолом высокие башни и стены, ложился золотыми отблесками на ровную гладь рассекавшей город реки.

Повсюду в Тимлейне царило приподнятое оживление. Начинаясь на бойких купеческих рядах на южной окраине города, там, где толклись в суматохе тысячи людей и выставлялись на продажу привезенные из далеких земель товары, оно охватывало всю столицу, пока не разбивалось об исполинские укрепления королевской цитадели.

Город радовался весне. Ледяная иберленская зима, принесенная стылыми ветрами из-за Каскадных гор, сгинула наконец без следа. Прошедшая зима оказалась скупа на снегопады, но морозы держались такие, что иные птицы падали на лету, не в силах шевельнуть заледеневшими крыльями, а капли вина из фляжки норовили застыть на губах инеем. Старики по деревьям болтали, что подобных холодов не случалось уже лет сто, с самих что ни на есть стародавних времен, и дескать это Повелитель Бурь в своем ледяном дворце подстегивает зиму стальными бичами, гоня ее на юг.

Так или иначе, зима закончилась. На смену ломким, жестким травам пришла пробившаяся из земли изумрудная поросль, тянущаяся к ласковому небу. Молодая листва украсила деревья. Даже воздух казался особенно сладким и свежим — вдыхать его было все равно что пить чарку доброго вина. Повсюду разносилось пение вернувшихся с юга птиц, заполнившее тянущиеся через весь город тенистые парки. Сады, окружавшие аббатства Святого Арлана и Святого Берда, утопали в цветах. Набережные реки Нейры были заполнены прогуливающимися горожанами, впереди которых неслись музыка и беззаботный смех. В протянувшихся по левому берегу ремесленных кварталах вовсю кипела оживившаяся работа, казавшаяся сейчас скорее радостной, чем обременительной. Роскошные особняки в аристократических районах распахнули свои ворота для пышных приемов и балов, а купечество подсчитывало грядущие в нынешнем году прибыли, обещающие стать немалыми. На площади Рассвета и на стрелами расходящихся во все стороны от Янтарного Кольца проспектах каждый вечер устраивались гуляния и празднества, многолюдные и шумные, разогретые людским весельем и хмельным элем. В старинном городе, чьи мостовые отсчитали уже много сотен лет, отпечатавшихся по камням конским цокотом, выдалось веселое время. Трактиры наполнились оживленным людом, в предместьях развернулись ярмарки, торгующие диковинками из далеких стран.

То было хорошее и светлое время. Время, когда жизнь кипит вокруг тебя, рассыпаясь искрами, когда жизнь окружает тебя на каждом шагу, звеня золотыми монетами. Время, когда ты вдыхаешь жизнь полной грудью и чувствуешь ее кожей.

Настала пора приглядеться к этому времени повнимательней. Мы показали вам место действия нашей истории — королевство, сотню лет назад едва избежавшее гибели, а сейчас наслаждающееся сладкими мгновениями покоя. Это королевство даже и не подозревает пока, какая участь в скором времени ему уготована, и как скоро этот покой будет разрушен. Мы показали вам трудные решения былых лет, сделавшие нашу историю возможной и давшие первый толчок ее началу. Теперь же настала пора показать и самого героя этой истории — таким, каким он был в то ясное весеннее утро.

Посмотрите же на него утром дня, навсегда перевернувшего его жизнь.

Героя нашей истории звали Артур (имя, прославленное в легендах и преданиях одного из соседних миров, но ничем не примечательное в этом), и он был сыном и наследником лорда Раймонда, нынешнего герцога Айтверна. Отец Артура приходился правнуком Радлеру Айтверну, тому самому, что стал невольной причиной гибели Камбера Эрдера, а после сделался правой рукой Короля-Чародея. Но уже почти восемь десятков лет миновало со дня смерти Короля-Чародея, и в дни, описанные в нашей повести, на иберленском троне сидел его потомок, король Брайан. Король этот не владел и крупицей магических умений и, в противовес своим властным и суровым предкам, был миролюбив и мягок. Править он предпочитал, опираясь на советников — первым из которых и был теперешний глава семьи Айтвернов. Поговаривали, что лорд Раймонд Айтверн является ныне подлинным правителем государства, разве что не сидит на троне и не носит монарший венец. Один из первых мечей Иберлена и негласный глава Коронного совета, он слыл человеком гордым и непреклонным, и мало что в стране решалось без его согласия. Нося звание лорда Верховного констебля, он командовал всей королевской армией. Что до сына его, Артура... Артур, казалось, во всем был вылеплен из иного теста, нежели его выдающийся отец.

Это был молодой человек двадцати лет от роду, беспокойного нрава и со смутными планами на будущее. Хотя положение его семьи предписывало ему со всем вниманием относиться к государственным заботам, дабы однажды самому сделаться продолжателем дел отца — пока Артур всеми силами старался избежать той ответственности, которую налагала на него роль наследника герцогской семьи. Большую часть своего времени он предпочитал проводить за пределами родительского особняка — в кабаках, харчевнях, а порой и в домах терпимости. Вместе с несколькими приятелями, такими же, как и он, отпрысками благородных родов, юный Артур предавался кутежам и гулянкам. Дворцовым вальсам он предпочитал развеселые крестьянские танцы, а дорогому вину — пенистое пиво. От предков он унаследовал фамильную внешность — светлые волосы, тонкую светлую кожу, прозрачные зеленые глаза. Будучи роста лишь немногим выше, чем средний, он достаточно хорошо управлялся с мечом и был неплохим наездником. Он пользовался успехом у девушек, однако пока и не думал о том, чтоб искать себе невесту. Как продолжателю знатного рода, Артуру уже пора было озаботиться выбором будущей жены, но пока наследник Айтвернов всеми силами старался избежать этого момента. Жизнь казалась ему слишком хорошей штукой, чтоб портить ее лишними обязательствами и лишней ответственностью. Повзрослеть он еще успеет, а пока какой смысл думать о подобных вещах? Вот и сейчас он возвращался домой с затянувшейся на всю ночь попойки.

Когда он подъехал к семейной резиденции, стражники распахнули ворота. Юноша влетел на двор и осадил покрытого пеной белого жеребца. Тот разразился заливистым ржанием, напоследок встал на дыбы, полосуюя воздух ударами копыт, и лишь затем опустил их на не успевшую еще нагреться брусчатку.

— Ну спокойно, дорогой, — сказал Артур коню. — Ты, кажешься, радуешься этим камням даже больше, чем я. О, небеса, кажется, меня уже собрались здесь встречать!

И в самом деле, через весь двор, выйдя из дверей герцогского дворца и спустившись по мраморной лестнице, к нему уже спешил Гейрт Мердок, старик, служивший в их семье мажордомом. То был невысокий сухопарый человек, в пышном зеленом костюме и с копной седых волос, опиравшийся на дубовую трость.

— Милорд! — воскликнул он при виде Артура. — Вас не было больше суток. Простите, но я начал думать, что вы и не вернетесь вовсе.

— Ну, не вернуться вовсе я бы не смог, — ответил Артур, спешиваясь с коня. — Чтоб не вернуться, мне пришлось бы с концами сбежать из родительского дома, а я пока к таким подвигам не готов. Здесь слишком мягкая постель и слишком красивые служанки. Мастер Мердок, давайте вы просто больше не будете обо мне беспокоиться, хорошо?

— Не так это и просто, не беспокоиться о вас, — поджал губы Мердок. — Будете в моих годах — и сами станете беспокоиться о любом пустяке.

— Ну простите, старина, но вы преувеличиваете, — сказал Артур. — Я себя и свою натуру знаю неплохо, как никак, уже двадцать зим на свете прожил. Вот чего со мной никогда не случится, так того, чтоб я стал беспокоиться о пустяках. Мой отец дома, к слову сказать?

— Нет, герцог приезжал вскоре после полуночи, сразу лег спать, а на рассвете отправился обратно во дворец, — сказал мажордом. — Я не хочу показаться читающим вам нотации, молодой господин, однако однажды и вам придется вести подобную жизнь.

— Я никогда не буду вести такую жизнь, как мой отец, — ответил Артур рассеянно, расчесывая попутно коню, жеребцу дарнейской породы по кличке Вихрь, роскошную белую гриву. — В этом я вам могу хоть на Писании поклясться... Вы меня простите, мастер Мердок, но батюшка придает государственным заботам слишком много внимания. Наша страна не рассыплется на куски, если один из лордов станет чуть меньше думать о ее благе. Когда я стану герцогом... надеюсь, это не скоро еще случится... так вот, когда я стану герцогом, я и не подумаю быть таким, как отец.

— Вы молоды, Артур, — сказал мажордом очень серьезно, — и даже не представляете, что тот долг, который мы на себе носим, зачастую не нами самими на себя взвален.

Юноша посмотрел на него в упор.

— Может быть, — сказал он. — Но я постараюсь бегать от чужих долгов так долго, как только смогу.

Мердок лишь покачал головой и ничего не ответил ему. Видно было, впрочем, что он недоволен. Откуда-то высунулись пара грумов, вознамерившихся отвести Вихря на конюшню. Как будто не привыкли, что Артур всегда делал это в одиночку, не прибегая ни к чьим услугам.

— Я сам, — в который раз сказал им юноша, беря дарнейца за поводья. Тот на мгновение уткнулся носом ему в плечо.

На конюшне, как всегда, было тепло и сухо, по стенам бодро трещали факелы. Айтверн завел жеребца в стойло, снял с него сбрую. Лошади любили его, сколько он себя помнил. Первый раз юноша залез в седло, едва научившись ходить. Слуги смеялись, что он больше похож на астарийского всадника, из тех, что всю жизнь проводят в седле, а вовсе не на иберленского аристократа. Может быть, все дело было в его родословной. Ведь фэйри всегда ладили с животными, и ездили обычно на неоседланных конях — а герцоги Запада происходили от истинных, высоких фэйри, в незапамятные годы владевших землей. От последних на свете драконов, что пришли некогда к эльфам, сотворили себе тела, подобные их телам, и стали обучать сидов тайнам древнего колдовства. Когда человеческий род, тесня эльфийский, утвердился на этих землях, предки Айтвернов примкнули к нему. Тогда они лишились бессмертия и утратили способность принимать обратно драконий облик, став почти во всем людьми. От драконов к эльфам, от эльфов к людям — такова была легендарная история его дома, хотя Артур и не знал, правдива ли она.

Юноша с удовлетворением проследил, как Вихрь пьет прохладную чистую воду, а затем

принялся его чистить. Он никогда не чурался этой обязанности. Единственная грязь, которой стоит опасаться, это пятна на чести, но никак не пятна на одежде. Потомок многих поколений верно служивших королю рыцарей, сам уже два года как удостоенный титула "сэр" и полагающихся по такому случаю серебряных шпор, Артур Айтверн твердо знал, что ни при каких обстоятельствах не уронит своего доброго имени. Собственное будущее виделось ему в исключительно радужных тонах. Отец еще далек от старости, более того, пребывает в самом расцвете сил, а значит, пройдет немало лет, прежде чем Артуру придется занять его место, унаследовав герцогский титул и все, к нему прилагающееся. А до тех пор можно смело радоваться жизни. Пока что молодой Айтверн, пройдя службу у одного из могущественнейших иберленских вельмож, отточившую его воинское искусство, предавался размеренной столичной жизни, но знал, что долго она не продлится. Скоро обязательно грянет война — на границах давно уже было неспокойно. Артур думал еще какое-то время посидеть дома, может быть полгода или год, чтоб этой войны дожидаться. Соседи уже давно ходили набегам на окраины Иберлена, и скоро, видимо, дойдет до больших сражений. Но пока до них дело не доходило, а сидеть в какой-нибудь пограничной крепости в ожидании стычки, которая невесть когда еще случится, Артуру не хотелось. Он на эти стычки насмотрелся, еще когда ходил в оруженосцах у герцога Тарвела.

Напоследок вновь расчесав дарнейцу гриву, Айтверн поднялся в дом. Вокруг уже вовсю кипела дневная суматоха, туда и сюда сновали направлявшиеся по делам слуги. Прошмыгнув в свои покои, Артур наскоро обмылся в большой деревянной бадье и натянул свежую одежду. Изумрудно-зеленый с золотым шитьем камзол пах почему-то полевыми цветами — а может, ему так просто показалось с бессонницы. Спать не хотелось хоть убей. Хотелось плясать и веселиться, отсюда и до самого Судного дня.

Айтверн поднял с подушки старинный роман в тяжелой обложке, до сих пор им не дочитанный. Рассеянно перелистнул пару-тройку страниц, почти не задерживаясь на строчках взглядом, и положив книгу на место, рванул обратно в коридор. На выходе он едва не столкнулся с пожилой служанкой, спешащей куда-то с подносом посуды в руках, поспешно извинился перед ней и припустил дальше.

Он спешил, чтоб навестить Айну, свою шестнадцатилетнюю сестру.

Когда Айтверн оказался в восточном крыле, его бег чуть замедлился, а на подходе к учебной комнате и вовсе перешел на шаг. Массивная дубовая дверь была распахнута, из комнаты доносились голоса. Артур с ногами забрался на широкий, озаряемый солнцем подоконник и принялся слушать.

— ... едва не привело королевство к гибели. Если бы не магия его величества Бердарета Первого, и не единомушие высоких лордов, сплотившихся вокруг его знамени, стране наступил бы конец. Тарагон превратила бы наше государство в жалкую, разграбленную провинцию, задушенную податями и поставляющую солдатню на убой в ряды имперских легионов. Только не имевшее примеров в истории взаимодействие знати и древнего волшебства спасло наших предков от порабощения. В битве на Борветонских полях его величество обрушил на врагов свою Силу, и те были сметены и растоптаны, — голос был старческий, хорошо поставленный, выдавал опытного лектора, привыкшего владеть вниманием слушателей. Мэтра Гренхерна выписал из Тимлейнской Академии высоких наук герцог Айтверн, чтобы тот прочел для его дочери курс лекций по поэтике, риторике, богословию, естествознанию и истории. Сегодняшнее занятие, по-видимому, касалось именно последней.

Сам Артур знал историю не слишком глубоко. То есть он помнил, порой даже наизусть, множество старинных баллад, в поэтической форме повествующих о славных деяниях былых дней, и прочел также уйму героических жест, посвященных поединкам на мечах, спасению принцесс из заколдованных замков и тому подобным вещам. Но, неплохо разбираясь во всем этом, Артур совершенно терялся, когда дело касалось более серьезных повествовательных хроник, или толкования древних законов, или дат рождения и смерти былых королей. Да и потом, в легендах хотя бы было понятно, где добро и зло — а хроники казались то не совсем искренними, то откровенно пристрастными и путанными. Он не всегда понимал, можно ли им верить. С балладами все было как-то проще. Если их сочинители и ввали в чем-то, то ради того, чтоб приукрасить действительность, а не выслуживаясь перед очередным государем.

— Значит, — второй голос, мелодичный и мягкий, принадлежал девушке юных лет, — первый Ретвальд был последним волшебником на земле? — Сестренка, она всегда любила слушать сказки про магию, еще когда старая Анна, кормилица, заменившая им мать, рассказывала эти сказки у огня в зимние вечера. Губы Артура сами собой сложились в любящую улыбку.

— Хроники говорят, что да, — подтвердил мэтр. — Во всяком случае, с тех пор не было слышно ни о каких чудесах или деяниях, достойных именоваться волшебством. Даже сын и преемник монарха, Артебальд Ретвальд, никогда не выказывал признаков владения сверхъестественными силами. Одни говорят, что сын Бердарета не обладал магическим даром, другие — что Король-Чародей попросту не захотел обучить наследника своему искусству, третьи полагают, что Артебальд владел Силой, но скрывал это всю жизнь, не имея поводов и необходимости ее применять. Правды не знает никто, и уже никогда не узнает.

— Как жаль, — проронила Айна Айтверн.

— Жаль? — эхом откликнулся мэтр Гренхерн. — Юная леди сожалеет об исчезновении из нашего мира магии? Это можно объяснить тягой к небывалому, испытываемой молодостью. Но сам я всегда полагал, что вреда от волшебства было бы куда больше, чем пользы. Это очень опасная вещь — оружие, способное ставить города и народы на грань уничтожения. Вдвойне оно опасно, будучи отданным в руки не достойным и не мудрым, не сильным и не смелым, а совершенно случайным людям, не отличающимся от окружающей их толпы ничем, кроме врожденного дара, позволяющего творить заклятия. В былые годы наш мир едва не уничтожила Война Пламени. Ни высокие лорды, ни даже короли не имели тогда никакой власти — вся земля была в руках чародеев, которые распоряжались ею по своему усмотрению. Когда умер последний из них, люди вздохнули с облегчением. Магия делает людей неравными, и хорошо, что Господь избавил нас от нее.

Артур едва сдержался, чтоб не фыркнуть. В его представлении, неравными людей делало множество вещей и помимо магии. Люди рождались дворянами или простоллюдинами, будучи от природы слабыми или сильными, храбрыми или трусливыми, глупыми или умными — и уже все это делало их совершенно разными по своей сути. Магия, существуй она и поныне, была бы просто еще одним свойством, различающим людей меж собою. Этот мэтр Гренхерн и в глаза не видел ни одного заклятия, а уже рассуждает об их вреде. Мало ли что рассказывают про ужасных древних волшебников — король Бердарет тоже был волшебником и никакой беды не сотворил. У страха глаза велики, особенно спустя столько веков.

Артуру никогда не нравились люди, предпочитающие рассуждения делу. Вот этот мэтр Гренхерн, к примеру — что он видел на свете, помимо своих книг? Мало только говорить и думать, нужно еще делать что-то своими руками. По тем же самым причинам Артур не питал особенного почтения к королю Брайану. Прежние Ретвальды, и сам Бердарет, и его сын Артебальд, и внук Торвальд — все они были сильными людьми, державшими страну в железной узде. И если первый из них делал это, имея за спиной колдовскую силу, то двое последующих — одним лишь своим непреклонным словом. Может быть, именно поэтому Брайан Ретвальд, с малых лет росший в тени властного отца, оказался ни на что не годен. Правил он исключительно по указке своих советников. Таким же, как гласила молва, был и его сын, наследный принц Гайвен Ретвальд. С ним Артур, впрочем, знаком почти не был — принц Гайвен почти все время пребывал в тиши своих покоев, проводя дни за чтением философских и научных трактатов. Уже это не внушало к нему доверия. Артур мечтал отправиться на войну, когда та начнется, и снискать там мечом себе славу — но рыцаря в бой должен вести его государь. Артур не верил, что бледный принц, немощной тенью сидевший на званных приемах по правую руку от трона, на такое способен.

Тем временем разговор продолжался.

— Магия делает людей неравными? — будто во сне повторила дочь герцога Раймонда Айтверна, отвечая на слова своего наставника. — А разве среди людей вообще есть равенство? Ну вот... Давайте, скажем... Давайте рассмотрим простейший пример, — наконец решилась она. — Наше королевство. Ну... Или вообще любое королевство. Им правят знатные вельможи, а слово простого народа не значит ничего. Но кто дал право нам, лордам, решать за всех остальных? Какой-нибудь герцог... Или граф... Откуда взялась их власть? Лишь оттого, что они рождаются сыновьями другого герцога или графа. Но разве это не случайность? Разве одно неравенство отличается от другого?

Артур многое мог бы сказать на этот счет, но предпочел послушать, что скажет Гренхерн.

— Вы ошибаетесь, моя госпожа, — в голосе лектора меж тем послышалась улыбка. — Книга Книг учит, что Господь сотворил всех людей равными промеж собой, из крови своей, но полученным равноправием они распорядились уже сами. Кто-то пахал, кто-то сеял, кто-то впустую прожигал свои дни — а кто-то взял в руки оружие и стал защищать других от диких зверей, чудовищ и прочих отвратительных тварей. Неудивительно, что именно последние и приняли ответственность за род человеческий, положив начало дворянскому сословию. И нынешнее положение — естественное следствие того, давнего разделения. Мы, живущие сейчас, неотделимы от выбора, сделанного нашими далекими предками. Ибо они живут и в нас, и каждое принятое ими решение есть также и наше решение. О нет, родиться наследником графа ли, кровельщика ли — вовсе не случайность. Ибо каждый из нас в известном смысле и есть тот граф или тот кровельщик, что положил начало нашему роду. Это очевидно. Взгляните, к примеру, на своего отца, лорда Раймонда, и сравните его... скажем с его прадедом, Золотым Герцогом Радлером. На фамильных портретах они неотличимы друг от друга, а любое деяние лорда Радлера, описанное в хрониках, вполне могло быть совершено вашим отцом. Тоже самое можно сказать и о ком угодно еще. Разве Джейкоб Эрдер не есть точная копия своего далекого предка, воспетого в песнях? Того, что был верен рыцарской чести настолько, что она привела его к безумию и смерти?

— Эрдеры ненавидят нас, — задумчиво сказала Айна. — Так говорят все. Ненавидят, всегда в спину, и никогда — в лицо. Они так и не простили нам смерти лорда Камбера... На

Зимнем Балу я встретила герцога Эрдера... он раскланялся со мной и немного поговорил, очень учтиво. Даже потанцевал... Но я видела его глаза. Такие холодные... Господин наставник, они наши враги и всегда ими останутся.

Артур спрыгнул на пол и подошел к двери:

— Пустое, сестренка. Ты наслушалась сплетен.

Айна Айтверн, сидевшая на скамье перед столом наставника, спиной к коридору, резко развернулась и вскочила на ноги. Ее волосы цвета свежего меда разлетелись по плечам.

— Артур! Вот так сюрприз! Рада тебя видеть. Но ты пришел сюда незваным, — добавила она немного строго.

— Я всегда прихожу незваным, — признался молодой человек, крепко обнимая сестру и проводя губами по ее щеке. — В уплату за то, что не появляюсь вовсе, если позвать.

— Честности у тебя не отнимешь, — засмеялась Айна, ускользая из его рук и делая шаг назад. — Отец очень беспокоился, — сказала она тихо.

— Совершенно зря, — Артур беспечно махнул рукой. — Чего со мной может случиться, если я лишний раз не переночую дома? Бессонница? Так это даже к добру. Излишний сон расслабляет, отупляет и лишает сил.

— Отцу это рассказывай, не мне, — отрезала девушка, бросив быстрый взгляд в сторону мэтра Гренхерна. Мэтр Гренхерн, седобородый старец в черном дублете и с тремя серебряными цепями на груди, символом магистерского достоинства, как раз поднялся из позолоченного кресла и попытался исполнить придворный поклон:

— Милорд, для меня большая честь видеть вас.

— Кажется, вы единственный человек в этом городе, который считает мое общество честью. Я вижу, вы вплотную занялись обучением моей любезной сестры. Предаетесь воспоминаниями о днях давно минувших и обсуждаете ныне здравствующие благородные фамилии. Когда я вас прервал, речь шла о владыках Севера, не так ли?

Между бровями Аины пролегла тонкая морщина:

— Я даже рада, что тебе хватило наглости подслушивать наш разговор. Если кто и умеет развеивать мои страхи, так это ты. Я в самом деле боюсь Джейкоба Эрдера. Если б ты тогда смотрел ему в глаза, ты бы меня понял.

— Дорогая сестра, — сказал Артур серьезно, — прости меня за такую откровенность, но сейчас ты боишься совершенно попусту. Я тоже несколько раз смотрел Джейкобу Эрдеру в глаза... не на танцах, правда. Он, конечно, держится с добродушием кладбищенского сторожа, завидевшего осквернителей могил, но я не думаю, что он кому-то из нас может быть опасен. Отец ему верит. Ну, может и не верит. Но не боится, это уж точно.

— Зато я боюсь. Мы только на этом занятии проходили с мэтром, — еще один взгляд в сторону терпеливо слушающего их разговор Гренхерна, — про то, как тарагонцы вторглись в нашу страну. Тогдашний герцог Эрдер, лорд Камбер, не хотел пускать Бердарета Ретвальда на трон. Они с лордом Радлером сошлись в поединке, и лорд Радлер убил лорда Камбера. Эрдеры не простили нам этого. Они не объявляли нам кровную месть, но никогда больше не были нам друзьями.

— Это было сотню лет назад, Айна, — терпеливо сказал Артур. — Понимаешь? Сотни лет назад. Все люди, что тогда жили, давно мертвы. Никому... ни одному человеку... нет дела до того, что тогда произошло. Ни один человек не станет плести козни сейчас только потому, что сто лет назад кто-то кого-то убил. Будь это не так — Эрдеры раньше бы о себе заявили. Подослали к нам убийц, или подняли мятеж, или что-то еще в таком роде. Но они

молчат, и знаешь почему? Потому что это уже никого не волнует, и их самих в первую очередь.

— Хотела бы я тебе верить, — поджала губы сестра.

— Так верь. Я говорю правду, отчего мне не верить. Собственно, раз уж ты сейчас пребываешь во власти тревог, предложение, с которым я явился к тебе, должно оказаться как нельзя кстати и развеять твою тоску. Айна, пошли гулять.

Сестра смешалась.

— Предложение хорошее, спору нет, но ты не заметил, что я немного занята? Я бы охотно прогулялась с тобой в другой раз, но сейчас...

— Ах, бросьте, сударыня. У вас еще будет множество дней, чтоб посвятить их учебе, но отправиться со мной на сегодняшнюю прогулку вы сможете только сегодня. Погода прекрасна, воздух — свеж, а наш бедный город так и полнится очарованием весны. Не заставляйте меня вкушать это очарование в одиночестве, без вашего прелестного общества.

Прежде, чем Айна успела ответить, в разговор вмешался мэтр Гренхерн. По нему было видно, что теперь уж он точно недоволен, и, будь на то его воля, выставил бы герцога сына за дверь.

— Простите, но у меня с дочерью лорда Раймонда еще не закончилось занятие, и не закончится оно еще, самое малое, три часа. Не могли бы вы сейчас нас покинуть?

— Простите, мэтр, но покину я вас только в обществе леди Айны, и покину немедленно, а не по прошествии трех часов. Примите это, пожалуйста, как неизбежность, с которой вы ничего не можете поделать, — тон, с которым Артур произнес эти слова, не предполагал возражений.

Гренхерн и не стал возражать — ссориться с сыном королевского констебля и своего нанимателя, как бы нахально тот сын себя не вел, было ему не с руки. Поэтому ему ничего не оставалось, кроме как сдержанно поклониться и пожелать благородным господам хорошей прогулки. Однако, стоило только детям лорда Раймонда отойти на достаточное расстояние от учебной комнаты, Айна остановилась прямо среди коридора и дернула Артура за рукав:

— Что ты себе позволяешь, дорогой брат?! Ты дерзил моему наставнику. Думаешь, тебе все позволено?!

— Ну прости меня, пожалуйста, дорогая сестра, — Артур развел руками и с виноватым видом потупился. — Твой наставник никак не желал тебя со мной отпускать, а я толком не видел тебя несколько дней, ужасно соскучился, и... И сегодня правда чудесный день! Ты только выйди на улицу, и сама все поймешь. Я был бы последним подлецом, позволив тебе киснуть за уроками. — Он чуть замялся. — Я честно очень скучаю.

Айна Айтверн улыбнулась:

— Ну что ж, по крайней мере извиняться ты умеешь. Я и сама скучала по тебе, пока ты шлялся по своим кабакам. И была бы счастлива провести день со своим любимым братом. Можете считать, сэра Артура, что вы прощены, — она сделала реверанс и протянула юноше ладонь.

Он с готовностью ее принял и просиял.

— Ну тогда пойдёмте, дорогая леди! Нас ждет целый мир.

На этом месте читателю нашей книги, возможно, захочется удивленно воскликнуть — да как же так?! Мы начали рассказ с великих мужей, которые принимали великие решения,

заграживающие судьбу целого государства. А теперь почему-то ставим в фокус нашего повествования безрассудного юнца, непочтительного к старшим, живущего ветрено и беспечно и мечтающего лишь о подвигах на поле брани — да и то мечтающего об этих подвигах абстрактно, в каком-то отдаленном будущем. Этот молодой человек по имени Артур, происходящий в четвертом поколении от лорда Радлера Айтверна, на первый взгляд может показаться более чем недостойным потомком своего великого предка. Как может, спросите вы, этот несносный мальчишка сыграть свою роль в той грандиозной драме, что вот-вот грянет среди обветшалых декораций Иберленского королевства?

Однако именно таким мальчишкам и случается, когда небо бывает к ним благосклонно, спутать все планы великих мужей, поступить наперекор всем великим решениям, принятым мудрецами и властителями. В совершенно другом мире, под другими луной и звездами, совершенно другой мальчишка (хотя и носивший тоже самое имя, что и наш герой) вытащил из холодного камня невесть кем забытый там меч — и сделал первый шаг на пути в вечность. Еще один юноша, сын владетеля маленькой горной страны, наслушался речей своего учителя, мечтавшего об объединенном мире, лишенном границ между народами и языками — и выступил однажды с армией в поход, чтоб осуществить эту мечту. И дошел до самых дальних границ известного мира, покорив на своем пути страны, чья история насчитывала тысячи лет. Этот юноша умер через десять лет от подхваченной в жарких болотах далекого юга лихорадки, не проиграв ни одного сражения и будучи признанным королем ойкумены.

Любой здравомыслящий человек, услышав такие истории, сказал бы, что они невозможны — но именно невозможное обычно и случается. Возможно именно тем, кто молод и беспечен, и выпадает чаще всего счастливый случай перевернуть историю верх дном.

Так, во всяком случае, произошло и на сей раз.

Дети герцога Айтверна сидели на кромке фонтана Леди Сейлан, и хрустально-льдистые капли воды оседали на их лицах тонкой прозрачной вуалью. День уже взобрался к полудню, как поднявшийся на перевал путник, и древние камни дышали собранным ими теплом. Мимо сновали спешащие по своим делам люди. Мелькали расшитые золотыми нитями кафтаны купеческих приказчиков, что-то зазывно кричали торговцы, выставившие на продажу испускающую соблазнительные ароматы снедь. Высоко в чистом небе, блистая белым оперением, парил сокол.

— Нельзя столько времени проводить за чтением, — Артур рассеянно теребил в пальцах сидящую под горлом застежку плаща. Со стороны, наверно, казалось, что он страдает от удушья.

— Предпочтешь, чтоб я проводила столько же времени за выпивкой? — отпарировала Айна. Смертельный выпад, и прямо в сердце.

— Ты меня уела, сестричка, — беспечно махнул рукой юноша. — Если ты будешь пить хотя бы вполтину так много и так усердно, как твой беспутный брат, это создаст тебе дурную репутацию. А дурная репутация отпугивает кавалеров.

Айна фыркнула:

— Ну тогда давай прямо сейчас отправимся за вином.

В ответ Артур только усмехнулся. Да уж, подумал он, сестренке самое время задуматься о кавалерах. Возраст, в который она вступает, самый к тому подходящий.

Девушка прижала колени к груди, обхватив их руками. В свои шестнадцать лет Айна Айтверн была дивно хороша, и собирала вокруг себя восхищенные взгляды. Густые светлые волосы, поймавшие в своих нитях драконье золото, прозрачная зелень огромных глаз, изящные, вырезанные лучшим на свете скульптором черты лица, точеная фигура.

Отец пока ни единым словом не обмолвился о ее возможном замужестве. Артур надеялся, что лорд Раймонд позволит своей дочери самой выбирать, какого жениха ей предпочесть — и одновременно боялся, что эти надежды беспочвенны, и что отец уже решил за Айну, с кем она пойдет под венец, просто пока не говорит об этом вслух. Он легко мог бы выдать ее замуж за наследника трона, к примеру, или за какого-нибудь чужеземного лорда. Айна была достойна лучшего из лучших — и если ее будущий супруг хоть в чем-то обидит ее, ему крепко не поздоровится. За родную сестру и ее благополучие Артур был готов драться, не щадя никого.

— Артур, — резко посерьезневший голос Айны вырвал юношу из размышлений. — Тот человек... Не нравится мне он.

— Который? — Айтверн окинул толпу непонимающим взглядом.

— Вон тот... — сестра перешла на шепот, — рядом с входом в обувную мастерскую... слева от крыльца.

Ага, вот она о ком... Какой-то молодой парень, черт лица отсюда толком не разглядеть, в темной, совсем небогатой на вид одежде. Если и горожанин, не из зажиточных, а скорее и вовсе приехавший в столицу крестьянин. Оружия вроде не видно, впрочем, попробуй его отсюда разглядеть. Человек как человек... Чего Айна на него взъелась?

— Не вижу у него черных крыльев и не чую запаха серы.

— Арчи... Я уже видела его сегодня... Трижды. В парке, когда мы катались верхом. В Оружейном Ряду. И потом на Кольце. Мне кажется, он за нами следит. Все время смотрит.

— Возможно, ты ему приглянулась.

— Да ну брось ты! Мне не по себе... Он явно замышляет что-то недоброе.

— Думаешь? — Айтверн скептически поднял бровь. — По его виду, худшее, на что этот парень способен — кража чьих-нибудь сапог. Впрочем, сейчас проверим, — юноша соскочил на землю и двинулся через толпу.

— Ты куда?!

— Как куда? Проверять, насколько опасен этот бедняга. И спасти от незавидной участи чьи-то сапоги. Оставайся на месте, — бросил он через плечо.

Вокруг сновали люди. Рядом выступала цирковая труппа, загорелая девушка в коротком алом платье жонглировала в воздухе шестью кинжалами, на извилистых лезвиях которых пылали отблески танцующего на жаровне огня. Приходилось пробираться сквозь собравшихся посмотреть зевак, что оказалось не так уж и легко. Кажется, человек в темном плаще все-таки заметил спешащего к нему юношу, поскольку направился к петляющему между домами длинному переулку.

— Эй, добрый сэръ! Постойте! — бросил вдогонку Айтверн, и на крик юноши обернулось сразу несколько человек. — Эй, вы... Человек, отошедший от двери сапожника! Есть о чем поговорить!

Незнакомец вздрогнул, но не обернулся, а вместо этого предпочел исчезнуть в проеме между обувной лавкой и пекарней. Однако... Это уже интересно.

— Погоди! — Айна. Догнала все-таки.

— Я же попросил остаться... Похоже, твоего ухажера не прельщает мое общество.

Странно, неужели я столь грозен с виду... Знаешь, похоже его и впрямь стоит расспросить. Раз уж увязалась, пошли вместе, глядишь не успеет смыться.

Девушка молча кивнула.

Когда они заглянули в переулок, незнакомца уже и след простыл. Завернул за поворот? Странно, дорога прямая, как стрела, и между следующими друг за другом домами — глухие стены. Никак не свернешь. Разве что тот тип перелез через какую-нибудь из стен или во двор шмыгнул. Кто его разберет... В здешних лабиринтах даже элефант потеряется. Тем не менее, Артур и Айна переглянулись и двинулись вперед. Так, на всякий случай. Улочка уводила прочь от площади Леди Сейлан, в самую глубину Квартала Закрытых Дверей, вполне оправдывавшего свое поэтическое название. Большую его часть занимали старые мастерские, снимаемые под всякий хлам просторные склады, и порядком обветшавшие дома, где доживали свой век их обедневшие владельцы. Ворье сюда совалось редко, нечем им тут было поживиться, но и состоятельные люди тоже старались лишней раз не заглядывать. Тихие, умиротворенные, никому не нужные задворки. Спокойней, чем здесь, разве что на кладбище.

Айтверны прошагали по усыпанной битым щебнем дорожке уже минут десять, окончательно удалившись от людных кварталов, прежде чем Артур решил, что пора и честь знать. Преследовать невесть кого и невесть зачем — это конечно хорошо, но хорошего понемножку. Кем бы ни был тот странный человек, он уже давно скрылся, и весь проделанный путь оказался зря. Юноша уже собирался сказать об этом сестре и предложить возвращаться, когда за спиной послышался скрип отворяемой двери.

— Господа! — здешнее сонное царство прорезал высокий, слегка издевательский голос. — Вы, часом, не потерялись?

Артур рывком обернулся. Из дверей стоящих друг напротив друга домов высунулись человек шесть вооруженных людей, перегородив Айтвернам обратную дорогу. Удобная облегающая одежда, черные шелковые маски на лицах, с прорезями для глаз и рта, обнаженные мечи в руках. Больше всего они походили на уличных разбойников — кем, скорее всего, и являлись. Артуру захотелось обругать себя последними словами — чем надо было думать, чтоб угодить в западню?

— Об заклад побьюсь со своими ребятами, — сказал один из бандитов, видимо, их предводитель, — вы, господа хорошие, точно заблудились.

— Уверяю вас, милостивый государь, — протянул Айтверн, стараясь подражать отцовским меланхоличным интонациям и сохранить максимально спокойный вид, — не стоит так беспокоиться на наш счет. Никуда мы не заблудились, а просто прогуливаемся.

Самым главным сейчас было не показать никому своей неуверенности. Айтверн прекрасно понимал, что попал в ту еще переделку. Конечно, боевой опыт у него был, пусть и небольшой — но против шести противников он прежде никогда не дрался. А если эти люди так просто не отцепятся, драться придется.

— Раз уж вы прогуливаетесь, тогда, может, с нами пройдетесь? — нагло спросил все тот же тип. Он стоял чуть позади остальных.

Юноша вежливо покачал головой:

— Боюсь, при всем почтении, это не входит в наши планы, благородные сэры. Не хочу показаться неучтивым, но мы продолжим дорогу в одиночестве, без вашей компании. Желаю приятного дня.

Разбойники чуть сдвинулись промеж собой.

— Знаешь, мы тут церемониться не намерены, — сообщил заводила. — Лучше тебе не рыпаться и идти с нами.

— А по-моему, лучше вам не нарываться, благородные сэры, — сказал Артур ровно, глядя врагу в глаза. — Просто уйдите с нашего пути, по-хорошему.

— Да? А иначе что? Порежешь нас на куски? Напугал, мальчишка.

Артур Айтверн медленно, очень медленно обнажил свою шпагу — длинную, хорошо сбалансированную, с острым клинком. Конечно, против дюжины хорошо вооруженных мужчин лучше всего сгодился бы тяжелый двуручный топор, но топоров Айтверн на прогулки не носил. Держа оружие перед собой, он шагнул вперед и вбок, загораживая Айну. Сестра по-прежнему молчала, не говоря ни слова, только часто и прерывисто дышала.

— Тот, кто сделает еще хотя бы один шаг, — очень спокойно сказал Артур, — умрет.

Один из бандитов, то ли самый тупой, то ли самый нетерпеливый, предупреждению не внял и двинулся вперед. Ну что ж, приятель, ты сам напросился. Айтверн быстро шагнул ему навстречу и сделал выпад в горло — уверенно и ловко, совсем как на бесчисленных разминках в тренировочном зале. Разбойник даже не успел парировать, ему на грудь широкой рекой брызнула алая кровь. Артур высвободил оружие и тут же отступил. Убитый в одну секунду враг рухнул к его ногам.

Сестра тихонько вскрикнула у Артура за спиной, зато сгрудившиеся впереди разбойники при виде смерти своего товарища даже не шелохнулись. А их хорошо вышколили, поганцев.

— Ну и как, — спросил Айтверн, — будут еще желающие поскорее отдать Богу душу?

— Взять их и разоружить! — бросил главарь. — Но только живыми!

Четверо его подельников не замедлили последовать отданному приказу. Правда, не сказать чтобы с энтузиазмом.

— Айна, беги! — заорал Артур прежде, чем вражий предводитель успел договорить. Главное сейчас было, чтоб сестренка успела спастись. Нужно было выгадать для нее время. Для этого придется задержать подонков. Отвлечь их на себя.

За спиной юноши раздался топот, но Айтверн не стал оборачиваться. Вместо этого он дернул пальцами левой руки давешнюю застежку и вырвал ее с мясом. Сорвал плащ с плеч и двумя взмахами намотал на кулак. Если он и жалел о чем в этот момент, так о том, что не взял с собой ни одного кинжала.

Сын лорда Раймонда отступил, ускользя от пронзивших воздух клинков. Ему было безумно интересно, как именно эта мелкая шваль вознамерилась его разоружать. Ловчей сети, по крайней мере, у них на виду не было, и уже это было хорошо.

Артур взмахнул плащом, и меч одного из врагов, того, что оказался ближе всех, запутался в нем. Юноша пнул незадачливого бандита ногой в пах, парировал нацеленный ему в голову другим разбойником удар плашмя, отошел назад, выпуская плащ, крутанулся и сделал выпад, поразив еще одного противника в ногу повыше колена. Тот пошатнулся, попробовал провести атаку, но Айтверн уже вновь отступил, утек в сторону. Все, что требовалось от него сейчас — не подпускать их к себе всех сразу, не останавливаться и не давать им прошмыгнуть мимо. Сестренка должна успеть уйти подальше.

Еще один вражеский удар — плоскостью меча, не лезвием и не кончиком, в расчете на оглушение. Убивать его, видимо, и в самом деле не хотели. Артур легко парировал.

Приемы у его врагов были до смешного простые. Впрочем, ничего другого от уличного отребья ожидать и не следовало. Айтверна смутило лишь то, что для уличного отребья эти

люди действовали слишком слаженно и слишком уверенно. Он снова закрылся, провел финт, атаковал — ровно в сердце, сразу и насмерть. Один из нападавших был готов. Ну что ж, они еще пожалеют, что преградили ему дорогу.

Артур уже готов был испытать нечто, похожее на торжество, когда далеко за его спиной раздался истошный девичий крик:

— Спасите!

Услышав этот крик, Айтверн едва не заорал сам. Он едва не взвыл во весь голос, яростно, как загнанный зверь. Похоже, разбойники перекрыли улицу с обеих сторон — а он даже не предусмотрел такой возможности.

Артур не бросился в направлении, из которого кричала сестра, только лишь потому, что иначе три меча разом пронзили бы его спину. Три, ибо главарь банды так и не вступил в бой. Глотая ругательства, Айтверн попятился, на секунду замер, балансируя на каблуках и вылавливая удачный момент, а затем сам ринулся в атаку, распластавшись в глубоком проникающем выпаде. Шпага столкнулась с длинным, слегка изогнутым палашиком и отшвырнула его в сторону. Клинок вошел в чужую грудь, как нож входит в пуховую перину. Вот только ни одна на свете пуховая перина не истекает после этого кровью.

— На помощь! — сестренка захлебывалась все отдалявшимся воплем — похоже, ее схватили и уносят. Забыв о всякой осторожности и поражаясь захлестнувшей его ярости, Артур проткнул насквозь очередного противника и закрылся его телом от нападения следующего. А Айна все кричала и кричала, но ее голос уже начинал затихать. Неужели во всем этом квартале, во всем этом бесчисленном множестве домов нет ни одной живой души? Нет никого, кто услышал бы шум и пришел на помощь невинной девушке? Совсем-совсем никого?!

Айтверн схватил умиравшего у него на руках негодяя за плечо и, с легким усилием, высвободил из его тела клинок. Швырнул труп прямоком на последнего из нападавших. Тот весьма ловко увернулся — как раз чтобы встретиться с выставленной ему навстречу острой сталью.

— А ты хорош, парень. Может, даже слишком хорош, — главный бандит, все это время без движения наблюдавший за происходившей схваткой, наконец перестал изображать изваяние. Он взмахнул мечом, поймав на лезвии солнечный блик. Улыбнулся. Очень скверно улыбнулся. — Знаешь, ты ведь моих ребят положил. Хорошие ребята, вместе со мной живот рвали. А ты их убил. Я таких шуток даже Господу Богу не прощу.

Юноша не ответил. Он не видел никакого смысла в разговорах с будущим мертвецом. Его не занимало, что делал этот мужик со своими прихвостнями — рвал он с ними живот, пил вино или просто драл их в задницу. Айтверн сделал выпад — как ему хотелось надеяться, быстрый и точный. Главарь мгновенно закрылся, лишь легонько повернув кисть, и тут же атаковал сам. Артур отступил на три шага, едва успевая парировать посыпавшиеся на него сумасшедшей мельницей удары. В примененной против него технике боя легко угадывалась классическая армейская школа. Все знакомые юноше ветераны бились точно так же, как и этот мерзавец. Может быть, мелькнуло у Артура в голове, перед ним разжалованный солдат?

Закрыться, парировать, опять и опять... Противник сыну лорда Раймонда достался серьезный. Был он, может быть, не слишком быстрым, но зато вызывал уважение и умением, и ловкостью. Айтверн все пытался додуматься, чем же его пронять — пытался применить все приемы, какие помнил. Несколько ударов его враг вполне успешно блокировал, а потом

Артуру все же удалось его зацепить. На рукаве бандита начало расплываться кровавое пятно. Досадно лишь, что на левом, а не на правом. Впрочем, это было уже хоть какое-то начало. Молодой Айтверн вновь отступил, парируя вражескую атаку. Он подумал, что схватка затягивается. Нужно было скорее покончить с ней и бежать выручать сестру.

Айтверн дернул вверх свой клинок, зацепив усиком гарды вражеский меч и на секунду его заблокировав — и сам в ту же секунду врезал кулаком левой руки разбойнику прямо ему в нос. Тот вскрикнул, пошатнулся — а юноша тем временем высвободил свою шпагу и тут же проткнул неприятелю горло.

Через мгновение тот был уже мертв.

Артур не стал осматривать тело поверженного врага, не до того было. Вместо этого он бросился вперед по улице — такой опустевшей, такой безлюдной, такой необитаемой улице. Ни следа Айны и ее похитителей. Нужно было спешить, не теряя ни секунды драгоценного времени, и Артур спешил, бежал сломя голову, стирая сапоги о брусчатку, да вот только не видел впереди никого. Совсем никого. Те, кого ему полагалось преследовать, уже успели скрыться из виду. Бегущего по безмянному переулку молодого человека не оставляло ощущение, что он давно и безнадежно опоздал. Ловушка оказалась расставлена на совесть.

Глава вторая

Ведущий в королевский замок подъемный мост, перекинутый над защитным рвом, своей глубиной больше напоминавшим горное ущелье, был по дневному времени опущен, и у въезда на него замерли стражники в парадном доспехе. При виде всадника в зеленом плаще герцогов Айтвернов, плаще, на котором были вышиты фамильные золотые драконы, воины скрестили копья в официальном салюте. Артур устало поднял руку в ответном приветствии, левой что было сил вцепившись в поводья. На мгновение юноше показалось, что он сейчас свалится с коня и полетит в пропасть — полетит и будет кричать и крутиться в воздухе, пока не рухнет на самое дно. А есть ли вообще дно у этой бездны? Десятки футов, составлявшие глубину рва, сейчас обратились в воспаленном сознании Артура в бессчетные мили.

— Послушайте, милейший, — обратился юноша к начальнику стражи, чье имя никак не мог вспомнить. — Мой отец, он еще в замке?

Тот нахмурился, не иначе пытаюсь сообразить. На мгновение в заволакивающем голову Айтверна тумане порхнула исполненная вымученного отчаяния мысль — неужели отец опять уехал? И снова придется носиться по огромному городу, теперь уже в его поисках. А времени так мало, и непонятно, есть ли оно вообще.

— Да, — наконец сказал офицер. — Не припомню, чтобы лорд констебль выезжал — я на посту с утра, как раз видел его прибытие.

Артур вяло кивнул и направил Вихря по мосту. Мерный цокот копыт доносился словно издалека. Ну что ж, если отец на приеме у короля, он, Артур, пойдет прямо туда. Если кто-то попробует встать у него на пути — пусть прощается с жизнью. Вот бы только самому на ногах устоять.

Несмотря на имевшиеся у него опасения, при въезде во двор молодому человеку все же удалось спешиться, не опозорившись при всем честном народе. Хотя колени едва не

подкосились. Бессонные дни и ночи, предшествовавшие этому утру и слившиеся воедино с чахоточным кошмаром, начавшимся в Квартале Закрытых Дверей и продолжавшимся по сей час, наконец дали знать о себе тяжелой, похмельной болью, скрутившей все тело.

Отловленный слуга сообщил, что в последний раз видел герцога Западных Берегов минут пять назад в западном крыле. Туда Артур и направился. По дороге то и дело мелькали знакомые лица, казавшиеся сейчас незнакомыми. Кажется, его не раз окликнули, но юноша делал вид, что не слышит обращенных к нему приветствий. Это оказалось не так уж и сложно, он и в самом деле ничего не слышал. За исключением захваченного дома плаща, юный Айтверн был одет в ту же самую одежду, что и днем, она вся насквозь пропиталась чужой кровью и теперь липла к телу. Оставалось надеяться, что если все-таки кто-то и увидит кровь, то примет ее за пролитое вино. У наследника драконьих герцогов выдалась знатная попойка, о да. Такая, что на том свете жарко стало. Артур все-таки не выдержал и ухватился за край шпалеры, едва не содрав ее на пол.

— Вам нехорошо? — тревожный голос. Кто это? Ах да, молодая леди Амелия, дочь тана Таламорского. В иных обстоятельствах Айтверн был бы рад такой встрече. Он уже некоторое время питал приязнь к этой девушке и подумывал, не начать ли за нею ухаживать.

— Не стоит обо мне беспокоиться, госпожа, — выдавил из себя Артур, стараясь отогнать мысль, как было бы славно рухнуть на покрытый ворсистым ковром пол и наконец-таки потерять сознание. — Я чувствую себя великолепно. Просто слегка перебрал с вечера. Вы не видели моего отца?

— Видела, он в Рубиновом зале. Вам точно не нужна помощь? — плавающие где-то вдалеке серые глаза леди Амелии оставались обеспокоенными.

— Помощь мне не нужна, но я крайне признателен вам за заботу, — Артур и в самом деле ощутил нечто наподобие признательности. — Ваша отзывчивость может поспорить лишь с вашей красотой, — сказал он любезно.

Кажется, Амелия Таламор собиралась что-то ответить, и в иной ситуации Артур с удовольствием послушал бы этот ответ, но сейчас ему было не до того. В голове стыла сосущая пустота, все мысли куда-то подевались, как не бывало.

Отец нашелся именно там, где и сказала Амелия. Герцог Раймонд Айтверн стоял подле гобелена, изображавшего битву на Борветонских полях, и о чем-то беседовал с канцлером казначейства. На лице повелителя Запада застыло отрешенно-вежливое выражение, подсказывавшее, что мысли его гуляют где-то далеко. Артура всегда охватывало крайне странное чувство, когда он смотрел на отца. Будто смотришь на собственное лицо, отраженное в зеркале или стоячей воде. Те же падающие на плечи густые волосы цвета сочного меда, такие же светлые, как у Айны. Ясные зеленые глаза, правильные черты лица. Лорд Раймонд разменял уже сорок зим, но выглядел молодо. Полукровки, происходящие от фэйри, живут столько же, сколько и обычные люди, но приметы возраста касаются их лишь с приближением старости.

... - в пришедшем накануне донесении шериф Роскрея сообщает, что сборы податей за последний месяц вышли довольно приличные, — речь Пайтера Граммера, распорядившегося всеми финансами королевства, звучала слегка невнятно — нос министра был безнадежно расквашен и свернут в сторону. Поговаривали, что это след одной безобразной пьяной драки, случившейся много лет назад. — Заморозки также обошли Роскрей стороной, и посему мы можем надеяться, что урожай там в нынешнем году будет собран богатый. Вы опасались, что придется докупать зерно в Гарланде, но к счастью, какой бы суровой не оказалась минувшая

зима, такое нам пока не грозит. Мы вполне сможем ограничиться поставками из Роскрея, Слайго и Гальса.

— Очень рад это узнать, — рассеянно кивнул лорд Раймонд, изучая вытканного черной и алой нитью рыцаря, пронзающего копьем имперского пехотинца. — Но вы могли бы приберечь все, вами сказанное, для завтрашнего совета? Его величество будет рад вас послушать. Я, к сожалению, сейчас не могу.

— Странно от вас такое слышать, — по лицу Граммера ясно читалось, что он пребывает в растерянности. — Раньше вы всегда выражали свой интерес к подобным делам.

— Всегда, но не в этот раз, — в голосе герцога промелькнули извиняющиеся нотки. — Простите великодушно, Пайтер, но я ужасно занят сегодня. Положите отчет из Роскрея мне на стол, я прочитаю его чуть позже и сообщу вам все, что думаю по этому поводу. Хотел бы, конечно, поговорить сейчас, да генералу Терхолу очень надо меня видеть, — глаза Раймонда Айтверна пробежались по залу и внезапно остановились на застывшем в отдалении Артуре. — Пресвятые угодники, — сказал лорд Раймонд. — Пайтер, вы видите это? Вон там Это мой сын. Я думал, он сбежал от меня на луну — а он стоит здесь, как ни в чем не бывало. Если только это не его призрак. Милорд! — сказал герцог громче, обращаясь к Артуру. — Рад, что вы наконец соизволили явиться к столь долго и столь отчаянно ожидавшему вас отцу. Я не ожидал. Чем обязан такой честью?

— Милорд! Нам следует немедленно переговорить наедине, — выпалил юноша. — Произошло нечто, требующее вашего немедленного внимания.

— Мое внимание, дорогой сын, как-нибудь подождет, — герцог глянул в сторону казначея.

— Да, я вижу, — сказал тот. — Я иногда радуюсь, что у меня нет детей, лорд Раймонд, и что мне наследует брат.

— А я иногда завидую вам, Пайтер, — пробормотал герцог Айтверн и вновь посмотрел в сторону сына. — Меня ждет генерал Терхол, — сказал он Артуру очень ровным голосом. — Если вы помните, это некий джентельмен, под моим началом командующий тимлейнским гарнизоном. Порой мы с ним занимаемся таким никчемными и неинтересными вопросами, как безопасность нашего государства. Езжайте домой, побеседуем вечером. Вы прятались от меня все эти дни, Артур, по кабакам и тавернам. Не взыщите, что теперь у меня появилось желание спрятаться от вас.

— Отец, — с отчаянием произнес Артур, — нет времени пререкаться. Нам нужно срочно поговорить, и там, где не будет чужих ушей. Смотрите, — он на мгновение распахнул плащ, открывая на обозрение заляпанную кровью одежду.

Зрачки Раймонда Айтверна на мгновение расширились, а потом сузились. Пару секунд он рассматривал покрытый темными пятнами камзол своего сына.

— Иди за мной, — сказал герцог коротко, отбросив всякую велеречивость, и, не медля ни секунды и не оглядываясь, шагает ли юноша следом, направился к выходу из зала. Артур последовал за ним.

Старший Айтверн провел наследника в свой рабочий кабинет, густо затемненную комнату, заваленную всевозможными бумагами до самого потолка, и тщательно запер дверь на оба замка и на засов. Указал рукой на кресло в дальнем углу, рядом с баром:

— Садись и рассказывай.

Юноша не двинулся с места:

— Айну похитили.

На лице Раймонда Айтверна, герцога Западных Берегов, Драконьего Владыки и лорда Верховного констебля королевства Иберлен, не промелькнуло и тени эмоций. Напротив, оно стало равнодушным и невыразительным, словно старинная бронзовая маска. К сожалению, Артур достаточно хорошо знал отца, и потому легко распознал в этом дурной знак. Очень дурной.

— Когда и как? — подобным тоном можно было бы расспрашивать о ценах на оружие.

— Полтора часа назад. Мы гуляли, в Квартале Закрытых Дверей. Нам повстречались разбойники. Я приказал Айне бежать, а сам принял бой. Убил их всех, но... — Артур запнулся. Случившаяся на безымянной улочке сумасшедшая сцена до сих пор стояла перед глазами, а в ушах отзывался, дробясь на эхо, все тот же крик. — Это оказалась засада. Дорогу перекрыли с обоих концов. Пока я дрался, сестру схватили. Я побежал по следу, но они уже ушли. Даже следа не оставили. Я обошел все тамошние улочки, стучался во все дома. Ни следа, — повторил он тупо.

— Они говорили, зачем вы им?

— Нет, только сказали, что мы должны последовать за ними. Это не было похоже на ограбление. По крайней мере, я так не думаю.

— О том, что другая их часть зашла вам в тыл, ты тоже не подумал?

— Нет, милорд.

— Что-нибудь еще? — лорд Айтверн оставался совершенно бесстрастным, хладнокровным и равнодушным. Лучше бы он кричал, ругался, сыпал проклятиями — только не это ледяное спокойствие.

— Отец, — юноша опустил голову. — Это целиком моя вина. Я...

— Замолчи. — Сорвавшееся с губ слово — как мимолетный удар хлыстом. — Что-нибудь важное сказать ты можешь?

— Нет. То есть да, — опомнился Артур. — На площади Леди Сейлан мы увидели одного парня. Неприметный такой, смахивал на крестьянина. Айна сказала, что уже видела его сегодня. Три раза. Она считала, он следит за нами. Я пошел поговорить с тем типом, но он меня заметил и скрылся. Мы пошли за ним, и... И попались в западню.

Едва заметная пауза, затем:

— Почему ты пришел ко мне только сейчас? Ты мог бы добраться в замок за полчаса, а не за полтора.

— Я бегал по кварталу, — беспомощно сказал Артур. — Надеялся ее найти, — щеки горели так, будто их лизали языки огня. — Потом отправился домой. Думал, вы вернулись. — Он тогда ничего не соображал и метался из угла в угол, как в горячечном бреде. — Но вас не было, тогда я взял коня и прискакал сюда. Это все, — он замолчал.

Раймонд Айтверн медленно, очень медленно поднял правую руку и поднес ее к глазам, рассматривая украшающий указательный палец золотой перстень с большим рубином на нем. Снял кольцо и отложил его на край ближайшего стола, а затем застыл на мгновение, будто о чем-то размышляя. И резко ударил сына по лицу. Первый раз в жизни. То была пощечина, быстрая и очень сильная. Перед глазами будто разорвалась шаровая молния. Артур отлетел на несколько шагов и больно ударился спиной о дверцу шкафа, набалдашник ручки вонзился в поясницу. Юноша вскрикнул, качнулся из стороны в сторону и сполз на пол. Голова тряслась и звенела, на глаза наворачивались слезы.

Не говоря ни слова, отец налил себе вина в высокий хрустальный бокал и выпил — не спеша, неторопливо, растягивая каждый глоток. Потом аккуратно отставил бокал на ручку

подвернувшегося кресла. На несколько ударов сердца прикрыл глаза. В комнате стояла мертвая тишина.

Когда повелитель Запада вновь заговорил, безразличие не только не исчезло из его голоса, но даже сделалось гуще и полнее:

— Вы уже явно не понимаете, на каком свете находитесь. Отправляйтесь в спальню и выспитесь, пока не наберетесь сил.

Собрав все, что от себя осталось, в кулак, Артур поднялся на ноги, придерживаясь за всю ту же распроклятую дверцу. Он никогда еще не ощущал себя более мерзко. Никогда не чувствовал себя предателем.

— Отец, я буду с вами и помогу отыскать сестру.

— Нет. Вы мне не нужны. Ложитесь спать.

Артур сжал зубы, сдерживая срывающиеся с языка возражения, и направился к примыкавшей к кабинету спальне. Отец часто ночевал в ней, когда задерживался в замке допоздна, а иногда, должно быть, принимал тут придворных дам. Юноша остановился на пороге. Широкая кровать манила, обещая долгожданное забвение, но он не мог к ней подойти.

— Это я во всем виноват, — голос Артура срывался, — я не уберег Айну! Вы вправе наказывать меня, как хотите. Я и сам бы наказал себя по всей строгости. Все, что про меня говорят — правда. Я действительно недостойн быть вашим сыном, я пустой бездумный вертопрах.

Он замолчал.

— Это так легко, — неожиданно сказал герцог Айтверн, открывая дверь, — принимать на душу все грехи, посыпать голову пеплом, признаваться, какой ты никчемный дурак. Заниматься самобичеванием — дело приятное, спору нет. Чесать языком вообще приятно, дорогой Артур. Отдыхай. Мне стыдно на тебя смотреть.

Лорд Раймонд вышел, оставив Артура наедине с собой.

Он отключился сразу, как только добрался до подушки. Упал на кровать, не снимая сапог, как был, в испачканной одежде. Думать о случившемся уже не было сил, любая мысль вызывала злость. Забвение пришло мгновенно, подарив передышку измученному телу. Снов Артур не увидел, он просто провалился в глухую черную яму, может ловчую, а может — выгребную. Очнулся уже под вечер, неожиданно, будто от пинка, и почувствовал себя очень слабым. Но это была... правильная слабость. Спроси Артура, почему он так решил, он бы сам не сумел ответить.

Все было очень далеко, и все было неправдой.

У него не было сил ни о чем вспоминать.

В комнате стояла тишина, глубокая и плотная, как любимое одеяло, под которое можно забраться с головой. Юноша стал слушать тишину, ловя каждый ее аккорд. Окна отцовской спальни выходили на запад, и опускающееся за горизонт солнце окрасило небо закатным пламенем. Горящая дорожка пролегла в воздухе, едва касаясь островерхих крыш. По легендам, именно этой дорожкой поднимались некогда драконы — прежде чем развернуть необъятные крылья и упасть в небо, скользя между туманами мира и танцуя свои небывалые вальсы. В Малерионе, родовом замке Айтвернов, стоящем на самом краю уходящего в бесконечность моря, там, где травяная зелень равнин встречается с бирюзовой нежностью волн, знали много старых сказок... Говорилось в этих сказках о благородных принцах,

выросших в изгнании, гордых и дерзких, готовых отдать жизнь за освобождение своих земель от злобных тиранов. О прекрасных девах, заточенных в неприступных башнях. Об эльфийских королях, хранящих тайны древней магии и правящих бессмертным народом зачарованных холмов. Полнились эти сказки мудрыми наставниками, способными помочь добрым словом и правильным советом, и сладкоголосыми бардами, словами и музыкой превращающими небывалое в быль. Волшебные звери в трудный час приходили героям на помощь, а добрые феи охраняли крестников и всегда были готовы испечь огромный фруктовый пирог. Упоминались в тех историях и верные мечи, что никогда не сломаются и не предадут своих владельцев — отважных рыцарей, следующих тропой чести. Лишенные всяких тропинок колдовские чащобы пугали и одновременно манили своей таинственностью, ведь в их глуши непременно скрывались тысячелетние ведьмы, помешивающие в чугунных котлах небывалое варево. Но прежде всего все упомянутые истории говорили о главном — о настоящих любви и верности. Артур с Айной любили слушать эти сказки...

А теперь Айна попала в беду.

Артур Айтверн встал с кровати, на ходу содрал с себя грязные тряпки, не глядя швырнул их в угол. Если б только грязную душу можно было снять так же легко, как нечистое платье. До чего ж это было бы славно...

В гардеробе отыскалась свежая смена одежды. Он натянул ее, не сразу разобравшись в бесконечных пуговицах и застежках, вознамерившись сопротивляться утратившим привычную ловкость пальцам. Ничего-ничего, лишь бы руки не подвели, когда придется держать в них клинок, а остальное неважно... Почему-то, хотя Артур и понятия не имел почему, у него вдруг возникла уверенность, что скоро опять настанет черед драться. И драться насмерть. Он найдет сестру и спасет ее, чтобы для того не потребовалось.

Юноша в последний раз оглядел комнату и вышел вон.

Город пронесся мимо смазанной анфиладой лубочных картинок. Артур горячил Вихря, опасаясь опять опоздать. Отца в королевском замке уже давно не было, но молодой человек надеялся, что успеет перехватить его дома. Несколько раз он едва не задавил прохожих, в последний момент успев поворотить коня — руки почти машинально вцепились в поводья, и дарнеец встал на дыбы. Вслед ему неслись растерянные проклятья.

Когда Артур прибыл в семейный особняк, в третий раз за этот перевернувшийся все на свете день, солнце уже зашло. Холодало, по дому струились тяжелые тени — мало в каких покоях горел свет. Странно, хотя чего тут странного, если разобраться? Интересно, объявил ли отец домочадцам о пропаже молодой госпожи, а если нет, сколько времени пройдет, прежде чем этот слух растечется сначала среди слуг, а затем и выплеснется в город, становясь достоянием жадной до сплетен публики? А где сама Айна, что с ней, жива ли она еще?!

Двери главной залы, где по словам встреченной горничной уже полчаса пребывал отец, были заперты, и перед ними стояли, опираясь на алебарды, гвардейцы в тяжелых панцирных латах. При появлении молодого Айтверна они сдвинулись, преграждая путь.

— Герцог не велел никого не впускать, — сообщил сержант Кремсон. В свое время он учил Артура драться кинжалом и стрелять из арбалета. — Он обсуждает с капитаном важные дела.

— Никого? Включая даже меня?

Сержант чуть заметно качнул головой:

— Никого — значит никого. Сэр Артур, шли бы вы к себе, отдохнули. Слышал, у вас был тяжелый день.

— Я уже наотдыхался. Пропустите меня, пожалуйста.

— У меня приказ, мой господин, и я не намерен его нарушать, — чуть более сухо, нежели следовало, ответил Кремсон.

Артур взялся за оружие.

— Сержант, или вы меня пропустите, или я буду с вами драться, — сказал он тихо.

Наверно, было что-то такое в его голосе или, быть может, выражении лица, что воины молча расступились в стороны, более не пытаясь спорить. Артур не без усилия распахнул тяжелые, окованные железом двери и шагнул вовнутрь. Длинная, уходящая вдаль зала была почти полностью погружена во мрак. Лишь в дальнем ее углу горел чахлым пламенем камин, рядом с которым застыли двое сидящих в низких креслах людей, разделенных столом из орехового дерева. Приблизившись к этим людям, юноша невольно замедлил шаг.

— Артур? — лорд Раймонд казался чуть недовольным. — Я за вами вроде не посылал. Стражники на входе уснули? Разжалую их всех, коли так.

Стояла темень, и вдобавок отец расположился спиной к огню, что не давало Артуру различить его лица, но молодой человек все равно почувствовал остановившийся на нем тяжелый взгляд. Тем не менее, Артур постарался ответить достаточно твердо:

— Не будьте суровы к своим людям, отец. Они все равно не смогли бы меня сдержать. Так что и гнев свой направьте на меня, а не на них.

Второй из присутствующих, капитан герцогской гвардии Орсон Уилан запрокинул голову и от души расхохотался, придерживая пальцами коротенькую бородку:

— А ведь ваш сынок не совсем пропащ, лорд Раймонд! Молодец, Артур, что заступаешься за солдат, но мы тебя в самом деле не приглашали. Немного развейся и не мельтеши тут. Мы потом тебя позовем.

— Да пусть уже остается, раз пришел, — проворчал Раймонд, — что тут поделаешь. Артур, возьмите, пожалуйста, это письмо, и прочитайте его очень внимательно, — он протянул Артуру сложенный вдвое лист дорогой белой бумаги. — Только про себя, пожалуйста. Если будете читать вслух, я вас убью.

Наследник Айтвернов сел рядом с огнем и принялся изучать бегущие изысканной, слегка цветистой вязью каллиграфические строчки:

"Герцог Айтверн!

Должно быть, Вы уже получили известия об исчезновении вашей дочери. Поспешу успокоить, она вполне жива и здорова. Юной деве не угрожает ровным счетом никакой опасности, и не будет угрожать впредь — разумеется, в случае, если Ваши действия окажутся разумными и взвешенными. Мы взяли на себя смелость предоставить девице Айтверн свое гостеприимство, так как полагаем, что это окажется весомым аргументом в беседе, которую мы хотим с Вами провести. Полагаю, Вы же не откажете в любезности и придете на встречу, которую мы Вам назначим? В противном случае, любезности придется оказывать уже нам — Вашей очаровательной дочери. Если желаете этого не допустить, явитесь сегодня в полночь к калитке у южного выхода из аббатства Святого Арлана. Там будут ждать наши люди, они проведут Вас к месту переговоров. Как разумный человек, Вы вправе ожидать подвоха, и потому мы позволяем Вам взять с собой двух спутников — но ни в коем случае не больше. Безусловно, Вы вправе оставить нашу просьбу

без внимания и не явиться в указанное место — но тогда прелестной Айне Айтверн можно будет лишь посочувствовать. Уповаем на Ваши осмотрительность и благоразумие".

Подписи не было.

Юноша перечитал письмо три раза, чувствуя, как мнется бумага в его судорожно сжавшихся пальцах.

— Откуда это? — спросил он охрипше.

Раймонд Айтверн неопределенно повел рукой:

— Будете смеяться, но конверт с письмом принес уличный мальчишка. К тому времени, когда я прочитал послание, искать его было уже бесполезно. Я разослал людей, но толку с того. Ни ответа, ни привета. Все как в глупом романе навроде тех, что вы проглатываете запоем.

Значит, это не просто уличные грабители, — подумалось Артуру. Какой шантаж или вымогательство замыслили эти люди?

— Отец, я пойду с вами, — сказал юноша. — И на этот раз — прошу вас, не вздумайте спорить. Вы меня не переспорите.

Герцог поглядел на него одновременно жестко и устало:

— А с чего вы взяли, что я вообще куда-то пойду? Впрочем, — продолжил старший Айтверн после короткой паузы, — вы не ошиблись. Я не могу оставить это письмо без внимания. Айна мое дитя, точно так же как и вы, и я не могу бросать ее на произвол судьбы, как бы подозрительно не выглядели подобные приглашения. Со мной отправится капитан Уилан. И вы тоже отправитесь, раз уж проявляете такой энтузиазм. Но запомните — мы идем выслушать требования этих людей, а не драться, так что ведите себя разумно. Ничего не предпринимайте без моего разрешения.

— Я не ребенок, — огрызнулся Артур.

— Хотел бы в это верить. Но пока что не больно получается. Пока есть время, перекусите — не удивлюсь, если у вас давно маковой росинки во рту не было. Только не вздумайте напиваться. И смените оружие, в конце-то концов — ваша пшага хороша для этих ваших дурацких поединков, но на этот раз возьмите какой-нибудь хороший старый меч. Отправляйтесь в оружейню, живо, — бросил герцог, не дав Артуру и слова вставить.

Юноша коротко поклонился и, не тратя время попусту, направился к дверям.

Когда Артур уже выходил из зала, до него донесся обеспокоенный голос Орсона Уилана:

— Сэр, вы уверены, что стоит брать мальчика с собой? Если это ловушка... а смахивает на ловушку, согласитесь... по вашему дому будет нанесен очень тяжелый удар.

— Не стоит волноваться, капитан, — в тоне Раймонда Айтверна сквозила такая безмятежность, что Артура мороз продрал по коже, — если речь о тех, о ком я думаю... Эти люди устроят честные переговоры, на иное у них не хватит духу. Свой ход они уже сделали и теперь должны уступить очередность нам. Будь все по-другому, покушались бы на меня, а не на моих детей. В любом случае, Артуру полезно будет присутствовать, пусть набирается опыта. Ну а если даже мы идем смерти в пасть... лучше, если дом Айтвернов возглавит кузен Роальд, нежели мой сын.

Больше всего на свете Артур ненавидел ждать. Необходимость сидеть на месте без дела, сложив руки на коленях и ничего не предпринимая, неизменно вызывала у него плохо сдерживаемую ярость. Впрочем, "плохо сдерживаемую" — определение неподходящее, потому что оно предполагает наличие хоть какой-то сдерживаемости, пусть и плохой. По правде же говоря, владеть своими чувствами Артур не умел вовсе. Потому и имел на своем счету в двадцать лет шесть дуэлей; длинный белый шрам на внешней стороне бедра, неизменно приводивший в восторг любовниц; и уже начавшую зарождаться славу бретера. Он не хотел умирать раньше седых волос, но заигрывать со смертью ему хотелось. Это все равно как из озорства отпускать горячие комплименты перезрелой даме, в глубине души опасаясь ответных любезностей.

Но сейчас ему приходилось просто ждать момента, когда отец решит, что пора отправляться, и более омерзительной пытки измыслить было невозможно. Юноша сам не вполне понимал, как выдержал эти два часа. Он слонялся по своим апартаментам из угла в угол, чувствуя, как от тревоги сжимается горло. Пробовал читать, но строчки скользили мимо глаз — буквы все никак не желали складываться в слова. До изнеможения крутился по тренировочному залу, в сотый раз повторяя одни и те же фехтовальные приемы. Подобрал себе оружие — хороший, проверенный в бою меч средней длины, которым сражался в свое время еще его дед, старый лорд Гарольд. Этот меч знал много битв — битв с мятежниками, иноземцами, всеми врагами престола. Навершие эфеса его было украшено головой дракона, гарда была сделана в виде распростертых крыльев — как и большинство фамильных мечей их дома. Отец редко пользовался этим оружием, и Артур осмелился взять его себе.

Юноша смог выбрать себе оружие, но вот пообедать он уже толком и не смог — пища вызывала лишь отвращение, да и питье не лилось в горло. Слишком сильным оказалось владевшее им волнение. Наконец Артур рухнул на кровать и закрыл глаза, стараясь ни о чем не думать. Скорей бы уже за ним пришли.

Он уже начал терять всякое терпение, когда в комнате наконец появился капитан Уилан.

— Эй, парень, — бросил он, — кончай разлеживаться. Мы выходим.

Артур рывком вскочил:

— Я и не начинал. Спасибо, что наведались, я уж испугался — вдруг про меня забыли. — Он надел перевязь с мечом, набросил на плечи плащ. — Что скажете, господин капитан, — осведомился Айтверн, задрав нос до потолка и постучав носком сапога по полу, — я выгляжу достаточно прилично и не опозорю своим видом семью на предстоящем рауте? Кстати, вы часом не знаете, там будут танцы?

Лицо офицера едва заметно побагровело:

— Знаешь, я б с удовольствием отодрал тебя до синяков и оставил дома — вот и вся кадриль. Но у меня, прости, приказ. Так что пошли, герцог ждет.

Артур хотел бросить в ответ какую-нибудь дерзость, но почему-то прикусил язык.

Отец ждал их у бокового выхода, облаченный в неприметные скромные одежды. Его лицо спряталось в тени низко опущенного капюшона.

Не тратя времени на разговоры, они выбрались из дома, и, пройдя по аллее, обсаженной раскидистыми липами, чьи ветки подметали мраморную дорожку, покинули территорию особняка через одни из задних ворот. Ночь уже успела вступить в свои права, задернув город

темнотой. Улицы мигом вымерли, прохожих почти не встречалось. Это показалось Артуру странным — в Тимлейне, как и в любом другом столичном городе, любили поздно ложиться и поздно вставать, а чаще всего не ложились вовсе. Сегодня же будто непонятное напряжение, разлитое в воздухе, нависло над столицей. Как если бы люди, живущие здесь, чувствовали близость беды и старались держаться своих домов.

Шли молча — и герцог Айтверн, и капитан его гвардии тоже явно о чем-то раздумывали, а может попросту не желали впустую тратить слова. Навязчивая тишина слегка действовала Артуру на нервы, пару раз он чуть было не попытался завязать разговор, но тут же передумал.

Самая короткая дорога к аббатству Святого Арлана вела через улицу Лимонного Рассвета, мимо памятника предпоследнему королю из старой династии, и потом по переулку Серебряных Труб. Однако уже в самом начале пути отец свернул в сторону, нырнув на какую-то малозаметную улочку. Пройдя несколькими практическими незнакомыми Артуру подворьями, о существовании которых знавший эту часть столицы как пять пальцев наследник Айтвернов доселе не смог бы поручиться, герцог неожиданно вывел их на площадь Опрокинутой Звезды, прямо напротив здания суда. Оттуда он направился вглубь Пятничного Квартала, временами сильно отклоняясь на восток, в направлении Декабрьского парка, однако в итоге вывел их в совсем противоположную сторону — на улицу Четырех Мечей.

Наконец впереди показали обвитые плющом стены аббатства, а еще задолго до их появления слева из-за остроконечных крыш домов взлетели башенки главного собора. Аббатство святого Арлана было основано чертову прорву лет тому назад, во времена, интересные лишь историкам. Поначалу здесь венчали королей — как на царство, так и с будущими королевами, потом просто венчали кого ни попадя, а совсем уж потом в городе понастроили новых храмов, и аббатство тихо-мирно захирело. Сейчас оно стояло почти заброшенным, лишь в небольшой часовне на его окраине устраивались службы. Только лишь влюбленные и дуэлянты назначали здесь свои свидания, встречаясь на темных аллеях парка и среди обсаженных цветами клумб.

У южной калитки их поджидал человек в просторном коричневом плаще. Он стоял, оперевшись спиной о стену и опустив голову. Лица в темноте было не разглядеть. При приближении троих ночных путников незнакомец отряхнулся, будто облитый водой кот, и сказал:

— Добрый вечер, благородные лорды! — Вечер давно уже перетек в ночь, но едва ли это представлялось ему важным. — Сегодня чудесная погода, не правда ли? Лучшая весна на моей памяти. Этот свежий ветер с реки... Всю жизнь бы им дышал.

— Совершенно с вами согласен, добрый сэръ, — учтиво ответил герцог, останавливаясь в трех шагах напротив собеседника. — Погода и в самом деле чудесна, самое время для прогулок. Должно быть, именно ветер с Нейры и выманил вас сюда в полночный час?

— О нет, все куда прозаичней, — в голосе незнакомца послышалось веселье. — Ночь выдалась славная, но я здесь из-за назначенной встречи.

— Ах, вот оно как. Очевидно, вы ожидаете даму?

— Ах, любезный сэръ. Ожидай я сегодня даму, был бы счастливейшим человеком на свете. Но увы, судьба оказалась ко мне неблагоприятной. Я здесь по деловому поручению, нужно встретиться с одним благородным господином. Впрочем, такое чувство, что я с ним уже встретился, — незнакомец оторвался от стены и сделал шаг навстречу. Раймонд

Айтверн и капитан Уилан даже не шелохнулись, но Артур мог поклясться, что они готовы выхватить оружие. — Я вас узнал, ваше сиятельство, — продолжал человек в плаще, — вас многие знают. Лорд Айтверн, надо полагать?

— Святая правда, я и в самом деле лорд Айтверн, — откликнулся отец. — А вы, очевидно, посланник тех почтенных господ, письмо от которых я получил сегодня днем?

— О да, — веселье в голосе посланника стало каким-то недобрый. — Именно эти благородные господа и послали меня к вам, в надежде что я, движимый судьбой и предназначением, приведу вас под их гостеприимный кров. Они уж, верно, согрели вам вина и ждут вашего появления, как божьей милости! Может и молятся на ваш приход. — Неожиданно он посерьезнел: — Но мой дурной язык слишком расплясался сегодня. Прошу следовать за мной, господа. Время не терпит, и нас в самом деле заждались, — странный посыльный отвернулся и направился по вытоптанной в траве тропинке, ведущей вдоль увитой зарослями изгороди. Герцог Айтверн, не тратя на колебания ни секунды, двинулся следом, а Орсон Уилан последовал его примеру. Артур немного потоптался на месте в растерянности, уж больно подозрительным выглядело происходящее, а потом пожал плечами и кинулся догонять остальных.

Не назвавший своего имени весельчак вывел их вдоль юго-восточной оконечности аббатства к самому началу Мельничной улицы, где стояла запряженная четырьмя вороними конями карета. Провожатый отворил дверцу и отступил в сторону, словно кавалер, пропускающий вперед дам:

— Прошу садиться, господа! Мы отправляемся!

Горевший напротив полночный фонарь осветил лицо незнакомца, наконец вырвав его из мрака. Правильные черты лица, глубоко запавшие, неожиданно серьезные зеленые глаза, коротко остриженные рыжие волосы, не доходящие до плеч. Посыльный был далеко не самого крепкого телосложения, среднего роста, узкий в плечах. Легкий противник, на первый взгляд... но вот только на первый. Движения у него были уверенные и четкие. Так двигаются хорошие бойцы.

Дождавшись, когда лорд Раймонд и его сопровождающие усядутся в экипаж, провожатый легко запрыгнул на место возницы и хлестнул коней по бокам. Карета тронулась.

Артур сел у окна, стараясь запомнить дорогу. Это оказалось не столь трудным даже сейчас, благо многие улицы были хорошо освещены. Путь, по которому они ехали, пролегал в направлении купеческих кварталов, раскинувшихся по другую сторону Янтарного Кольца. Всю дорогу их провожатый напевал себе под нос — одну расхожую песенку за другой, демонстрируя полное отсутствие музыкального слуха. Проезжая по улице Слез, он затянул старинную балладу про наивную крестьянку Анну, обесчещенную и брошенную жестокосердным сеньором. Баллада вышла очень длинной и печальной, а когда впереди показалось городское кладбище, непрошенный менестрель принялся завывать. Миновав памятник какому-то древнему полководцу, он вдруг оборвал балладу на самом драматичном месте и начал распевать про подвиги сэра Эвейна, каждый день убивавшего по пять великанов на завтрак и по десять злых волшебников на ужин. Когда экипаж выехал на перекинутый над одним из притоков Нейры мост, свалившийся им на голову музыкант вдруг принялся поминать нерифмованным стихом сгинувших в пучине моряков, а чуть позже замурлыкал скабрезный мотивчик — лишь только на углу показался бордель.

Наконец карета заехала в очередной, на сей раз особенно уж извилистый переулок и

остановилась перед длинным двухэтажным домом, в паре окон которого горел слабый свет.

— Вот и приехали наконец, — провожатый соскочил на землю и отворил дверцу кареты, после чего отвесил издевательский поклон. — Пройдемте вовнутрь, ужин стынет.

Раймонд Айтверн молча кивнул и последовал к дверям.

Они поднялись на крыльцо и, пройдя длинным темным коридором, оказались в просторной комнате с круглым столом посередине, за которым сидели, кутаясь в тени, четверо людей. Очаг не горел, помещение озаряли лишь стоящие по углам тонкие восковые свечи, наполовину уже оплывшие. Оконные ставни были широко распахнуты, пропуская ночную прохладу. Так и оставшийся непредставленным острослов, приведший их сюда, поклонился одному из сидевших за столом и быстро отступил в угол, растворившись во мраке.

— Сегодня неплохая погода, герцог Айтверн, — заметили из-за стола. — Она располагает к прогулкам. — Слегка хриловатый голос принадлежал немолодому уже мужчине, неспешно выговаривающему слова с четким северным акцентом. И голос этот показался юноше странно знакомым.

Раймонд Айтверн слегка усмехнулся, перед тем как пройти к столу и, не дожидаясь никаких разрешений, усесться в кресло:

— Ваш слуга начал беседу ровно с тех же фраз. Что ж вы все говорите о погоде. Ничего умнее в голову не пришло, лорд Эрдер?

Артур, стоявший у отца за спиной, с трудом сдержался, дабы не вскрикнуть. "Быть того не может, — лихорадочно подумал юноша. — Получается, Айна оказалась права в своих опасениях?"

Человек в черном плаще и черном с серебряным шитьем дублете, сидевший прямо напротив лорда Раймонда, и в самом деле оказался Джейкобом Эрдером — герцогом Севера и одним из знатнейших и влиятельнейших аристократов Иберлена. Тем самым дворянином, о котором с опаской упоминала в начале этого бесконечного дня сестра Артура. Верный вассал дома Ретвальдов, Джейкоб Эрдер был известен как человек с безукоризненной репутацией. Он был последним, кого могли бы заподозрить в нападении на семью герцога Айтверна.

— Я, в отличие от вас, на ораторское мастерство не претендую, — сухо заметил Эрдер, слегка подавшись вперед. — Рад приветствовать, Раймонд.

— В самом деле рады? Ну простите, любезный герцог, я зато вас приветствовать совершенно не рад. Я вообще не ожидал вас тут увидеть.

— Нас обоих привело сюда некое дело, которое теснейшим образом затрагивает вас и вашу семью, — голос лорда Джейкоба был невозмутим. Казалось, он ничем не задет откровенной враждебностью, высказанной герцогом Айтверном. — Думаю, — продолжил Эрдер, — вам уже прекрасно известно о похищении вашей дочери?

Пальцы Артура вцепились со всей дури в рукоять меча. Он бы наверно кинулся вперед, обнажая клинок — а так только нелепо дернулся и снова застыл, почувствовав железную хватку Уилана на своем запястье.

— Правильно думаете, — протянул отец с легкой насмешкой. — Моя юная дочь и в самом деле стала жертвой уличных разбойников. Я получил минувшим днем анонимное письмо, уверявшее, что я смогу узнать о судьбе Айны, явившись в полночь в назначенное место. В этом самом назначенном месте я повстречал человека, который привел меня в итоге к вам. Но я не могу поверить, что вы можете иметь какую-то связь с этим

омерзительным похищением. Должно быть, вы явились сюда, прослышав о случившемся инциденте, и теперь желаете помочь мне расквитаться с негодяями?

Последовала короткая пауза. Кто-то из сидящих рядом с Эрдером мужчин едва заметно шелохнулся.

— Не совсем, — ответил повелитель Севера. — Я впечатлен вашим нежеланием бросать мне обвинение открыто, однако это не тот разговор, в котором следует избегать откровенности. Не буду врать, это я организовал нападение на ваших детей. Айна Айтверн находится сейчас у меня в руках.

Мир повернулся по кругу — медленно, тяжело, со скрипом, как огромное мельничное колесо, перемалывающее чьи-то судьбы и души. Мир обернулся вокруг себя. Артур не знал, понятия не имел, что остановило его на этот раз, помешало ему выхватить меч и броситься прямо на сидящих вокруг стола вежливых призраков. Уж точно не ладонь капитана отцовских гвардейцев, продолжающая сжимать его руку. Что-то иное. Что-то в нем самом.

"Эти переговоры слишком важны, чтоб их сорвал не владеющий собой мальчишка".

Легко это было или сложно — неважно, но Артур Айтверн превратился в каменное изваяние, безмолвно и почти безучастно выслушивающее идущий разговор. Он, казалось, даже дышать перестал. Совсем как отец, когда слушал сегодня в королевском замке его, Артура, рассказ.

— Вот как? — юноша мог поклясться, что повелитель Запада сейчас улыбается. Слегка растянув уголки губ в стороны и ощерив зубы. Да нет, какая это улыбка... Скорее уж оскал. — Что ж, я и без того подозревал вас, сразу, как только услышал о похищении дочери. Но расскажите мне все без утайки, раз уж начали говорить. Какая глупая мысль побудила вас затеять этот балаган?

— Не глупая, — герцог Эрдер был по-прежнему спокоен. Еще бы, говорят, у мужчин их рода по жилам несется не кровь, а зимний ветер и льдистый снег. Все владыки Полуночи невозмутимы и хладнокровны, от самого начала их дома... почти все. Регент Камбер, как сообщали хроники, в итоге таки поддался страстям. Бедняга Камбер! *Залитая чужой кровью гербовая котта, тускло блеснувшая серебряная цепь, упрямо сжатые губы, опасно остекленевший взгляд... Быстрый разворот, с клинка срываются алые капли... Брат мой названный, что ты творишь, неужели совсем потерял разум?*

Артур пошатнулся. Что за бред?! Юноше показалось, что на один удар сердца он очутился в каком-то другом, непонятном месте, где-то за пределами привычного ему времени и пространства. Он попытался взять себя в руки — время сходить с ума еще не пришло.

— Мысль, руководившая мной, была отнюдь не глупой, и надеюсь, вы сами скоро с этим согласитесь, — продолжал тем временем лорд Джейкоб. — Нам с вами, Раймонд, предстоит очень важный разговор... и мне необходимо убедить вас в своей правоте. Словесные доводы едва ли тут помогут, и потому пришлось прибегнуть к иным, чуть более весомым. Признаюсь, они претят мне, порядочному человеку не пристало вести себя подобным образом, но цель иной раз оправдывает средства.

— Мне страшно подумать, какие у вас цели, — отец был сам сарказм во плоти.

— Не такие плохие, как вам кажется, — ответил Эрдер. — Нас всех приучали поступаться малым ради великого, так повелось с тех пор, как Иберлен стал таким, каким стал. В былые времена все было по-иному, и никто из дворян королевства и в страшном сне не решился бы пожертвовать честью и добрым именем, чтобы не лежало на весах. Как не

решился пожертвовать ими мой прадед. Но старых времен больше нет, наступила иная пора, и ваш предок понял это первым. А теперь понимаю я. И я готов преступить законы чести ради воплощения действительно великой цели. Ради возвращения нашей стране свободы. Я сделаю что угодно во имя того, чтобы низвергнуть поработивших Иберлен.

— А кто поработил Иберлен? — осведомился Раймонд Айтверн, и на сей раз в его голосе не было ни насмешки, ни укоризны, один только вежливый интерес.

— Те, кто занял чужое место.

— Не соображу, о ком речь. Джейкоб, от вашего загадочности становится не по себе. Я устал и хочу спать, а потому объясните, пожалуйста, прямо, какого беса вам надо.

— Желаете разговора по душам? Что ж, извольте. Некогда наши дома были крайне близки. Наши предки вместе скакали на битвы и совещались на высоких советах, и немало раз узы родства связывали нас. Не буду лишней раз повторять хорошо известное, вы не хуже моего разбираетесь в истории. И, конечно, вы помните, когда мы стали друг другу... не врагами, но и не друзьями. С тех пор, как ваш прадед убил моего, с тех пор, как мы все преклонили колена перед чужеземным чародеем и позволили ему назваться королем. Тарагонская война, гибель последнего Кардана, восшествие на престол Бердарета Ретвальда — нет нужды вновь говорить о тех днях, мы слышали о них с детства. Столько раз, что аж тошно стало... Когда над нашей родиной нависла тень порабощения имперскими легионами, наши предки предпочли возвести на трон чужака и укрыться за его спиной. Трусость, но они на нее пошли. Дело давнее, с тех пор сменилось не одно поколение. Иберлен окреп и стал сильнее, а наши бывшие враги из империи Тарагон успели увидеть закат своей державы. Империя распалась, а королевства Бритер и Лумей, вставшие на ее обломках и донимающие своими набегами наши границы — нам не опасны. Мы сокрушим их, если будем сильны и едины. Настала пора исправить ошибки прошлого. Я и те лорды, что разделяют мои взгляды, нынче готовы свергнуть потомка узурпатора и вернуть власть в Иберлене тем, кто действительно порожден этой землей, а не завладел ею в годину бедствий.

Раймонд Айтверн не зря был командующим королевских войск и много лет возглавлял владетельный дом. Он отлично владел собой и ни единым звуком или жестом не выдал удивления словами Эрдера, если таковое удивление вообще имело место. Вместо этого он заметил:

— Новая династия пришла к власти сто лет назад. Раньше свои великие планы начать строить вы не могли? Ретвальды оказались не самыми плохими королями, и никто и не вспоминает уже, как они взошли на трон. Брайан не лучший король из возможных, но и далеко не худший. Он не казнит придворных за малейшую провинность и не пускает слюни изо рта. Он такой же человек, как вы или я, и править старается мудро. Может быть, он не всегда мудр на деле — но он желает быть мудрым, а для короля уже и это немало. Так в чем причина столь неожиданных действий, Эрдер? Не говорите мне, что всю жизнь ждали подходящего случая, и лишь теперь набрались мужества начать. В такое я даже при желании поверить не смогу. Может сделаете мне одолжение и скажете наконец хоть какую-то правду?

— Я сказал вам всю правду, какую могу сказать в этих обстоятельствах, — ответил герцог Севера. — Обо всем остальном позвольте умолчать, хотя бы пока. Давайте лучше перейдем ближе к делу. Ваша дочь у нас в руках, под надежной охраной, и ее жизнь будет зависеть от вашего благоразумия. Мне нужно, чтобы вы отдали приказ солдатам сложить оружие и не оказывать сопротивления, когда мы пойдем на штурм цитадели. Я не хочу

лишних жертв, ведь мы все служим королевству, и честные воины не должны погибать от того, что связаны противной Господу присягой. В час, когда мы начнем мятеж, расквартированные в столице войска не должны оказать сопротивления. В противном случае, юная Айна умрет.

— Вот значит как... — произнес отец. — Да вы меня сегодня поражаете. Если уж задумали поднять восстание, могли бы и не извещать меня об этом. Или надеялись, что я приму ваши требования? Я не стану их принимать.

— Не станете? — самообладание лорда Джейкоба, казалось, дало трещину.

— Не стану. Я не так бесхребетен, как вам, наверно, показалось.

— И вы, — несмотря на нарочитое равнодушие, чувствовалось, что Эрдер потрясен, — готовы подписать смертный приговор собственному ребенку?

— Иной раз, — казалось, что Раймонд Айтверн вот-вот рассмеется, — иной раз действительно цель оправдывает средства. Убирайтесь в бездну, Эрдер, со своим шантажом, своими высокими помыслами и своей благородной душонкой. Да будет вам известно, что я не только отец своих детей, но также вассал своего короля, и я этому королю клялся. Я бы не нарушил своей клятвы, если б вы приставили к моей шее меч — и не нарушу, пусть даже вы имели наглость угрожать мечом жизни моей дочери. Я не намерен жертвовать королевством... даже во имя своей семьи, и уж точно не под страхом чьей-то смерти. Уверен, ваш дурацкий, дутый заговор не имеет никаких шансов на успех. Иначе бы вы не приказывали мне сложить оружие. Иначе бы вы не шли на авантюры. Иначе бы вы просто вывели войска в поле и одержали победу. Но вы ее не одержите.

В комнате воцарилось молчание, густое и тягостное. Артур не решался даже пошевелиться, казалось, что любое неосторожное движение, поворот головы или даже шумный вздох способны обрушить снежную лавину.

— В таком случае, — медленно произнес Джейкоб Эрдер, опустив голову, — вы должны понимать, что не выйдете отсюда живыми. В соседних комнатах три десятка мечников и арбалетчиков. Герцог Айтверн, или спасите свою дочь своим согласием — или вам не жить.

— Ну что ж, — в тон ему откликнулся отец, — в таком случае, мы продадим свои жизни недешево. Зовите своих псов, герцог, но прежде, чем они войдут, я вас убью. Согласны на такой размен?

Артур напрягся, его пальцы шевельнулись, ища рукоять меча, и тут же замерли — любой неосторожный жест сейчас мог оказаться гибельным. Будь спокойным, парень... Соберись... Юноша чувствовал, что и герцог Айтверн, и капитан готовы в любой момент начать схватку.

Владыка Севера выпрямился, будто принял наконец некое решение, и казалось уже собрался что-то сказать. Чем бы обернулись сказанные им слова? Звоном стали? Пением тетивы? Хлынувшей из чьего-то горла кровью? Кто умрет сегодня в этом доме?

— Пойдите! — раздался голос из дальнего конца залы. — Пойдите, господа! — на озаренный чахлым пламенем пятючок света вышел давешний проводник. Он выглядел взволнованным, от лица отлила кровь, левое плечо едва приметно подрагивало. — Не нужно проливать кровь, она вам всем еще пригодится. Я не расположен смотреть на смертоубийства — поел недавно, вытошнит не дай бог. Отпустите этих людей.

— Господин мой, — лорд Джейкоб казался ошарашенным. Реакцию отца Артур проследить не мог. — Господин мой, вы уверены?

— Уверен, — отрезал его собеседник, скривив левый край рта. — Я не хочу, чтобы кто-то из вас умирал. Герцог Айтверн! Вы и ваши спутники свободны, настолько же, насколько свободен вольный ветер. Можете уходить, никто вам ничего не сделает, если только сами не попросите.

— Весьма неожиданное заявление, — сообщил отец, не делая и попытки встать с места. — Мне казалось, что решения принимает здесь господин Эрдер, и он уже принял решение меня не отпускать. Очень любопытно. И что же, — старший Айтверн слегка приподнял подбородок, — вы, Джейкоб, готовы исполнить прихоть собственного... слуги? — Последнее слово было произнесено с явной иронией. Артур не понимал уже ровным счетом ничего. Да что здесь творится?

— Готов, — после короткого колебания ответил Эрдер. — У меня не осталось иного выхода... никакого. Раймонд, вы можете идти. Приятно было вас повидать, хотя и сожалею, что не смог убедить вас в своей правоте. Еще увидимся, я думаю, когда-нибудь.

Раймонд Айтверн медленно, очень медленно встал, оттолкнувшись руками от подлокотников кресла. Резко повел плечами, тряхнул полами плаща, будто смахивал с одежды пыль. Обернулся к отпустившему их человеку и долго всматривался в его лицо, словно стараясь запомнить в памяти каждую черточку. Губы лорда Раймонда несколько раз беззвучно шевельнулись. А затем он отвесил глубокий, выверенный до малейшей детали церемониальный поклон, почтительный, исполненный почти сверхъестественного смирения. Так кланяются лишь королям.

— Благодарю вас, — негромко сказал отец. — Я этого не забуду.

— Не забывай, — эхом откликнулся человек в коричневом плаще, — хотя ты и понимаешь, почему я это сделал... Почему и зачем. Ты нужен мне. Я буду использовать всех, до кого дотянусь, пока не получу то, что должен... и после того тоже.

Раймонд не ответил, только странно мотнул головой и направился к выходу. Артур потерянно последовал за ним. Он чувствовал, как Эрдер и его соратники, ни разу так и не вступившие в разговор, провожают уходящих взглядами. Никто не посмел заступить герцогу Айтверну и его спутникам дорогу.

Когда они оказались на улице и немного отошли от дома, где беседовали с предводителем заговорщиков, Артур резко остановился, глядя отцу в спину.

— Пойдите, отец.

Герцог Запада нетерпеливо обернулся:

— Что еще такое? Нам нужно спешить. Нас могли отпустить только по одной причине — они выступают уже сегодня. Может быть, ближе к утру или днем, но никак не позже. Нас не убили только потому, что хозяин Эрдера полагает себя также и хозяином положения. И, отчасти, он прав, преимущество на его стороне. Будь я хоть трижды лордом-констеблем, все равно не могу просто так приказать взять Джейкоба под арест, без веских доказательств, которые принял бы Коронный совет. Слово повелителя Запада против повелителя Севера — это просто слово, и оно ничего не значит. Две трети лордов тут же выступают против нас, даже если они до того не были замешаны в мятеже. Все, что нам остается — поднять гарнизон столицы по тревоге и ждать первого удара. Уверен, он будет вот-вот нанесен. Идемте, нужно успеть в цитадель.

— Нет, — медленно произнес Артур, не сводя взгляда с отца. Грудь вдруг перехватило, юноше стало тяжело дышать. — Мы не пойдем в цитадель, мы пойдем спасать мою сестру. Как вы могли пожертвовать ею?! Уверен, она где-то в городе, может, во дворце Эрдеров,

может, еще где. Мы должны ее освободить!

Они втроем стояли на пустынной ночной улице, сын напротив отца, и капитан Уилан в стороне.

— Вы предали Айну, — сказал Артур.

— Не будьте дураком, сын мой, — ровным голосом отвечал лорд Раймонд. — Или не слышали, что я говорил Джейкобу? Я не пойду на их требования даже ради спасения ее жизни, как не пошел бы ради своей. Если хотите стать со временем герцогом Айтверном, попробуйте это понять.

Артур не спеша, дюйм за дюймом, вытащил меч из ножен. Странно нагревшаяся рукоять горячила ладонь, казалось, что меч, подобно своему хозяину, полыхает от гнева — вот-вот искры полетят. Клинок в руках придавал уверенности.

— Мы пойдем спасать Айну, — отчеканил молодой Айтверн, ощущая охватившую его всего дрожь.

— А иначе вы станете со мной драться? Ну попробуйте. Я выбью оружие у вас из рук, не доставая своего, и потом вашим же клинком отхожу вас по заднице так, что вопли будут слышны за Полуденным морем. Нам с Орсоном нужно посетить короля. Хотите — сопровождайте нас. Нет — проваливайте ко всем чертям. Не могу сказать, что это будет большая потеря.

И, не говоря больше ни слова, Раймонд Айтверн отвернулся, подставляя мечу Артура спину, и, сопровождаемый капитаном Уиланом, направился вперед по улице. Артур немного поглядел на их удаляющиеся фигуры, чувствуя себя так глупо, как никогда в жизни. А потом спрятал оружие в ножны и пошел следом.

Глава четвертая

Его величество Брайан Ретвальд, милостью Господней король Иберленский, герцог Райгернский и граф Илендвальд, Восседающий на Серебряном Престоле, Хранитель Государства и Щит Отечества, сонно щурил глаза, прикрывая их узкой ладонью от яркого света зажженных в монаршей опочивальне светильников. Растролканный посреди ночи, король имел вид бледный и невыспавшийся, и поначалу слушал явившегося к нему герцога Айтверна рассеянно и вполуха. Брайан Ретвальд сидел посреди заваленной пуховыми подушками огромной кровати, натянув толстое одеяло до самого подбородка, и время от времени вяло кивал, покуда повелитель Запада рассказывал ему о событиях последних суток. Отец стоял в трех шагах от своего монарха, небрежно опираясь спиной о стену, и выглядел спокойным и уверенным в себе, настолько, что это вызывало раздражение. Он говорил о похищении собственной дочери и готовящемся герцогом Эрдером перевороте с небрежностью, которая больше полагается беседам о светских пустяках. Такой-то вельможа словил стрелу в плечо на охоте, такая-то дама изменила супругу с оруженосцем, такая-то девица нарвалась на разбойников... проклятье, некая девица и в самом деле на них нарвалась. Потому что ее глупому брату не сиделось в родных стенах.

Терзаемый мрачными мыслями, Артур уселся на табурете в углу необъятной королевской спальни, завернувшись в плащ. Он чувствовал себя одиноким и потеряннным, не

приносящим никому здесь равным счетом ни малейшей пользы. Отчаяние смешалось с до конца еще не остывшей злостью, а поверх всего этого плыла невероятная усталость. Юношу постоянно клонило в сон, пару раз он начинал дремать, но всякий раз просыпался, стоило Гарту Терхолу, командиру столичного гарнизона, задать отцу какой-нибудь уточняющий вопрос. Генерал Терхол, вырванный прямиком из собственной опочивальни, стоял ровно, по стойке смирно, был одет в нарядный малиновый дублет и выглядел роскошно, как на смотре — хоть сейчас парадный портрет с него пиши. Если офицер и был удивлен известием, что один из наимогущественнейших лордов королевства готов поднять восстание, то виду не подал.

— Уже неделю в город малыми группами прибывают странные люди, — доложил Терхол, обращаясь к королю, — под видом купцов, крестьян, путешественников... Мы с лордом Айтверном заподозрили неладное и все последние дни пытались докопаться до сути дела... но суть дела предпочла первой докопаться до нас.

— Рассказываете красиво, Гарт, — меланхолично заметил отец. — Когда все закончится — напишите, пожалуйста, мемуары о наших злоключениях. Я и сам с удовольствием читаю, если доживу. Ваше величество, — продолжил лорд Раймонд, переводя взгляд на монарха, казавшегося совсем маленьким и незначительным посреди напыщенного роскошества своих покоев, — генерал прав, мы действительно заподозрили неладное — еще четвертого дня. Обычно в это время года в Тимлейн прибывает чуть меньше людей... ненамного, но меньше. Собственно, нас насторожила одна маленькая деталь, проскользнувшая в описях приезжих — среди приезжих преобладали сильные мужчины в расцвете сил, и куда меньше в сравнении с ними было женщин и стариков. Мало ли что бывает, конечно, но мы встревожились, хотя и допускали, что наши страхи могут не иметь никакого основания. Увы, основание нашлось... Эрдер тщательно все спланировал — его люди добирались в столицу с разных сторон, по всем дорогам, и знали что ответить на случай распросов. Я приказал ужесточить досмотр — без особых успехов, впрочем. Люди Терхола тщательно проверяли приезжих на предмет оружия, но при них не было ничего, помимо дозволенного — ни тайно, ни явно. Полагаю, оружие ввозилось в город задолго до этого, небольшими партиями, может, еще с осени, и размещалось на принадлежащих Эрдеру складах. Мы хотели добиться у магистрата разрешения провести досмотр и потом уже идти к вам, но тут, как правильно заметил генерал Терхол, суть дела первой до нас докопалась. Об остальном я вам уже рассказал.

Раймонд Айтверн замолчал. Вытащил из рукава камзола белый кружевной платок, вытер им абсолютно сухой лоб. Бросил платок под ноги, прямо на меховой ковер.

Будь Артур не так захвачен обуявшим его чувством вины, он заметил бы, что лорд Раймонд ни единым словом не обмолвился о странном посыльном, по непонятной причине посмевающим приказывать самому герцогу Эрдеру. Но Артур в ту минуту весь был во власти злости и презрения к самому себе, и даже не подумал об этом.

— Я благодарю вас за верную службу, мой добрый вассал. Хотя вести, принесенные вами, и недобрые, — голос у короля был высокий и тонкий, сильно смахивающий на женский. В нем отчетливо проступала неуверенность. — Я соболезную участи вашей очаровательной дочери. Всегда примечал юную Айну и надеялся, что через год она станет хорошей невестой моему сыну. Сожалею о вашей утрате.

У герцога дернулся кадык.

— Предательства всегда приходят неожиданно, и оттого ранят в самое сердце, —

задумчиво продолжил король Брайан, теребя пальцами край одеяла. — Друзья оказываются врагами, свои — чужими, те, кто приносил клятву — клятвопреступниками. Смутные дни настали, ох и смутные.

Да он же просто не знает, что сказать, — сообразил Артур. Потрясен новостями, понятия не имеет, какой приказ отдать, вот и топчет в ступе учтивые слова. Он бы еще молиться начал. Государь должен повелевать своими подданными, а не пытаться их утешить, — подумал наследник Айтвернов со злостью.

— Юный Артур, — неожиданно сказал король, — подойди ко мне.

Сын лорда Раймонда вздрогнул от неожиданности и захотел провалиться сквозь землю, но с табурета встал и медленно приблизился к ложу Ретвальда. На душе сделалось неуютно, будто король подсмотрел его за каким-то постыдным занятием — рукоблудием, скажем.

— Юный Артур... — Брайан Ретвальд немного пожевал губу, созерцая застывшего перед ним подданного. Задумчиво потер подбородок. — Мальчик мой, — наконец вымолвил его величество, — ты, верно, винишь себя за то, что не уберег сестру. Не терзайся попусту. Ты вел себя достойно, и дрался мужественно, как и подобает настоящему воину. — Артур опустил голову. — Лучше оставь печаль и тревогу. У нас впереди бой, но мы выстоим, с твоей помощью и с помощью твоего отца.

Артур кивнул.

— Разумеется, сэр. Мы выстоим.

— Что ж, я рад видеть, что ты не сломлен и не поддался отчаянию, — продолжил король. Артур молча смотрел в бледное, правильное лицо. Брайан Ретвальд очень походил внешне на своего предка, Бердарета-Чародея, каким того изображали прижизненные полотна — но не обладал и малой долей его холодного нрава. Взгляд государя казался мягким и сочувствующим, и это раздражало юношу. — Уверен, твой меч окажет нам помощь в грядущем бою, — сказал Брайан. — С такими храбрыми воинами как вы, Айтверны, я чувствую себя в полной безопасности.

— Артур, отойди назад, — раздраженно вмешался отец. — Ваше величество, это все замечательно, но давайте вернемся к делам насущным. Нам нужно готовиться к штурму. Будь я проклят, если они не ударят в ближайшие часы — а я навряд ли когда-нибудь буду проклят. Гарт сейчас отправит гонца в казармы, дабы поднять гарнизон. У нас должно хватить сил, чтобы победить в столице, я надеюсь. Сейчас же пошлю людей в соседние графства, чтоб вызвать тамошние войска, но при лучшем раскладе они не подойдут быстрее, чем через два дня. Все решится сейчас. Мы не можем ударить первыми — если вы не желаете, чтоб через месяц все дворянство страны трезвонило о тиране, перебившем собственных вельмож, и влилось в заговор, сделав его всеобщим. Но мы отразим удар. И отрежем руку, что его нанесет.

— Герцог, — Брайан кивнул, — благодарю вас за своевременные и решительные действия. Я всегда знал, что могу рассчитывать на вас.

— Я тоже всегда знал, что вы можете на меня рассчитывать, сэр. Опустим красивые слова. Полагаю, на время наступившей смуты, вам и вашей семье лучше покинуть столицу. Я распоряджусь немедленно отрядить лучших воинов вам в охрану. Вы и ваш наследник пройдете по Старой Дороге. Это будет безопасней всего.

— Лорд Айтверн! — удивительное дело, отметил Артур, но Ретвальд на мгновение даже стал похож на мужчину — черты лица отвердели, глаза прищурились, желваки заерзали. Диковинные дела, что и говорить. — Уж не хотите ли вы сказать, что я могу бросить

Тимлейн на потеху каким-то шелудивым псам?! Отдать мой столичный город предателям и изменникам?! Одним таким предположением вы оскорбили меня, герцог Запада. Я венчан короной иберленских владык, и могу, по-вашему, бежать перед битвой за собственный трон? Я останусь в замке, и мы вместе угостим этих подлецов сталью. Не надейтесь меня переубедить.

— Как пожелает мой господин, — отец склонился в вежливом поклоне, но чувствовалось, что он зол. — Тогда позвольте покинуть вас. Необходимо отдать необходимые приказы и проверить караулы.

— Да, конечно, — король тут же увял. — Можете быть свободны.

Сейчас или никогда. Потому что иначе никогда не решишься.

— Отец, — Артур подошел к лорду-констеблю, стараясь казаться как можно более убитым. Получилось легко, даже стараться не пришлось. Герцог Айтверн рывком обернулся и поглядел на наследника, как на докучливую муху. — Позвольте мне не сопровождать вас. Я так вымотался... сил никаких нет.

— Убирайтесь с глаз долой, — процедил лорд Раймонд. — Все равно пользы от вас я не вижу. Крепко спите и пусть вас посетят счастливые сны.

— Благодарю, — выдохнул Артур. С видимым усилием он поклонился присутствующим, слегка пошатнулся, тяжело дыша. А потом вышел, прикрыв за собой дверь.

Вывалившись из монарших покоев, через малую приемную, в коридор и завернув за угол, Артур Айтверн обессиленно привалился к стене и сполз на пол, подбирая под себя колени. А затем расхохотался.

— Господин, вам дурно? — выскочил откуда-то подвернувшийся слуга. Его можно было понять, не каждый день благородные господа валяются на полу и посмеиваются с видом умалишенных.

— Нет, мне хорошо.

Хотя ночь давно миновала за середину, в замке по-прежнему было хоть отбавляй гостей — весенний прием продолжался, играли музыканты, подносили напитки слуги, танцевали и просто голосили о чем-то придворные. К утру вряд ли многие из них смогут устоять на ногах, более того — странно, что до сих пор стоят. В Тимлейне умели гулять.

Нужных людей Артур нашел быстро. Впрочем, ему бы сейчас сгодились многие, особо выбирать не требовалось. Компания молодых людей в праздничных костюмах собралась подле одного из столов, с энтузиазмом сдвигая бокалы. Граф Александр Гальс, пару лет назад наследовавший убитому при нападении разбойников отцу и сейчас возглавляющий владетельный дом, тан Руперт Бойл, держатель каких-то болот на востоке, и Элберт Коллинс, старший сын герцога Джеральда Коллинса. Старые приятели и собутыльники. Сойдут.

— Добрый вечер, высокие лорды, — поприветствовал их Артур, приложив два пальца к виску. — Или, правильной сказать — утро?

— Утро не наступит, пока мы его не позовем, — ухмыльнулся Элберт, салютуя бутылкой красного астарийского вина. — Где пропадад, дружище? Мы, представь, места себе не находим — все пьют, все при деле, а Артура вдруг и не видно! Чудеса!

— У меня нашлось, чем заняться помимо выпивки, дорогой Элберт, — резко ответил юноша и сам тут же пожалел о своей резкости. Нет, одернул он себя. Так дела не делаются, недолго все провалить. — Впрочем, зато сейчас я освободился от всех своих забот и рад

составить вам компанию. Вы, я смотрю, времени и в самом деле зря не теряете. Винишко, картишки, — кивнул он в сторону стола, — дамы... хотя нет, дам-то я как раз тут не наблюдаю. Неужто двор короля Брайана оскудел прелестными девицами?

Элберт Коллинс тут же скис и тоскливо поглядел в сторону кружащихся в вальсе пар:

— Всех девиц разобрали более острые на язык и руку кавалеры. Мы, приятель, остались не у дел.

— Сочувствую вашей беде, господа мои! — воскликнул Айтверн, едва скрывая охватившее его возбуждение. Во всей этой ситуации ему открывался прекрасный шанс, и он собирался этим шансом воспользоваться. Встреченные им молодые аристократы были уже достаточно пьяны, чтоб согласиться впутать себя в какие-нибудь неприятности. — В таком случае, раз здесь вам невесело — предлагаю покинуть королевский замок и поискать удачи в другом месте. Грядущее утро мы должны встретить в горячих девичьих объятиях.

— Понятно-понятно, — протянул Руперт, демонстративно отворачиваясь. — Артур опять решил затащить нас в дешевый бордель. А потом устроить ссору с кутящими там наемниками.

— Позвольте напомнить, мой друг — в тот упомянутый вами случай, вы лично выкинули из окна на мостовую троих озверелых громил, да еще с таким торжествующим ревом... Мне казалось, вам понравилось наше тогдашнее приключение. Хотя на сей раз я намереваюсь предложить вам отнюдь не бордель, а кое-что куда поинтереснее.

— Что конкретно? — безразлично поинтересовался Александр Гальс. Его бледное лицо выражало полнейшее равнодушие к предмету разговора.

Айтверн демонстративно огляделся по сторонам, поднес палец к губам и опять-таки демонстративно — и очень даже громко — зашептал:

— Любезные сэры, вы тут спрашивали, где я пропадал... А я не пропадал, я очень даже занимался делами. Познакомился с одной девчонкой. Видели бы вы ее! Красива, как эльфийская чаровница... А глаза... какие у нее глаза! Сразу видно, что не девочка, а чистое пламя. Она сказала, что будет ждать меня к четырем утра. И у нее есть подружки, ничуть не хуже. И они с радостью разделят общество... мое или моих друзей. Ну, что скажете? Стоит прогуляться? Это намного лучше, чем заунывные придворные ундины, вы уж мне поверьте.

— Звучит заманчиво, — отметил Элберт. — А кто она, эта твоя эльфийка?

— О! Служанка в некоем знатном доме. Как следствие, никакого злого папаши, готового тянуть женихов под венец. Тут одна загвоздка. Хозяин дома не любит незваных гостей. И страже тоже велит не любить, а стража у него крайне исполнительная. Так что если лезть туда, то по-тихому, чтоб никто не заметил. Как воры. А потом пробраться в курятник... я хотел сказать — в домик для слуг, и приступить к делу. Но, милорды, согласитесь — в этом ведь и самый смак! Преодолевать препятствия, подвергать себя риску, совершать подвиги — что может быть упоительней для мужчины?

— Что за дом такой? — спросил Руперт, явно пропустивший мимо ушей всю прочую вываленную Айтверном болтовню. Молодой тан рассеянно поигрывал связкой ключей, временами подбрасывая их в воздухе или же делая ими выпады в пустоту.

Артур широко улыбнулся:

— Особняк герцога Эрдера.

— Да тебя бес попутал! — взвился Бойл.

— В таком случае, он путает меня всю жизнь. Тем не менее, я пришел к вам не с самым плохим предложением.

Впрочем, Руперт его уже не слушал, он аж побагровел от негодования:

— Ты спятил! Да это ж северяне, они совсем бешеные! Стреляют не глядя! Да им плевать, кто к ним забрался и зачем, к утру ты будешь покойником, а не любовником!

— Руперт, — терпеливо начал Артур, но был прерван.

— Ничего худшего ты с роду не предлагал! Да когда мы к купцам пролезли... это вообще было, что прогулка по цветущему лугу рядом с этой затеей! Это же Эрдеры, а Эрдеры сумасшедшие, неужто ты не понимаешь?

— Руперт...

— Я лучше вызову на поединок твоего отца, чем встряну в это...

— Тан Бойл! — Айтверн потерял терпение. — Довольно! Иначе мне придется предположить, что вы трусите, а с трусами я не пью! Что за недостойная благородного лорда истерика? Неужели вам не ясно, что за чудная возможность нам открывается? Не просто провести остаток ночи в компании милейших и очаровательных дам, но и подложить тем самым изряднейшую свинью его сиятельству повелителю Полуночи. Чем не подвиг? Где ваш охотничий азарт?!

— Сдается мне, Артур дело говорит, — встрял Элберт, которому явно уже море было по колено. — Не занудствуй, старина! Натянуть нос самому Джейкобу Эрдеру... об этом весь Тимлейн полгода болтать будет! Ну, не полгода, а три месяца точно, клянусь святым Бертраном!

Бедняга Руперт оказался промеж двух огней и без всякой возможности красиво уклониться в сторону, чего он сам явно хотел. Тан Бойл немного пожевал губу и наконец глухо сказал:

— Я с вами. Куда деваться, — и он с видом распятого за веру древнего великомученика похлопал ладонью по рукоятке меча.

Больше всего Артуру в тот момент захотелось издать торжествующий вопль и подпрыгнуть до потолка, но он с некоторым трудом сдержался и вместо этого обратился к Александру Гальсу:

— Ну а вы, граф? Принимаете участие в приключении?

Граф Гальс, всю жизнь, сколько Айтверн себя помнил, бывший сдержанным, если не сказать — апатичным малым, очень медленно поднял воротник плаща и произнес:

— Вы использовали не совсем верное слово, Артур. Разумнее будет назвать это "полным безумием", а не "приключением". Но мне нравится.

Сложнее всего оказалось вывести столь удачно подвернувшихся спутников из замка. Артур отлично помнил по опыту всевозможных передраг, пусть и не таких серьезных, как нынешняя, что подбить людей на рискованное предприятие иной раз бывает легче легкого, а вот не растерять их потом, уже по пути... К счастью, на сей раз никому и в голову не пришло передумать или засомневаться. На свежем ночном воздухе бывшие слегка навеселе молодые дворяне окончательно протрезвели, но никто из них не выразил и малейших сомнений по поводу предстоящего предприятия. Они отпускали несмешные шутки, картинно хватались за рукояти удачно оказавшихся при своих хозяевах мечей и всяческим образом хорохорились. Айтверну оставалось лишь прятать торжествующую улыбку. Хоть бы выгорело, хоть бы все и дальше шло, как по маслу, твердил себе он. Умом юноша понимал, что задуманная им затея со стороны должно показаться полным безумством, но не оставлять же сестру на милость лорду Джейкобу и его ублюдкам. Кто еще спасет Айну, кроме ее брата, по чьей вине она и

попала в ловушку? Тем более, если отец не желает ее выручать.

Артур и понятия не имел, где могут держать пленницу, но решил поставить на городскую резиденцию Эрдеров. Конечно, это место первым приходит в голову, оно самое очевидное из всех, но, в конце концов, где еще держать столь ценную добычу? Оставалось лишь проникнуть вовнутрь, при помощи ловко обдуренных гуляк, поскольку в одиночку Айтверн оценивал свои шансы крайне невысоко. А дальше уже предстояло действовать по обстановке. Как повезет.

Проклятая ночь все продолжалась, протягивая по небу длинные пальцы, но конец должен был наступить и ей, самое большое через пару часов. В глазах мелькали тени зданий, похожие на огромные могильные склепы. В редких окнах горел свет, да и то, эти умирающие лучины — они как огоньки на болоте... Вялый хоровод неоплаканных душ, дрожащих от холода. Мостовая лентой уносилась из-под копыт.

Коней оставили в маленьком парке в трех кварталах от дома лорда Джейкоба, привязав к деревьям, и дальше шли пешком, благо было недалеко. Вскоре впереди уже показались, едва различимые даже острому глазу на непроницаемо-черном небе, башенки резиденции северных герцогов. Подобно прочим знатым семьям, Эрдеры жили на широкую ногу. Их дом скорее можно было назвать маленькой крепостью, расположенной прямо посреди столицы. И солдат внутри наверняка больше, чем может хватить на каких-то четыре клинка. Жаль, что Элберт и остальные понятия не имеют, на что на самом деле идут и насколько все серьезно, но объяснять им сейчас тем более нельзя — вдруг струсят в последний момент и убегут? Лучше пусть по ходу дела все выяснится. Тогда отступать будет уже поздно.

Они вышли к опоясывающей герцогский дворец стене, сложенной из массивных каменных блоков, в два с половиной человеческих роста высотой, и нерешительно замерли у самого ее подножия.

— Вот и на месте, — сказал Артур преувеличенно бодрым голосом. — Дальше — самое веселье!

Элберт теребил перевязь, Руперт прятал глаза, Александр напоминал мраморную статую. Его бледное лицо чуть светилось в темноте, как алебастровая маска.

— Веревку, — сказал Айтверн все так же весело. — Я летать пока не умею, даром, что дракон.

— А твоя дама выйдет нас встречать? — спросил Руперт тревожно.

— Нет, — пожал Артур плечами как мог небрежно, — она, верно, прихорашивается в своих комнатах. Через парк пробежимся, часовые не заметят. А дальше — в домик прислуги. На широкую и мягкую постель. Но я, кажется, просил веревку?

Граф Гальс протянул ему тщательно скатанный тугой и порядком тяжелый моток, предусмотрительно вытасенный им раньше из седельной сумки. У Александра вечно оказывались с собой вещи, в данный момент жизненно необходимые. Порой Айтверн просто поражался запасливости своего молчаливого знакомого. Казалось, у него может найтись что угодно и абсолютно для любой нужды. Может быть, даже Посох Благочестия и зачарованный меч короля Брендара. Впрочем, Артур предпочел оставить свои мысли при себе. Он лишь кивнул в благодарность и принялся за дело.

Связал один из концов веревки в петлю, отошел на мостовую и размахнулся как следует, стараясь зацепить веревкой одно из каменных наверший стены. Это удалось ему лишь с третьей попытки — хотелось надеяться, что просто из-за темноты.

— Я пошел, — бросил Артур. — Как спущусь, за мной не лезьте. Если нет часовых, я

вам свистну. Голосом... черт побери, ну пусть будет голос соловья.

И, не дожидаясь ответа, бросился к стене — с разбегу оттолкнулся от холодных камней сапогами и полез вверх. Взобравшись на широкий парапет, Артур сел поудобнее, свесив ноги, и огляделся. Впереди лежал обширный парк, полностью погруженный во мрак — огромное темно-зеленое море. Сквозь стену деревьев виднелись горящие в усадьбе огни, больше всего их было по левую руку — очевидно, там находилось главное здание. Эрдеры жили замкнуто и редко посещали столицу, поэтому Артур бывал у них дома всего несколько раз, и основательно подзабыл, что здесь и как. Ладно, будем вспоминать... Но, проклятье! Чего ж он тут расслаживается? Лучшей мишени, если кто увидит — не сыскать. Юноша торопливо спрыгнул вниз — как оказалось, слишком уж торопливо.

Он упал в густую высокую траву, ушибся, перекатился на другой бок. Звездное небо над головой совершило сальто, в лицо брызнула земля, по плечу садануло болью. Глотая ругательство, Артур кое-как поднялся на ноги и отряхнул плащ. Головокружение быстро прошло, оставив по себе лишь полынную сухость во рту. Он торопливо огляделся и сделал несколько шагов вперед, под древесные кроны. Теперь бы прошмыгнуть мимо часовых.

— Эй, парень! — послышался откуда-то сверху негромкий оклик. — Стой на месте! Ты у меня на прицеле!

Артур мысленно выругался и замер, не шевелясь.

— Стою, — ровным голосом ответил он. — Вот толку тебе? Ты так хорошо видишь в темноте?

— А мне тебя видеть и не надо. На звук стрелами наспишу. Ох, как же ты пер... Ну ровно медведь по весне.

Айтверн сжал кулаки.

— Слушай, — сказал он тем не менее довольно миролюбиво, — стрелы тут будут излишними. Я не вор. Просто решил заглянуть к одной куколке из прислуги.

— А ну стой! — рявкнул стрелок, хотя юноша и без того стоял. — Что ты за птица, капитан решать будет. Заодно и куколку твою спросим, если не выдумал ты.

— Как можно...

— А ну заткнись! Раззувай пасть, когда я скажу. У тебя, щенок, меч при себе есть? Медленно вытащи и кинь в траву. Медленно, я сказал!

Артур пожал плечами и неспешно вытащил из ножен клинок. Выкованная для его деда лучшими иберленскими кузнецами сталь тускло блеснула во тьме. Юноша отвел руку в сторону и разжал пальцы. Меч почти беззвучно упал на землю.

— Сделал, — хрипло сказал Айтверн. — Что дальше?

— А дальше я как следует тебя обыщу. Смотри, не дергайся. И не пробуй бежать, со стрелой в заднице не побегаешь. Я сейчас спущусь.

Ну и дурак, подумал Артур, но вслух ничего не сказал.

Раздался легкий шорох — видать, часовой наконец спрыгнул со своего гнезда. Напрягши слух, Артур сумел выловить из шепота листьев едва-едва слышные шаги, прежде чем стражник вышел к нему, вынырнув из ночи, как из темной воды. Это был невысокий плечистый мужчина, кряжистый, будто сказочный гном. В одной руке он держал короткий меч, из-за спины виднелся лук.

— И сдалось тебе, пострел, здесь ночью шататься? — спросил лучник неожиданно миролюбиво. — Назначил бы свиданку где еще...

— Да сам понимаешь, несподручно, — в тон ему ответил Айтверн. — Все дела да

дела, — он вскинул правую руку, шлепнув по запястью левой ладонью. Из рукава камзола, выброшенный предусмотрительно привязанным к кисти спусковым механизмом, вылетел нож. Охранник попробовал отдернуться, ему было нельзя отказать в хорошей реакции — но куда там. Острое лезвие вонзилось ему прямым в горло. Хлынула кровь, с коротким хрипом лучник повалился на землю.

— На твоём месте я бы выстрелил сразу, — сухо сказал Артур и пнул тело сапогом. Подобрал брошенный меч.

Он вернулся к стене и несколько раз выразительно просвистел. Через некоторое время к нему присоединился перелезший через стену Александр Гальс. Граф приземлился прямо на ноги, с достойным зависти изяществом.

— Где остальные? — шепотом спросил Артур.

— Они сейчас будут здесь.

— Превосходно, — пробормотал юноша.

— Не уверен, — бросил Гальс. — Кажется, ты предпочел не объяснять своим друзьям, на что они идут. — Айтверн замер. — Если бы я хотел проникнуть в дом Эрдеров, — задумчиво продолжал Александр, отходя от стены подальше и поманив Артура за собой, — то придумал бы для завлечения компаньонов нечто поумней жаждущих мужской ласки служанок. Я бы вообще не стал полагаться на придворных пьяниц. Взял бы проверенных людей. Собственных гвардейцев.

Артур остановился за спиной у графа. Его лицо горело.

— У меня нет проверенных людей, — признался юноша. — Я сын герцога, но пока что не герцог.

— Я заметил. — Гальс склонился над трупом часового. — Хороший бросок. Но будь этот человек на посту не один, для тебя все было бы уже закончено. Что тебе понадобилось в доме лорда Джейкоба, да еще в эту ночь?

Граф Гальс рывком обернулся к Артуру, оказавшись с ним лицом к лицу. Мертвенное лицо Александра казалось вырезанным из мрамора, на нем жили только глаза — зоркие, цепкие, неотступные. Глаза хорошего бойца.

— Айна Айтверн, — через силу выговорил юноша. — Моя сестра. Герцог Эрдер похитил ее. Он задумал мятеж против короля. Они хотят скинуть Ретвальда и посадить на трон... не знаю, кого. Они взяли в плен Аynu и шантажировали отца. Сказали, что если он не прикажет войскам сложить оружие, его дочь умрет. Отец отказался. Сказал, его этим не проймешь. Теперь Аине конец, если я только ее не спасу!

Александр долго смотрел куда-то вдаль, юноше за плечо. Гладил затянутой в перчатку ладонью витой эфес. Не говорил ни слова.

— Я не знал, — произнес он наконец неживым голосом. — Даже не подозревал ни о чем подобном. О том, чтобы Эрдер посмел опуститься до такого... Он должен был мне сказать, прежде чем принимать подобные решения. Так, значит... Постой... Ты собрал кого попало, сочинил дурацкую байку, и решил штурмовать особняк Джейкоба?

— Да, черт побери! А чего мне еще было делать?

— Ты идиот, — резко сказал Гальс. — У твоих родичей часто гонора больше, чем ума, но ты — просто лишен мозгов. Тебя бы мигом убили, и твоих дружков тоже. Впрочем, неважно. — Граф сделал шаг назад, чуть не наступив на труп. — Ты точно уверен, что Эрдер шантажирует лорда-констебля жизнью его дочери? Что он убьет твою сестру?

— Да. О чем я тут распинаюсь?!

— Совершенно точно? Повторяю, ты в этом уверен? Сам слышал и видел? Можешь поклясться?

— Могу, — выдавил Артур. Во рту пересохло. — Кровью Господней. И райскими вратами. И честью.

Выражение лица Александра изменилось. Совсем немного, но и того оказалось достаточно. Артур не знал, о чем думает граф, но ему вдруг почему-то стало страшно. "Он должен был мне сказать". Почему лорд Эрдер должен был сообщить о своих планах лорду Гальсу? Уж не потому ли...

— Обернись, — шепотом приказал Гальс. Айтверн бессознательно подчинился, хотя и понимал, что подставлять спину оказавшемуся на диво проницательным знакомцу опасно.

К ним уже шли Бойл и Коллинс. Неприятно веселые на вид.

— Ну, а вот и мы! — громко сказал Элберт. Слишком громко. — Не заскучали тут?

— Не заскучали, — отрешенно сказал Гальс, выскальзывая вперед, по левую руку от Артура. — Пока вы прохлаждались на улице, мы с лордом Айтверном успели кое о чем переговорить.

— В самом деле? — весело переспросил Коллинс. — И что говорит лорд? Хотя какой он лорд... Папенькин сынок. Ты еще моего коня лордом назови.

— Этот папенькин сынок сказал очень много интересных вещей, — вымолвил Александр. — Руперт, Элберт... что вам известно о судьбе некой Айны Айтверн?

— Глупой малерионской девки? — спросил Элберт. — Она здесь при чем?

— Возможно, не при чем, а возможно, при многом. Мне открылись некоторые любопытные детали, прежде сокрытые мраком. Элберт, ваш достопочтенный отец порой бывает с вами откровенен. Он случайно ничего не упоминал о похищении дочери герцога Айтверна?

— Проклятье... Какой дурень тебе проболтался? Или... — Но тут Элберт осекся, запоздало сообразив, что раскрыл себя.

Александр выхватил меч:

— Артур! Прикрой бок! Я на твоей стороне!

И, не дожидаясь ответа от ошарашенного юноши, бросился вперед, пробуя достать Коллинса в выпад. Элберт ловко отступил, слишком ловко для крепко выпившего не так давно человека, и обнажил свой клинок. Загремела сталь.

— Ты, верно, обезумел, дружище! — крикнул Коллинс. — Чего на тебя нашло?

— Это вы обезумели, — огрызнулся Гальс, проделав финт. По клинку скользнул лунный свет. Элберт парировал, пусть и не из самой удачной позиции, очень быстро крутанулся и атаковал. Отличный удар, в иной ситуации Айтверн бы заплодировал, но сейчас он превратился в неподвижную статую и совсем перестал что-либо соображать. Гальс уклонился в сторону, взметнулся его черный плащ, и долю секунды спустя Александр сам сделал выпад. Элберт Коллинс с коротким ругательством отразил обрушившийся на него удар — раздался звон, совсем, как когда разбивается бокал.

Тан Бойл обогнул сражающихся и двинулся к Артуру. Острие его меча смотрело юноше в живот.

— И как это понять? — спросил Айтверн, выходя из гущи деревьев на открытое пространство. — Вы что, на стороне предателей?

Руперт не ответил, просто сделал еще один шаг навстречу. Артур лихорадочно соображал, сможет ли драться при таком недостатке света — звезды горели ясно, но и

только. Александр и Элберт, правда, как-то дерутся, но в своих силах Артур был не уверен.

— Мы же друзья, Руперт, — с отчаянием сказал Айтверн. — Как вы могли стать мятежниками? Как могли?!

— Нет у тебя друзей, — бросил Бойл.

Он сделал еще один шаг.

— Я, конечно, тебя убью, — сообщил Артур, стараясь выглядеть самоуверенно, — но совсем не хочу этого делать. Предлагаю тебе одуматься.

Руперт не ответил. Его меч взлетел вверх, нацелившись Айтверну в горло. Каким-то образом Артур все же сумел закрыться, несмотря на темноту. Не давая времени на передышку, Руперт сделал новый выпад. Артур смог отвести его скорее интуитивно, не то чтобы увидев, откуда именно летит разящая сталь, а просто догадавшись. Владелец Бойлских топей всегда дрался хорошо, но предсказуемо, и профехтовал с ним на десятках тренировок, можно было чувствовать себя спокойно и в настоящем бою. Правда, Айтверну раньше никогда не случалось сходить с Рупертом в настоящем бою.

— Настоящих друзей, — отрывисто сказал Бойл, когда они разорвали дистанцию, — никогда не заманивают смерти в пасть, сочинив для них смешную сказку.

— Зато на них также не поднимают оружия! — крикнул Артур, все больше распаляясь и жалея, что не успел вытащить нож из горла вражеского гвардейца.

— Ну тогда мы друг друга стоим, — подвел черту Бойл и вновь пошел на сближение. Айтверн, решив больше не давать ему инициативы, ударил сам, метя в правое плечо. Руперт легко поставил блок. Артур в ответ на это, не давая врагу передышки, вновь попробовал атаковать, на сей раз целя пониже бедра, но Бойл поспел и здесь. Своим тяжелым мечом он орудовал с завидным изяществом. Руперт дрался с уверенностью и ловкостью хорошего бойца, и Айтверну никак не удавалось зацепить противника. Два клинка кружились друг против друга, выделявая фигуры замысловатых плетений, порой со стуком соприкасаясь, и юноше уже начинало казаться, что это он сам следует за мечом, а не меч следует за ним.

Айтверн больше не пытался говорить с Бойлом, берег дыхание. Временами, когда острое вражеского клинка проносилось опасно близко, Артур вскрикивал, мимолетно поражаясь собственной несдержанности. Юноше хотелось бы верить, что проходи схватка днем, на ясном свету, что будь он сам выспавшимся, отдохнувшим, полным сил, то победил бы Руперта легко, за десять ударов сердца, и даже не заметил бы этой победы. Хотелось бы верить, но ни вера, ни неверие не имели сейчас значения. Значение имело только время — утекающие мгновения, за которые следовало все успеть. Значение имели только скорость, быстрота реакции, внимательность и мастерство. Кирпичики, из которых складывается фантом под названием "удача". Артур бился почти вслепую, но как-то все же бился... и был пока жив и даже не ранен.

— Жил, как сволочь, и подохнешь также, — неожиданно сказал Руперт после очередного обмена ударами. — Ты себя, наверно, очень любишь... да вот только весь мир от тебя воротит.

Айтверн сжал зубы. Очень хотелось бросить в ответ что-нибудь злое и остроумное, и он уже даже придумал что, но тут Бойл вновь перешел в нападение, и единственным подходящим остроумным ответом оказался вскинутый меч.

— Ладно б ты был просто врагом, — продолжал тан, обрушивая клинок сверху вниз, — но ты и сам по себе — мразь.

— Да катись ты ко всем чертям! — огрызнулся Артур. Весь дрожа от овладевшей им

ярости, он бросился в новую атаку. Тан успел вовремя отступить — но, как оказалось, угодил из пожара в потоп. Руперт вдруг коротко, булькающе вскрикнул, и из его груди вырвался, мгновенно окрасившись кровью, длинный тонкий клинок.

— На будущее, — заметил граф Гальс, аккуратно высвобождая свой меч из тела убитого и безучастно глядя, как последнее падает к его ногам, — просто на будущее. Всегда убивай своих врагов быстро. А не то их убьют твои друзья, и ты попадешь в глупое положение.

Артур потряс головой. перевел дыхание.

— А мы друзья? — тихо спросил он.

— Нет, — спокойно ответил граф, вытаскивая кружевной платок и принявшись вытирать окровавленный меч. — Я это ради красного словца сказал.

Платок набух алым, стал даже на вид тяжелым и влажным, а лезвие так и не очистилось. Александр брезгливо поморщился. Айтверн скосил глаза за плечо своему спасителю. Элберт Коллинс лежал на забрызганной кровью траве чуть поодаль и также был мертв.

— Давай отойдем немного, — сказал Александр и протянул Артуру руку. Кожаная перчатка тоже была в крови. Как и все здесь. — Поговорим.

Айтверн не шелохнулся.

— Поговорим здесь.

— Ну что ж, здесь так здесь, — вздохнул Гальс. — Ты правильно догадался, я действительно заодно с Эрдером. Эти мертвецы тоже были с ним заодно. Я убил своих друзей ради тебя, врага. Даже не знаю, что делать теперь. Могу, например, убить заодно и тебя. Выйдет хороший размен, и все по-честному. — Артур молчал. — Не знаю, как вышло, что ты наткнулся именно на нас, — продолжал Александр. — Мы должны были быть этим утром во дворце. — Граф посмотрел на небо. Небо светлело. — Будет очень длинный день, лорд Айтверн. Длиннее, чем ночь. Мы выступаем сегодня. Мы пойдем на штурм цитадели и дадим Иберлену нового короля. Так решено, так и случится. Вот только сказанное тобой оказалось новостью даже для меня. Это правда, насчет твоей сестры? Герцог Эрдер посмел впутать в наши дела невинного ребенка?

— Посмел, — выдохнул Артур. Его злость никуда не делась, напротив, ее сделалось лишь еще больше. Она поднялась до самого горла и обратилась в один огромный штормовой океан. — Посмел, еще как посмел! У него кишка на такое не тонка, даром, что весь благородный. И я тоже кое-что посмею. Для начала — это я тебя убью. Вот этой красивой игрушкой, — взмахнул он мечом. — А после — прикончу всех дрянных скотов, что здесь окопались. Всех до единого, и этого вашего нового короля, кем бы он ни был — тоже. Мне плевать, сколько вас тут собралось, никто живым не уйдет. Я найду Джейкоба Эрдера, и намотаю его благородные кишки ему же на язык. Тебе понятно?! В позицию, отымей тебя бес!

— Все же ты исключительный дурак, — устало сказал Александр, пряча клинок в ножны. — Ладно, герой, хватит петушиться. Я помогу тебе спасти твою сестру.

Глава пятая

Все вышло очень быстро и очень глупо. Артур остался сражаться с врагами —

обнаженная шпага, гордая осанка, совершенно обезумевшее лицо. Он всегда становился безумцем, когда приходила беда, когда горевший в их общей крови огонь становился нестерпим и рвался наружу. Драконья кровь — больная кровь, и погасить это пламя нельзя. Он остался сражаться, а она побежала. Побежала, хотя и понимала, что все это бессмысленно и тщетно — еще до того, как из-за углов в проклятый переулок выбежали люди в масках, такие же проклятые чужие люди, как те, оставшиеся позади. Вот только здесь и сейчас некому было ее спасти.

Айна Айтверн выхватила из рукава стилет. Тонкий, острый, идеально заточенный. То была ее маленькая смертельная игла, никогда раньше не оставлявшая свою хозяйку.

От страха мутилось перед глазами, но девушка все же сделала укол — прямо в живот первому из подвернувшихся врагов. Ее руку тут же перехватили и грубо вывернули, оружие само выпало из потерявших силу пальцев. Впрочем, силы в этих пальцах не было никогда. Айну грубо обхватили за плечи и талию, она пробовала вырваться, но держали ее крепко. Девушка закричала и продолжала кричать, призывая на помощь кого угодно — брата, живущих в квартале людей, городскую стражу, но ответили ей только наглухо закрытые ставни. Затем последовал удар чем-то тяжелым по затылку, и вокруг сделалось темно и тихо.

Она очнулась в небольшой, скудно обставленной комнате. Узкая жесткая кровать без перины, застеленная белой простыней, голые каменные стены, тонкий серый ковер на полу. Из комнаты вела лишь одна дверь — массивная, обшитая железом, с маленьким отверстием внизу и таким же маленьким оконцем наверху — оконцем, зарешеченным стальными прутьями. И было здесь лишь одно окно — у самого потолка, тоже зарешеченное. Окно выходило в клонящийся к закату день, и когда Айна очнулась, видимый край неба был подернут золотом. Мир погружался в ночь, а ей досталась тюремная камера. Клетка. Пять шагов от стены до стены.

Айна села на кровати, уперевшись спиной в стену и обхватив руками колени. Закрывает глаза. Ее немного подташнивало и болело ушибленное плечо, но в остальном девушка чувствовала себя прилично. В той степени, в какой можно чувствовать себя прилично, если знаешь, что находишься в тюрьме. В тюрьме... Ее похитили не обычные уличные грабители, впрочем, последнее было ясно и так. Кто-то очень тщательно подстроил им с Артуром засаду. Но вот только кто? И зачем? Выкуп? Шантаж? У происходящего не могло не быть цели, и от этой цели за милую душу либо наживой, либо политикой.

Дочери лорда Раймонда стало страшно, и она погрузилась в бесцельные размышления, которые единственные могли отвлечь ее от холодных стен, от давящей тишины, от крохотного окна с лоскутом неба в нем и от страха. Когда ты ничего не можешь сделать, ты можешь хотя бы думать. Из-за двери не доносилось ни шороха, и это было хуже всего.

Прошел очень длинный час, и когда небо окончательно потемнело, став из золотистого темно-лиловым, к Айне пришли. Дверь отворилась медленно, с тяжелым скрежетом, и в камеру вошел крепкого сложения мужчина, несший перед собой дымящий факел. За спиной прищельца маячил воин в легких доспехах и в шлеме, не решивший переступить через порог. Господин и слуга.

— Вечер добрый, госпожа, — сказал мужчина с факелом, стараясь говорить мягко. Облаченный в простые, но ладно скроенные одежды темного цвета, он не держал на виду оружия. У зашедшего в комнату человека было правильное, хотя и тяжеловесное лицо. Прошитые седыми прядями черные волосы падали ниже плеч. Одетый в черное гость был прекрасно знаком дочери герцога Айтверна — ну еще бы, она ведь не раз видела его при

дворе, среди прочих надменных вельмож, но не теряющимся в роскошной толпе, а напротив, возвышенным над прочими дворянами... почти надо всеми. Этот человек нередко стоял по левую руку от королевского трона. Этот человек однажды танцевал с Айной на балу, и она надолго запомнила, какие у него сухие, жесткие, мозолистые руки.

— Лорд Эрдер, — произнесла девушка, морщась от забивающегося в ноздри горького дыма, — я почему-то ничуть не удивлена.

— Тогда вы слишком дурного обо мне мнения, — сказал герцог Джейкоб Эрдер. — Я сам не знал, что пойду на такое. Мне пришлось.

— В самом деле? — спросила Айна.

— Увы, — признался Эрдер немного виновато. — Я не больно хотел, и с охотой нашел бы иной выход, существуй он.

Девушка не ответила. Ее вдруг захлестнуло презрение к этому высокому красивому человеку с мужественным, но сейчас таким неуверенным лицом, к человеку, похитившему ее посреди бела дня и посадившему в тесную клетку. И теперь принявшемуся оправдываться перед своей жертвой, оказавшись с ней лицом к лицу.

Герцог огляделся, очевидно в поисках стула. Стульев в комнате не было. Как и вообще мебели, кроме кровати, на которой сейчас сидела девушка.

— Я не могу предложить вам сесть, — Айна постаралась собрать в своем голосе столько высокомерия, сколько у нее вообще было. — Надеюсь, ваши ноги не отвалятся, если вы немного постоите.

Губы лорда Джейкоба дрогнули:

— Я мог бы опуститься на одно ложе с вами.

Айна ответила не сразу — лишь тогда, когда удалось подавить новый укол страха. Девушка надеялась лишь, что ее слова прозвучали твердо.

— Не могли бы. И вы знаете это не хуже, чем я.

— Может, и знаю, — согласился Джейкоб. — Неважно. Я пришел, чтобы извиниться перед вами. Боюсь, обстоятельства, в связи с которыми вы оказались у меня в гостях, не самые радостные.

— Я не оказывалась у вас в гостях, — перебила его Айна с удивительной для самой себя резкостью. — Вы меня похитили.

— Похитил, — жестко признал Эрдер. — Если хотите говорить прямо — поговорим прямо. Я похитил вас и намерен держать в заложниках. Мне нужно кое-что от вашего отца, и я это кое-то получу. Через вас. Родители имеют обыкновение дорожить детьми. Вас устраивает мой ответ?

— Что с моим братом? — быстро спросила Айна, стараясь совладать с паникой.

— Ваш брат... Люди, которые должны были пленить его, не вернулись. Думаю, он жив. Довольны вы такой новостью? — спросил герцог.

— Я сейчас ничем не довольна, — ответила девушка. — Я недовольна вами, герцог Эрдер. Вы ведете себя как бешеный зверь. Вы не работороговец, чтобы похищать людей! Король, когда узнает, объявит вас вне закона. А мой отец снимет с вас голову и насадит ее на копьё.

— Меня весьма мало волнует, что скажет король. И вам-то это никак не поможет.

— Вам это поможет еще меньше, — заметила Айна Айтверн, пытаясь спрятаться за помимо ее воли складывающимися во фразы словами. Это не она говорит, а кто-то другой. Может быть, это говорит отец. Может быть, это говорит брат. Но не Айна. Айны здесь нет.

Она спряталась или спит. А поскольку ее здесь нет, с ней ничего не случится. — Я могу истолковать ваши слова единственным образом. Вы бунтовщик и восстали против законной власти.

— Да, вы совершенно правы. Я бунтовщик. А бунтовщики не ограничены ни законами, ни этикетом. Вы в моей власти, а потому следите за языком. Если не хотите его утратить. И если герцог Айтверн отклонит мои требования, вы, леди, будете мертвы.

— Вы не осмелитесь это сделать.

— Осмелюсь. Я же осмелился вас похитить.

— Вы рехнулись, — девушка сглотнула подступивший к горлу комок и замолчала.

— Говорите, что думаете, и не бойтесь. Слова вам уже не повредят, — лорд Джейкоб сделал шаг назад, к открытой двери. В коридоре застыл стражник — он стоял ровно, как и положено дисциплинированному воину, даже не шелохнувшись, выпрямив спину, положив ладонь на рукоять меча. Забрало скрывало лицо.

— Ваша судьба сейчас зависит от воли вашего отца, — продолжал Джейкоб. — Если он примет мои требования, в вашей неволе больше не будет нужды. Я отпущу вас домой, и все у вас будет хорошо. Я надеюсь, что будет. Но если герцог Айтверн окажется упрям, я не смогу оставить его упрямство безнаказанным. Кроме того, дворянин всегда обязан исполнять свои обещания. Я убью вас, дабы не оказаться лжецом. Поскольку вы девица благородного происхождения, и поскольку мне претит лишняя жестокость, я сделаю это сам и быстро. Не думаю, что вы успеете почувствовать боль. Если даже успеете, то совсем ненадолго. Я повидал много мертвецов, многих из них сделал мертвецами сам. Лица очень немногих из них отражали боль или страх. Обычно только покой. Все умирают, рано или поздно. Возможно, для вас умереть будет не так уж и страшно. В конце концов, вы всего лишь женщина. Вам не стоит ждать от жизни слишком многого.

Эрдер коротко поклонился, как будто бы извиняясь — и тут стены пустоты, которые Айна Айтверн возвела вокруг себя, наконец обрушились. Но их смел отнюдь не страх. Совсем иное чувство. Ярость. Айна почувствовала, как волна гнева, подобная морской волне, захлестывает ее с головой.

— Всего лишь женщина? — переспросила Айна. — А кто же в таком случае вы, великий лорд? Всего лишь мужчина? Что есть у вас такого, чего нет у меня — такого, чем бы стоило похвалиться? Ваша мужская сила? Я не вижу у вас силы, лорд Эрдер. Будь у вас сила, вы бы не пришли с такими речами. Вы бы не оправдывались, как провинившийся псарь. Вы бы не убеждали меня и себя, что ни в чем виноваты. Не говорили, что делаете все правильно. Вы бы просто убили меня, возникни такая нужда. Как убивают настоящие мужчины. Но вы так не умеете. Вы знаете, что поступаете подло, хотите об этом забыть, но не можете. У вас не получается. У вас нет силы даже для такой малости. А что у вас есть? Может быть, у вас есть ваша воинская доблесть? Ну где же она тогда, лорд Эрдер? Ткните в нее пальцем, вдруг появится. Вы бежите от войны, откупаясь от нее моей жизнью. Настоящий воин никогда не поступит так. Настоящий воин развернет полки и пойдет брать штурмом вражеский замок. И победит. Или погибнет. Но погибнет с честью. А у вас и чести нету, герцог. Разве честь предписывает мужчине угрожать женщине смертью? Нет, я совсем забыла, это предписывает вам ваша мудрость. Ну что ж, следуйте голосу своей мудрости, если только хватит отваги. А потом ждите, когда сюда придут мой отец и брат, и покончат с вами. Айтверны никогда не бросают своих в беде. Не найдется на земле камня, под которым вы смогли бы укрыться.

— Вы безумны, — сказал Джейкоб. — Вы глупая маленькая дрянь. Вы не понимаете, о чем говорите. Вы — Айтверн во всем. Из-за таких, как вы, Иберлен скоро развалится на куски.

— В таком случае, пусть разваливается! Придумали себе оправдание и теперь держитесь за него что есть сил. Если Иберлен развалится, то из-за людей вроде вас. Из-за глупцов, возомнивших, будто они что-то понимают в делах правления. Как смели вы заточить меня сюда? Как смеете вести со мной такие речи? Как смеете угрожать мне смертью? Я не ровня вам! Я — высокой крови, наследница Древних, дитя тех, кто поверг повелителя тьмы! Что в сравнении с этим ваши северные скалы? Все равно что земляной червь в сравнении с вами! Вы недостойны даже разговаривать со мной, не то что распоряжаться моей судьбой. Я не желаю больше видеть вас здесь. Меня утомило ваше смрадное общество. Убирайтесь с глаз — и оставьте меня наконец одну.

— Воля ваша, — Эрдер вновь поклонился. — Я не вижу смысла продолжать говорить о чем-то с женщиной. Да еще не умеющей смотреть дальше кончика носа. Я разъяснил вам, в чем заключается ваше положение, а препираться попусту мне не с руки. Когда вы мне понадобится, я за вами пришлю.

Айна не ответила. Лишь когда лорд Джейкоб наконец вышел в коридор, и дверь за ним захлопнулась, и загремел опускаемый засов, и послышались удаляющиеся шаги, его и его телохранителя — лишь тогда девушка позволила себе замолотить по стене кулаками. Она била по стене — со всей злостью, какую могла собрать, а злости в ней сейчас было много. Она била до тех пор, пока не заболели руки до самых плеч. Она жалела, что у нее нет силы достаточной, чтобы ударить Эрдера.

... Айна не знала, как пережила последовавшую бесконечную ночь. Часы тянулись медленно, неотделимые один от другого, неразличимые на циферблате времени. Она ворочалась в бреду, даже не пытаясь заснуть — да и о каком сне тут могла идти речь. Временами отчаяние и паника становились совсем нестерпимыми, и тогда хотелось закричать в голос... но каждый раз девушке удавалось удержать себя в руках.

Ее охраняли. Она слышала, по топоту шагов в коридоре, как вскоре после того, как герцог и его молчаливый спутник удалились, на караул встал стражник. Вряд ли бы она смогла убежать отсюда, даже найди она способ открыть запертую дверь.

Когда небо начало немного светлеть, за ней снова пришли.

Из коридора донеслись быстрые шаги, а потом смутно знакомый мужской голос спросил:

— Кто тут содержится?

— Пленница, сэр, — отвечал караульный. Голос у него был низкий, сорванный.

— Ясно, что не эльфийский принц. Отворяй, я поговорю с ней.

— Не велено, сэр, — сказал стражник немного неуверенно. — У меня приказ от герцога. Пускать только герцога.

— Тупое полено. А у меня приказ от герцога побеседовать с этой леди. Того самого герцога, что командует тобой, между прочим. Возможно, ты решил со мной спорить?

— Сэр... Я вас знаю, видит Бог, но...

— А раз знаешь, открывай.

Возражений больше не последовало, видать решительный тон окончательно убедил караульного. Спустя несколько секунд дверь открылась, и в комнату зашел человек в роскошной темно-синей одежде, поверх которой был наброшен просторный черный плащ. В

предрассветных сумерках Айна не могла различить его лица.

Человек подошел к самой постели, опустил голову:

— Сударыня... Рад, что нашел вас, — сказал он негромко. Только тут Айна и узнала своего гостя. Александр Гальс, один из бесчисленных приятелей Артура. Повелитель Юга. Александр был главой богатого и знатного рода, и принял титул несколько лет назад, после гибели отца. Он посещал столицу не так уж часто, проводя много времени в своих владениях, на юго-востоке Иберлена. Гальс имел репутацию человека молчаливого, нелюдимого и вместе с тем решительного. Также молодой граф славился как отменный турнирный боец и отлично владел копьем. Он приходился дальним родственником семье Айтвернов, через давно покойную супругу лорда Раймонда. Будучи двадцати шести лет от роду, он до сих пор так и не выбрал себе жены, чем внушал надежды половине девиц королевства. Айна никак не ожидала увидеть его здесь и сейчас, в этом месте.

— Значит, вы тоже, — сказала она.

— Зависит от того, что вы под этим понимаете... но да, — Гальс усмехнулся. — Я тоже. Как вы? — его тон стал серьезным. — Вы в порядке?

— Не имеет значения, — отрезала Айна. — Зачем вы сюда пришли? Вас послал Эрдер? Что ему опять надо?

— У меня были причины нанести визит, — сообщил граф и понизил голос до шепота. — Я плохо вас знаю, госпожа, а вы — плохо знаете меня, но прошу принять мои слова на веру. Я ваш друг. Тихо! — оборвал он попытку возразить. — Тот солдат не должен слышать. Я пришел вас спасти. Только молчите сейчас. Ни звука, хорошо?

Айна взгляделась в его лицо. Чуть прищуренные глаза, заострившиеся скулы, напрягшаяся нижняя челюсть. Девушка вдруг поняла, что Гальс невероятно, немислимо напряжен, и пытается скрыть это напряжение поистине запредельным усилием воли.

Дочь герцога Айтверна кивнула.

— Спасибо, — все так же шепотом сказал Гальс. Пятясь, сделал несколько шагов назад. Обернулся к охраннику. — Скучно, должно быть, здесь стоять? — осведомился граф, и заданный вопрос не вязался с ледяным тоном, которым он был произнесен.

— Не то слово, — отозвался солдат. — Скучно, да и тошно по правде немного. Ладно бы врага стеречь, так ведь нет, девчонку. Да и дело грязноватое. — Охранник запнулся, очевидно сообразив, что ляпнул лишнее. — Вы меня неправильно не поймите, — засуетился он, — я служака простой и мое дело маленькое. Просто, понимаете, пахнет все это не так чтобы хорошо.

— Понимаю, — медленно сказал Александр. — Ты даже не представляешь, как я тебя понимаю.

Дальнейшее заняло всего несколько секунд. Граф молниеносно выхватил меч, сделал шаг к солдату, одним летящим движением распрямляя руку и выбрасывая вперед плечо. Охранник только и успел, что нелепо дернуться — кончик клинка вонзился ему в горло. Александр рванулся вперед, высвобождая и пряча оружие, и обнял умирающего. Неспешно опустил его на пол, так, чтоб не загремели доспехи. Стало очень тихо.

— А нам с вами, госпожа, нужно идти, — как ни в чем не бывало сказал Александр, поднявшись с колен. — За выходом из этого коридора стоят двое стражников. Еще двое — на боковой лестнице, выводящей из темниц. Через главный выход мы не пойдем, людей там больше, чем демонов в аду. Пойдем, где можно пройти. Двое и двое. Запомните эти числа. Они видели, как я входил в темницы в одиночку, и удивятся, если я выйду со спутницей.

Поэтому мне придется их убить. И убить тихо, чтоб они не подняли тревогу — иначе мы мертвецы. Вы мне поможете?

— Я умею обращаться с оружием, — ответила Айна.

— Приятно слышать. Вставайте, — граф протянул девушке руку. Айна немного поколебалась, затем приняла ее. Рывком Александр поставил девушку на ноги. — Представим, что вы на маскараде, — он отошел к трупам и принялся его разоблачать. — Возьмите этот плащ, он немного забрызган кровью, но вам не на бал идти. А вот шлем, скроем ненадолго вашу красоту. И меч... Воспользуйтесь им получше, ладно? Не хочу, чтоб мои усилия пропали даром.

— Зачем вы это делаете? — спросила Айна, глядя на протянутый ей черный с серебром плащ. Цвета Эрдеров.

— Я никогда не убивал детей. И другим не позволю. Одевайтесь, ну же!

Девушка подчинилась. Для начала она натянула оказавшуюся до жути неудобной перевязь с мечом. Ножны тут же принялись бить ее по бедру, стоило сделать только шаг. Айна накинула на плечи плащ, оказавшийся очень просторным, и завернулась в него. Осторожно надела шлем на голову, его острая стрелка приникла к носу, обжигая его холодом.

— За гвардейца вас, все же, примет только слепой, — поджав губы, сообщил Гальс. Его голос теперь казался немного приглушенным. — Когда минует караулы, будем пробираться малолюдными местами, глядишь повезет. Мне бы вас из особняка вывести, а дальше — свобода. Идемте.

Коридор, в который они вышли, оказался длинным и просторным, заполненным холодным свежим воздухом — никакой мертвенной затхлости, что обычно приписывают казематам. Впрочем, настоящими казематами эта темница явно не была.

Здесь было много камер, таких же как та, в которой держали Аину, но все, похоже, пустовало — по крайней мере, из них не доносилось ни звука. По стенам слабо горели факелы, почти не давая дыма. От темных стен исходила прохлада. Девушка вдруг поняла, что не боится. Ни капельки. Страх куда-то пропал.

Когда они приблизились к высоким двустворчатым дверям, Александр замедлил и без того неспешный шаг. Потер ладони — первое явное проявление тревоги. Александр взялся за двери и распахнул их — прямо в лицо караулящим за ними двум воинам в полном доспехе.

— Сэр, вы не один? — спросил караульный удивленно.

Айна не заметила, откуда вылетел стилет, вонзившийся солдату прямо в глаз. Убитый на месте, солдат еще не успел рухнуть, а Гальс уже развернулся ко второму стражнику. С лязгом выхватил меч и шагнул вперед. Все, что смог сделать его противник, так это обнажить оружие и дернуться вперед — когда вырвавшийся ему навстречу клинок вонзился острием в сочленения доспеха. Раздался стон, тут же задушенный ладонью в черной перчатке, сжавшей губы умирающего.

Александр с некоторым усилием высвободил меч и обернулся к Айне. Она заметила, как с прямого лезвия на каменный пол рухнули тяжелые капли крови.

— Ваша помощь так и не понадобилась, — сказал граф.

Девушка вздрогнула, только сейчас сообразив, что простояла в ступоре все те несколько секунд, что заняла схватка.

— Обнажите меч, — приказал Александр.

— Что?

— Обнажите меч.

Подчинившись, Айна потянула из ножен клинок, доставшийся ей от охранявшего ее камеру стражника. Боевое оружие оказалось тяжелым и неудобным, Айна больше привыкла к предназначенной для дуэлей шпаге, любимой в те дни иберленским дворянством. Напрягая занывшую руку, девушка тем не менее сделала несколько неуклюжих выпадов. Граф молча пронаблюдал за ее ухищрениями, а потом меч Аины вдруг отлетел в сторону — она чуть не выронила его из рук. Александр мягко коснулся ее груди кончиком своего клинка. Девушка так и не сумела заметить его атаки, настолько быстрой та оказалась.

— А говорили, умеете, — заметил Александр бесстрастно. Отвернулся и пошел вперед по туннелю, к видневшейся в его конце уводящей наверх лестнице. Оттуда как раз показался еще один солдат. Наверно, его привлек шум.

Увидев трупы на полу, солдат остановился и выхватил меч. Приближающийся к нему Гальс даже не замедлил шага.

— Что здесь случилось? — спросил стражник немного растерянно.

— Ничего, — первый же нанесенный Александром удар оказался смертельным. Сталь со свистом разрежала воздух, найдя себе цель. Александр легко переступил через труп, направляясь к широким деревянным ступенькам. Было в происходящем нечто настолько и жуткое, и завораживающее, что в душе Аины переплелись разом страх и восхищение. Она подумала, что ее освободитель мог бы идти вот так, легко и небрежно, с мечом в руке, до самого южного моря, и убитые враги падали бы к его ногам.

Гальс ступил на лестницу.

Последний из охранявших темницу воинов дежурил на просторной верхней площадке, развалившись за дубовым столом и потягивая вино из медного кубка. При виде поднимавшегося навстречу человека в черном стражник вскочил на ноги, опрокинув стул, и схватился за заряженный арбалет. Никаких вопросов при этом он задавать не стал. Может, прочитал на лице лорда Гальса нечто такое, что лучше всяких слов сообщало — нужно драться, а не говорить.

Гвардеец выстрелил.

Александр мгновенно крутанул мечом и плоскостью клинка отразил прочертившую косую линию стрелу — так сильно, что та разломилась в щепки. Тогда гвардеец швырнул в надвигающегося убийцу тот самый кубок, из которого только что хлебал вино. Александр отбил импровизированный снаряд, хотя и сбился при этом с шага. Караульный выхватил меч и бросился в атаку.

Первый удар стражник нанес с плеча, размахисто, будто дрова рубил. Гальс по дуге перевел свой клинок в верхнюю плоскость и обрушил его на вражеский меч, направляя тот острием к земле. Стражник тут же скользящим движением высвободил свое оружие, с отрывом ладони перехватил эфес и попробовал пырнуть Александра в живот, работая мечом, как кинжалом. Гальс вскинул свой меч обратно по линии замаха, вверх, отводя удар, и, продолжая движение, сделал укол. Острие меча вонзилось солдату в бедро. Тот коротко вскрикнул и тут же контратаковал. Александр с поразившей Аину скоростью выпустил эфес своего меча, позволив оружию, оставившему на бедре противника обильно кровоточащую рану, упасть на пол, и сам отлетел в сторону — сталь пронеслась у него перед самым носом. Гальс пошатнулся, чуть не впечатался в стену, и, оттолкнувшись рукой от стола, ударом сапога выбил оружие у истекающего кровью врага. Подхватил свой меч и всадил стражнику в горло. Тот умер молча, не издав больше ни звука.

— Парень хорошо дрался, — сказал Александр, тяжело дыша. — Я успел испугаться.

— По вам не похоже, что вы умеете бояться, — сказала Айна просто для того, чтоб что-нибудь сказать.

— Вы правы, — согласился граф. — Забудем, это все чушь. Я и правда ничего не боюсь, — девушке показалось, что он почему-то на нее разозлился.

Взявшись за валявшуюся на столе связку ключей и почти сразу выбрав нужный, Александр отворил тяжелую железную дверь. Она вела в большое темное помещение, загроможденное рядами просмоленных ящиков и грудями наваленных свертков и мешков, которые громоздились почти до самого потолка. Свет здесь не горел.

— Складские помещения, — пояснил Александр, — их почти не охраняют. Нам повезло, что отсюда есть выход в темницу. Мы сейчас на восточной окраине усадьбы. Солдаты собираются на западной. Глядишь, проскочим.

Гальс ориентировался в здешних глухих лабиринтах и переходах легко и без усилий. Граф уверенно шел вперед, минуя одну заваленную всяким добром комнату за другой. Людей им не встречалось. В воздухе повис плотный запах снеди и удушливый аромат вина. Айна подумала, что здесь хватит припасов на то, чтоб выдержать годовую осаду, даже не затянув пояса.

Наконец они вышли в комнату с широким окном, выходящим на залитый утренним солнцем зеленеющий парк. Яркий свет ударил девушке в глаза, уколов их острыми иголками, и она в первую секунду зажмурилась. Александр высунулся из окна и осмотрелся по сторонам. Затем перелез через подоконник и, по колени оказавшись окружен травой, сделал несколько шагов в глубину парка, продолжая оглядываться. Вернулся назад и протянул руки, помогая Айне выбраться наружу.

— Все чисто, — бросил он. — Радуйтесь, что Джейкобу не до вас, так бы все вышло куда хуже. Ходу, здесь уже недалеко, — ветер донес громкие голоса и пение труб. Ясное и чистое, оно пронеслось в еще не согретом солнечными лучами воздухе и наполнило его медным звоном. Александр замер, прислушиваясь. Мотнул головой. — Идемте! Надо спешить.

Они пробрались через парк, сейчас совершенно безлюдный, к окаймляющей его стене, за которой раскинулся город. Трубы продолжали петь, иногда почти затихая, иногда расходясь до крика и заполняя все пространство вокруг торжественной музыкой. В серебристо-стальной мелодии, казалось, переплелись гремющий восторг и пылающее ликование, уносящая в полет радость и скованная металлом решимость. Айна увидела, как лицо Александра охватило вдруг странное, пьянящее волнение — охватило и сгнуло, изгнанное болезненной гримасой. Он отвернулся.

Оказавшись под стеной и пройдя вдоль ее подножия несколько десятков футов, Гальс остановился и негромко, но вместе с тем отчетливо сказал:

— А вот и мы. Слезай.

Раздался шорох, переходящий в скрипучий треск ломаемого дерева, и из переплетения древесных ветвей на землю спрыгнул человек в зеленом плаще. Айна поняла, кто это, прежде, чем смогла увидеть его лицо, и бросилась навстречу.

— Артур!

— Сестренка! — Артур подхватил ее, заключая в объятия. Затем он отпустил ее и сделал два шага назад, пряча глаза.

— Прости меня, — тихо сказал Артур. — Я тебя не уберег.

О чем он толкует, черт побери? — Айна недоуменно нахмурилась.

— Из-за меня ты могла погибнуть, — продолжил брат, по-прежнему избегая встречаться с ней взглядом. Он выглядел усталым и осунувшимся, одежда была грязной и пахла потом, а светлые волосы Артура спутались, как разорванная паутина. — Я завел тебя в ловушку.

— Брось, — недовольно сказала Айна. — Я сама сказала тебе про того человека. И сама пошла за тобой следом. Ты ни в чем не виноват.

— Хорошо, — Артур резко, как-то болезненно кивнул, и обернулся к Александру Гальсу, стоявшему на отдалении и бесстрастно наблюдавшему за их встречами. Александр немного приподнял подбородок и встретил взгляд Артура — встретил точно также, как встречал совсем недавно своим клинком вскинутые мечи. Айна знала, что двое стоящих рядом с ней на этой поляне мужчин всегда были друзьями, но сейчас ей отчего-то сделалось страшно. — Спасибо, — вымолвил Айтверн, и девушке показалось, что он говорит с легкой неохотой.

Александр не сказал в ответ ни слова, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Ради нас ты предал своих, — после короткого колебания продолжал Артур. — Что теперь?

— Ничего, — спокойно ответил Гальс. — Никто не знает о том, что я сделал. А если узнает... Джейкоб Эрдер не будет ссориться из-за нескольких убитых солдат и потерявшей свою ценность пленницы с владетельным лордом. Ему нужен я и нужны мои мечи.

— Значит, — сказал Артур, и голос его был, как готовая порваться струна, — ты остаешься предателем. Остаешься клятвопреступником.

— Не тебе решать, какие из клятв истинные, а какие лживые. Не тебе решать, кто предает, а кто остается верен, — отвечал очень усталый человек в черных одеждах, и серые глаза его были, как два застывших куска льда. — Я помог твоей сестре, потому что нахожу сделанное Эрдером преступным, идущим против чести. Но своему делу я не изменял. И ты ничего, ровным счетом ничего не знаешь об этом деле, о том, что за ним стоит. Так что не суди опрометчиво.

— Мне достаточно знать то, что я знаю, — ответил Артур, и в его голосе и его глазах ревел, выбрасывая протуберанцы пламени и снопы трещащих искр, огонь ярости. Трубы продолжали греметь далеко за спиной, призывая на войну. Налетел ветер.

— Ты ничего об этом не знаешь, Артур Айтверн, — вздохнул Александр и двинулся обратно в парк. — Прощай. Мне пора в седло. Встретимся в бою — пощады не жди.

Гальс повернулся к ним спиной.

— Так, может, — крикнул ему вслед после короткого колебания Артур, и Айна поняла, что брат готов начать схватку, — так, может, решим все — сейчас?!

Александр Гальс замер и обернулся, внимательно глядя на молодого Айтверна. Айна сжалась, ощутив навалившийся на нее страх. Ей казалось, что между Артуром и Александром сейчас ударит молния.

— Не в этот раз, — сказал граф, медленно качая головой. — До встречи, потомок драконов. Нам еще выпадет шанс скрестить мечи.

— Сколько уж можно терпеть, прости меня Создатель! Не кажется ли вам, любезнейший герцог, что время положить конец этому безобразию? Нам уже пора разойтись по домам! — в гневе Лидия Кинни была особенно хороша. Густые черные волосы разметались по плечам, щеки покрыл румянец, высокая грудь ритмично поднималась в вырезе зеленого платья. Раймонд Айтверн с некоторым усилием оторвался от созерцания груди графини и вздохнул:

— Прошу простить, моя леди, но вам придется подождать еще немного. Возвращайтесь в бальную залу. Развлекитесь, выпейте вина, послушайте музыку... Потанцуйте с кем-нибудь, наконец. Я не могу вас отпустить.

Графиня театрально топнула ножкой. Приведшие ее сюда королевские гвардейцы обменялись тоскливыми взглядами.

— Герцог! Это уже выходит за всякие границы учтивости. Я, мы все, пришли сюда не для того, чтоб оказаться пленниками. Это, в конце концов, дворец, а не тюрьма. Меня ждут дома муж и ребенок. Почему вы нас задерживаете?

— Потому что так сложились обстоятельства, ваша светлость, — ответил лорд Айтверн, борясь с отчаянным желанием закатить этой надоедливой леди пощечину, лишь бы только наконец замолчала. Или же закрыть ее рот страстным поцелуем. Последнее было бы даже лучше — во всяком случае, приятнее. Против воли Раймонд улыбнулся, и последнее не укрылось от взгляда Лидии.

— Да вы еще смеетесь надо мной! — вскричала графиня. — Смеетесь! Ну вы и мерзавец! Мой муж вызовет вас на поединок!

— Довольно, — не выдержал Раймонд. — Пусть вызывает, лучше уж драться, чем вас выслушивать. Господа, — обратился он к солдатам, — проводите леди Кинни к остальным гостям. И проследите, чтоб ни в чем себе не отказывала, — гвардейцы восприняли приказ с явным удовольствием.

В дверях графиня чуть не столкнулась с капитаном Уиланом. Тот торопливо и без особенного изящества поклонился, за что получил в награду пренебрежительное фырканье. Уилан раздраженно дернул головой и, обогнув скорбную процессию, вошел в кабинет лорда-констебля. Швырнул на стол перчатки. Взял с пола первую попавшуюся бутылку и знатно отпил из горлышка.

— Гранвердское, двенадцатого года, — сообщил герцог Айтверн, рассматривая этикетку. — Я таким даже короля не угощаю.

— Ну значит хоть на что-то сгодилось, — бросил Орсон и вновь приложился к бутылке. Крякнул. Утер губы. — Получается так... Посты я все обошел, на стену поднялся. Стоят, как надо, к бою готовы. Терхол им там растолковал, чего ждать, — герцог отрывисто кивнул. — Вот только дворяне эти ваши, сэр...

— Они не мои, эти дворяне, — отрезал Раймонд, отрываясь от размышлений. — Они не мои, Орсон. И хотел бы я знать, чьи.

— Чьи-то они конечно есть... — раздумчиво сказал капитан, подходя к висящей на стене картине. — Понимаете, что здесь происходит, сэр?

Герцог не ответил.

Айтверн и Терхол привели в боевую готовность охранявшие цитадель полки королевской гвардии. Солдаты были готовы к отражению штурма, да вот только маловато их оказалось... Впрочем, оборона не нападение, должно хватить. Терхол отправил своих людей

со срочным приказом в казармы, поднимать столичный гарнизон. Роты городской стражи должны были взяться за оружие и смять с тыла мятежников, когда — и если — те все-таки подойдут к замку. Интересно, на что все же надеются Эрдер и его присные. Начинать сражение на тех позициях, что ему достались — полное безумие, королевский замок не взять с наскока, да еще тогда, когда в Тимлейне хватает верных престолу войск. Все это выглядело настолько безумным, что не могло не настораживать. Повелитель Севера прежде никогда не казался таким уж глупцом, и не мог начать заведомо провальную игру. Было нечто еще, но Раймонд никак не мог понять, что. Заговор шире, чем кажется? Они до сих пор не узнали кто еще из дворян примкнул к нему. Но сейчас в замке собралось немало владетельных господ... Именно поэтому Айтверн и приказал перекрыть все выходы из крепости и запретить придворным расходиться. Среди них вполне могли найтись сторонники мятежа — а значит, не следовало давать им возможности поднять свои расквартированные в Тимлейне дружины. А еще Артур... К тому времени, как мост был поднят, а ворота — заперты, его в цитадели уже не нашлось, хотя посланные Раймондом слуги сбились с ног, ища молодого наследника. Проклятье, трижды проклятье всем демонам мира... Куда подевался мальчишка? В какую глупость он вляпался на сей раз? Неужели и в самом деле полез вызволять сестру? Лорд Айтверн сжал зубы. Нужно было поговорить с сыном, попробовать вбить ему в голову хоть что-то, объяснить, в какое положение они все попали... но никак не выпадало свободной минутки! А теперь Артур сбежал, и виноват в этом только он, его отец. Проклятье! Неужели он погубил сегодня не только дочь, но и сына?

— Интересный портрет, — заметил Уилан, все еще изучающий старинное полотно — так пристально, будто никогда раньше его в жизни не видел. Айтверн мысленно поблагодарил капитана за то, что тот догадался о невеселых размышлениях своего господина и поспешил развлечь его беседой. Лучше уж разговаривать о живописи, нежели думать о том, что совершил.

— И в самом деле, интересный, — согласился герцог. — Потому здесь и висит.

Кисть умершего много лет назад художника изобразила двух людей, остановившихся друг напротив друга в кругу стоячих камней, поросших мхом менгиров, что возносились к серому предзимнему небу. Один из мужчин был облачен в не по погоде легкие зеленые одежды, у него были правильные черты лица, настолько тонкие, что напоминали они застывшую воду или замерший туман, всего лишь на мгновение принявший зримую форму. Светлые волосы рассыпались по плечам, а пронзительные темно-синие глаза казались исполненными спрятанной от всего мира боли. Пальцы сжимали пряжку золотого пояса.

Второй мужчина, одетый в светло-серый костюм, замер в пяти шагах от первого, небрежно опершись на вогнанный в землю длинный меч, с обсидиановым лезвием. Лицом и телосложением он удивительно напоминал человека в зеленом, совсем как отражение, увиденное в зеркале или в сверкающем круге щита. Вот только волосы, стянутые украшенным сапфирами серебряным обручем, были черными, глаза — удивительного жемчужного оттенка, а кожа — очень бледной, чуть ли не прозрачной, с просвечивающими венами. Взгляд у опирающегося на меч мужчины был холодный, жесткий и вместе с тем какой-то отстраненный, нездешний.

Казалось, что эти двое готовы вот-вот шагнуть навстречу, преодолеть разделяющее их расстояние — лишь только непонятно, зачем. Может, чтобы пожать друг другу руки, а может — чтобы начать поединок.

Раймонд знал об изображенных на картине людях немало. Почти столько же, сколько о

себе самом — его кровь, его проклятая и благословенная эльфийская кровь, позволяла иногда смотреть в прошлое своего рода... настолько далеко, что никто уже не помнил иных лет, и в хрониках о них не говорилось. Видеть образы из давно минувшего времени так, как обычные люди видят сны. Герцог Айтверн многое знал о прежних днях. Например то, что ни один из этих двоих на картине на самом деле не был человеком.

— Вообще-то это копия, — сообщил герцог, — оригинал хранится в Малерионе. Ты его видел, кстати, и не раз. По преданию, картину нарисовал один из очевидцев запечатленной на ней встречи... вот этот, слева, — Раймонд указал на светловолосого. — Эйдан эльфийский лорд, из Дома Драконьих Владык. Моего дома. Тот самый, что сражался в Войне Смутных Лет, и отказался от бессмертия, связав свою судьбу с судьбой женщины из человеческого рода. Основавший династию на смертных землях, и сам сделавшийся смертным. Мой легендарный предок. Первый герцог Айтверн.

— Тогда кто второй? — спросил Уилан. — Они похожи.

Интересно, с легким любопытством подумал Раймонду, неужели старому вояке в самом деле интересно, или он просто ищет повод для беседы? Скорее последнее.

— Второй... — Айтверн помолчал. — Все, кто помнил его имя, давно мертвы. Брат моего пращура. Владетельный фэйри, объявивший некогда войну роду человеческому. Его прозвали Бледным Государем. Повелителем Бурь. — Уилан посмотрел на полотно внимательней, и на этот раз на его лице действительно отразился интерес. — Старая страшная сказка, — продолжал герцог. — Бледным Государем обычно матери пугают нерадивых детей. Уверен, и тебя в свое время запугали. Говорят, у него огромный замок на северной крыше мира, среди вечных снегов, что тянутся на сотни лиг, замок, который охраняют восставшие мертвецы, с мечами, на чьих клинках застыл иней. Бледный Государь сидит там на троне, вырезанном из куска льда, пьет вино из ледяного кубка, и душа его давно смерзлась, а по жилам течет серебро. Он смотрит, как пирует и веселится его мертвый двор. Бледный Государь повелевает вьюгами, и метелями, и зимними ветрами. Король темноты, холода и смерти. Порой, когда ночи особенно длинны, Повелитель Бурь седлает коня, и с ним седлает коней вся его свита. Они скачут по небу, адамантовые копыта высекают искры из туч, и звезды гаснут, стоит плащу темного владыки коснуться их. Такая вот милая сказка. Ну что, стало вам страшно?

Капитан Уилан отошел от портрета.

— Я не знал, что Владыка Бурь ваш родич.

— Это немногие знают, — бросил Айтверн. — Притом, за тысячу лет любое родство обратится в дым. Я никогда не видел этого своего родственника, но не сомневаюсь, что он еще жив. Эльфы не умирают, друг мой Орсон. Они живут даже тогда, когда не осталось ничего от их народа. Когда война закончилась, последние из фэйри ушли в полуночную тьму, там и пребывают поныне, в ожидании конца нашего мира. Мы, Драконьи Владыки — одни из немногих, кто остался на землях людей. Мы и сами стали смертными, смешав нашу кровь с вашей. Других в Иберлене просто нет. Я слышал о полукровках, живущих далеко за пределами нашего королевства. Но таких семей очень мало, и вряд ли кто-то из них владеет силами своих предков.

У Уилана хватило ума не спросить, откуда герцог знает обо всем, что он поведал, и Раймонд был ему за то благодарен. О некоторых вещах он не собирался рассказывать даже друзьям, а Уилан был другом, пусть и повязанным жалованьем и клятвой верности. Надо будет объяснить все Артуру, когда придет время — но не сейчас. У самого Раймонда

видения о прошлом начались уже после двадцати. Первый раз — прямо во время боя. Он схлестнулся с вражеским бойцом — и вдруг увидел себя в незнакомом месте, с людьми, умершими задолго до его рождения. Раймонд с трудом вынырнул из видения в явь и все же успел свалить противника, но получил перед тем глубокую рану. Несколько дней спустя, когда вызванная ранением лихорадка закончилась, он пришел к отцу и рассказал о нагрянувшем посреди бодрствования сне. Лорд Гарольд, старый герцог, затворил двери опочивальни и глубоким, изъеденным прожитыми годами голосом поведал о странных силах, отпущенных их роду. Об их магии, магии, что позволяла видеть давно ушедшее, знать всеми забытое, и ощущать порой знаки, спрятанные в земле и воде. Старая сила. Старая память. Люди верили, что чародеи перевелись на земле вместе с первым из Ретвальдов — но на самом деле последними известными чародеями на землях Иберлена оставались мужчины из дома Айтвернов. Когда Артур вырастет, ему придется это узнать. Он и без того с детства грезил чарами.

В двери постучали, и, даже не дожидаясь ответа, в кабинет вошел запыхавшийся стражник. Совсем молодой парень, и взволнованный на вид.

— Лорд Верховный констебль! — торопливый поклон. — К вам пришли. Они явились к воротам, и Терхол велел их пропустить.

— Он верно с ума сошел? — рывком поднялся герцог. — Я же приказал...

— Мало ли что вы приказывали, господин мой, — с насмешкой сказал из коридора знакомый голос, и Раймонд приложил все усилия, чтобы не улыбнуться от облегчения. — У господина генерала не было иного выхода, нежели опустить мост. Иначе бы я оскорблял его последними словами с другой стороны рва, но в полный голос... На глазах у всего войска. Незавидная участь, правда?

Артур Айтверн переступил порог вслед за воином, и уж он-то улыбался — широко и безмятежно. А вслед за сыном... вслед за ним в дверях появилась Айна! Дочь Раймонда была жива и здорова, она стояла чуть позади Артура, держа его за руку. Создатель Милостивый, почему на ней цвета Эрдеров? Хотя понятно, почему. У мальчишки все же получилось. Бог знает как, но получилось. Раймонд умел держать удар, и знал, что ни следа удивления не отразилось на его лице.

— Дети мои, — сказал он сухо. — Вы явились как никогда вовремя.

Артур сделал шаг к отцу и вдруг остановился. Его улыбка пропала, сменившись отчужденным выражением, столь неожиданным на молодом лице. Герцог Запада знал это выражение, знал до боли — тысячу раз оно взирало на него с родовых портретов и из зеркала.

— Иногда я прихожу вовремя, милорд, хоть вам в это и не поверить, — холодно сказал Артур. — Я привел вам ваше дитя. Айну спасли... хотя это сделал и не я.

— Ничуть не удивлен, — склонил голову Раймонд, стараясь скрыть свои удивление и интерес. Времени сейчас не было ни на то, ни на другое. — Вы ничего не умеете делать сами, Артур, — сказал герцог сухо. — Даже такая малость, как вести себя разумно, вам не по плечу. Куда вы полезли на сей раз? Прямоком в осиное гнездо? Интересно, а что случилось, если бы вас убили там? На кого я оставил бы тогда Иберлен? Не отвечайте мне, сын.

Он и не ответил. Лицо Артура затвердело еще больше. Он вскинул подбородок и встретил взгляд отца. Раймонд чуть не отшатнулся. Из глаз Артура рвался наружу уже не гнев — рвалась ненависть. Раймонд Айтверн встречал такую ненависть нечасто, и лишь у

людей, которых соби́рался убить. Или которые собирались убить его.

"Он просто глупый щенок".

— Мне жаль, что вы так ничего и не поняли, — сказал герцог. — Очень жаль. А вы, дочь моя? Что скажете мне вы?

— Ничего, — ответила Айна безразлично, — ничего я вам не скажу. — Девушка стояла, распрямив спину.

Интересно, подумал Раймонд, а она знает, о чем он говорил с Эрдером нынешней ночью? Должно быть знает, Артур не мог не сказать. Тогда это многое объясняет. Но что же с ними обоими теперь делать? Не хватало еще, чтоб путались под ногами во время боя.

Раймонд вновь всмотрелся в лицо своей дочери, пристально, будто видел впервые. Тонкие изящные черты, будто вырезанные из белого мрамора, окаймленные волосами, удержавшими в себе солнечный свет. До чего же, однако, Айна похожа на Артура. Брат и сестра отражают друг друга, как в зеркале, и не видно между ними разницы в четыре года. А Артур невыносимо похож на него самого. Семейная внешность, куда от нее денешься — передающаяся из поколения в поколение уже больше тысячи лет. Ни у Айны, ни у Артура не осталось ничего от матери, ни единой черты — на них обоих пламенела печать их отца. Ничего от Рейлы. "Господи, ну почему ты караешь меня даже сейчас, здесь и сейчас? Почему в этом мире остался только я и то, что мной создано? Почему Рейлы больше нет нигде, совсем нигде, даже в наших детях?"

Прошло много лет с того дня, когда лорд Айтверн потерял жену, но забыть ее он так и не смог. Рейла. Неотмирный синий взгляд, темные волосы, гордая осанка, голос, звенящий серебром и снегом. Его Рейла, которая на самом деле никогда ему не принадлежала. То была обычная история — брак по сговору, жених и невеста, впервые увидевшие друг друга лишь на самой свадьбе. Отец Раймонда был человеком старых правил, и находил выгоду в браке своего наследника с племянницей тогдашнего графа Гальса. Гарольд Айтверн надеялся на прочный союз с повелителями Юга, вот и повел сына под венец. Разумеется, он был прав, интересы дома куда выше личных чувств, да и в жену свою Раймонд влюбился до потери рассудка. Вот только насильный брак не стал оттого менее насильным, и чувства Раймонда так и не нашли у его супруги ответа.

Рейла не любила своего мужа, хотя и честно исполняла возложенный на нее долг. Однако, не любя его, она пожертвовала ради Раймонда жизнью, когда против него и государя составили заговор. И составил его не кто-нибудь, а родной брат Раймонда, Глэвис Айтверн. Случилось это в дни, когда умер старый король Торвальд, а его сын, Брайан, вступив на престол, не выказал в себе задатков сильного правителя. Лорд Глэвис счел, что пора повелителям Запада забрать корону себе, раз уж семья Короля-Чародея наконец ослабло и больше не способно держать Иберлен в стальной хватке.

Раймонд не поддержал брата. Брайан, может, и не казался ему способным государем — но это не было поводом лишать его власти ради удовлетворения личных амбиций. Раймонд бросил родичу вызов, и они сошлись в поединке, прямо в королевских покоях, куда Глэвис явился, желая убить Брайана Ретвальда. В тот день там присутствовала и Рейла.

В памяти герцога Айтверна навсегда отпечатались эта сцена. Глэвис выбил у него оружие из рук, взмахнул клинком — а леди Рейла оказалась на пути этого клинка, бросившись наперерез смертельному выпад. Она попыталась спасти нелюбимого мужа, и острое меча вышло у нее из спины. Когда она с криком опустилась, умирая, на запятнанный кровью ковер, Раймонд уже поднял собственный клинок и пронзил Глэвису сердце. Раймонд

защищал своего короля, а Рейла защитила его самого.

Стоя над телами мертвых брата и жены, Раймонд дал себе клятву жить так, чтоб его жизнь оправдала те жертвы, ценой которых она оказалась куплена. Сегодня, ради исполнения этой клятвы, он отдал собственного ребенка на пожизну Джейкобу Эрдеру. Лучше было поступить так, нежели предать Иберлен.

"Я все отдал этой стране, — подумал Раймонд с тяжестью на душе. — Я отдал королевству всего себя, все, чем я владею, все, что я есть, до последнего вздоха, до последнего волоса, до последней капли крови. Поколениям предков не в чем будет меня упрекнуть. Всю жизнь я служил Иберлену! Порой мне приходилось делать ужасные вещи во имя моего служения, но эти вещи следовало сделать. Я допустил войну на восточной границе королевства, и позволил ей длиться год за годом много лет подряд, пока она не стала привычной. Это был единственный шанс отвлечь всех этих Коллинсов и Тресвальдов от сердца страны, не дать им выступить против меня. Пока нам грозит враг, никто не будет грозить мне — Раймонду Айтверну, подлинному правителю королевского домена. Пока мы воюем с Лумэем и Бритером, мы не воюем друг с другом. Ни один дурак не уподобится моему брату. Королевство не разорвет на куски, иберленские владельцы не опустошат собственную землю. Я добился этого дурным путем, но все-таки добился — я делал добро из зла, потому что люблю Иберлен. А раз так — убереги, Боже, эту страну от чумы и смуты. Это единственное, о чем я прошу".

Лорд Раймонд Айтверн указал на стоявшие у дальней стены покрытые бархатной обивкой кресла:

— Присаживайтесь. Что вы встали.

Айна дернулась было в сторону кресел, но тут же замерла на месте. Мелькнувшая на ее лице растерянность тут же сменилась тщательно изображенным равнодушием. О да, — пронеслось в мыслях Раймонда, — мы все обожаем играть в равнодушие, но получается не больно хорошо. У Айны вот получилось совсем плохо. В этом, конечно, не было ничего страшного — в конце концов, не Айне предстояло возглавить со временем владетельный дом и окунуться в государственные дела, а ее нерадивому старшему брату. Смотреть на собственного сына Раймонду было немного больно. "Чему вы научились в свои годы, Артур, — подумал лорд Айтверн, глядя на наследника, — помимо того, что ловко обращаетесь с мечом и сносно держитесь в седле? Я зря возился с вами столько лет? Зря отсылал к Тарвелу? Почему когда я смотрю на вас, всякий раз хочется хорошенько высечь вас хворостинкой?"

На мгновение ему сделалось тошно.

— Значит, разговаривать по-хорошему вы не желаете... Ну что мне с вами поделать, поговорим по-плохому. Ладно, Артур, докладывайте. Где вы шлялись всю ночь, и как именно к вам присоединилась ваша сестра?

— Я лучше постою, — бросил Артур сердито. Он был обижен и зол.

— Докладывайте, сын. Я жду, — подобным образом Раймонд мог бы говорить с нерадивым слугой. — Куда вы направились после того, как я отпустил вас?

— Вызволять Айну, — без всякого выражения сообщил Артур.

— Замечательный порыв, — в тон ему откликнулся Раймонд. — Надо полагать, Джейкоб Эрдер шепнул вам на ушко, где именно ее держат?

— Нет, сэр. Но я решил, что следует поискать в его усадьбе.

— Великолечно, — процедил лорд Айтверн, с трудом сдерживая накотившееся желание

переломать отпрыску пару-тройку ребер. Вспышка ярости была настолько сильной, что на какое-то мгновение у герцога помутилось в глазах. — Великолепно, — повторил он тем не менее достаточно спокойно. — Каким образом вы установили, что искать нужно именно в особняке Джейкоба, а не в любом другом месте? Не на чердаке или подвале какого-нибудь из принадлежащих его шавкам домов? Не в какой-нибудь крысиной норе, тайном отнорке, о котором мы не знаем и знать не можем, и где никто не смог бы мою дочь отыскать? С чего вы взяли, что Эрдер окажется настолько туп, что станет держать драгоценную добычу в самом очевидном месте из всех?

— Я ничего не устанавливал и ничего не брал, сэр. Просто я не знаю никаких других мест. И, кроме того, Эрдер действительно оказался настолько туп. — Артур немного помолчал и добавил. — На самом деле, милорд, я бы не поручился, что дело тут исключительно в тупости. Герцог Севера выбрал не самое очевидное место, а самое надежное. Пытаться напасть на его столичную резиденцию означает открыто объявить войну. Он очевидно решил, что обезопасил себя как мог.

— Ваше счастье, что он так решил. Ну а что произошло дальше? Вы отправились к Эрдеру один?

— Нет, сэр. Я, безусловно, безумец, но не самоубийца, — Артур изящнейшим образом поклонился. — Если садишься за карточный стол, всегда следует запастись козырями в рукаве.

— Козыри в рукаве? — хмыкнул Раймонд. — Плутствовать я вас не учил. Пытался научить прямоте и откровенности, жаль, если не вышло. Но впрочем, продолжайте.

— Спасибо, что разрешаете. Итак, я рассудил, что не смогу справиться с охраной, как бы ловко я не владел мечом. Требовались помощники, а потому я разыскал нескольких старых приятелей и уговорил их нанести негласный визит герцогу Эрдеру. Разумеется, я не стал выкладывать им правду, а сочинил сказочную небылицу, о содержании которой умолчу, как о предмете несущественном. Благородные господа согласились, и мы вместе отправились напрямик в пчелиный улей. В мои планы входило привести товарищей на место, проникнуть вовнутрь, взять пленного из числа охранников, установить, где содержится Айна, и дальше потащить спутников напрямик в ее узилище. С определенного момента им было бы некуда отступать — я раскрыл бы им тайну и признался, что воспользовался их беспечностью для спасения родного мне человека. К несчастью, а вернее — к счастью, мне не пришлось этого делать. Мои, с позволения сказать, друзья сами оказались замешаны в заговор. Исходя из этого, делаю вывод, что любой находящийся в столице аристократ может быть нашим тайным врагом. Учтите это, отец. Мои собственные спутники попытались было меня убить, однако один из них внезапно одумался, перешел на мою сторону и помог разделаться с остальными. Этот человек всей душой предан мятежу, однако посчитал организованное Эрдером похищение бесчестным и сделал все, чтобы выволить Айну. Собственно, именно ему я и обязан как своей жизнью, так и свободой Айны. Этот человек проник в узилище, где ее содержали, перебил тюремщиков и привел сестру ко мне. Увы, он не пожелал перейти на нашу сторону, предпочтя остаться с Эрдером.

Удивительная история, больше похожая на сказку, рассказываемую в зимний вечер. Неужели не перевелись в наши дни благородные сердца?

— Как зовут вашего благодетеля, сын?

На лице Артура отразилась короткая борьба чувств:

— Боюсь... боюсь, не могу сообщить вам, сэр. Я крайне признателен этому человеку и

нахожусь перед ним в большом долгу, но он также остается одним из предводителей мятежа. Будет лучше, если совершенное моим бывшим другом предательство собственных соратников останется тайной. Любое разглашение его участия в нашем деле недоступно. Если Эрдер узнает, этого человека ждут неприятности.

— Вот как? — Раймонд фыркнул. — Вы, сын, сделали два весьма странных... вывода. Во-первых, было бы ошибкой с вашей стороны предполагать, что я немедленно понесусь к Эрдеру сообщать тому об изменниках в его собственном стане. Во-вторых, если вашему другу и грозит опасность, то совершенно иного рода. Скоро мы покончим с заговором, и тогда всех его лидеров ожидает топор палача. Старина Джейкоб просто не успеет покарать за измену никого из своих псов. Впрочем, можете мне ничего не говорить, это уже не имеет значения. Я ценю, что среди врагов нашелся хотя бы один достойный дворянин, вспомнивший о чести и спасший мою дочь, но даже подобный жест не сможет смягчить его участь, когда эта участь будет зависеть от моего решения. Все предатели престола и отечества остаются предателями престола и отечества, какие бы они не оказали услуги мне и моему дому. Вашего благодетеля ждет казнь.

Раймонд мог ожидать от Артура возражений, но сын предпочел промолчать. Понял наконец, что спорить бесполезно? Было бы лучше, осознай он, что спорить не нужно. В любом случае, Артур промолчал. Зато не выдержала Айна:

— Отец, да вы... да как вы... как у вас духу хватает такое говорить! Этот... этот человек спас меня, я была там, в темнице, не знала чего ждать и на что надеяться, думала, что меня скоро убьют, сходила с ума, думала, мне оттуда не выбраться, а он пришел и спас меня! Он всем рисковал ради меня! Жизнь, честью, свободой, он пошел против своих друзей, только чтобы меня выволить! Он убивал собственных соратников, и они могли убить его! Видели бы вы, как он дрался, предатели так не дерутся! — Айна вся покраснелась, голос ее дрожал от волнения, а глаза горели огнем. Господи, как она вдруг сделалась похожа на Рейлу, прости, Боже, и сохрани нас всех! Как похожа! И на Артура тоже. На Артура особенно. — Он настоящий рыцарь, — продолжала Айна, — такой, какими должны быть рыцари... Я скажу вам его имя, помилуйте его! Неужели у вас нет сердца?

Сердце? "А что такое сердце?" — мог бы спросить герцог Айтверн. Иметь сердце и даже время от времени прислушиваться к тому, что оно говорит — большая роскошь, право на нее имеет не всякий. Он, например, такого права не имел. Людям навроде него лучше всего вовсе обходиться без сердца. Такова цена, которую приходится платить за то, чтоб Иберлен жил.

— Если угодно, дитя мое, можете считать своего отца бездушной тварью, так будет лучше для всех, и для вас в первую очередь, — равнодушно сказал лорд Раймонд. — Королевский констебль не должен миловать изменника только лишь потому, что чем-то этому изменнику обязан. Более того. Королевский констебль не имеет желания миловать изменника. Покончим с этим бессмысленным разговором. А вы, Артур, извольте в дальнейшем никуда не теряться, не получив на то моего приказа. Не забывайте о том, кто вы есть и кому наследуете, и что случится, если вы погибнете. Что же до нынешней вашей участи...

Договорить он не успел. Его прервали. Его прервала собственная дочь. Раймонд впервые увидел, что не только его сын умеет обращать всего себя в пламя. И, наверно, Айна могла гореть даже страшней, чем ее брат. Глаза девушки сверкнули такой ненавистью, что Раймонд Айтверн едва не отшатнулся. Он помнил немало слов, брошенных ему с

окрашенной алым кровью земли теми, кого он оставил на ней умирать. Он знал цену ненависти. Но он не верил, что можно ненавидеть — так.

— Вы не человек, — Айна дернулась, рванулась вперед, словно хотела залепить пощечину, но Артур схватил ее за руки, крепко удерживая. — Вы не человек! — снова крикнула Айна. — Вы просто бездушная тварь, без души и без совести, проклятая нелюдь! Я вас ненавижу, вы меня слышите, я вас ненавижу, как может ненавидеть человек! Я проклинаю вас, будьте вы прокляты, отсюда и навечно! Получайте то, на что бросили меня, пейте собственный яд! Я не желаю, чтобы вы жили на свете! Я хочу, чтобы вы умерли! Я хочу, чтобы вы попали в ту же беду, в которую попала я — и не выбрались из нее! Чтобы никто не пришел за вами и не спас вас, чтобы никто не протянул вам руку! Именем всех сил, что есть в этом мире, я налагаю на вас проклятие, пусть оно вцепится в вас и не отпускает, пусть оно сожрет вашу плоть, и ваши кости, и ваше сердце тоже сожрет, если только оно у вас есть, сердце! Я вас проклинаю! — Айна снова рванулась к отцу, но Артур удержал ее.

— Не надо, — шевельнулись его губы. — Не надо... Здесь... ничего не изменишь.

— Да? — Айна повернула голову. — А если здесь нельзя ничего изменить — где тогда можно?!

— Юная леди, — вдруг подал голос Орсон Уилан, все время до этого стоявший в углу и делавший вид, что глубоко его тут нет. — Юная леди, я вас понимаю, но вам бы успокоиться сейчас... Вы и так слишком много...

— Довольно. Замолчите все, пожалуйста, хоть на минуту, — сказал Раймонд, чувствуя, как спину легонько — или совсем не легонько — укололо стальное жало. "Будьте вы прокляты". Его проклинали уже много раз, и порой справедливо. Но человек одной с ним крови — впервые. Даже брат, умирая, не сказал никакого проклятья. Раймонд не умел бояться. Но чувство, которое он сейчас испытал, хоть и не было страхом, очень ему не понравилось. — У меня нет времени, — через силу продолжил лорд-констебль, — у меня нет времени выслушивать это все, так что извольте не беспокоить меня. До тех пор, наконец, пока мы не пошлем Эрдера на тот свет. А сейчас не тревожьте меня и уж тем более не отвлекайте. Я хотел распорядиться насчет вашей участи, так вот, она будет такой...

"А какой она будет? — подумал он. — Отправлять мальчишку в бой, под мечи и стрелы, нельзя ни в коем случае, даже если сам он просто горит от желания вершить подвиги. Подвергать тебя, Артур, опасности я больше не намерен, довольно и того, что взял ночью к Эрдеру. По большому счету рисковать не стоило и тогда, но ты должен был пройти испытание на выдержку и наконец повзрослеть. Жаль, что ты не сумел... Но что же с тобой теперь сделать..." Не успел герцог решить, как распорядиться детьми, как в дверь постучали и в комнату заглянул новый посыльный. Дьявол, да сколько же их сегодня еще будет?

— Сэр, — солдат торопливо поклонился, — дозорные с башен увидели отряды врага. Они идут городскими улицами к замку. Его величество и генерал Терхол ожидают вас на стене у ворот. — Прекрасно, — сказал Раймонд, хотя будь он проклят, если хоть в этом, хоть во всех событиях последних двух дней можно было отыскать что-либо прекрасное. — Идите. Я сейчас буду.

Посланец короля кивнул и ушел.

— Орсон, — сказал герцог капитану гвардии. — Останешься в донжоне, данными тебе мной полномочиями будешь руководить обороной. Если они прорвутся, а я не смогу вернуться. Артур, — обратился Раймонд к сыну. Решение явилось неожиданно, само собой. — У тебя наконец появился шанс послужить Иберлену. И послужить хорошо, а не так,

как захочется твоей левой ногой. Я не знаю, сколько врагов решило нанести нам визит, и не знаю, каким будет бой. Можно ожидать чего угодно. Скажем прямо, нас застали врасплох, и мы до некоторой степени рискуем. Его величество отказался покинуть крепость, но я не могу рисковать судьбой династии... и страны. Наследник престола должен быть в безопасности. Ответственность за него я возлагаю на тебя. Отправляйся к дофину и выведи его из замка и из города. Старой Дорогой. Когда окажетесь вне Тимлейна... Смотри по обстоятельствам. Если мы победили — все отлично, возвращайтесь. Если же нет... Отправляйся в Малерион. Поднимай лордов. Если мы потерпим поражение, то за будущее королевства отвечаешь ты, и никто другой.

К удивлению Раймонда, Артур не стал спорить.

Раймонд снял с пальца украшенный рубином золотой герцогский перстень и бросил сыну. Тот легко поймал.

— Это — знак главы дома, — негромко сказал потомок Драконьих Владык. — Когда победим, вернешь. А сейчас живей. И сестру с собой возьми. Ну же.

Того, что случилось секундой позже, Раймонд Айтверн никак не ожидал. Артур шагнул вперед и обнял отца, с силой сжав плечи. Очень крепко, так крепко, как не обнимал никогда, даже в детстве.

— Я сделаю, — сказал он глухо.

— Иди. И береги себя.

Они выходили на площадь перед королевским замком, блистающей сталью рекой вытекали из переулков и улиц, и солнце торжествовало, с яростью пылало на их доспехах, на их щитах, на закрытых окнах их забрал, на наконечниках копий. Сталь горела и плавилась в свете наступившего дня — ясного, погожего, доброго. Ряды пехотинцев с двуручниками и алебардами — сотни сапог слитно маршировали по мостовой. Рыцари в броне, с развевающимися плюмажами, на гордых конях лучших пород. Мятежники шли вперед, выстраиваясь боевыми порядками ввиду стен цитадели, и казалось, что они явились на парад, а не на сражение.

Ветер рвал их знамена. У них у всех, у каждого отряда, были свои знамена, и сюда собралось немало владетелей с севера, и с востока, и даже с юга. Гончий пес Данкрейнов. Атакующий коршун Коллинсов. Золотой единорог Тресвальдов. Олень Холдейнов. Белый конь Гальсов. Дикий бык Дериварнов.

Серебряный грифон Эрдеров.

— Как все глупо, — вслух подумал Раймонд Айтверн, стоящий на широком парапете крепостной стены, в окружении выстроившихся в две шеренги лучников, готовых по команде открыть стрельбу. Вместе с герцогом были генерал Терхол и король. За спиной, внизу, на внутреннем дворе, стояли, сомкнув ряды, верные престолу солдаты. — Не понимаю, на что они надеются, — продолжал Раймонд, обращаясь преимущественно к Ретвальду. — Я взял не одну крепость, говоря по чести, да и обороняться мне тоже случалось. И я сталкивался с разными тактиками. Но так нелепо замки не берет никто. У них нет ничего, чтоб форсировать ров. Даже вязанок хвороста. Я не вижу приставных лестниц. Как они решили лезть на стены? Взлетят, будто птицы? А где тараны? Или господа мятежники станут биться в ворота собственными лбами? Не иначе, они просто решили дать нашим стрелкам шанс уложить их всех оземь. Парой залпов. А кто не ляжет сразу, дождетя подхода гарнизонных войск. Кстати, Гарт, где они?

— Скоро будут, сэр.

— Надеюсь... Так вот, я не понимаю, господа мои, всей сути этого шутовского переворота. Он больше смахивает на фарс. Вам так не кажется?

— Мысль восстать против законной власти — сама по себе безумие. Неудивительно, что эти люди безумны и в остальном, — заметил Брайан Ретвальд. Король одел боевые доспехи, с вычеканенным на грудном панцире хорьком, и монарший голос глухо доносился из-под опущенного забрала. Облаченный в латы, владыка Иберлена смотрелся отнюдь не так нелепо, как обычно.

— Это все риторика, ваше величество, — поморщился Айтверн. — А я не понимаю подоплеку происходящего, и это мне, признаться, не по душе. У них должен быть некий еще последний довод, если вы понимаете, о чем я говорю. Некое скрытое преимущество... но я не понимаю, что это за преимущество. Гарт, вы уверены в своих людях?

Генерал нахмурился. Потряс шлемом, который держал в руках:

— Хотите сказать, не мог ли гарнизон переметнуться к врагу? Вы сами сказали, что эти люди — мои. Я отвечаю за них. Сказанное вами выглядит, как оскорбление.

— Мне плевать, как оно выглядит. Я спрашиваю — вы уверены в своих людях?

— Да, сэр. Как в себе самом.

— Ну-ну, — пробормотал Айтверн, обхватывая руками зубец крепостной стены, — веруйте на здоровье, да только если они примкнут к Эрдеру — болтаться вам в петле. Лично вздерну, — стоящие рядом стрелки тревожно переглянулись, а по группе окружающих Терхола офицеров прошел тихий ропот. Подчиненные не любят, когда господа ссорятся. Как правило. — О! — вскинулся герцог. — А вот и... делегация.

Четкая линия вражеской конницы дрогнула, и вперед выехали несколько рыцарей. Отряд возглавлял статный всадник в черных латах, Раймонд узнал в нем Эрдера издали, по памятной посадке. Когда-то давно, на одном турнире, Джейкоб Эрдер своим копьём выбил герцога Айтверна из седла. Раймонд тогда встал, преодолевая адскую боль в голове, и потащил из ножен меч. Эрдер остановил гарцующего жеребца и спрыгнул на землю, хотя правила поединка позволяли атаковать спешенного противника верхом. Подошел к Раймонду и вежливо поклонился, после чего обнажил клинок. Раймонд и Джейкоб кружились на стоптанном песке ристалища, а многотысячные трибуны замерли в восторге, глядя, как ловко бьются двое знатнейших дворян королевства.

"Да, старина Джейкоб, — подумал Раймонд с тоской. — Славные же были времена — жаль, что всплыли. Я был молодым наглым щенком, совсем как мой непутевый сын сейчас, а ты уже в ту пору слыл олицетворением благородства и рыцарственности. Куда все делось — и моя беспечность, и твое благородство? Дружить мы никогда не дружили, пролитую кровь сложно забыть, даже если ее пролили предки, особенно если ее пролили предки, но я тебя втайне даже немного уважал. Особенно, когда мой меч замер в дюйме от твоего горла, и когда я картинно бросил его в ножны, и вскинул руки к небу, а трибуны ревели горным водопадом, я люблю слушать водопады, они режут точно также, и солнце било в глаза, совсем как сейчас... А потом я сказал, что драться с тобой было честью, и положил руку на плечо, и вот так мы пошли к выходу с поля, а восхищенные девицы и дамы бросали цветы нам под ноги... Странно, что мы так и не стали тогда друзьями. А теперь не станем и подавно. В сегодняшнем бою я убью тебя лично".

На пол-корпуса позади Эрдера ехал другой всадник, поверх доспехов надевший простой коричневый плащ. Лица под низко опущенным капюшоном было не разглядеть. Незнакомец

сидел в седле легко и уверенно, можно даже сказать небрежно, чувствовалось, что он отличный наездник. Раймонд почти не сомневался, кто он, этот незнакомец. Он знал. И от этого знания становилось нелегко на душе.

Остальные конники двигались следом, один из них держал при себе перекинутое поперек седла знамя, сейчас свернутое. Всадники медленно ехали через площадь в мертвенной тишине, которую нарушал только цокот копыт. Раймонд мог отдать лучникам приказ стрелять. И вместе с тем не мог.

Кавалькада остановилась почти на самом краю рва. Эрдер привстал в стремях и крикнул во всю мощь легких:

— Тимлейн!!! Я приветствую тебя!

Крик разнесся вокруг, пролетая среди стоящих на стенах воинов и дробясь на осколки эха. Такие острые осколки, что прикоснись к ним — порежешься до крови.

Раймонд обратился к герцогу Севера, говоря громко и отчетливо:

— И я приветствую тебя, лорд Шоненгема. Только с каких пор ты стал обращаться к камням и кирпичам, а не к людям? Не с тех ли пор, как отрекся от рыцарской чести? Не с тех ли пор, как составил заговор против законного монарха? Или, может, ты обращаешься к камням и кирпичам с тех пор, как принялся выторговывать жизни детей у их отцов? Отвечай, лорд Шоненгема! Зачем ты пришел к стенам Тимлейнского замка с войском — когда наш король не звал тебя?

Раймонд надеялся, что сказанные им слова долетят до как можно большего числа ушей. Чем больше тех, стоящих внизу, окажутся под властью его голоса и его слов, тем лучше. Может быть, кто-то даже засомневается и вспомнит о тех обетах, что приносил.

Если только они не заложники иного обета.

— Я скажу тебе, владыка Малериона, зачем я пришел! — зычно отвечал Эрдер. — Я и все эти достойные лорды и рыцари пришли сюда потому, что время лжи и унижения закончилось! Потому что нами правит не государь, а жалкое ничтожество, игрушка в руках придворных... и в твоих руках тоже! А мы пришли положить этому конец! Мы здесь, чтобы дать Иберлену истинного короля! Знаменосец, покажи им стяг, пусть видят!

Древко знамени, дотоле лежавшее на коленях у одного из всадников, взлетело вверх, примчавшийся ветер развернул полотнище, и оно затрепетало, как бьющая крыльями птица. На том знамени было выткано яблоневое дерево с мощным стволом и раскидистой кроной, с ветвями, усыпанными золотыми и сочно-красными плодами. Яблоневое дерево на царственно-синем фоне, на фоне густого летнего неба, бескрайнего, бесконечного, олицетворяющего могущество и мудрость. Этот яблоневый стяг реял на башнях Тимлейна сотни лет назад, ему клялись в верности все вассалы короны, вместе с ним жили и за него умирали. Ибо это было знамя Карданов, знамя древних королей, знамя прежних владык Иберлена, чья кровь иссякла на Дрейданском поле.

Казалось, что навсегда.

— С нами законный государь! — продолжал Джейкоб Эрдер. — Пусть он сам назовет себя!

Человек в темном плаще скинул капюшон, запрокидывая голову навстречу людям на стенах, навстречу раскинувшемуся надо всеми небу, такому же глубокому и ясному, как изображенное на знамени, навстречу яростно пылающему солнцу. Даже отсюда Раймонд видел, как черты знакомого лица исказила улыбка. О да, герцог Айтверн видел похожие лица и прежде. В снах и фантастических грезах, что приносила ему эльфийская кровь, позволяя

смотреть в минувшее, на старинных монетах, на картинах и парадных портретах. И то же самое лицо Раймонд Айтверн видел сегодня ночью, ибо именно этот человек привел его, Артура и капитана Уилана на встречу с мятежниками, а потом даровал им жизнь, когда враги хотели убить их.

— Мое имя Гледерик Брейсвер! — закричал этот показавшийся ночью таким легкомысленным странный посыльный, весельчак и шут, навязчивый исполнитель заунывных песен, человек с лицом со старинной монеты. — Родившийся в Элевсинском королевстве! Сын Ларвальда Брейсвера! Внук Джерома Брейсвера! Правнук Торбин Брейсвера — что был единственным сыном Гейрта Кардана, герцога Райгернского, младшего брата Эларта Кардана, законного короля Иберлена! Я последний потомок династии Карданов, ваш истинный государь! И я пришел принести вам свободу! Ретвальды подлым вымогательством забрали себе престол, но отныне им станет владеть тот, кто имеет на него подлинное право! Я вернулся! — Назвавший себя потомком Карданов торжественно вскинул руки к небесам.

Раймонд испытал дикое, совершенно неуместное сейчас чувство облегчения. По крайней мере, почти все детали головоломки складывались отныне в ясную картину. Брат последнего Кардана, умерший на два года раньше своего коронованного родича и считавшийся бездетным, все же прижил себе на чужбине ублюдка. А теперь потомок этого ублюдка приехал к воротам Тимлейна и требует вернуть себе то, что считает своим. Интересно, кто кого первым отыскал, он Эрдера или Эрдер его?

— Немыслимо. Да как он смеет? — проговорил Брайан Ретвальд, и Раймонд уловил в монаршем голосе нотки нарастающей ярости. Это было непривычно. Ретвальд шагнул вперед, к краю стены, расталкивая офицеров Терхола и опарашенных стрелков, и Айтверн даже не попытался его остановить. В конце концов, это правильно, чтобы король говорил с королем. — Эй, ты, как там тебя, незванный гость! — бросил Брайан неожиданно грубо и зло, без всякой своей обычной велеречивости. Холодное тонкое лицо потемнело от гнева. — Кем бы ты ни был, у тебя нет власти здесь, и никогда не будет! Любой оборванец может объявить себя потомком Карданов, этого мало, чтоб занять трон! Сто лет назад Коронный совет отдал Серебряный Престол моему предку, а не твоему! Я вообще не знаю, откуда ты взялся, и есть ли хоть малая доля правды в твоих словах! Убирайся отсюда, пока я не приказал отрубить тебе голову!

Айтверн, давая ругательство, схватил Ретвальда за локоть:

— Замолчите, ваше величество, — очень тихо и очень зло сказал герцог Запада, — нечего устраивать базарную перебранку. Дальше с ними буду говорить я. А лучше прикажу стрелять. Вряд ли эти люди разойдутся сами.

— Этот самозванец претендует на мою корону, — возразил Брайан, и прежде несвойственная ему злость слышалась на сей раз в его голосе. — Обычно вы давали мне хорошие советы, лорд Айтверн, но здесь я буду говорить за себя сам. — Он вновь развернулся лицом к площади. — Уходите, и останетесь живы! — крикнул наследник Короля-Чародея. — Считайте это милосердием дома Ретвальдов. Не уйдете — узнаете, какой у моего дома гнев.

Однако человек в темном плаще, казалось, был ничуть не смущен этой угрозой.

— Довольно, Ретвальд! — сказал Гледерик Брейсвер. — Я пришел сюда не затем, чтобы с тобой препираться! Со мной хорошее войско, но я не хочу крови. Сдавайся и открывай ворота, и пусть твои вассалы сложат оружие. Я великодушен, и могу поклясться — ни

единого волоса не упадет с твоей головы, и ни единый человек, находящийся сейчас в замке, не пострадает. Я несу мир, а не смуту. Сдавайтесь! А ты, Брайан Ретвляд — если присягнешь мне, получишь титул и земли. Лучше быть иберленским герцогом, чем нищим изгнанником, правда? Я был изгнанником, не самая лучшая участь. Ты ее избежешь, коли убавишь норы. Отворяй ворота!

Брайан порывался что-то ответить, но Раймонд, не отпуская его руки, оттащил его назад:

— Я же сказал, хватит, — прошипел Айтверн своему сюзерену, — мы не в пансионе благородных девиц, чтоб болтать до вечера. Пора с этим кончать. Один хороший выстрел — и род Карданов окончательно прервется. Остальные разбегутся, стоит их вожаку сдохнуть. А не разбегутся — нам будет о чем вспомнить на вечернем пиру. Ну-ка, парень, — бросил Раймонд ближайшему стрелку, — отдай мне свой лук.

— В этом нет необходимости, герцог Айтверн, — раздался громкий и немного укоризненный голос. Раймонд не сразу узнал в говорившем генерала Терхола. Командующий столичного гарнизона стоял, широко расставив ноги, и держал в руках тяжелый меч, чье острие сейчас смотрело Раймонду в лицо. — Я не позволю вам совершить преступление против помазанника Господнего. Солдаты! Уберите луки! Сегодня здесь никто не умрет. Я приказываю отворить ворота и опустить мост! Тимлейн приветствует своего господина и принимает стяг Карданов.

По шеренгам выстроившихся на замковой стене солдат волной пронесся растерянный и недоумевающий ропот. Зато лейтенанты, как по команде, подняли крик, передавая приказ Терхола все дальше и дальше, к отдаленным башням и вниз во двор, по цепочке разнося отданное распоряжение. Они действовали так, будто все было спланировано заранее. Айтверн перевел взгляд со впавшего в ступор монарха на Гарта Терхола и его офицеров, выглядевших совершенно готовыми к случившемуся.

— Какая, однако, неожиданность, — очень медленно произнес Раймонд. — А я все гадал, почему не подходит гарнизон. Он и не явится, верно? Или явится, но только чтоб принести присягу тому недоноску? Как же ты меня провел, Гарт... Скажи, чем они тебя подкупили? Может, тебе захотелось стать верховным констеблем вместо меня? Хорошая награда, правда?

— Я буду служить законному королю, — бросил Терхол, но его лицо пошло краской.

— Врешь. И все вы врете. Никому вы не будете служить, кроме себя. И бедняга Кардан, или как там его, понимает это не хуже меня, да только других вассалов у него нет. Я бы его даже пожалел, но не хочу. Теперь все ясно, — задумчиво продолжал Айтверн, меж тем прикидывая, как ему вывести отсюда Брайана живым. Он не верил в посулы этого Гледерика Брейсвера. Да даже если новоявленный король помилует низложенного монарха — найдется куча доброжелателей, что сделают кончину Ретвальда быстрой и незаметной. — Теперь все ясно, почему они отпустили меня ночью живым. Столица и так уже была у них в руках, все, что имело для них значение — привлечь на свою сторону герцога Запада, чтоб избежать потом смуты в провинциях. А смута будет, мои лорды. Будет такая смута, что кровь взметнется до небес. Мой сын на свободе, и мои вассалы все в своих замках, и они оружия складывать не станут. Они, в отличие от вас, помнят свои клятвы. И они поднимут знамена, и тогда вы еще узнаете, что такое море крови. Обещаю, вы захлебнетесь кровью с головой.

Снизу доносился скрежет отворяемых ворот. Отпрыск старых владык готовился въехать в свой замок. Смешно, но к нему Раймонд не испытывал никакой неприязни. Парень делал

то же самое, что делал бы и герцог Айтверн, захвати какие-нибудь чужаки Малерион. А вот люди, с которыми герцог Айтверн всю жизнь сидел за одним столом... Для них он снисхождения не видел, и не верил, что оно, такое снисхождение, вообще возможно.

Офицеры Терхола обнажили мечи.

— Идемте со мной, герцог, я провожу вас в ваши покои, — сказал Терхол. — И вы, сэр, тоже присоединяйтесь, — обратился он к Ретвальду. — Никому из вас ничего не грозит. Ну же, не стойте на месте! Лорд Гледерик великодушен и держит слово.

Брайан Ретвальд медленно, будто во сне, обернулся, глядя на Раймонда.

— Лорд Айтверн, — сказал наконец король, и в его голосе проступила укоризна. — Вы клялись мне, что этим людям можно верить.

Раймонд не нашелся, что ответить на это.

— Герцог, я жду, — подал голос Терхол. — Мы все ждем.

"Мне это все кое-что напоминает, — подумал Раймонд. — Я уже видел нечто похожее, пусть и не глазами плоти, а глазами памяти. Почти точно так же мой прадед, герцог Радлер, лишил регентства Камбера Эрдера. Те же слова, те же жесты и то же упрямство. Вот только мой предок с трудом решился пойти на захват власти, и его обуревали сомнения. Интересно, сомневается ли в себе Джейкоб Эрдер? По нему и не скажешь. Лорд Камбер в Шоненгеме предпочел умереть с оружием в руках. А как же теперь поступить мне?"

— Хорошо, — опустил голову Айтверн, — мы с его величеством не будем с вами драться. Ведите. — Повинуясь жесту Гарта, его подчиненные шагнули вперед, но тут герцог продолжил: — Только запомни, изменник — стоит тебе хоть на палец отступить от уговора, стоит причинить хоть какое зло мне ли, моему господину — тебе не жить. Я понятно выразился?

— Понятно, — сказал Гарт Терхол, подходя к Раймонду почти вплотную. Генерал заметно нервничал, ведь теперь их разделял всего один шаг. — Подайте мне ваш меч, Раймонд.

Чувствуя поднимающийся гнев, Айтверн ответил:

— Обойдетесь, Гарт. Если б вы даже окропили свои руки святой водой — я все равно опасался бы, что вы запачкаете мою добрую сталь. От вас так и разит предательством, будто заразой. — Он обратился к Брайану. — Пойдемте, ваше величество, нам лучше покинуть этих людей.

И, с силой оттолкнув плечом оказавшегося рядом солдата, Айтверн направился к лестнице, ведущей вниз со стены. Отброшенный им воин рухнул на камни, кто-то закричал, кто-то выхватил оружие — Драконьему герцогу не было до них дела. Сейчас просто нужно было отсюда убратся, а что делать дальше — станет ясно со временем. Раймонд шел к уводящим во двор широким ступеням, и воины расступались перед ним. Позади гремел доспехами Ретвальд — Айтверн хорошо научился различать его походку. Монарх последовал за своим вассалом. Пока все прекрасно, выбратся бы отсюда живыми — а потом пригодится и меч. Расставаться с ним нельзя ни в коем случае, эта мысль втемяшилась в голову и затмила все остальные.

— Герцог Айтверн! — крикнул Терхол ему в спину. — Вы не уйдете отсюда с оружием! Раймонд даже не повернул головы.

Он так и не понял, что побудило Терхола вырвать у ближайшего солдата арбалет и выстрелить в Раймонда. Может, генерал с самого начала вознамерился избавиться от своего бывшего командира, подобрав хоть сколько-нибудь подходящий повод, а может, просто не

выдержал унижения, которому Айтверн подверг его на глазах у всего честного народа. Терхол никогда не отличался легким нравом. Так или иначе, Раймонд услышал крики и моментально обернулся, вскинув меч перед грудью, в защитной позиции — но было слишком поздно. Он бы уже не успел отбить летящий в него тяжелый металлический болт. Ни за что бы не успел, несмотря на годы тренировок и доведенное почти до совершенства мастерство — ибо драгоценное мгновение было упущено. Но ему и не пришлось ничего отбивать. Предназначавшаяся Айтверну стрела вонзилась под кадык невесть как оказавшемуся на линии ее полета Брайана Ретвальда. Убитый в один миг король рухнул к ногам Раймонда, гремя доспехами и забрызгав сапоги герцога вылившейся кровью.

Айтверн замер, как громом пораженный. Ему показалось в ту секунду, что весь мир, который он знал, вселенная, в которой он жил, порядок вещей, которому подчинялся, разрушились в один момент, что солнце в небе погасло, а сами небеса упали на землю, и жизнь остановила свое течение. По его вине. По его глупости, самонадеянности и гордыне. Герцог Раймонд Айтверн стоял на стене готового без сопротивления сдать замок, рядом с телом своего погибшего государя, и впервые за много лет ощущал даже не растерянность, а мертвенную пустоту. Все его чувства умерли в момент, когда Ретвальд замертво повалился на камни, и все мысли распались, обратившись в прах. Из Раймонда словно извлекли и волю, и разум, и он стоял без единого движения, как истукан.

Молчали и столпившиеся вокруг солдаты, будучи слишком пораженными случившимся, только со двора доносились громкие голоса и звук бьющейся о сталь стали — видать, кто-то из гвардейцев все же решил не изменять присяге и начать бой. У самых ворот кричали громче всего, там содрогался металл и пела спускаемая тетива. В иных обстоятельствах герцог попытался бы воспользоваться обстоятельствами, попробовать взять все под свой контроль, может быть удалось бы даже поднять обратно мост, не дать основным силам врага прорваться вовнутрь цитадели — но сейчас все было уже потеряно. Вытекающая из горла Брайана кровь разливалась на серых камнях алой лужей.

Терхол разразился долгим и изощренным богохульством, а потом сказал:

— Да будьте вы прокляты, Айтверн, — его слова прозвучали как-то жалко и потерянно. — Я ж не хотел в Ретвальда... Богом клянусь, не хотел. Я целил в вас. Этот глупец... Я просчитал выстрел... Я не думал, что он бросится наперерез, заслонит... Черт возьми, он решил вас спасти, будьте вы прокляты... Черт возьми, — повторил генерал совсем уж потерянно.

Раймонд молчал, по-прежнему держа меч высоко поднятым — пальцы намертво пристали к костяной рукояти.

— Это вы его убили, — наконец сказал Терхол. Как перчаткой по лицу ударил.

Случившегося в следующую секунду не смог бы предугадать никто, даже сам Айтверн. С коротким криком герцог рванулся вперед и в исполинском прыжке перемахнул над телом Брайана. Приземлился, выбив пыль из-под ног. Взмахнул мечом с разворота, метя в генерала. Терхол поспешно отшатнулся, чуть не врезавшись в зубец стены, отступил еще дальше. К Раймонду уже бросились самые расторопные из солдат Терхола, но они не были помехой для первого меча Иберлена. Здесь, сейчас, в этот сумасшедший день, когда рухнули самые основы королевства, в этот час, когда погибло вообще все, что только могло погибнуть — ни одна тварь на земле и под нею не смогла бы остановить Раймонда Айтверна, ни человек из плоти из крови, ни демон из огня и льда, ни даже сам ангел Господень. Никто. Здесь и сейчас, поддавшийся с головой захлестнувшему его безумию

мести, он стал смертью, а смерть не знает преград.

Айтверн выбил меч из рук у первого же попавшегося противника всего одним ударом, после чего снес ему голову. Второму, кто встал на его пути, он раскроил живот от бедра до бедра — и внутренности хлынули наружу вместе с ускользящей жизнью. Третьего Раймонд попросту ухватил за плечо, отбив умелый, но не достаточный быстрый удар закованным в металл локтем, и швырнул на четвертого и пятого. Все трое рухнули со стены. Шестому достался удар в висок брошенным кинжалом. У седьмого Айтверн с размаху отрубил обе руки, погрузил меч в грудь, пробив доспех, выдернул оружие и, развернувшись кругом, оказался лицом к лицу с Терхолом.

— Это так ты тренировал своих людей? — спросил Раймонд. — Мало я за тобой следил. Мои молодцы их бы в два счета разделали.

Лицо Гарта побелело:

— Да вы обезумели! Сдавайтесь немедленно! Вы же обречены!

— Ты убил моего короля, зачем мне сдаваться? Я буду мстить, — он атаковал. Терхол попробовал было защититься, но куда ему! Раймонд легко, практически без малейших усилий выбил меч у него из рук, а затем снес голову с плеч. Предатель умер сразу, едва ли даже успев распробовать боль. Слишком простая смерть.

— И этот человек был моей правой рукой, — сказал Айтверн непонятно кому, глядя на то, что осталось от Терхола. — Даже драться как следует не выучился. — Герцог, не глядя на оторопевших солдат, подошел к краю стены и выглянул во двор. Там шла ожесточенная схватка, около сотни гвардейцев встали заслоном у ворот, не давая рванувшимся к ним по мосту мятежникам прорваться вовнутрь. Защитники замка выставили перед собой длинные копья, ставшие преградой на пути тяжеловооруженной конницы, приведенной Эрдером. Отряды восставших лордов хлынули к стене, но, ввиду отсутствия у них осадного парка, только и могли, что лбом биться в узкое горло крепостных ворот. Знать бы, кто из офицеров возглавил сопротивление — парень он, видать, толковый, головы не потерял. Теперь бы убрать мост — но Терхол поставил у подъемного механизма своих людей. Верные престолу солдаты пытались смять их шеренгу, но пока не больно получалось. А от донжона на кучку оставшихся верными присяге бойцов напирали новые отряды, атакующие их в тыл — не иначе, тоже предводительствуемые Терхоловскими прихвостнями. Айтверн понял, что немислимо на себя зол — не следовало во всем полагаться на командующего гарнизоном. Поступив подобным образом, они едва не потеряли все, что могли. И, может быть, потеряют — а все потому, что герцог Запада оказался слишком доверчив и забыл об осторожности. Успел бы Артур вывести принца из города, нынче все зависит лишь от этого.

— Слушать меня! — заорал Раймонд стрелкам. Следовало срочно брать их под свою руку — нынче тот самый момент, чтоб угостить Эрдера и компанию стрелами. Глядишь, отступят обратно в город. — Терхол мертв, кто с ним — не снесет головы! Принц Гайвен — наш новый король! Немедленно! Приказываю! Стрелять! По восставшим!

Для выразительности он три раза ударил мечом об оброненный кем-то щит. "Ну же, собаки, — подумал он с яростью, — хоть раз выполните то, что от вас требуется, что же за напасть на вас накинута, шелудивое отродье! Сделайте, что говорят, изжариться вам всем в геенне огненной!"

Но крики лорда Айтверна, только сейчас со всем отчаянием осознавшего свою беспомощность, пропали втуне — вокруг уже царил полный хаос, голос Раймонда потерялся в десятках, если не сотнях других воплей, кое-где на стене тоже уже начинали закипать

схватки, большинство командиров оставалось на стороне погибшего Гарта. Сейчас этот костер окончательно разгорится, понял Раймонд, и лучники сцепятся, убивая друг друга. Кровавая волна поднимется и нахлынет, и ее уже никто не сможет сдержать.

— Никакой пощады изменникам! — крикнул Айтверн.

Солдаты собрались толпой шагах в семи от него. Нерешительно топтались, дергали рукоятки мечей. Прежде говорили, что в гвардии служат лучшие рыцари королевства. Что они никогда не уронят чести. Все это — просто красивые слова, подумал Раймонд. Чуть под медовым соусом. Кто чего стоит, решится сегодня.

— Вы со мной? — спросил Раймонд Айтверн, ткнув в сторону гвардейцев острием меча.

Они не ответили. Переглянулись. Потом один из них выстрелил в герцога из арбалета. Болт завизжал, прошивая воздух. Раймонд закрылся плоскостью меча, отбитая стрела рухнула у него под ногами. По крайней мере, от выстрела в лицо он защититься еще мог. Лишь бы никто не выстрелил снова в спину.

Он пошел навстречу уже не друзьям, но врагам легким пружинистым шагом, танцуя среди летящих стрел, уклоняясь от проносающейся по касательной смерти, насмехаясь над ее бессильем. Душу наполняла веселая отчаянная злость.

У кого-то из солдат не выдержали нервы. Он бросился вперед, потешно размахивая тяжеленным клинком. Ни дать, ни взять ветряная мельница. Для Раймонда не составило труда утечь в сторону от сильного, но неуклюжего выпада. Айтверн быстро развернулся, щелкнув каблуками, оказался вплотную с нападающим, дернул меч вверх, пронзил бедняге гортань. Глаза того перед смертью выпучились, будто решили выкатиться из глазниц. Айтверн швырнул труп на камни, напоследок пнул сапогом. Остальные гвардейцы зашептались. Он знал, что они боятся его.

— Следующий, — буднично сказал герцог. — Можете стать в очередь или навалиться все сразу, мне безразлично. От меня никто не уйдет.

— Ваше время кончилось, милорд! — крикнул кто-то из солдат. Ах, ну да, конечно, вот и подоспели полагающиеся случаю пустые слова.

— Сударь мой философ! — ответил Раймонд. — Подите сюда, и проверим, чье именно время кончилось.

И они бросились вперед — всей толпой, как и следовало ожидать. Айтверн шагнул им навстречу, чувствуя, как дрожат камни, как поет ветер, как ликует солнце высоко в небесах. Герцогу показалось, что он слышит шелестящий на самой грани слуха шепот, обращенный к нему. "Кто это? Рейла? Ты видишь меня, любовь моя? Ты меня видишь? Ты там, наверху, равнодушный мой ангел? Посмотри на меня. Я умираю за то же, за что и жил, Рейла! Когда мы встретимся, тебе не в чем будет меня упрекнуть!"

А потом враги оказались совсем рядом, и тогда время и в самом деле закончилось. Раймонд Айтверн выпал из времени, он больше не слышал ни щелчков секунд, ни колокольных ударов сердца, осталось одно только бесконечное "сейчас", и он скользил сквозь это "сейчас", одно за другим чередуя отпечатанные у него в костях движения. Принять удар на щит. Повернуться направо. Вонзить меч в сочленения доспеха. Погрузить — выдернуть. Развернуться обратно. Парировать. Снести голову с плеч. Крутануться, уйти от атаки. Отстранить чужой щит краем своего, пнуть промеж ног, поразить в бок. Вперед, скользнуть промеж двух обреченных сейчас умереть неудачников, покончить с обоими, сначала с одним и тут же, не прекращая очередность ударов, со вторым. Под ногами что-то

скользкое, это хорошо. Выбить меч из рук. Сбить с ног щитом, проткнуть клинком, освободить оружие, встретить нападение следующего противника. Снова закрыться. Обрубить кисть, пробить грудь. Не останавливаться ни на секунду.

Человек не мог бы драться так искусно. Но эльф — мог. Ни один из Айтвернов никогда не был до конца человеком. Старая кровь, старая память, старая сила. Сила видеть глазами своих предков и сила слышать их голоса. Сила смотреть сквозь время. Сила, чтобы управлять временем. Всего-то и надо, что подчинить его бег ударам своего сердца, встать со временем наравне, изменить его течение — слегка, немного, только для себя. Достаточно, чтоб стать быстрее, чем человек. Чтоб секунды превратились в минуты для тебя самого, оставаясь секундами для других.

Конечно, древняя кровь несла в себе и другие дары, но сам он владел только этими. Смотря сквозь пучины времени, Раймонд видел, что чародеи сидов, бывшие основателями его рода, могли перемешивать землю и небо, управлять облаками и дождями, заклинать огонь и молнии, менять обличья и даже перемещаться, при желании, на невиданные расстояния за один шаг. Но чтобы овладеть подобными силами, требовались годы занятий и желание открыть те двери, что были закрыты уже тысячу лет. Он не был готов к такому, как не были готовы его предки все последние века. Прежде в Иберлене, в первые столетия после изгнания фэйри, было много чародеев, чародеев-людей, освоивших часть секретов Древнего Народа по сохранившимся от того книгам. Почти все они уничтожили друг друга, сражаясь за власть, и Айтверны, предпочитая служить королям Карданам, а не пытаться занять их место, скрыли свой дар в тайне, уверяя, что силы, принадлежавшие их предкам, утрачены ими навсегда. Магия редко приходила к Раймонду по его собственному зову — куда чаще она являлась сама, нежданная, как внезапный порыв ветра. Но когда магия была с ним, он и сам был магией.

Кровь стучала у Раймонда в ушах, чужое сорванное дыхание било в лицо, предсмертные крики налетали морской бурей, а он все шел сквозь толпу, оставляя позади себя трупы. Каждый удар его был совершенен, и каждый находил цель. Герцог Запада сделался зеницей урагана, сердцем им самим порожденного хаоса. Раймонд Айтверн прорывался через ряды мятежников, и за его спиной мятежников уже не оставалось. Не оставалось ничего живого. Меч плясал в руках Верховного констебля Иберлена, как пляшет перо в руках летописца, и ярко-алые чернила разлетались во все стороны.

Если и есть у жизни смысл, — подумал Раймонд отстраненно, — то он заключен здесь, сейчас, в этой точке, в этом оглушающем барабанном дробью мгновении, заключившем в себя до последней ее капли всю полноту существования, весь вырывающий душу из груди вопль азарта, всю пылающую радость, боль, отчаяние и надежду Земли.

Огонь схватки опалял его щеки жаром самой преисподней. Плащ рвался за плечами драконьими крыльями. Сталь прошивала чужие сердца насквозь, ледяной иглой. Раймонд был собой — наследником сотен поколений воинов и колдунов, правой рукой павшего на его глаза короля, потомком высоких фэйри, помнивших юные дни мира.

"Мой отец, ты видишь, я дерусь за тебя! Ты завещал мне служить Иберлену, я служу Иберлену, и служу хорошо! Моя жена, ты видишь, я дерусь за тебя! Ты не была воином, но положила жизнь ради нашего королевства, так могу ли я пожертвовать меньшим! Мой король, ты видишь, я дерусь за тебя! Мне нет прощения, что не смог тебя уберечь, но по крайней мере ни одна нелюдь, предавшая тебя, не уйдет отсюда на своих ногах! Мой сын, ты видишь, я дерусь за тебя! Я дарю тебя шанс, задерживая врагов здесь, так воспользуйся же

этим шансом, уведи Айну и принца Гайвена, и уходи сам, а потом живи! Я подарил тебе жизнь, так распорядись своей жизнью так, чтобы мне не было за тебя стыдно! Я знаю, ты сможешь, сумеешь, справишься, я дерусь за тебя! Я оставляю тебе свою судьбу и свой долг, и отныне мои дороги станут твоими дорогами, моя война будет твоей войной, а когда ты победишь, я буду ликовать у тебя за спиной! У нас одно знамя на двоих, наше общее знамя, и пусть оно воспарит к небесам в час нашего триумфа. Я не всегда был справедлив с тобой, и уже никогда не смогу попросить у тебя прощения, и как жаль, что шансы упущены, и мне уже не сказать, что я люблю тебя. Никогда не упускай своих шансов! Ты мой сын, но не будь таким, как я, стань лучше меня! Ты сможешь".

И тогда, когда противников уже не осталось, когда все они легли на каменные плиты, распрощавшись с жизнью, окружив Айтверна колющей холодом пустотой, когда мир вновь разлетелся вокруг уходящей за горизонт бесконечностью, а время, распрямляясь, обрушилось привычным для людей водопадом, в него выстрелили. Герцог успел отбить стрелу, с некоторым трудом отклонился от второй — выпущенной, вроде бы, с угловой башни на юго-западе. Бойтесь честного боя, твари, и правильно делаете, что бойтесь! Но следовало уходить с открытого пространства — понял он. Увы, верная мысль явилась со слишком большим запозданием — новая стрела змеей впиалась в колено. Раймонд пошатнулся, давя крик, вскинул щит, закрывая лицо — и тут боль раскаленной кочергой пронзила спину. Будто горсть острого тарагонского перца высыпали прямиком на внутренности.

Горло сдавило судорогой, внезапно сделалось очень трудно дышать, каждый вздох давался с усилиями, на грудь упала каменная плита. Айтверн рухнул на колени, скосил глаза вниз — из живота выглядывало вороненое древко. Плечо и пальцы свело пульсирующей болью, и герцог выпустил спасительный щит. Стоящее в зените солнце ударило в глаза, ослепляя и лишая разума. Майское солнце зависло над столицей Иберлена, над древними камнями цитадели, над захлебывающемся в крови замком, сейчас заполненным гуляющей по нему смертью. Солнце пылало, обрушивая на землю копьё лучей, и ему не было ни малейшего дела до убивающих и умирающих во имя своих смешных идеалов смертных. Но смертные до конца держались за идеалы и иллюзии, и в этом заключался брошенный ими небу вызов. Раймонд Айтверн успел почувствовать странное, пьянящее торжество, а затем из полуденного воздуха пришла еще одна стрела, быстрая и неотвратимая, и тогда мир раскололся на части.

Глава седьмая

Апартаменты наследного принца располагались в северо-восточной части замка, на изрядном расстоянии от королевских покоев. Дежурившие у дверей караульные имели вид немного сонный и рассеянный, настолько, что это вызвало у Артура приступ раздражения. Воинам на стенах предстояло сражаться и умирать, пока эти прохлаждаются здесь. Тут Айтверн вспомнил, что и ему самому не придется обнажать сегодня меча, и злость только усилилась.

— Его высочество у себя? — сухо спросил Артур у преградившего его дорогу сержанта.

— Да, сэр. А вы...

— Я к нему по делу. Приказ лорда Верховного констебля, — Артур показал сержанту герцогский перстень Айтвернов.

— Проходите, сэр, — стражник коротко поклонился.

— Пошли, Ай, — Артур отворил дверь. — Нанесем принцу визит, а то бедняга сдохнет здесь со скуки.

Они нашли дофина в его личной библиотеке, среди многочисленных книжных шкафов и стеллажей, с полками, заваленными свитками и массивными фолиантами. Гайвен Ретвальд сидел в глубоком низком кресле, спиной к зашторенному окну, и держал на коленях огромную инкунабулу с обложкой, украшенной изумрудами. Сын короля был молодым человеком шестнадцати лет от роду, с субтильным телосложением и бледным от долгого сидения взаперти лицом. У него были черные волосы, доходившие до плеч, и длинные тонкие пальцы.

При виде гостей Гайвен немного растерянно улыбнулся:

— Леди Айна... лорд Артур... рад вас видеть! Чем обязан?

Артур хотел было сразу взять быка за рога, но Айна опередила его. Сестра шагнула вперед и сделала изящный реверанс. Она всегда умела быть безупречной — и оставалась такой даже сейчас. После той сумасшедшей сцены в кабинете отца. После бешеного крика и столь же бешеной ненависти. Если бы Артур тогда не остановил сестру — она бы, наверно, попробовала убить отца, и плевать, что Айна едва умела обращаться с мечом, а Раймонд Айтверн был лучшим фехтовальщиком из всех, рожденных на земле. Артур знал такое чувство. Когда невозможно не броситься в бой, каким бы безнадежным тот бой не казался. Он только не знал, что это чувство знакомо и сестре тоже. А сейчас Айна была вежливой и безмятежной, как если бы не случилось ничего из событий последних двух дней. Как это у нее удастся? Артур не мог понять.

— Ваше высочество, — сказала Айна учтиво, чуть опустив голову. — Мы счастливы встретить вас в добром здравии, — губы Гайвена дрогнули, но он не сказал ни слова. О принце сплетничали, что в добром здравии он бывает нечасто, зато болеет всевозможными хворями десять месяцев из двенадцати. Очевидно, Гайвену было неприятно слышать напоминание о своих немощах. — Нас послал наш отец, герцог Айтверн. Он очень беспокоится о вас.

— Лорд-констебль обеспокоен моей судьбой? — тонкие пальцы принца рассеянно перевернули пару страниц. — Приятно слышать, конечно, но о каком беспокойстве может идти речь? Я тут за семью стенами и замками. Или, может, эти... мятежники... уже берут нас штурмом?

— С позволения его высочества, я отвечу на заданные его высочеством вопросы в порядке их следования, — Артур подошел к Ретвальду поближе, становясь рядом с сестрой. Айтверн почти не старался скрывать владеющую им злость. — Я абсолютно с вами согласен и также полагаю, что вашему высочеству ничего здесь не угрожает. Мне кажется, ваше высочество защищены в своих покоях столь надежно, насколько это вообще возможно. Но, увы, мой мудрый отец в своей мудрости полагает иначе. Мой мудрый отец всегда старается свести даже призрачную опасность до полностью иллюзорной. Я понятия не имею, берут ли наши враги сейчас замок и начался ли вообще бой. Думаю, вряд ли. Отцу только что сообщили о приближении неприятеля... а редко какой неприятель идет на штурм сразу, не распушив сперва хвост. К сожалению, я не имел возможности пронаблюдать за развитием событий, ибо был послан сюда. Догадываетесь, зачем?

— Я могу предположить, — немного неуверенно сказал принц. Было видно, что резкий тон Айтверна смутил его. — Вряд ли вы здесь, чтоб защищать меня, если враги прорвутся в крепость. Говорят, вы хорошо деретесь, но один меч погоды не сделает. А значит, вы мой конвоир. Телохранитель, если угодно. Вы выведете меня из замка. Старой Дорогой, правильно?

Артур слегка удивился. В отличие от своего коронованного папаша, Гайвен похоже соображал довольно быстро. Ну и то хлеб. Тугодумы обычно приводили молодого Айтверна в бешенство.

— Мой принц совершенно прав, — согласился Артур. — Отец думает, что вам следует немедленно покинуть Тимлейн. А мы — выделенное вам сопровождение. Поэтому собирайтесь, да поскорей.

Гайвен молча отложил книгу на стоявший рядом шахматный столик и встал. Поднявшись на ноги, он оказался одного роста с Артуром.

— Я возьму денег и немного припасов, — сообщил он. — Никто же не знает, что нам предстоит, так?

— Берите, что хотите, — бросил Айтверн, все больше закипая, хотя предложение было разумным. — Хоть счастливую кроличью лапку и любимого щенка, только поторапливайтесь.

Гайвен довольно-таки холодно кивнул, сдержанно поклонился и скрылся в соседней комнате. Артур проводил его недружественным взглядом.

— Ты, верно, растерял даже остатки хороших манер? — тут же накинулась на него Айна. — Гайвен Ретвальд тебе ничего не сделал. Почему ты так груб с ним?

— Сам в толк не возьму, — признался Артур. — Отчего-то наш будущий государь раздражает меня одним своим видом, и только я его вижу, мне хочется на него огрызнуться. Извини мне мою дерзость. Может, мне просто хочется сорвать на ком-то злость, и я срываю ее на нем. Я знаю, что меня это не красит.

— Вот уж правда, — согласилась Айна. — Не красит.

— Что поделать. Такой я человек. Но будем надеяться, его высочество соберет свои вещи раньше, чем наступит вечер, — и, игнорируя сестру, готовую начать очередную отповедь, Айтверн демонстративно отвернулся и двинулся изучать книжные полки. Надо же было чем-то время занять.

Библиотеку принц держал знатную — от обилия позолоченных корешков у Артура немедленно зарябило в глазах. Наследник герцогов Запада и сам любил временами посидеть, переверачивая вышедшие с печатного станка листы, но тут Гайвен его обставил — он собрал у себя книг куда больше, нежели Артур когда-нибудь видел, не то что читал. Правда, по большей части здесь были представлены естественно-описательные трактаты и исторические хроники, по разумению Артура способные лишь вгонять в сон, но хватало и сочинений другого рода. Некоторое количество рыцарских романов, немного любовных повестей, сборники стихов. Это Артур понять вполне мог. А вот дальше пошли толстенные труды на философские темы, понятные Артуру куда меньше. Принц их читал, и похоже даже частенько — стояли они на средних полках, как раз на уровне глаз, и были совсем не покрыты пылью. Были здесь и "Поэтика бытия" Аэлиса Витуса, и "Круг земных истин" Ульписа Алугентиса — сочинения, пользовавшиеся большим почтением у образованных людей той эпохи.

Айтверн вернулся обратно к столику и взял с него ту самую книгу, которую Гайвен

изучал перед их приходом. Надпись на обложке гласила: "Немалые размышления о природе мироздания и месте, отведенном роду человеческому в оном мироздании, премудрым Третасом Дарданским составленные". Артур едва не присвистнул. Хорошие развлечения у будущего государя.

— Я разрешал вам брать мои вещи? — послышался спокойный голос. Артур вздрогнул и поднял голову. Гайвен стоял на пороге, он набросил на плечи дорожный плащ и прихватил несколько туго набитых походных сумок. Лицо принца сделалось непроницаемым, только ноздри чуть-чуть раздувались.

— Да вроде бы нет, — признался Артур, глядя ему в глаза. — А что, это так важно? Вроде бы эта книжонка не спешит рассыпаться прахом, хоть ее и осквернили мои нечистые руки, — он провел ногтем по тиснению, соскребая позолоту.

— Положите немедленно! — Гайвен мигом растерял все накопленное было самообладание, превратившись просто в испуганного мальчишку. — Сейчас же!

— Слушаю и повинуюсь, — ответил Айтверн с издевательской учтивостью и разжал пальцы. Книга упала обратно на стол, тяжело ударившись об его поверхность. Оказавшийся хлипким переплет оторвался, и освобожденные страницы рассыпались веером. — Надо же, как не повезло, — сказал Артур и прищелкнул языком. — Но не расстраивайтесь, у вас еще много книг. Не менее интересных.

— А вам не занимать нахальства, сэра Артур! — крикнул Гайвен. — Интересно, достанет ли вам смелости за свою наглость ответить?

— Интересно, — в тон ему ответил Артур, — достанет ли у вас стойкости встретить мой ответ.

— Так, ладно, хватит! — вмешалась Айна. — А ну унялись, оба! Только ругани нам тут и не хватало.

— Как пожелает дорогая сестра, — Артур неглубоко поклонился ей, не сводя с принца изучающего взгляда. Айтверн только сейчас заметил шпагу у того на поясе. "Надо же, как интересно, — подумал Артур с насмешкой, — а драться этот грамотей умеет, или вооружился просто для красоты?" — Ладно, забудем нашу маленькую перепалку, — сказал он вслух. — Ваше высочество, раз уж вы наконец собрались — довольно терять время. Идемте отсюда.

Гайвен отрывисто кивнул. Он выглядел разозленным, хотя изо всех сил старался не подавать вида.

Увидев принца Гайвена, появившегося в коридоре в сопровождении детей лорда Раймонда, охранники немедленно всполошились, повскакивав со своих мест. Зазвенели кольчуги. Кто-то из солдат даже поспешил откинуть плащ, чтоб было видно оружие. Ну и ну, подумал Айтверн с легкой оторопью, а сначала были такие смиренные...

— Куда направляется его высочество? — давешний сержант нервно теребил бородку, стараясь одновременно выглядеть грозно и внушительно. Нельзя сказать, что у него это получалось.

— Куда направляется его высочество, вас интересовать не должно, — отрезал Артур холодно. Ему уже стало безумно интересно, найдется ли в этом треклятом королевстве хоть один не чинящий препятствий стражник. — Не советую преграждать мне путь — я сегодня несколько не в настроении, так и хочется снять чью-нибудь голову. Не хотелось бы снимать вашу — отец мой потом на меня осерчает.

Гвардейцы многозначительно переглянулись. Было в этой заминке нечто такое, от чего

Артур ощутил мгновенный укол тревоги.

— Прошу простить, — начал сержант, отпустив наконец злосчастную бородку, — но не велено нам, сэ... Никак не велено.

— Что не велено, волчья ты сыть?! — потеряв всякое терпение, заорал Артур. Гайвен вздрогнул, а Айна так и вовсе отшатнулась. — Отвечай, смерд, по какому праву ты меня задерживаешь?!

— Приказ генерала Терхола, — отчеканил сержант, распрямляя плечи. — Его высочество Гайвен Ретвальд должен оставаться в своих комнатах до окончания... текущих событий. Мы не можем его выпустить... и, простите великодушно, мы его не выпустим.

— Не понимаю, — признался молодой Ретвальд, — кто предоставил Гарту Терхолу отдавать такие распоряжения? Это же не забота о моем благополучии. Это...

— Это больше похоже на домашний арест, — сказал Артур, делая шаг навстречу сержанту. — По чести говоря, именно домашним арестом оно и является. И мне любопытно... нет, мне очень любопытно, с какого беса безродный служака Терхол так обнаглел.

— Нам предстоит осада, — сообщил сержант, — и, к тому же, генерал сказал, что в замке может быть тьма изменников. Если кто из врагов попробует напасть на принца... нельзя такого допускать. Нельзя подвергать риску наследника престола.

— Со мной дофину ничего не угрожает, — Артур сделал еще один шаг навстречу солдату. Если тот продолжит упрямиться, решил для себя юноша, надо будет схватить его за плечи и пару раз хорошенько приложить об стену.

Сержант, кажется, почувствовал настроение Айтверна и попятился:

— Но у меня прямое распоряжение генерала.

— А у меня прямое распоряжение моего отца! Верховный констебль Иберлена, повелевает мне обеспечить охрану принца, и Верховный констебль Иберлена понимает в таких вещах куда больше, нежели генерал Терхол или тем более вы! Так что уймись наконец. Не станете же вы драться со своим будущим королем и с будущим владельцем Малериона?

Артур знал, что говорил. И в самом деле, никакие солдаты, будь они хоть трижды, хоть четырежды облечены доверием командира тимлейнского гарнизона, не могли задерживать ни королевского сына, ни наследника чуть ли не самой влиятельной иберленской фамилии. Особенно, если на их стороне — сам лорд-констебль. Но не ссылайся даже Артур на отцовскую волю — все равно, у каких сумасшедших хватило бы дерзости перечить Ретвальду и Айтверну? Приказы начальства приказами начальства, а попасть потом в опалу никому не захочется. Вот и этим не захотелось — с глухим ворчанием стражники расступились в стороны, пропуская Артура и его спутников.

— С ума сойти, что творится, — сказала Айна, когда вся троица миновала поворот коридора и скрылась с глаз охранников. — Или мир сошел с ума — или сошла с ума только та его часть, в которой мы сейчас находимся. Братец, как отец собирается выигрывать войну, если даже его лучшие офицеры творят, что хотят, без его ведома?

— Миледи, уверяю, генерал Терхол всегда был крайне исполнителен и не любит действовать наобум, — заступился за военачальника Ретвальд. — Если он поступает подобным образом — он обязан иметь на то основания.

— Да, но... Артур! — всполошилась Айна. — Что это с тобой?

У нее были причины обеспокоиться — потому что Артур вдруг споткнулся на ровном

месте, остановился, вцепившись рукой в стену, и совершенно побледнел лицом. Пальцы принялись с остервенением молотить по кирпичной кладке, а в ушах застучала кровь. "Он обязан иметь основания"...

Он обязан иметь основания.

Против Гарта Терхола можно было сказать много чего, но чем-чем, а глупостью он никогда не отличался. Иначе бы не получил своей должности. И еще он никогда не страдал глухотой или провалами в памяти. Терхол присутствовал при ночном разговоре с королем. Он прекрасно слышал, что лорд-констебль желает вывести венценосную семью из столицы. И он не мог поступать наперекор, пусть даже тогда Ретвальд проявил упрямство и не дал отцу сразу выполнить задуманное. Как бы там ним было, Терхол не имел права препятствовать исполнению прямого приказа герцога Айтверна. И если он все же препятствует — у этого должна быть причина.

— Лорд Айтверн? — Гайвен все норовил заглянуть Артуру в глаза. — Лорд Айтверн, вы меня беспокоите.

— Не мешай мне думать.

А еще, Артур... у юноши закружилась голова... а еще, скажи, как ты думаешь — почему мятежники так легко и просто выпустили вас из своего логова? С чего им было отпускать на волю командующего королевской армией, узнавшего об их планах? Чтобы тот поднял войска, раздавил переворот в самом зародыше? Герцог Шоненгемский и его камарилья не настолько глупы. Они могли пощадить Раймонда Айтверна в одном-единственном случае — если тот уже не представлял для них ни малейшей угрозы.

— Артур? — подала голос сестра.

— Да помолчите же вы оба! — заорал Айтверн, со всей дури впечатав кулак в стену. Лицо Айны исказилось, словно это ее саму ударили. Артуру даже показалось, что девушка сейчас заплачет, но секунду спустя он уже забыл о ней.

Ему нужно было понять, по каким правилам живет обступивший его кошмар.

Все было очень просто, как казалось ему теперь. Все было до того невыносимо и ужасающе просто, что даже странно, почему только такая элементарная мысль не пришла ни ему, ни отцу, раньше. И эта проклятая элементарная мысль с легкостью объясняет такую непостижимую вещь, как сумбурный, толком не подготовленный штурм королевской цитадели. Лобовое сражение бессмысленно, когда за спиной осаждающих остается верный Ретвальдам город. Оно не бессмысленно лишь при условии, что этот город уже сдался. И лорд Айтверн может остаться в живых и трепыхаться, изображая организацию обороны, лишь потому, что не сумеет уже ничего изменить. Тимлейнский гарнизон уже перешел на сторону мятежа. А кто командует гарнизоном? Один-единственный человек.

Тот самый, что приказал содержать принца Гайвена в его покоях.

— Может объяснишь, что с тобой творится? — продолжала допытываться Айна, но Артур на сей раз не обратил на нее ни малейшего внимания. Не до того было. Его первой мыслью было немедленно броситься на стену, к отцу — тот должен быть немедленно предупрежден. Раймонд Айтверн сейчас там, вместе с королем, которому служит, и вместе с генералом, которому доверяет. Отец и знать не знает, что и его, и короля Брайана предали собственные соратники. Лорд Раймонд готовится принять бой лицом к лицу с неприятелем — а вместо этого получит удар в спину. Может быть, уже получил. Может быть, сейчас отец Артура дерется в окружении врагов, совсем один, и близок к поражению. Кто в таком случае придет ему на помощь? Кто отразит вражий клинок? Только тот, кто знает об измене.

Непутевый сын, наконец понявший что-то важное в самый последний момент.

Может быть даже, этот момент не последний и есть еще время что-то исправить. Хотя бы немного времени. Ведь кто знает, вдруг битва еще не началась. Если это так, тем более нужно спешить. Нужно разоблачить Терхола прежде, чем станет совсем поздно. Отец должен быть предупрежден.

И Артур уже собирался поведать спутникам о своей догадке, как новая предательская мысль обожгла ему позвоночник. А если все сроки упущены и он уже опоздал? Или пусть даже не опоздал, но все равно не сможет ничего сделать? В конце концов, что значит его слово, слово человека, которому не доверяет никто, против репутации командира столичного гарнизона? Возможно, его просто не послушают, назвав его обвинения беспочвенными фантазиями, либо даже вовсе не пропустят к отцу.

Нужно было выбирать, и выбирать быстро. Он мог побежать на стены — и может, спасти всех, а может погубить то, что еще осталось. Или же попытаться подземными путями вывести из замка дофина и уберечь тем самым от уничтожения дом Ретвальдов. Вот только как потом жить, зная, что оставил отца в окружении предателей?

— Господа, — сказал Артур и осекся.

Суровое лицо лорда Раймонда. *"Если мы потерпим поражение, то за будущее королевства отвечаешь ты, и никто другой"*.

Принц Гайвен, которого во всем свете не защитит больше никто — кроме Артура Айтверна.

Айна, которую Артур уже однажды подвел.

Отец.

Одни и те же лица, мечущиеся по кругу.

Нужно было что-то решать.

— Господа, — Артур вновь заговорил, и с каждым словом он будто сам вырывал у себя сердце, — простите меня, я задумался впустую. Глупые тревоги. Забудьте. Старая Дорога ждет нас.

Это мой выбор, сказал себе юноша — мой и ничей еще. Я от него не отступлю.

"Только прости меня, папа. Пожалуйста. Хотя... Лучше и не прощай. Я не заслужил".

В сумеречном небе кружились вороны.

Пока что их было не так уж много, и парили они совсем далеко. Просто мечущиеся черные точки высоко над головой. При желании их даже можно было принять за обман зрения. Все же знают, что после очень длинного и очень поганого дня перед глазами иногда мечется черте что. А сегодняшний день выдался на удивление длинным и на редкость поганым. Интересно, как проклятые падальщики узнают, что где-то далеко внизу, на земле, в обилии пролилась кровь? Не иначе, у них особое чутье на такие дела.

Впрочем, нынче воронью добычи будет немного. Трупы убитых уже начали жечь на кострах, и в небо тянулись прямые столбы дыма. Записанные в похоронные команды солдаты смертельно устали и выбились из сил, но им приходилось работать, не покладая рук — если не сжечь мертвецов сейчас, беды потом не оберешься. Закон любой битвы — когда она закончилась, всегда убирай за собой.

Александр Гальс выбрал тихий закуток между двумя приземистыми каменными складами, и сел на камни крепостного двора, подстелив под себя плащ. Достал флягу с вином и отпил за один глоток чуть ли не половину ее содержимого. Лучше бы джин или

виски, конечно, но их следовало еще отыскать, а никуда идти и ничего искать граф не хотел. Он вообще сейчас мало что хотел.

Они все-таки взяли штурмом замок, хотя с самого начала это смотрелось авантюрой, а потом и вовсе стало безумием. Гальс до последнего не верил, что перешедшему на сторону восстания Терхолу удастся удержать под контролем свои полки. Когда Александр слушал слова государя Кардана, обращенные к Ретвальду и его прихлебателям, то почти не сомневался, что защитники замка ответят стрелами. Не ответили, генералу удалось выполнить то, что он пообещал. Вместо стрел, каменных снарядов, выливаемой раскаленной смолы их ждали опущенный мост и отворенные ворота. И вспыхнувшая в открывающемся за ними коридоре ожесточенная схватка. Гледерик Брейсвер, их подлинный король, первым бросился в атаку, явив свое мужество — и едва успел поворотить коня, спасая того от выставленной вперед пики. У обороняющихся нашелся настоящий храбрец, собравший людей под своим командованием, и благодаря этому храбрецу Тимлейн пал далеко не сразу. Видя, как враги окружают Гледерика, Александр пустил коня вперед, на несколько терций опередив замешкавшихся Эрдера, Холдейна и остальных. Гальс копьем пробил горло одному из нападавших, выхватил левой рукой меч и перерубил древко пики второго противника, затоптал копытами третьего. Остальные отхлынули.

— Да вы никак жизнь мне спасли, сударь! — расхохотался Гледерик, откидывая голову. — И что, за себя совсем нестрашно было?

— Моя жизнь принадлежит вам, а ваша — Иберлену.

— На том и сочтемся! Но смотрите, — Брейсвер указал наконечником копья на сгрудившихся в выводящем во двор коридоре королевских гвардейцев, — эти псы не торопятся поджимать хвост. Зададим им жару?

И они задали. Основные силы подошли с того конца площади не сразу, а до того Гледерик, Александр и подроспевшая к ним маленькая горстка бойцов с Эрдером во главе попытались прорвать ряды королевских солдат. Схватка вышла жаркой, в узкой, как бутылочное горлышко, горловине прохода значение имели не число бойцов, а мастерство и отвага. То была даже не битва, а беспорядочная свалка, и память Александра с трудом удержала отдельные ее моменты. Блещущая сталь, мечущиеся во все стороны бешено оружие бойцы, вал из человеческих и конских тел, обрушившийся штормовой волной. Жеребца, на котором сидел Александр, разрубили почти пополам, он вовремя соскочил, настоящим чудом оставшись в живых, и дальше дрался уже пешим. Молодой граф рассыпал беспорядочные удары во все стороны, окружив себя сверканием стали. Пару раз его все же задели, но то были пустяковые царапины.

Гальс не мог сказать, сколько времени продолжался бой. Он мог бы поклясться, что не менее часа, но подошедшие потом бойцы утверждали, что схватка у ворот заняла немногим более пятнадцати минут. Черт его знает, кто был прав. Впрочем, не так это было и важно. Главное было, что они сумели опрокинуть врага и прорвались во двор, растекаясь во все стороны. Здесь началась настоящая мясорубка — часть собранных между стен гвардейских отрядов перешла на сторону восставших, часть осталась верна Ретвальду, но попробовать бы разобраться в том хаосе, кто за кого бьется! Все рубились со всеми, не спрашивая имен. Александр подозревал, что отправил на тот свет не меньше союзников, чем врагов. Но что поделать, когда союзники с не меньшим жаром стараются прикончить тебя! Через некоторое время Александру казалось, что он пропитался вылившейся на него кровью весь, от головы до пят, и вовек не отмоется.

Сражение закончилось само собой, распавшись на отдельные затухающие искры. Остатки сопротивляющихся оттесняли к закоулкам двора, к лабиринту пристроек, флигелей, складов и конюшен, там они старались укрепить последние позиции и там погибали. Но впереди оставался донжон и вся внутренняя часть цитадели, и ворваться туда тоже стоило усилий. Мятежники пробивались в сердце крепости, к тронному залу, бесчисленными коридорами и комнатами, среди мечущихся в панике придворных и слуг, и то и дело встречали отпор. Впрочем, внутри оказалось немало солдат, заранее выбравших сторону Карданов, да и из придворных кое-кто прибыл в замок специально, чтоб нанести по людям Ретвальда удар со спины. Правду говоря, Александр и сам должен был находиться в цитадели и осуществлять руководство отдельными группами переметнувшихся к Брейсверу бойцов — такова была часть его уговора с Эрдером и Терхоллом. Так бы оно и было, когда бы не этот малерионский мальчишка...

Каким простым и честным все казалось вчерашним вечером. Как все было легко, правильно и славно. Есть слабый король, игрушка в руках властолюбивых вельмож. Есть тайно вернувшийся на родину потомок старой династии. Совершенно ясно, кого из них предпочесть. На троне должен сидеть тот, кто владеет им по праву крови, особенно если он сам этого трона достоин. Так казалось еще вчера, а потом явился Артур Айтверн и старательно растоптал любую простоту и ясность. Александр и рад был забыть о случившемся этим утром, но забыть об этом было все равно что спрятать голову в песок.

Когда сын Раймонда навестил их компанию и предложил забраться к Эрдерам — Александр сразу заподозрил неладное. Если наследник лорда Айтверна накануне втайне замысленного мятежа предлагает пробраться в усадьбу, где вожаки этого мятежа собирают своих сторонников — дело здесь явно нечисто. Это не совпадение, потому что таких совпадений попросту не бывает. Коллинс и Бойл ломали комедию, давая Александру время на то, чтоб принять решение. Он его и принял. Требовалось пойти с Артуром и разобраться, в чем дело. К сожалению, дело оказалось куда хуже и гадостней, чем можно было предположить.

Похитить юную девушку, шантажировать ее отца, угрожая убить заложницу, если лорд Раймонд не примет выставленные ему условия — да какому дьяволу Джейкоб Эрдер и компания продали свои души? Гальс ничуть не раскаивался, что убил ради спасения Айны Айтверн своих друзей и соратников, а вот о том, что нельзя тем же манером свернуть шею герцогу Эрдеру — сожалел, и еще как. Однако Александр понимал, что все они гребут сейчас в одной лодке, и переворачивать эту лодку нельзя.

Когда бой закончился и над крепостью было поднято знамя победителей, Гледерик Брейсвер со своим ближним кругом отправился в тронный зал. Гледерик не стал занимать Серебряный Престол, хотя тот и стоял пустым — вместо этого потомок Карданов устроился в простом деревянном кресле, поставленном у самого подножия трона. Нельзя садиться на монаршее место, если ты не коронован по всем законам, перед Господом и народом. Прежде Александр восхитился бы благородством своего нового сюзерена, а сейчас только и мог, что стоять в стороне и вглядываться тому в лицо. Гадать, знал ли Брейсвер о похищении Айны Айтверн. Дал ли он на то свое согласие? Согласился бы лишить ее жизни, возникни в самом деле такая нужда? Во время сражения тягостные мысли куда-то делись, в горячке боя было просто не до них. Зато теперь сомнения вернулись и одолевали с новой силой.

Брайан Ретвальд погиб в самом начале штурма, и никто толком не мог сказать, каким образом. Одни утверждали, лорд Айтверн лично перерезал ему горло, чтобы тот не попал к

врагам в плен, вторые болтали, что низложенного венценосца убил Терхол, с самого начала решивший от него избавиться, третьи клялись на Священном Писании, что король покончил жизнь самоубийством. Александр даже не пытался судить, кто из них в большей степени врет. Если честно, ему было плевать. Терхол тоже погиб. Говорили, его зарубил все тот же Раймонд Айтверн — чтобы самому оказаться убитым минутой спустя.

Как бы там ни было, убийцу лорда Айтверна все-таки нашли. Невысокий щупловатый гвардеец клялся всеми святыми, каких помнил, что ходил у Терхола в доверенных людях и получил приказ убить лорда Раймонда лично от генерала. Он, мол, специально занял позицию на одной из башен, чтоб было сподручнее целиться в герцога. И прицелился наконец — хотя и не с первого раза, и его чуть не опередил какой-то другой парень, стрелявший с противоположной стороны. Лучник был смертельно перепуган и явно сам не соображал, похвалят ли его за содеянное или отругают, но при том отчаянно желал выслужиться. Не удалось.

— Герцог Раймонд Айтверн был одним из благороднейших и честнейших людей в королевстве, — промолвил Гледерик Брейсвер, и его лицо все аж побелело от гнева. — Я лично приказывал его не трогать. Айтверн должен был остаться в живых и служить мне. И что теперь? Хочешь сказать, Терхол наплевал на мою волю? Может быть, он последнюю память свою пропил?

— Н-нет, м-милорд, — пролепетал убийца лорда Раймонда, позеленев. Несчастный трясся как заяц. — Генерал... никогда... понимаете, он никогда не стал бы...

— Да уж понимаю, что не стал бы, — перебил Брейсвер. — И понимаю получше тебя. Гарт Терхол был честным человеком. Он поднес мне Серебряный Престол, и никогда бы не пошел на такую подлость. Но кто-то ведь пошел, верно? Не он, так ты, больше некому. Признавайся, змей — ты самовольно нарушил приказ и выстрелил в лорда-констебля?

Гвардеец рухнул на колени и пополз к Брейсверу, не иначе намереваясь ухватить того за ноги и облобызать, но Гледерик замахнулся на него сапогом:

— Стой, где стоишь, мразь! Отвечай, с чего совершил такую мерзость?!

— Я просто выполнял приказ! — выкрикнул лучник. — Мне так Терхол сказал! Если Айтверн попытается сопротивляться — стрелять на поражение! Он сопротивлялся. А я сделал, что велели, клянусь! Не лгу я, милорд, вот вам крестное знамение!

— Вот значит как, — протянул Брейсвер, — ты, значит, клянешься. И что, душегубец, не боишься гореть в аду за свое клятвопреступничество? Ты, гляжу, и родную мать бы продал, только чтобы выкрутиться. Предположим, ты говоришь правду, и Терхол в самом деле проявил самовольство... Но вот как мне его судить, если его уже сам Господь Бог на том свете судит?

Стрелок выдавил из себя нечто совсем уж нечленораздельное.

— Значит, так, — постановил Брейсвер. — Я не могу судить Терхола, он уже мертв. Но ты-то здесь, и на твоих руках кровь. Голова дана тебе не затем, чтоб бездумно выполнять приказы. Ты не получишь от меня моего королевского милосердия, но получишь мою королевскую справедливость. Я отправляю тебя на встречу с генералом Терхолом. Вместе и обсудите, кто из вас в большей степени виноват. Стража! Выведите этого человека прочь. Предать его смертной казни через повешение, завтра на рассвете. За измену против короля и за убийство герцога Западных берегов.

Тут Александр и не выдержал. Он молча вышел из тронного зала, находится там больше ему не хотелось, и отправился бродить, куда глаза глядят. Замок, еще недавно такой

веселый и оживленный, производил теперь гнетущее впечатление. Куда бы он ни пошел, всюду ему попадались выбитые стекла, сорванные с петель двери, порубленная на куски мебель, осколки дорогих ваз и статуй под ногами... И — мертвецы. Сколько же их здесь сегодня погибло... Тимлейнская крепость погрузилась в угрюмое молчание, двор и лакеи попрятались кто куда, забились в норы, и по опустошенным залам, помимо патрулей, вышагивала одна только тишина.

И вот он сидит здесь, пьет и смотрит на воронов и дым от костров. Не самое приятное зрелище, но какое имеется. Вороны далеко, дым забивается в ноздри, а земля холодная, совсем как смерть или как вода подо льдом. Прекрасный финал для такого великого дня.

— Сэр Александр! Я уж умаялся вас искать! — из сумерек вынырнула темная фигура, превратившаяся в Блейра Джайлса, юношу, служившего у Александром оруженосцем. Щека Блейра была рассечена, да и надетая поверх кольчуги котта кое-где порвана. Несмотря на это, парнишка держался молодцом, даже и не скажешь, что впервые в жизни сражался в настоящем бою, не считая одной давешней схватки в лесу. Мне бы пример с него брать, невесело подумал Александр.

— Нашел же, — сказал Александр, протягивая оруженосцу фляжку. — Будешь?

— Спасибо, сэр! — просиял мальчишка и приложился к горлышку. Он пил жадно, большими частыми глотками, и Гальс подумал, что ему бы не вина предложить, а простой родниковой воды попрохладней — после боя часто першит в глотке. Граф порадовался, что не стал брать Блейра с собой, в первую волну атакующих, и оставил его в рядах своей дружины, подоспевшей лишь тогда, когда самое отчаянное сопротивление уже было сломлено. В такие переделки едва начавшим брить усы юнцам лучше не соваться.

— Зачем искал хоть? — осведомился Гальс, когда оруженосец оторвался от фляги и утер губы.

— Вас король видеть хочет.

— Который? — еще вчера Александру и в голову бы не пришло иронизировать по подобному поводу, но то было вчера. — Ах да, совсем забыл... У нас же теперь только один король. Король не говорил, зачем я ему сдался?

Блейр широко распахнул глаза:

— Так ведь он мне не докладывает.

— И правда. Как я только мог об этом забыть? — Александр поднялся на ноги и принялся отряхивать плащ. — Между прочим, Блейр, соизволь запомнить одну простую вещь. Король становится королем только тогда, когда архиепископ возложит на его голову корону и заставит принести клятву перед землей и водами. До той поры наш король, будь он хоть трижды монарших кровей, должен зваться принцем.

По лицу Блейра скользнула тень.

— Сэр Александр, вы это славно сейчас сказали... Но вот только в лицо лорду Брейсверу — сможете повторить?

— Разумеется. Пошли, — Александр хлопнул оруженосца по плечу.

В освещенной десятком свечей и согреваемой разожженным камином зале, куда Джайлс привел своего господина, Гледерика Кардана не обнаружилось, зато здесь присутствовали почти все остальные предводители восстания. Граф Томас Дериварн сидел за обеденным столом, расправляясь с копченой уткой, он казался довольным и веселым. Рядом с Томасом пил виски из доверху наполненного стакана граф Роальд Холдейн, а у камина расположились лорды Данкрейн, Тресвальд и Коллинс, о чем-то негромко

переговариваясь. При этом герцог Джеральд Коллинс, чьего старшего сына Гальс убил этим утром, казался усталым и обеспокоенным. Скорее всего, он уже знает о пропаже наследника, но едва ли осведомлен о его гибели. Пройдет несколько дней, не меньше, прежде чем кто-то найдет спрятанные в парке тела Элберта Коллинса и Руперта Бойла. Александр знал, что рискует, ведь именно он должен был находиться в обществе двух пропавших дворян, и его ролью в этом деле рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, заинтересуются. Как и точными причинами того, почему граф Гальс в урочный час находился не в цитадели, а в доме Эрдера. Ему не задавали пока вопросов только из-за всеобщей суматохи. Ничего, еще зададут.

Все присутствующие здесь дворяне состояли в Коронном совете. Иберленский Коронный совет тех дней был сложной структурой, представлявшей собой некую переходную форму между собранием родовой знати и прообразом будущего кабинета министров. С одной стороны, присутствовать на его заседаниях, составляя, еще по старым традициям, его костяк, имели право все прямые вассалы короля. Сейчас, после пресечения многих благородных домов в войнах последних столетий, их осталось всего шестеро — герцоги Айтверн, Эрдер, Коллинс и Тарвел, графы Гальс и Тресвальд. Любой из них имел право представить государю своих вассалов, рекомендовав их в члены совета, и, если государь не был против, эти вассалы также имели право присутствовать на заседаниях, обладая там правом голоса. Так, Айтверн часто приводил с собой Рейсвортов и Брэдли. Также в состав совета входили королевские министры. Первый министр был формальным главой и распорядителем совета. Сейчас им являлся тан Боуэн Лайонс. Дальний родич Эрдеров, он был назначен на эту должность решением короля и разрывался, будучи на ней, между верностью своему сеньору и верностью короне. Пайтер Граммер, один из танов герцога Тарвела, служил канцлером казначейства. Сейчас Александр не наблюдал в этой комнате ни Лайонса, ни Граммера — а значит, они либо погибли при штурме, либо не пожелали признать победу мятежников и находятся теперь под арестом.

— А вот и ты, клянусь морской солью! — при виде Гальса Дериварн оторвал утиную ножку и постучал ею о край стола. — Где пропал, братец? Все собрались, а тебя и нету.

Он и правда приходился Александру братом, пусть и двоюродным. Все знатные семьи Иберлена давно породнились друг с другом, и Гальс временами истово желал встретить хоть одного иберленского аристократа, который не являлся бы его родственником. Тот же Артур Айтверн, например, будучи сыном леди Рейлы, покойной тетки Александра, тоже числился ему братом — на сей раз уже троюродным.

— Я дышал свежим воздухом, — отсутствующе сообщил Александр, подходя к заваленному снедью столу. — А то, знаете, замутило чего-то.

— Что-то ты хлипковат, братец! — добродушно возмутился Дериварн, обгрызая с птичьих костей хорошо прожаренное мясо. — Ну-ка, выпей-ка с нами, глядишь веселей будешь! А потом песню споем — я знаю много отличных песен, как раз для этого дня.

Роальд Холдейн наклонился к Дериварну и ухватил его за локоть:

— Спокойно, приятель, — сказал он не очень громким и не очень твердым голосом. Роальда уже довольно прилично развезло, и голова его временами склонялась то к одному, то к другому плечу. — Видишь, Алекс не в настроении веселиться. Я вот его понимаю, я и сам не в настроении. Устал, как собака, и башка трещит, — он выразительно постучал себя кулаком по лбу, — какой-то умник по шлему саданул, не знаю, как жив остался.

— Шлем, надеюсь, цел? — безразлично осведомился Гальс, отодвигая стул и садясь

рядом.

— Вот такенная вмятина, — сложил ладони чашей Холдейн. — Будь я проклят, этот идиот лишил меня отличного шлема, его еще мой прадед носил... Ничего, зато я лишил его жизни, зарубил до пояса. Мы, получается, в расчете теперь.

— Изумительно, — прокомментировал Александр и окликнул жмущегося у дверей оруженосца: — Блейр, поди сюда! Перекуси, что ли, а то голодный совсем.

Юноша вздрогнул, с оторопью поглядел на сюзерена и приблизился к столу. Бросил несколько вороватых взглядов на наслаждающихся отдыхом высоких лордов, опустил на скамью и нерешительно придвинул к себе блюдо с ветчиной. Немного пожевал. Снова нервно огляделся и плеснул в кубок вина на три пальца.

— Да что ты трясешься, боишься меня, что ли! — возмутился Томас Дериварн, взмахнув из стороны в сторону наполовину уже общипанным бедрышком. — Тебя, парень, как звать?

— Блейр Джайлс, — юноша, обычно довольно языкастый в компании своего господина, сейчас отчаянно смущался и отводил глаза.

— Джайлс? Не помню такой семьи. Кто твой отец, приятель, где у него лен?

— Блейр простолюдин, — коротко сообщил Александр, разделявая ножом кусок свинины.

— Простолюдин? — удивился Томас. — Где ж ты его нашел тогда?

— Занятная вышла история, — Гальс глянул в сторону оруженосца и принялся рассказывать. — Отец Блейра служил у моего отца, и неплохо служил — сделался лейтенантом. Потом и у меня немного послужил, а год назад умер. Умирая, лейтенант Джайлс попросил у меня принять своего сына в дружину и обеспечить протекцию. На словах я согласился, обижать старика отказом перед смертью было бы грехом, а на деле отнесся к его просьбе с сомнением. Я принимаю под свое начало обученных бойцов, а не каких-то детей, не способных отличить меча от вил. Тем не менее, я все же съездил на ферму, где жили жена Джайлса с сыном. При личной встрече я лишь убедился в том, что Блейр не создан для военной жизни. Он показался мне не очень смелым, не очень искусным и совершенно лишенным нужных качеств. Блейр мало что не на коленях убеждал меня взять его в солдаты, хоть я и оставался непреклонен. Дал ему от ворот поворот и поехал обратно, не зная, что щенок увязался следом. В лесу на меня напали разбойники, дело выдалось жаркое, а Джайлс приметил это и кинулся на помощь. Он храбро дрался и даже прикончил одного негодяя — кухонным ножом, представляете? Я лишь тогда понял, насколько в нем ошибался. С тех пор Блейр мой оруженосец, и я лично учу его владеть мечом. Сегодня он впервые участвовал в настоящем сражении.

— Да ну? И как тебе, мальчик? — поинтересовался граф Дериварн у Джайлса.

Осмелевший юноша закатал рукав рубахи и провел пальцем по руке, показывая на свежий, едва покрывшийся коростой порез:

— Вот, видите? Тот, кто меня этим подарком украсил, мной же и убит. Я его насквозь проткнул.

— Молодец, — одобрил Томас, от всей души хлопнув Блейра по спине. — Так и дальше держать. Ты, гляжу, сердцем отважен и рукой не подкачал.

— Сделаю его потом рыцарем и дворянином, — сообщил Александр, отпивая вина. Джайлс покраснел, будто рак. — Как раз когда войну выиграем.

— Рано еще строить планы на будущее, — послышался от дверей немного укоризненный голос. — Тимлейн мы взяли, но пока только его. Глупо праздновать победу в

неоконченной войне, согласитесь, — Гледерик Брейсвер, а это был именно он, вошел в зал в сопровождении Джейкоба Эрдера. Потомок былых королей успел снять боевые доспехи и сменить их на простую одежду темных цветов, больше всего напоминавшую наряд странствующего солдата удачи. Плотная кожаная куртка, перевязь с мечом, темные брюки, высокие сапоги до колен.

— Ваше величество! — вскочил, кланяясь, кто-то из дворян, но Брейсвер на это только махнул рукой:

— Я пока не коронован, так что обращайтесь ко мне без таких формальностей. И раз уж вы здесь напиваетесь, налейте и мне заодно. А ты, Джейкоб, не стой столбом и сделай лицо попроще. Я понимаю, новости скверные, но нельзя же настолько по ним убиваться.

— Скверные новости, сэр? — подал голос Тресвальд.

Прежде чем ответить, Гледерик Брейсвер сел — в первое попавшееся кресло.

— Достаточно скверные, дружище, — признался он. — Я хотел сначала повеселиться в вашем обществе — но раз начал говорить, придется доложить по всей чести. Для начала, впрочем, сделаю вам одно предложение. Я предлагаю вам стать моим Коронным советом. Я надеюсь, никто не станет возражать? Впрочем, удивился бы, коли б вы возражали. Как вы знаете, Брайан Ретвальд, прежде бывший здешним государем, мертв. Поскольку престол пуст, его наследником решением Коронного совета... вашим решением признан я, как последний потомок Карданов. Архиепископ готов меня короновать, что он и скажет мне завтра, когда я его об этом попрошу. Казалось бы, наше дело сделано, но не все так хорошо. Солдаты обыскали весь замок от подземелий до флюгеров, но не нашли никаких следов принца Гайвена Ретвальда. Он бесследно пропал. Удалось только допросить одного стражника, стоявшего в караул у его покоев. Этот парень сообщает, что Ретвальда увел с собой Артур Айтверн, сын Верховного констебля. А вот как они от нас улизнули — непонятно. В этой крепости много потайных ходов?

— Существует некая подземная тропа, выводящая далеко за пределы города, — сказал Эрдер, ставший за спиной у Гледерика. — Ее называют Старой Дорогой. Осведомлены о ее существовании немногие. Даже я понятия не имею, как ее найти. Но Ретвальд и Айтверн могли покинуть цитадель только таким путем.

Брейсвер задумчиво подпер рукой подбородок:

— Ну, допустим... Надеюсь, господа понимают, какое значение имеют принесенные мной известия? Сын Брайана Ретвальда скорее всего жив и на свободе. И вполне может заявить права на трон. Сам юный Гайвен Ретвальд, конечно, на такое не сподобится, если верно то, что о нем болтают. Ни духу не хватит, ни смелости. Вот только с ним Айтверн... Айтверн может выступить против нас.

— Исключено, — возразил Эрдер. — Сын Раймонда — такое же пустое место, как и сын Брайана. Много гонору, много спеси, но совсем мало ума. Этот мальчишка нам не опасен.

— Не пори ерунды, Джейкоб, — тяжело ответил Гледерик. — Сын Раймонда — это сын Раймонда. Он теперь герцог Айтверн. И лорд Западных берегов. Тебе напомнить, что это значит? Почти все побережье вместе с неприступным Малерионом, плодородные равнины запада, и целая толпа верных вассалов. Стоит юному Артуру свистнуть — и к нему придет четвертая часть всего Иберлена. Все закатные земли у него в кулаке. И такого человека ты полагаешь не опасным? Я видел его, Джейкоб, и совсем недавно. Он юнец, но не слабак. Слабаков я вижу сразу, а у этого сила есть. И если кроме силы, он найдет у себя еще и

волю... — голос Брейсвера стал опасно низким, — помоги нам дьявол выстоять в этой войне. Сам по себе Айтверн может не знать или не уметь ничего. Но за ним пойдут люди, и среди них найдется достаточно таких, кто будет разбираться и в военных делах, и во всех прочих. Если Айтверн жив и станет бороться — нам придется нелегко.

— Вы рисуете мрачную картину, государь, — заметил Данкрейн.

— О нет. Всего лишь достоверную. Ваши лены, лены тех, кто пришел на мою сторону, занимают весь север и восток королевства. И немного юга, благодаря графу Гальсу. На самом краю подвластных нам земель — Тимлейн. На западе Иберлена — Малерион и вассалы драконьих владык. Земли Айтверна. И соизвольте вспомнить, что лежит в сердце страны, на пол-дороги между Тимлейном и Малерионом?

— Стеренхорд, — сказал Гальс, догадавшись, к чему клонит Брейсвер. — Стеренхорд. Недостающая четверть королевства. Ленное владение герцога Данкана Тарвела. Сердце Иберлена, как вы и сказали.

Гледерик захлопал в ладоши:

— Bravo, мой граф! Совершенно верно. Стеренхорд и правящий в нем старик Тарвел. Он нелюдимый человек, этот герцог, и почти не бывает в столице. Мы так и не вышли на него, он остался в стороне от нашего дела. Сейчас Тарвел остается единственной не выбравшей своего цвета фигурой в игре. Если он перейдет на нашу сторону — нашим будет и весь Иберлен. Никто не сможет собрать достаточно сил, чтоб нас одолеть. Если Данкан Тарвел заключит союз с Айтверном — они будут сильнее нас, и столица окажется под ударом. Силы даже не сравниваются — мы окажемся в проигрыше. Так что, как видите, вся наша судьба сейчас зависит от решения одного вздорного провинциального затворника. А я вот даже и не знаю, что он решит.

— Зато я предполагаю, — сказал Гальс. — Герцог Тарвел обучал Артура Айтверна воинскому искусству. Артур года три ходил у Тарвела в оруженосцах, а затем был посвящен им в рыцари. Я слышал, они поладили. Мы все этому очень удивились, конечно, но вроде бы лорд Данкан даже гордился своим учеником, когда служба того подошла к концу.

— Сказанное вами осложняет дело, — изрек Брейсвер, едва уловимо меняясь в лице, — в худшую для нас сторону. Придется хорошенько попотеть, чтоб Тарвел оказался с нами, а не с врагом. Необходимо немедленно выслать в Стеренхорд посла, чтобы тот попробовал заключить с ним союз. Времени у нас в обрез, не успеем мы — успеет Айтверн. Но Тарвел обязан перейти под мое знамя, если мы не хотим увидеть вражеское войско под стенами Тимлейна. Ну, господа Коронный совет, кто из вас желает отправиться на запад и послужить мне своим словом, а не железом?

Повисло молчание, вельможи переглядывались между собой. От миссии, о которой сказал Гледерик, зависела судьба всего начатого ими дела, и чтобы взвалить ее себе на плечи, нужно была абсолютная уверенность в своих силах. Александр подумал, что вряд ли здесь найдется много достойных кандидатов. В любом случае, это не Эрдер, он командует войском и должен оставаться в столице. Остальные же... Дериварн воин, не дипломат, он плохо умеет убеждать. Холдейн — умен и внимателен, но слишком прямолинеен. У Данкрейна не хватит силы характера настоять на своих условиях. Тарвел легко сломает и выбросит такого посла. Коллинс много лет занимал пост министра иностранных дел, но с тех пор постарел и сильно сдал, и эта миссия — не та, которую нужно возлагать на дряхлеющего старика. Остается разве что Тресвальд.

— Мой государь, — сказал Эрдер, — я бы предложил...

Джейкоб не успел договорить, так как Гледерик оборвал его:

— Пустое, предлагать уже не нужно. Я выбрал. — Брейсвер оглядел всех собравшихся в зале и остановился на Александре. — Граф Гальс. Вы кажетесь мне крайне сдержанным и разумным человеком. Вы умны, у вас твердый нрав, и язык, когда надо, подвешен получше, чем у целой оравы менестрелей. Думаю, если вы не сумеете договориться с Данканом Тарвелом, то не сумеет никто.

Глава восьмая

Артур Айтверн пил и никак не мог опьянеть. Он и раньше никогда не отличался большой восприимчивостью к спиртному, а сейчас и вовсе вливал в себя одну пинту пива за другой, не наблюдая особых последствий. Рассудок оставался ясным и до омерзения трезвым. Наконец юноша протянул подавальщице серебряную монету — поверх платы, просто на удачу, отодвинул в очередной раз наполненную кружку на край стола и стал просто бесцельно оглядывать трактирную залу. Выпивка, пусть и не сразу, все же сказала свое веское слово, и по телу наконец разлились приятное тепло и вяжущая слабость. Не совсем то, чего Артур добивался, но лучше, чем ничего.

Миновал полдень следующего дня после того, как они с Айной и Гайвенем выбрались из столицы. Потайной ход начинался прямо в королевских апартаментах, многопролетной лестницей уводил далеко вниз, в подземные глубины, и после уже летел прямой стрелой под городскими кварталами. Старая Дорога закончилась в подвалах заброшенной церкви, находившейся за пределами Тимлейна.

Храм был навсегда оставлен прихожанами и пастырем лет сто назад, во время войны с Империей, когда тарагонцы сожгли деревню, рядом с которой он стоял. Потом люди, видно, не решились селиться в дурном месте. Цветные стекла были выбиты, глазницы окон зияли бездонными провалами. Скамьи в главном зале имперцы порубили на куски.

Беглецы не стали задерживаться в заброшенной церкви. Они шли всю ночь, не останавливаясь. Пробирались перелесками и возделанными полями, сквозь заросли кустарников и сквозь приволье трав, пока на утро не вышли к деревне с названием Эффин. Селение это оказалось чистым, опрятным и тихим, и это было отличное место для того, чтоб отдохнуть и дождаться новостей.

Эффин стояла прямоком на тракте, связывающем западные ворота Тимлейна и замок Стеренхорд. Семь десятков аккуратных домов, некоторые так даже каменные, приветливые люди на улице, мычащие коровы и кудахтанье кур. А еще — ни единого поста королевской стражи, ни единого патруля, ни одного представителя власти. Жители Эффин предпочитали решать свои дела всем миром, без вмешательства чужаков, и люди короля навещали их только проездом, да еще чтоб собрать налоги.

Артур и его спутники остановились в большом трехэтажном трактире с названием "Бегущая лань". И стали ждать. Скоро из Тимлейна должны придти вести, не могут не придти — деревня стоит на тракте, гонцы не смогут ее миновать. И тогда наконец станет понятно, чем закончилось вчерашнее сражение. Всю ночь и все утро, пока беглецы шли на запад, Артур оглядывался через плечо, опасаясь увидеть там багровое зарево — но не увидел.

Добрый знак. Или хотя бы не слишком злой. Битва, если она случилась, не обернулась пожаром, и Тимлейн не сгорел. Вот только кто им сейчас распоряжается?

Айна и Гайвен отправились отдыхать наверх, в снятые ими комнаты, а Артур сидел в трактирной зале и мучился ожиданием. Опять ждать... Артур устал от этого ненавистного ему занятия. Было попросту нестерпимо сидеть часами без дела, пялясь на редких посетителей. Артур ненавидел себя — за то, что оставил отца. На душе было пусто и скверно. Дико хотелось выпить, но все никак не получалось. Нужно было узнать, что происходит в Тимлейне, и узнать как можно скорее — иначе и свихнуться недолго.

Неудивительно, что когда дверь трактирной залы наконец распахнулась, Артур резко вскочил со скамьи и рванулся к вошедшему. То был мальчишка, совершенно запыхавшийся, всклокоченного вида.

— Все на площадь! — крикнул он, бешеными глазами обведя собравшихся. — Староста зовет! Прискакал королевский гонец, говорит, срочные вести!

— Что за вести такие? — спросил трактирщик лениво, смерив его взглядом.

— Срочные, говорю же! — юнец нетерпеливо переминался на пороге. — Всем приказано слушать. Королевский указ.

— Ну раз королевский, то пойдем послушаем, — проворчал трактирщик с долей недовольства, выходя из-за стойки. Последовал его примеру и Артур — положив ладонь на рукоять меча.

На деревенской площади собралось довольно много народу — мужчины, женщины и куча ребятишек. Толпа гудела на много голосов, толкуя, о чем может поведать неожиданный гонец. Сам королевский герольд стоял в центре площади, рядом с колодцем, и держал в руках свернутый свиток. Посланец кусал губы и время от времени передергивал плечом. Артур подавил первое желание рвануться к нему, схватить за грудки и вытрясти все, что только можно.

Когда люди заполнили площадь, герольд закричал:

— Жители Эффин! Возрадуйтесь! Возрадуйтесь, ибо я приехал к вам сказать с пришествии нового короля! — На площадь тут же упала тишина, все разговоры как ножом отрезало. Немного воодушевившись, гонец продолжил. Он явно был не в своей тарелке. — Возрадуйтесь! — в третий раз сказал он. — Тирания, довлевшая над страной... тирания пала! Брайан Ретвальд нашел свою смерть. К нам вернулся наш подлинный государь. Гледерик Кардан... — "ЧТО?!!!" — Гледерик Кардан, прямой потомок старых королей, снова принял свой народ под свою руку. Мздоимцы, казнокрады, честолюбцы и интриганы, стоявшие за спиной Ретвальда и тянувшие страну к гибели, больше никогда не будут довлеть над нами. Отныне больше никто не станет угнетать наш народ! Пришли новые дни. Радуйтесь, люди, потому что мы снова свободны, потому что больше никто не отнимет нашей свободы, потому что наша свобода... теперь всегда с нами. Это настоящий праздник, праздник для всех нас, праздник для всего королевства. Это...

Герольд говорил еще долго, временами запинаясь, то и дело путаясь в словах, повторяясь и блуждая в трех соснах, раз за разом он выдавал одни и те же цветистые и бессмысленные фразы, но Артур уже не слушал. Он едва стоял на ногах, и боялся, что сейчас упадет. Больше всего ему сейчас хотелось поверить, что он все-таки напился, бредит, мечется в лихорадочной горячке, спит и видит дурной сон, и что сейчас закричит петух, изгоняя своим криком проклятого гонца. Но гонец никуда не исчезал. По-настоящему дурные сны не любят уходить и не уходят, по-настоящему дурные сны берут тебя за горло и

смеются в лицо. Слова скакали обезумевшими кобылицами, и молчала, затаив дыхание, толпа. Мучительно болело сердце, умоляя о спасении и не получая его. Хотелось рухнуть на землю и кричать, кричать в лицо равнодушному небу, а небо молчало, застыв стоящей водой. Той самой водой, что холоднее смерти.

Артур пошел вперед, пробиваясь сквозь толпу, расталкивая людей, сбивая их с ног.

Толпа наконец раздалась в стороны, открыв пустое пространство, и Айтверн оказался один на один с гонцом. Остановился напротив него. Властно вскинул руку, призывая замолчать. Герольд послушался сразу. Он тут же осекся и весь как-то сжался, уменьшился в размерах.

— Отвечай, — губы Артура разомкнулись сами собой, и он не знал, кто говорит ими, — как погиб король? Я говорю о настоящем короле! А не о твоём самозванце... не знаю уж, где вы его нашли...

— Король? — часто захлопал глазами вестник.

— Король! Брайан Ретвальд! Других у нас не было!

— Убит. Никто не знает кем.

— А герцог Айтверн. Что с ним случилось? Он жив? — Видя, что гонец мнетя, Артур вновь повысил голос: — Отвечай!

— Герцог... лорд-констебль... Пал в бою. Его застрелили.

На какой-то очень длинный миг сердце остановилось.

— Повтори, — язык с трудом ворочался во рту.

— Милорд, вы... Кто вы?

— Повтори, что сказал!

— Герцог Айтверн убит, мой господин.

Артуру показалось, что внутри него что-то лопнуло и порвалось. Внезапно стало пусто, глухо и совершенно безразлично, отзвучавшие слова внезапно потеряли содержание и обратились в бессмысленный набор звуков. Он еще не верил, хотя и знал, что скоро придется поверить.

— Убит, значит, — через силу выговорил Артур. — Герцог убит... И король убит... А ты, смотри, живой?

— Милорд... Милорд, послушайте... — Он вдруг весь переменялся в лице.

— Узнал? — Айтверн улыбнулся. — Узнал меня? Еще б не узнал, паскуда, не первый день при дворе служишь... Как вышло, что лорды Ретвальд и Айтверн мертвы, а ты топчешь землю? Расскажи мне. Расскажи, и это не просьба, а приказ.

— Мой господин... — герольд попятился. — Мой господин... сэ... не извольте гневаться... Но... Должен же я у кого-то работать... Многие сбежали или попрятались, а я...

— А тебе плевать, кто тебе платит, и какой денежкой, — закончил за него Артур. — Даже если эта денежка краденая, и взята у мертвецов. Ах ты мелкая погань.

— Милорд! Я просто... просто...

— Ты просто решил, кем тебе быть. Ну вот и прекрасно. А я теперь решу, кем тебе стать, — и, едва договорив, Артур выхватил меч и рубанул им герольда по шее. Голова слетела с плеч, кувыркнулась в воздухе и покатила под ноги безмолвно взиравшим на это крестьянам. Тело немного постояло на ногах, напоминая огородное чучело, а затем рухнуло.

Айтверн запрокинул голову и крепко-крепко зажмурился. Постоял так немного, а потом побрел к окраине площади.

— Что вы натворили... — высунулся какой-то крепенький осанистый старичок в

добротной одежде. Не иначе, тот самый староста. — Вы убили... Это же был просто человек...

— Нелюдь это была, — отрезал Артур.

— Но... Милостивый государь, я не знаю, кто вы, но вы же... как вы...

— Пошел вон, — Артур ткнул старосту в грудь — не сильно, просто чтобы отстал.

Айтверн не сразу сообразил, что бредет к трактиру по опустевшей улочке, а сообразив, только и сделал, что мысленно пожал плечами. К трактиру так к трактиру... по опустевшей так по опустевшей... Какая разница. Надо же как-то сказать обо всем сестре и принцу, как-то объяснить им... Но сначала — умыться водой похолодней. В смешной надежде, что она хоть немного смоем всю грязь этого мира, брошенную ему в лицо.

— Третас Дарданский говорит, что каждый сам выбирает свою судьбу, — задумчиво сказал Гайвен Ретвальд, свесив ноги с кровати.

— Правда? — спросила сидящая на подоконнике Айна, бросив взгляд во двор. Никого. — Вот именно так и говорит?

— Не то чтобы говорит... — принц слегка пожал плечами. — Скорее уж пишет. Писал, он же умер много веков назад. Но его знаменитый трактат до сих пор читают. Понимаешь, — они перешли на "ты" довольно быстро, глупо было и дальше придерживаться церемонных условностей, — понимаешь, есть вещи, которые быстро перестают быть интересны людям. Придворные сплетни, к примеру. Сегодня это важно хоть кому-то, завтра не важно уже никому. А есть вещи, которые устареть не могут, потому что со злобой дня не связаны... и с добротой дня не связаны тоже. Есть книги, которые интересны людям сейчас, хотя были написаны тысячу лет назад, и есть книги, которые пишутся сейчас и будут интересны нашим правнукам. Потому что темы, которые эти книги затрагивают, будут волновать людей всегда. Мэтр Третас коснулся как раз одной такой темы.

О мэтре Третасе Айна слышала на своих занятиях, хотя сама до его трактата еще не добралась.

— Он писал о свободе воли, верно?

— Правильно. Он был первым, кто попытался понять, есть ли вообще свобода воли на свете. Ну или первым, чьи размышления до нас дошли... Люди в те дни верили, что все мы — ничто, что никакой свободы воли нет. Что все мы просто игрушки в руках языческих богов. Тогда верили, что есть особенный бог, по имени Рок, что это старик со слепыми глазами, перемешивающий человеческие судьбы, не видя их... и что ему в сущности на людей плевать. Что всем богам плевать. Что они своим произволом заставляют нас быть счастливыми или несчастными, плакать или смеяться... просто чтобы развлечься, глядя на это с неба. Третас первый не поверил в это. Он сказал... вот, смотри, здесь написано, — принц развернул книгу и протянул девушке, — что мир, в котором человек не имеет права выбора, не может существовать. Потому что в таком мире просто нет смысла жить, незачем жить. А мир не может быть лишенным смысла.

Айна посмотрела на плывущие перед глазами строки. Она не могла отделаться от ощущения, что до сих пор находится в казематах герцога Эрдера. Не могла отделаться от ощущения, что идет след в след за Александром Гальсом по проторенной им из трупов дорожке. Не могла отделаться от ощущения, что стоит сейчас напротив собственного отца и прокликает его. Она могла поверить, что находится где угодно, но только не здесь.

— А разве мир и так не лишен смысла? — спросила она тихо.

Ответ иберленского принца оказался неожиданно тверд.

— Никто и никогда не сможет доказать мне такого. Смысл есть у всего. Смысл есть у тебя и у меня. У моего отца и твоего отца. У твоего брата. У моей умершей матери. Все люди имеют смысл, весь мир имеет смысл, и смысл этот — в том, чтобы жить, как считаешь правильным сам. Не будь у нас выбора, Бог бы не придумал рай и ад, а мы бы не придумали Бога.

— Гайвен... Твои последние слова... Ты говоришь почти как еретик.

— Я говорю как человек, позволяющий себе думать. Не верю, чтоб Бог карал за подобное.

Они помолчали.

— Гайвен, тебе страшно?

— Конечно, мне страшно. Я был бы дурак, если бы не боялся.

— Вот и я не дура.

Ретвальд подошел к девушке и взял ее ладони в свои.

— Успокойся. Все будет хорошо. Обязательно будет, я тебе это обещаю.

— Хотела бы верить. Да я и не волнуюсь особенно. Вот позавчера мне было действительно страшно — когда меня бросили в темницу, а потом пришел Эрдер и сказал, что убьет меня, если что. Вот тогда правда было страшно. Очень. Не знаю, как вообще тогда седой не стала. А теперь... да чего бояться. Артур с нами, он что-нибудь придумает.

— Артур... — эхом откликнулся принц. — Ты ведь очень привязана к нему?

Айна ответила не сразу.

— Мы росли вместе, Гайвен. Сложно не испытывать привязанности в таком случае. Раньше Артур заботился обо мне. Мать умерла, когда я была совсем маленькой, а отец... Ты знаешь, каким человеком был мой отец. Артур старался заменить мне родителей, поначалу. Делал он это как мог. Потом, правда, перестал. Я знаю, ты недолюбливаешь его, ведь он ведет себя непочтительно и дерзко. Я и сама не рада видеть это. Должна тебе признаться, что в последние годы мой брат очень изменился. Он стал безрассудным и жестоким. Порой я просто перестаю его понимать. Мне кажется, будто он хочет показать себя хуже, чем он есть на самом деле, и я не вижу в этом никакого смысла. Я могу сказать лишь одно. Артур умелый воин, может быть не очень опытный — но умение сражаться у него в крови. Благодаря его титулу и даже в большей степени — благодаря его отваге, люди пойдут за ним. Если вам, милорд, нужен человек, способный выиграть эту войну — такой человек у вас есть. Даже если его слова порой кажутся отравленными ядом.

— Я приму сказанное тобой к сведению, — ответил Гайвен сдержанно. Видно было, что он все же удивлен ее откровенностью. Никогда прежде Айна не позволяла себе даже словом обмолвиться о сомнениях, овладевших ей в отношении собственной семьи, и проговорила лишь сейчас, под гнетом тревоги и страха. — Однако я все же рад, что мне достались вассалы, по крайней мере умеющие, при всех прочих своих недостатках, выигрывать войны.

— Вы слишком рано радуетесь, ваше высочество, — раздался от двери тяжелый голос. — Прежде чем рассуждать о достоинствах вассалов, я бы сперва на вашем месте поглядел на них в деле. — Артур вошел в комнату, стянул перевязь с мечом и швырнул в угол. Опустился на табурет. Брат был странно отчужден, он казался опасней, старше и злее, чем обычно, и очень сейчас походил на отца. Боже, испугалась Айна, неужели он услышал все то, что она про него говорила?! — Ваше высочество, дорогая сестра... В деревню явился

посланец из столицы.

— Посланец? Где он? — вскинулся Ретвальд.

Артур улыбнулся, и Айна сделалось страшно при виде его улыбки.

— Он мертв.

— Мертв?!

— Разумеется. Я казнил негодяя, как предателя и изменника. — И, глядя, как помертвели слушатели, Артур продолжил. — Как я понял, наши враги овладели городом. Его величество Брайан Ретвальд, ваш отец и мой сюзерен, убит при штурме, — Артур слегка поклонился опустившемуся, как подкошенный, на край кровати Гайвену. — Лорд Раймонд, наш с сестрой благородный родитель, также убит, — Айна почувствовала, как комната вдруг вздрогнула и совершила оборот вокруг невидимой оси. — Предатели торжествуют и возомнили уже себя победителями. Тот шелудивый пес, которого я отправил на тот свет, брехал, что они возвели на трон некоего человека, называющего себя Гледериком Карданом. Он провозгласил себя королем и призывает страну склониться перед своим именем.

— Пойдите, — провел ладонью по лбу Гайвен, — не так быстро. Я не поспеваю за вами. Мой отец... наши отцы... убиты?! — Артур сдержанно кивнул. — Но тогда... пойдите, что за Кардан? Они же все умерли, много лет назад.

Брат равнодушно пожал плечами:

— Ваше высочество, знай я ответ, непременно бы его дал. Мне не хуже, чем вам, известно, что последний король из старой династии умер, не оставив наследника. Карданов больше нет. Однако что мешает какому-то проходимцу присвоить себе их имя? Сажая свою марионетку на престол, мятежники могли бы назвать его так. Это было бы по-своему мудро.

— Да, вы правы, — кивнул Гайвен. — Но что же нам теперь делать?

— Что делать? Хороший вопрос, — Артур вновь скривил губы в злой улыбке, так испугавшей Айну. — На него не смогли бы ответить лучшие из тех мудрецов, которым вы поклоняетесь, но отвечу я. — Неужели он все-таки стоял под дверью и подслушивал?! И все теперь знает?! — Отныне вы наш новый король. Вернее, станете им, когда возложите на себя корону. Этому пока препятствуют владеющие Тимлейном враги. Обещаю вам, что я с ними расправлюсь.

— Вы поможете мне? — Гайвен казался удивленным и недоверчивым.

Айна не ожидала того, что Артур сделал в следующий момент. Он рывком встал с табурета, шагнул навстречу Гайвену и опустился перед ним на одно колено.

— А куда мне деваться? — просто спросил он. — Вы мой сюзерен, и я буду служить вам до самого конца. Я могу быть не лучшего о вас мнения, но я вассал дома Ретвальдов, и я не торгую своей честью. Я клянусь вам в верности, и обещаю, что покончу со всеми шелудивыми псами, что замыслили украсть ваш престол. Я буду служить вам так, как мой отец служил вашему... но, надеюсь, повезет нам больше, чем нашим отцам.

Гайвен немного поколебался, а потом подался вперед и принял ладони Артура в свои, как требовал того обычай.

— Я принимаю твою клятву, лорд Айтверн, — медленно произнес Гайвен Ретвальд. — И в свою очередь, как твой сюзерен, я пообещаю, что ты не пожалеешь о своей службе.

— Быть по сему, — сказал Артур. — И да падет небо на наши головы, если мы в чем-то этот уговор нарушим.

Он поднялся, закованный в свой новый титул, как в боевые доспехи, и поклонился Гайвену, с безупречной учтивостью. Потом посмотрел на Айну, беззвучно шевеля губами,

словно намеревался что-то сказать, но так и не сказал. Странно усмехнулся и вышел. Дверь за Артуром захлопнулась с шумом, но Айна даже не вздрогнула. Ей было не до того. Она все так же сидела на подоконнике и смотрела теперь уже в небо за окном, и это небо странным образом изменило свой цвет. Девушка почувствовала духоту.

— Я приношу соболезнования, в связи с гибелью твоего отца, — сказал принц. — И я очень сочувствую всему, через что тебе пришлось пройти.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Как он может сочувствовать ей? — недовольно подумала Айна. Что этот тихий книжный мальчик знает о серых стенах, из которых не выбраться, о солнце, видимом сквозь решетку, о небе, к которому не протянуть руку, о том, как умирает дневной свет, как приходит ночь, а вместе с ночью идут безверие и страх. Что он знает о смерти, обещанной тебе безукоризненно вежливым тюремщиком? О том, как твой собственный отец отдает тебя в руки этой вежливой смерти? О гордости и чести, единственном оставшемся оружии, без которого не продержаться. Что ему может быть известно обо всем этом? С какой радости он роняет свои дурацкие салонные слова, если не понимает их подлинного значения?

— Спасибо, — сказала Айна.

— И мне очень жаль, что погиб лорд Айтверн, — прибавил Гайвен. — Он был достойным человеком. Не все советы, которые он давал моему отцу, казались мне правильными. Но все были сказаны им из желания помочь. Поэтому мне жаль.

Айна Айтверн закрыла глаза. Лорд Айтверн. Раймонд Айтверн. Отец... Ее отец? Нет. Давно уже нет. Та тварь, встретившаяся ей в Тимлейнском замке, не могла быть ее отцом. Айна не верила, что может иметь хоть каплю общей крови с тем бездушным оборотнем, который, сидя в золоченом кресле, с холодным лицом произносил слова о благе королевства и своей этому королевству службе. Сама мысль о родстве с этим оборотнем, нацепившим на себя лицо ее отца, представлялась Айне оскорбительной. "Я проклинаю вас" — крикнула она тогда, желая, чтобы холодная тварь и в самом деле попала в сети проклятия, сгинула и обратилась в прах. Чтобы улыбка твари побледнела и треснула, чтобы кожа сделалась серой и сгнила, чтобы волосы осыпались пылью. Чтобы этого существа больше не было под небом. Айна хотела этого тогда так сильно, как ничего другого прежде не хотела. И вот ее воля исполнилась. Раймонд Айтверн погиб — и Айна Айтверн не чувствовала по этому поводу ни боли, ни вины, ни потери. Все случилось именно так, как и следовало случиться. Раймона Айтверн убил Аynu — и Айна за это убила его. Так поступают все, рожденные от древней крови. Мстят обидчикам до смерти и после нее.

— Мне не жаль, — сказала Айна. — Мне совершенно не жаль прежнего герцога Айтверна.

Артур спал и видел сон.

Станный то был сон, подобных ему молодому Айтверну прежде никогда не являлось. Он больше напоминал не обычную дремотную фантазию отяжелевшего от усталости и забот рассудка, а воспоминание о подлинных событиях, когда-то уже происходивших. Сон набросился на Артура, стоило тому, не раздеваясь, рухнуть на кровать, и затянул в свои путы.

Видение было до невозможности плотным и осязаемым, неотличимым от реальности. Айтверн готов был даже увериться, что вовсе не уснул, а оказался при помощи неведомого ему волшебства перенесен в непонятное и чужое место, находящееся далеко от деревеньки Эффин. Артур прекрасно ощущал тяжесть своего тела, и землю под ногами, и касающийся

кожи холодный ветер поздней осени. Вот только... В этом сне, молодой человек твердо знал, его звали как-то совсем иначе, вовсе не Артуром, сыном Раймонда, внуком Гарольда.

Его звали иначе, и печать, не менее тяжкая, чем сковавшая его после смерти отца, но вместе с тем совсем другая, идущая от других причин и приводящая к иным следствиям, лежала на его душе.

Он стоял в широком кругу менгиров, заросшем высокой травой, в окружении могучих каменных столбов с выбитыми на них непонятными рунами, что были испещрены ветрами, дождями и временем. Таких поставленных кольцами стоячих камней немало было по всему Иберлену, и в преданиях говорилось, что их возвел Древний Народ, и никто уже не сумел бы понять письмен, им оставленных. Но Артур, или вернее тот, кем он стал, сознавал, что с легкостью сможет прочесть эти руны, возникни у него подобное желание.

Был хмурый день на самом острие осени, и небо затянули тучи цвета свинца, и ледяной ветер шевелил травы — здесь, на вершине холма, посреди серо-зеленой равнины. Артур неспешно прошел меж менгиров и остановился почти на самой границе их круга. Заложил пальцы за пояс. У него не было при себе оружия, но это ничуть его не беспокоило. Если нынче придется сражаться, то отнюдь не клинком.

В этом здесь и сейчас он чаще дрался не мечом, а магией, и сила магии повиновалась ему.

— Здравствуй, брат. Приятно, что ты пришел. — Айтверн не заметил, откуда появился человек, произнесший эти слова. Только что его не было, но стоило чуть скосить в сторону глаза — и вот он уже здесь, стоит в самом центре каменного круга, лаская ладонью рукоятку меча. Высокий статный мужчина с гладким безвозрастным лицом, с черными волосами и дымчатыми, переливчато-жемчужными глазами, в дорогой одежде светло-серых тонов. Откуда он только взялся?

Брат всегда любил пользоваться Перемещением...

Чужая мысль. Своя мысль.

— Странно было, коли б я не пришел, — ответил за Артура тот, чьими глазами он смотрел на мир. — Как я мог тебя не услышать? Кем я стану, коли не откликнусь на зов родича?

— Тем, кем ты решил стать, — неожиданно резко ответил человек в сером. — Наши тропы давно уже разошлись, и бегут в совсем разные стороны. Видит Богиня, я не удивился бы, не приди ты вовсе! Ты почти что и забыл, что мы одной крови. Совершенные тобой дела перечеркивают все, что нас прежде связывало. О да, я ждал, что ты закроешь глаза и заткнешь уши на мой вызов! Но ты все же явился. Впрочем, я не тешу себя пустыми надеждами. Ты пришел просто потому, что не можешь не отдавать долгов. Вот и свидимся напоследок.

— Ты прав, — отвечал Артур. К немалому удивлению, он ощущал в себе не гнев, естественный после подобных надменных слов, а щемящую грусть и тоску. — Мы уже давно ходим разными тропами. Вот только чья в том вина?

— Чья вина? Чья вина, говоришь ты? Уж не меня ли вздумал обвинять во всех семенах недоверия, что были посеяны, во всех всходах раздора, что ныне поднялись? Велика наглость, мой брат — как раз тебе по плечу. Кто, скажи мне, встал под чужие знамена, кто плюнул нашему роду в лицо, кто разделил свой удел с уделом этих краткоживущих дикарей? Не я ли? Нет, не я! Это был ты, и прочие глупцы вроде тебя. Кто в Звездном Чертоге призывал к миру с теми, с кем не должно быть мира? Я ли? Нет, не я! Кто склонил

Сумеречного Короля на свою сторону, кто затуманил его рассудок? Кто братался со смертными? Нет, это вновь был не я! Это был ты. Ты и твои присные заключили договор с людьми, и ведете теперь весь Древний Народ к гибели! В своем ослеплении вы готовы погубить наше племя — и погубите, если вас не остановить! Вы ведете к смерти всех нас и все, нами созданное! Какая тьма затмила вам разум? Кем надо быть, чтоб податься на вражеские посулы? Люди возьмут у эльфийского рода все, чему смогут научиться — а потом истребят нас и займут наши земли. Уже занимают! Уже строят свои деревни там, где когда-то стояли наши замки! Они напирают с юга, как весеннее половодье! Совсем скоро, через век или два, их знамена взлетят над северными землями, и Древнему Народу придет конец. Мы падем в бою — или уйдем доживать свой век в холмах, подобно разлетевшимся навсегда осколкам ушедшей эпохи. И все благодаря тебе и твоим приспешникам! Вот какой судьбе ты способствуешь!

Мужчина с жемчужными глазами говорил, и каждое слово слетало с его уст ранившим кинжалом, или осколком зеркала, или наконечником стрелы — и это была не фигура речи. Нет, и в самом деле острые куски металла или стекла рвались от него прочь, рассекая воздух на части, прежде чем истаять. Артур *видел*, как окрестные менгиры содрогаются от творимой среди них магии. Его собеседник даже не пытался щеголять своим могуществом — просто чистейшая Сила томилась от тесноты, будучи заключенной в темницу его тела, и ее частицы, приведенные в движение владевшей чародеем яростью, вырывались на волю.

— Брат... Послушай меня... — Артур осторожно подбирал слова, надеясь переубедить собеседника. Если бы только получилось! Если бы только вышло! Он не может, не должен допустить ссоры, он обязан найти общий язык с родичем — и тогда, возможно, удастся погасить разгорающуюся войну. Айтверн словно бы раздвоился, разделился на две части, и одна его часть не понимала, куда она попала и что вокруг происходит, она только и могла, что оставаться безмолвным наблюдателем за перипетиями диковинного сна, другая же... о, другая его половина пребывала в ясной уме и твердой памяти. Она, эта половина, прекрасно знала, что здесь происходит, кто этот надменный вельможа в серых одеждах, в чем предмет идущего спора, и как в этом споре одержать верх. Что же до языка, на котором они беседовали... Артур только сейчас сообразил, что этот язык не был привычным ему иберленским. Нет, то было Высокое Наречие, на каком дворяне говорили в древности, в дни Артура уже почти забытое. Язык, перенятый основателями королевства у эльфов и ставший на долгие века наречием знати. Язык древней мудрости. — Брат, — сказал Артур на этом языке. — Ты заблуждаешься. Я хороший друг герцога Кардана, вожака пришедших с полудня людей, и знаю, чего он хочет, а чего — нет. Кардан не желает нам зла. Он с почтением относится к нашему народу. Его племя просто поселится на опустевших землях, где никто давно не живет, и станет нам добрым соседом. Они уже не те, какими были раньше. Брат, я живу с ними, я знаю, что говорю. Для нас всех наступает сейчас новое время, и мы должны воспользоваться теми шансами, которые это время дает. Слишком долго мы были заключены в янтарь нашей вечности. Жизнь людей постоянно меняется, за один их век происходит больше событий, чем за нашу тысячу лет. Человечество уже почти поднялось из праха и разорения Великой Тьмы — и заслужило еще один шанс на этой земле. Возможно нам, пребывающим в тенетах нашей магии, стоит внимательнее к ним присмотреться. Сейчас они все еще дикари, как были дикарями всю последнюю тысячу лет — но кто знает, какая судьба их ждет. Однажды люди поставили мир на край хаоса — но оступиться способен каждый. Возможно, именно человеческий род обновит нашу землю. Если мы укажем ему правильный

путь.

Эльф в сером, а кем ему оставалось быть, кроме как не эльфом, презрительно скривил губы:

— Как же ты наивен, брат мой Эйдан! Как недальновиден! Как легко тебе оказалось поверить в то, во что хочется верить! И как просто закрыть глаза на неприятную правду. Дэглан Кардан будет нам другом, говоришь ты? Может, и будет. И другом нам будет его сын. И может даже внук. Но правнук... Неужели ты не в силах осознать столь простых вещей?! Люди недолговечны, их век исчезающе мал, их жизнь — все равно что в одночасье сгорающая свеча. Одни человеческие поколения сменяют другие прежде, чем мы успеваем оглянуться по сторонам, разобраться в их мечущейся круговерти. Сегодня они будут нам добрыми соседями, а завтра, когда мы ослабнем, когда уже сейчас начавшееся вырождение возьмет нас за горло, люди позарятся на наши колдовские сокровища и пойдут штурмом брать стены наших крепостей. А затем они примутся коверкать землю, извращая и уродуя ее. Я долго ходил меж ними и как следует изучил их породу. И я помню, какими они были прежде, пока прежний мир не сгорел.

Артур... нет, не Артур, его имя было Эйдан, он с окончательной ясностью осознал это только теперь, попробовал возразить:

— В тебе говорит сейчас страх перед будущим.

— Я не умею бояться! — ударил голосом, как хлыстом, собеседник, и метнувшийся от него льдисто-ртутный бич полоснул по траве, рассыпаясь на тающие звездочки. — Это в тебе говорит страх — перед правдой. Ты выгораживаешь людей не потому даже, чем веришь в их благородство, а потому, что человеческая девчонка похитила твое сердце! Ну, Эйдан, признай же мою правоту! Хотя раз окажись честен передо мной — и перед собой. Тебе же безразлично это мотыльковое племя, кабы не твоя сероглазая леди, ты бы и подумать не смел о союзе с людьми. Но ты влюблен, и за свою любовь простишь людям любое зло. И вместе с ними всадишь нам кинжал в горло.

— Ты ошибаешься, — с трудом ответил Эйдан. Его щеки горели. — Я люблю Гвендолин, не стану врать. Но это здесь не при чем.

— А ты, никак, забыл тот закон, что установили Белый Бог и Великая Богиня, когда держали совет? Закон, по которому мы, фэйри, дети Дану, приходящиеся Белому Богу пасынками, можем любить людей, Его родных детей, лишь разделив их судьбу и участь? Знай же, брат мой Эйдан, коли захотел забыть — в час, когда ты сочетаешься с леди Гвендолин законным браком, когда ты возьмешь ее на супружеском ложе, когда посеешь в ней свое семя, когда от вас в мир придет новая жизнь — в тот час ты привяжешь себя к колесу времени, утратишь дарованное тебе долголетие сидов, и сам сделаешься человеком. Ты сгоришь через несколько десятков лет, и твоя неприкаянная душа уйдет туда, куда уходят все людские души.

— Пусть так. Мне не страшно. Я готов ради Гвендолин пожертвовать своим веком.

— Врешь! Ради нее ты готов жертвовать не только им и не только собой! Но и теми, кем жертвовать не имеешь права. Вот только я не дам тебе этого сделать. Я собрал большое войско, Эйдан — огромное войско! Всех тех из Народа, кто еще не утратил разум. Благородных эльфийских рыцарей, равно с благого и неблагого дворов, тилвит тегов и сидов, а вместе с ними великанов зимы и инея, полудиких гоблинов, карликов с их тяжелыми молотами, владетельных духов лесов, полей и вод, наполовину истаявших призраков прошлого, даже мелких созданий, даже кэльпи и брауни, даже лепреконов и цветочных фэй!

Они все пришли под мои знамена — знамена Северного Мира! Они пришли ко мне — к тому, кого называют Бледным Государем, Повелителем Бурь. Я — последний истинный повелитель фэйри! Мы поведем свои полки на полдень, мы налетим на людей саранчой и сотрем их род с лица земли, пока они еще не стерли нас! Грядет последняя война, в которой решится, кому владеть миром. С кем ты будешь на этой войне? Я и ты — последние от крови драконов. Наши предки рвали своими крыльями небеса. Нам решать судьбы земли. Определяйся, это твой последний шанс!

Эйдан поколебался, а потом с трудом вытолкнул из себя непослушные слова:

— Я выбираю сторону своих друзей, родич. Сторону своих друзей и народ своей невесты. Я не отступаю от однажды принятых решений. Если ты пойдешь на нас войной — войной я тебя и встречу.

Бледный Государь вырвал меч из ножен, будто собирался сразу атаковать, и по обсидиановому лезвию пронесли искры. Но затем он вонзил клинок в землю, опершись на него обеими ладонями, и вдруг — хотя и не могло такого случиться с неподвластным увяданию сидом — показался очень старым, измученным и разбитым.

— Ну что ж... — проговорил он. — Вы решили... господин человек... вас теперь будет правильной называть так. Значит, будь, что будет. Нам еще предстоит закончить наш спор... не сейчас и не здесь, но рано или поздно придется. И тогда я не вспомню, кем ты был. Только то, кто ты есть. И мой клинок не дрогнет, обещаю. А сейчас уходи. Мне не хочется тебя больше видеть. Хотя нет, постой. Постой! — голос Бледного Государя вновь обрел силу. — Прежде чем уйти, послушай одну вещь. И задумайся о ней. Твои потомки... твои человеческие потомки... Они станут служить людям так же, как ты служил эльфам? Тоже сделаются рабами собственных страстей и прихотей, и ради сиюминутных желаний разобьют все принесенные обеты? Предадут тех, кого должны защищать? О да. Уверен, так и случится. Ты оставляешь им в наследство свою кровь, а кровь — не водица. В твоей крови притаилась слабость... И твои дети еще проклянут отца за полученный ими подарок... если, конечно, успеют до того дожить! — Повелитель Бурь оглушительно расхохотался.

Он смеялся и смеялся, раздирая хохотом сердце, раздирая душу, раздирая мир — он, темный владыка, король стылых ветров, холода и смерти, страшный злодей из страшных сказок, что станут рассказывать про него тысячу лет спустя. Он хохотал, а реальность вокруг него уже тускнела и теряла форму, превращалась в туман на ветру, в тающую росу, просто в ускользающий сон, и Эйдан... нет, теперь уже Артур Айтверн и никто больше, понял, что просыпается.

Глава девятая

Вопреки необходимости спешить, Александр смог выехать из Тимлейна лишь на утро второго дня после штурма цитадели. Лишь тогда удалось завершить все насущные дела и вырваться из затянувшейся суеты. Почти целый день ушел на то, чтоб разместить свою дружину в части освободившихся ныне гвардейских казарм, обеспечить им выплату жалованья из королевской казны, пересчитать живых и погибших, позаботиться о том, чтобы не больно-то радивые лекари занялись как следует ранеными и не отправили их на тот свет, а, напротив, вытащили на этот, уладить вопрос с выдачей новых оружия и доспехов взамен

испорченных, присмотреть за организацией провианта и содержания. Александр знал, что Брейсвер будет недоволен провололочкой, но ничего не мог поделаться. Нельзя уйти, не позаботившись о своих людях, нельзя просто так бросить их сразу после боя, не решив перед этим хотя бы того, что можно, и главное — нужно решить.

За стенами замка тревожно ворочался пораженный страхом город. Честные жители попрятались по домам. Каждый из них норовил забиться поглубже и подальше, найти себе хоть какое-то укрытие. На улицы вышли мародеры, грабители, убийцы и прочий лихой люд. Александр понятия не имел, сколько богатых лавок было разграблено за эти дни и ночи и сколько честных горожан убито в собственных домах, но догадывался, что немало. Брейсвер отправлял в город один патруль за другим, он старался навести порядок хотя бы в самых беспокойных кварталах, но Тимлейн велик, и брошенные на его усмирение отряды — всего лишь капля в море. Граф Гальс, пусть и скрепя сердце, все же понимал, что всплеск насилия — естественный спутник любой неразберихи и замятни. Так получается всегда, неважно, переворот на дворе, потоп, чума или конец света. Пройдет несколько дней или недель, войска наведут в столице порядок, и волна схлынет. В конце концов, за все нужно платить. Александр знал это, и все равно был не рад.

Незадолго перед отъездом Гальса отыскал Брейсвер. Король, а титуловали его все теперь именно так, не меньше Александра погрузился в заботы, и выглядел совершенно измотанным — весь бледен, мешки под глазами. Давно уже не отдыхал, поди. Гальс даже немного посочувствовал новому государю Иберлена, а потом вспомнил, что тот знал, на что идет, решив отвоевать себе принадлежавший его предкам трон. Гледерик отвел графа в сторону и сказал, что нужно кое о чем переговорить. Александр пожал плечами и сообщил, что занят, так как должен уже собираться в дорогу.

— Ничего, задержитесь, — жестко ответил Брейсвер. — Я вас надолго не отвлеку. Ну-ка, пошли, — он ухватил Александра за руку и потащил в пустынную галерею, освещенную лишь двумя, и то уже догорающими факелами.

— Вам от меня чего-то нужно? — сухо спросил Александр. Обычно такой тон отлично действовал на навязчивых собеседников, сбивая с них лишнюю спесь. Но Гледерик Брейсвер был, видимо, не из тех людей, которых легко чем-то смутить.

— Да, нужно, — наследник древних королей смотрел прямо и спокойно. — Мне нужны ваши откровенность и честность. С вашей стороны будет правильно их мне предоставить.

"Даже так?"

— Я вас слушаю, государь.

— Александр Гальс, — Гледерик смотрел на него в упор, словно желал заглянуть в душу, — почему позавчера утром вы явились на общий сбор в усадьбе Эрдера, когда должны были оставаться во дворце? На вас была возложена важная задача, а вы ее так и не выполнили.

Ну вот, сказал себе Александр со смесью тревоги и раздражения, вот и настало время тех вопросов, услышать которые он ожидал уже давно. Александр постарался никак не выказать беспокойства и ответить Гледерику со всем возможным хладнокровием:

— Ваше величество, если вы желаете отругать кого-нибудь за дурное выполнение приказов — ругайте нерадивую прислугу. А со мной у вас такой номер не пройдет. Винить мне себя, во всяком случае, не в чем. Этот треклятый пьяница Элберт Коллинс не соизволил придти в назначенный час, не иначе загулял с кем-то или свалился в канаву. Не встретив людей, вместе с которыми я должен был согласовывать свои действия, я заподозрил

неладное. Возможно даже, угрозу раскрытия наших планов. Я счел более благоразумным вернуться назад. Тем более, в усадьбе Эрдеров меня ждали наши солдаты, и я хотел лично повести их на приступ. Вы меня простите, государь, но сидеть в тылу врага, ожидая возможности ударить его в спину — не по мне. Мне больше нравится честный бой.

— Любопытная версия, — Гледерик тыльной стороной ладони откинул волосы со лба, — но у меня есть и другая.

— Вот как? Было бы интересно послушать.

— Старик Коллинс места себе не находит, — заметил Брейсвер. — Все никак не может отыскать молодого Элберта. Тот как в воду канул. Мои люди внимательно осматривали убитых в замке, но Элберта до сих пор не нашли. Думаю, и не найдут. Потому что я уверен, что это именно вы убили Элберта Коллинса и Руперта Бойла, — отчетливо проговорил Гледерик. — Вы прикончили их, а потом вернулись в усадьбу Эрдера, освободили Айну Айтверн, перебили выставленную нами охрану и помогли девушке скрыться.

Молодому графу Гальсу пришлось приложить немалое усилие, чтоб его хладнокровие не дало никакой видимой трещины. Он ожидал, разумеется, каверзных вопросов — но не прямых обвинений. По крайней мере, не так скоро. Гледерик оказался куда более дотошным и въедливым человеком, нежели представлялся Александру на первый взгляд.

— Айна Айтверн? — Александр постарался выглядеть обескураженным. — Простите, милорд, но при здесь эта юная особа? По-вашему, я вызволил ее из заточения... А значит, было какое-то заточение? Что же это получается — вы, сэр, похитили дочь лорда Раймонда и держали ее под стражей? Почему я об этом ничего не слышал?

— Потому что я наслышан о вашем нраве, — прямо ответил Гледерик. — Вернее, наслышан Эрдер. Он меня и предостерег на ваш счет. Рассказал об этих ваших принципах и о вашем благородстве... Вы скорее лично перебили бы всех нас, нежели стали брать заложников. Потому вас и не посвятили в эту историю с похищением и шантажом. Как не посвятили в нее прочих ваших друзей и родичей, навроде Дериварна. Вот только не пытайтесь отпираться и делать вид, что совсем тут не при делах. Кроме вас, это просто никто бы не смог провернуть. Человек, вытащивший юную леди Айтверн из темницы, должен был сначала туда войти, а войти туда, не подняв шума, имел возможность только один из вожаков заговора. Все они были на виду, ровно там, где следовало. Кроме вас. Так что все просто. Лишь у Александра Гальса имелись и мотивы, и возможности помочь девушке бежать. Полагаю, Александр Гальс узнал о ее похищении от Элберта Коллинса. Покойный был жутким треплом. Он же покойный, верно? Поправьте меня, если я ошибаюсь.

— Не могу ни подтвердить, ни опровергнуть ваши слова насчет судьбы молодого Коллинса... ибо не встречал в последние дни этого достойного господина, о чем уже говорил. Скажите прямо, милорд, это розыгрыш? Если так, мне не по нраву ваши шутки.

— Это не розыгрыш. Понимаю, признаваться вам не с руки, да вы и не признаетесь. Но я здесь не для того, чтоб добиваться ваших признаний. Как и не для того, чтоб приказать отправить вас на виселицу за измену. Я просто хотел сказать, что обо всем знаю, но не вижу в сделанном вами чего-то такого, за что стоило бы карать. Как думаете, почему из всех, находившихся под рукой дворян, я выбрал для переговоров с Тарвелом именно вас?

Александр не ответил.

— Все очень просто. Дело не только в вашем уме и твердости вашего характера, хотя, как вижу теперь, и то, и другое достойно всяческого уважения. Дело еще и в том, что Эрдер, узнай он о вашей роли в освобождении Айны, может серьезно на вас обидеться. А я не

люблю, когда мои вассалы друг на друга обижаются, — король легкомысленно улыбнулся. — В ходе таких склок слишком часто проливается кровь. А есть еще герцог Коллинс, убитый горем безутешный отец. Он из вас душу вытрясет, если узнает. При любом исходе, кто-то из моих верных сподвижников окажется убит. К чему допускать неоправданные потери?

— Ваша версия и в самом деле вышла занятной, — признал Александр. — Но если это все, что вы желали сказать, могу я идти? Весело было послушать настолько нелепые домыслы, но хорошего ведь понемногу.

— Пойдите! — улыбка Брейсвера стала шире. — Почему я не услышал слова "спасибо"? Или вам нужна вражда с герцогом Коллинсом и герцогом Эрдером сразу? Пока вы будете решать с Тарвелом деловые вопросы, я состряпаю объяснение, что стало с Айной Айтверн, сыном Коллинса и таном Бойлом. Когда вернетесь в Тимлейн, никто и не подумает вас ни в чем подозревать. Вам бы благодарить за такую помощь, а вы нос воротите.

— Извините, сэр, но не выходит благодарить, — холодно ответил Александр. — Сам понимаю, я перед вами отныне в долгу, и долг этот верну до последнего гроша, но и только. В дальнейшем вы можете рассчитывать на мое верность — но не на мое почтение. Называйте мои убеждения смешными и старомодными, если хотите. Вы, государь, повели себя недостойно, пойдя на похищение Айны Айтверн — а я лишь сделал все, от меня зависящее, чтобы не позволить вам уронить честь дома Карданов еще ниже, чем вы ее уже уронили.

— Сразу вижу человека, который никогда не просил милостыню и не спал в канаве, — сказал Гледерик. — Мне нравится ваше аристократическое благородство, Гальс. Я даже рад, что вы меня не понимаете. Чтоб меня понять, нужно пройти через много таких вещей, с которыми вам дела лучше даже не иметь.

Гальс смерил его взглядом — и ничего не ответил.

Перед отъездом Александра посетили Томас Дериварн и Роальд Холдейн. Пришли пожелать удачи и распить на прощание бутылку вина. Хорошие люди. Нет, друзьями они для Александра не были, зато положиться на них можно было всегда и во всем. Дериварн, по своему обыкновению, говорил много и шумно. Гальсу иногда казалось, что его кузен не замолкает даже во сне. Холдейн, тоже по своему обыкновению, молчал. Стоял у стены с бокалом вина и о чем-то думал.

— Ну, давай, брат, доброй тебе дороги! — напутствовал Томас. — Отбрехайся там за нас за всех, я знаю, ты это умеешь. А еще я знаю кое-чего про этого Железного Лорда. Я с ним служил, бывали у нас и такие деньки. И знаешь, что я еще знаю, помимо уж всего остального и прочего? Ты его сделаешь. Этого Данкана Тарвела. Он только выглядит железным. Настоящий металл — это ты. Если вы столкнетесь, Тарвел сломается у рукоятки, а ты — зазвенишь, но не погнешься. Ты сильнее.

— Томас, хватит уже мне льстить. Я сделаю что смогу — и довольно об этом. Вы все меня переоцениваете, и это мне совсем не нравится. Я такой же человек, как остальные присутствующие в этой комнате. Я постараюсь договориться с Тарвелом о союзе, но ничего обещать не могу.

— А ты вообще догадываешься, почему Кардан отправляет к Тарвелу именно тебя? — неожиданно спросил Холдейн, подходя к столу. Сэр Роальд поставил на скатерть опустевший бокал и присел в глубокое кресло напротив Александра и Томаса.

— Я знаю это наверняка, — сообщил Гальс. — Он полагает, что я хорошо справлюсь с

ЭТИМ ПОСОЛЬСТВОМ.

— И только?

— И только. Не вижу других причин. — На самом деле Александр видел другие причины, и Гледерик тоже видел другие причины, и эти видимые им обоим причины были весьма весомы. Но знать о них не полагалось ни Дериварну, ни Холдейну. Не потому, что тогда беда может грозить Александру, а потому, что беда может грозить Гледерику. У Томаса и Роальда имелись в высшей степени четкие представления о чести, и эти представления разграничивали, какие вещи человеку благородных кровей делать позволено, а какие — непозволительно. — Его величество очень умен, — продолжал Александр, откинувшись в кресле и сложив руки на груди. — Его величество знает, кто, когда и как послужит его величеству лучше всего. Он знает — когда дело касается высокой политики, слово положено предоставлять мне. Не это ли свойство подлинного государя — умение верно оценить подданных? — Александр иронически улыбнулся.

Граф Холдейн даже не подумал улыбнуться в ответ.

— Про Стеренхорд говорят много всякого. Тамошним хозяевам свойственны немного грубоватые манеры. Если Тарвел посчитает тебя неприятелем, он может тебя и убить. Рука у него при этом не дрогнет.

— Я знаю, мой друг, что про Стеренхорд говорят много всякого. Про меня тоже говорят много всякого. Вот и посмотрим, какая байка страшней. Кто-то должен отправиться в это посольство. Не вижу причин, отчего бы не я.

— Зато я вижу причины, — сказал Роальд. — Я вижу многое. Например, что ты неудобен лорду Кардану. Предположим, лорд Кардан рассудил, что для собственного спокойствия ему выгодней будет обойтись без графа Гальса. Поправлюсь — без нынешнего графа Гальса. Юный Виктор пока что вряд ли сможет доставить ему проблем.

Тут не выдержал уже Дериварн.

— Эй, погоди, друг, ты чего это тут рехнулся! Что за детские страшилки на ночь глядя? Король наш новый, он конечно паренек чудной и шутник отменный, не без этого... Но подставлять Алекса? Это не пролезет уже ни в какие ворота. Живым Алекс послужит Кардану получше, чем мертвым.

— В самом деле, — согласился Александр, — я полагаю, Гледерик несколько расчетливей, нежели ты, Роальд, его расписываешь. — На самом деле Гальс вовсе не мог поручиться, что предложенная ему миссия не является ловушкой. Если граф Гальс справится и приведет в Тимлейн нового союзника, это будет прекрасно. Если граф Гальс не справится и погибнет, это тоже будет... не так уж плохо. А чтобы граф Гальс меньше сомневался, отправляясь в дорогу, мы поговорим с ним и сделаем вид, что очень его ценим. Настолько ценим, что даже закрываем глаза на очевидную измену. Ну что же, шутка вполне в духе Гледерика. Александр предполагал это — и все равно собирался в путь. В конце концов, ну кто, если не он?

— Представь, — сказал Холдейн, — представь, что ты даже не доедешь до Стеренхорда. Что в дне пути от Тимлейна на тебя нападут разбойники. Как напали когда-то разбойники на твоего отца. Я немного изучил Кардана. Он гордый человек, и ему не нужны соперники. Слуги — да, но и только. А ты не умеешь быть слугой. И еще, Кардан ведь может вызвать недовольство. Не сейчас, сейчас ему нужно победить, но потом может оказаться, не один только Брайан умел не нравиться своим подданным. А когда подданным не нравится король, они ищут нового, как нашли его мы. К кому придут тогда заговорщики? К Эрдеру?

Сомневаюсь. Я вижу одного человека во всем Иберлене, который мог бы в таком случае сесть на трон. Если Гледерик не совсем дурак, он от этого человека избавится.

— Роальд, позвольте угадаю. Вам не нравится наш новый повелитель?

— Ты совершенно прав. Он мне очень не нравится.

— Ну что же, в таком случае вы могли бы хранить верность лорду Раймонду. А коли вы оказались здесь, вы здесь и останетесь. И мне совершенно плевать, что вас вдруг посетило неожиданное разочарование в нашем деле. Если вы начали играть, вы будете играть до конца. Без всяких попыток переменить сторону. Не допуская даже мысли, что можно оказаться предателем дважды — это слишком много для одного человека. — Дериварн, будь подобные слова адресованы ему, непременно бы разозлился. Холдейн не разозлился. Он просто слушал. Александр рассудил, что можно уже слегка смягчить тон. — Роальд, запомни одну не особенно сложную вещь. Нам действительно нужен этот король. Именно этот и никакой другой. Брайан не годился, а Гледерик годится. Это каким-нибудь Рейсвортам допустимо не понимать, что за вожжа нам всем попала под хвост. А ты, я и Томас — мы все держим границу и видим, что с границей происходит. Сколько раз Лумей и таны Бритера пробовали наши рубежи за эти годы? Сколько раз они попробуют их еще? Раймонд Айтверн воевал вместе с нами, отрицать нельзя. Во главе королевской армии. Но и только. Он не делал все, что мог сделать. Он не заставил Брайана объявить общий сбор. Не привел на битву все войска Запада. Если бы Малерион, и Рейсворт, и все остальные феоды заката выставили бойцов — что осталось бы от Лумея? Мы бы сами пошли на восток и взяли штурмом Аремис, и бросили лягушатникам такой мирный договор, какой бы нам больше всего понравился. Раймонд Айтверн мог выиграть эту войну, а вместо этого лишь делал вид, что пытается. А знаете почему? Он не хотел побеждать. Ему было довольно того, что он имел. Ему было надо, чтобы мы воевали год за годом на рубеже, и год за годом проливали кровь. Покуда лорды востока, Гальсы, Тресвальды и Коллинсы, держат оборону против врага, им не будет времени думать о политике. О том, кто сидит возле трона. Айтверн мог делать с Иберленом все, что хотел, вот он и делал — только делал мало. Кем бы ни был Гледерик, он сделает больше. Он положит конец войне — разгромит Лумей и Бритер, швырнет их к нашим ногам. У него получится, и этого мне довольно. Поэтому, господа, не имеет никакого значения, по нраву вам наш новый король или нет. Вы будете с ним. Потому что я так сказал. И потому что так правильно.

Роальд Холдейн ничего на это не ответил. Это устроило Гальса. Единственное, что Гальса не устроило — он не знал, почему именно Холдейн не стал продолжать спор. Потому ли, что признал правоту Александра — или же он решил, что переубеждать Александра просто бесполезно? Когда они прощались, между ними обозначилась неловкость.

... В дорогу Александр взял с собой одного только оруженосца, оставив всю свою гвардию в столице. Не хотелось привлекать к себе лишнего внимания.

Они ехали к владениям Данкана Тарвела четыре дня, линия тракта пересекала густонаселенные и спокойные области королевского домена. Первые два раза путники останавливались ночевать на постоянных дворах, а затем прямо в поле. Единственным встретившимся им местом, чьи обитатели уже прослышали о случившейся смене власти, оказалась деревня Эффин.

Когда граф Гальс и его оруженосец явились в это селение, оно напоминало залитый водой муравейник. Жители спешно вывозили добро из домов, припрятать его в лесных землянках, тайниках и укывищах, отгоняли стада на дальние пастбища. Александр, как

сумел, растормошил трактирщика, и тот признался, что за день до благородного господина в деревне Эффин останавливалось двое других благородных господ, вместе с благородной леди, и один из этих благородных господ оказался крайне дурного нрава. Он убил королевского гонца, как только узнал о новом короле. "Нет-нет, милорд, никто не смог помешать благородному господину — королевской стражи в селе отродясь не водилось, а самим с таким бесом связываться..." На следующее утро странные гости уехали, а перед тем, как уехать, пешими-то явились, они купили у мельника коней. Тот долго упирался и не желал уступать животину, но в итоге денежки все решили. И правда, много же денежек старому Тоби заплатили высокие господа. Только, милорд, признался трактирщик, сдается мне, глупость это была со стороны Тоби — какой от денег прок в деревне, да еще в нынешние смутные дни, что на них купишь, а вот добрая скотина никогда не помешает...

Александр отрывисто поблагодарил хозяина за разговор и отправился ужинать. Услышанное ему никак не понравилось. Александра не оставляло подозрение, что он топчется по следам Артура Айтверна. Все вместе очень напоминало его непутевого приятеля. Бывшего приятеля, говоря точнее. Тогда его спутники — принц Гайвен и Айна. И направляются они на запад, с форой в целый день. Интересно, они собираются сразу в Малерион или тоже подумали о Стеренхорде? Надо спешить! Александр и поспешил, делая за каждый день как можно меньше остановок на привал.

Дальше Эффин вести о перевороте пока не распространились — попадавшиеся им люди, преимущественно местные крестьяне или странствующие торговцы, еще ничего не знали о падении дома Ретвальдов.

Однажды на третью ночь, когда они сошли с дороги и приготовились уснуть, Блейр вдруг спросил:

— Сэр, а вы кого-нибудь любите?

Александр уже лежал на земле, завернувшись в плащ. Вопросы он никак не ожидал.

— А тебе какое дело? — спросил он чуть раздраженно, досадуя, что паршивец согнал уже начинавшую подкрадываться дрему. Может, закрыть глаза покрепче, плюнуть на разговор и довершить то, что начал? Так ведь нет, Блейр не отцепится же.

— Сэр... Да так.

Александр рывком сел и поглядел на Джайлса. Оруженосец сидел напротив него, отделенный костром, и пляшущие сполохи пламени освещали конопатое лицо, удивительно серьезное и сосредоточенное. В сине-зеленой ночи стрекотали цикады, а над головой перемигивались звезды. Пахло молодой травой.

— Да так, значит... — проворчал граф. — Подцепил, должно быть, девчонку в городе?

Конопатое лицо покраснело:

— Ну...

— Не мямли ты! И так все видно. — Александр кинул в огонь несколько сухих веток, сообразив, что от разговора уже не сбежать. — Ну и какая она? Хороша?

Оруженосец покраснел еще больше, а затем выпалил:

— Очень! Вы даже не представляете, какая она! Настоящий ангел!

— Ну разумеется. В шестнадцать лет любая девица покажется богиней. Я бы удивился, ответь ты иначе.

Блейр надулся и отодвинулся от костра:

— Да что вы в этом понимаете, сэр, не в обиду вам будет сказано... А хоть бы и в обиду, делов-то, — распетушился парень. — Вот только она не такая, как другие, поверьте уж.

Просто, знаете, есть все, и есть она, и она особенная. Видели бы вы ее, мигом бы согласились! Когда она смеется — это, ну, как когда ручей по камням пляшет. Когда говорит — словно ветер листву колышет. У нее в глазах солнце и звезды разом...

— Ты поэт, я погляжу.

— Я вам говорю, сэр, она ангел! Могу хоть на Писании поклясться, Творца в свидетели призвать!

— Не призывай, грешно. Ладно, не вижу смысла сомневаться в твоих словах. Ангел так ангел. И как, любит тебя твоя леди?

— Любит! Очень! — просиял Блейр и тут же увял. — Вот только... — Он запнулся и весь как-то сник.

— Что — вот только?

— Ничего... — Джайлс отвернулся и сделал вид, что готовится спать. — Выбросьте из головы.

— Если начал, то говори до конца. Приказываю.

Александр ждал ответа, и наконец Блейр нехотя проговорил:

— Как вам сказать... Отец ее... Он же никогда Джейн за меня не выдаст. Он меня и на порог не пустит, а услышит, что я ее люблю — разом плетей задаст, хорошо, если на своих ногах уйду. Я Джейн не пара. Кто она и кто я? Она — танская дочка, богатая, знатная, ей отец вровень жениха подыщет. Чтоб и при дворе ходил, и манерам обучен, и о поэзии беседовать умел, и родословная на десять веков... А я кто такой? Простолюдин, смерд. Вчера в грязи ковырялся со свиньями.

Александр поморщился:

— Что на тебя нашло, всякую ерунду болтать на ночь глядя... Я говорил, что посвящу тебя в рыцари, когда будешь достоин. Не переживай. Был никто из ниоткуда, станешь — сэр Блейр Джайлс. Дворянин не хуже любого другого. И пусть только попробует кто на тебя косо посмотреть — смело вызывай на поединок. Люди это запомнят.

— Вам легко говорить, — пробормотал Блейр.

— Легко? — откликнулся его господин. Вновь поворошил дрова. Стянул перчатки и протянул руки вперед, грея их над костром.

— Легко... — задумчиво повторил Гальс. Помолчал, и вдруг принялся рассказывать негромким голосом:

— Я был в твоём возрасте, Джайлс, или чуть постарше, когда это произошло. Лет семнадцать или восемнадцать. Славные годы, когда ты молод, бессмертен и беспечен, и все двери должны открываться перед тобой, как по мановению руки. Я дышал полной грудью, ничего не боялся, и у меня все получалось. Я был горд собой, и немного надменен. Я впервые увидел ее на приеме, который давал друг моего отца. Все пили, танцевали и веселились, а она сидела у самого окна, в полном одиночестве, и праздник обходил ее стороной, как река обходит утес. Она казалась чужой на роскошном пиру, выделялась среди нарядных и шумных светских красавиц. Сотворенная не из солнечного огня, а из утреннего тумана и лунного света. Она сидела, чуть опустив голову и сложив руки на коленях, задумчиво смотрела, как пляшет расфранченная публика. У нее было бледное лицо древней богини. Я полюбил ее с первого взгляда. Я боготворил ее и видел во сне. Не знаю, то ли мое обаяние показалось той леди отвратительным, то ли моя навязчивость была ей неприятна, а может, просто сердцу не прикажешь. В любом случае, я не пришелся ей по душе. Она смотрела на меня с почти откровенной враждебностью, ее лицо каменело, стоило мне

начать говорить, она спешила покинуть общество, в котором я появлялся. Однажды я попробовал прямо сказать ей о своих чувствах, все еще лелея какие-то глупые остатки надежды — и что же случилось? Она даже не пожелала меня слушать. Тогда я оставил свои попытки, полагая, что виться вокруг нее и дальше — значит, подвергать себя и свою честь унижению, а я не унижаюсь никогда и не перед кем. Я уехал обратно в родовые владения, потом пару лет провел за границей — меня вернуло обратно лишь известие о смерти отца и необходимость принять его титул. Я выпустил ту девушку из виду и постарался забыть. Так что запомни, Блейр. Есть на свете вещи, куда худшие, нежели те, что выпали на твою участь. Тебя любят — а это главное. Прочие препятствия ты преодолеешь, — Александр оборвал себя. — Однако, я разговорился через меру. Знаешь что, ложись-ка ты спать, да и я лягу. Завтра будет большой день.

Блейр не сдвинулся с места, он во все глаза смотрел на своего господина.

— Сэр, — несмело начал Блейр.

— Ложись спать! — прикрикнул на него Александр. — Живо! А не то завтра не в седле поедешь, а будешь плестись пешком за лошадью, я тебе это обещаю.

Блейр норовил продолжить разговор — но окончательно ступешался, нарвавшись на взгляд Гальса. Мальчишка принялся укладываться спать, и минут через десять Александр уже слышал его дремотное сопение. Александр еще некоторое время посидел у костра — грел руки об остывающие угли да поглядывал с легкой завистью на смеющиеся звезды. Наконец он тоже лег спать. Александр уснул мгновенно, и не видел до самого утра никаких снов.

... Наконец Гальс и его спутник выехали к небольшому форту, стоявшему на границе королевских земель и владений Тарвелов. Выложенная в два человеческих роста каменная стена брала тракт в клещи с обеих сторон, и в ней виднелись бойницы. Поднимающаяся за стеной высокая башня, на первых этажах каменная, а поверху деревянная, была в обилии оснащена стрелковыми позициями и просматривала тракт и окрестные поля далеко вперед.

— Кто такие? — окликнули подъехавших всадников со стены.

— Граф Гальс с оруженосцем! — крикнул в ответ Александр, придерживая загарцевавшего коня. — Я еду к вашему господину, держать с ним совет!

На дорогу высыпали несколько воинов в панцирных доспехах и с арбалетами.

— Почему вы одни, сэр, без эскорта? — осторожно спросил один из солдат. — В такие времена, как наши, опасно ездить без охраны. Лихих людей по дорогам развелось без счету. Да и потом, а если б вашим именем назвался какой-нибудь проходимец?

— Блейр, погляди, как учтиво меня нарекли самозванцем, — громко и отчетливо сказал Александр. — Вот этот вот господин с арбалетом сомневается, правда ли я тот, за кого себя выдаю. Но сомневается вежливо, в обтекаемых и скользких выражениях. Вроде бы все и понятно, но не подкопаешься. Вам бы в посольской коллегии подвизаться, — сказал Александр солдату, — а не в здешней дыре. Не желаете перейти на королевскую службу? Люди вроде вас нам нужны.

Арбалетчик поднял забрало, открыв немолодое потрепанное лицо, и заявил:

— Вот теперь я верю, что передо мной — граф Гальс. Более поганого языка, чем у вас, во всем Иберлене не сыщется.

Александр от души расхохотался:

— Святая правда! Вы меня уели, старина. Но раз уж вопрос личности прояснен, может быть, пропустите нас? Мое дело, право, не терпит отлагательств.

Их пропустили, но не одних, а в сопровождении десяти всадников. В спутники Александру выдали воинов дюжих и статных, по виду своему крайне неплохо обращающихся с оружием, да еще облаченных в отменную броню. Герцог Тарвел не жаловался на бедность и мог себе позволить содержать хорошо вооруженную и как следует обученную армию. Тем более стоило переманить эту армию и ее господина на свою сторону.

Гальс попробовал аккуратными вопросами разговорить своих неожиданных попутчиков. Больше всего Александра интересовало, не проезжало ли перед ним двое молодых дворян в сопровождении юной девушки, один из каковых дворян был бы скор на руку и несдержан на язык. Увы, если Артур и успел побывать тут, обитатели форта ничего о том не знали либо не захотели говорить.

Край, по которому они ехали, был богатым и обжитым, много лет не ведавшим ни кровавых междуусобиц, ни набегов иноземцев, ни хищнических господских поборов. Мимо то и дело проносились большие деревни с добротными домами, порой даже двухэтажными, чистыми улицами, ладно одетым народом на этих улицах. Блейр, даром что изо всех сил старался выглядеть невозмутимым, временами с легким восхищением заглядывался на здешние места. Оно и неудивительно — на юге жили много беднее. Пограничье, бритерские таны ходят в набег, то и дело пощипывая рубежи, разбойники пошаливают, да и собственные дворяне мало чем отличаются от разбойного сброда, как бы ни пытались Гальсы сбить с них спесь и править твердой рукой.

Близился полдень и укорачивались тени, когда селения стали еще больше и пошли кучной полосой, а впереди поднялись высокие крепостные стены. Сложенные из огромных каменных блоков, привезенных с Каскадных гор, они тянулись к самому небу — громадные, грозные, неохватные, ничуть не уступающие укреплениям столицы. Массивные башни выглядели зубцами в исполинской короне, да бастионы Железного замка, как прозывали гнездо Тарвелов, и были короной, доставшейся нынешним хозяевам цитадели от прежних, навсегда сгинувших. От первых людей, живших в Стеренхорде сразу после изгнания фэйри, людей, самих захвативших и сжегших чужой дом, не веривших никому и никому не служивших, людей, чьи владыки называли себя королями, не оглядываясь на уже тогда забиравших себе верховную власть Карданов. То было сразу после Войны Смутных Лет, в которую Повелитель Бурь поднялся с великими силами, обрушился на человеческий род и едва не уничтожил его — но потерпел поражение от герцога Дэглана Кардана и лорда Эйдана из Дома Драконов, основателя Малериона, принявшего титул первого герцога Запада. Была великая битва, шедшая три дня, и на закате третьего Кардан и Айтверн одолели Бледного Государя в поединке. Одолели, как сказывалось в легендах — больше силой магии, нежели силой меча. Победили — но не убили, а обратили в бегство. Повелитель Тьмы скрылся где-то в северных землях, а люди взяли под свою руку доставшиеся им земли. Выживших эльфов не щадили. Даже тех, кто не стоял на стороне врага, тех, кто остался безучастен к войне и не поднимал оружия на смертных. Даже тех, кто был к смертным добр. Их преследовали, убивали, изгоняли из собственных домов, их города и замки разрушали, предавали огню и мечу, а на месте уничтоженных твердынь возводили новые, свои.

Тогда нашлось много лордов один другого наглее, претендовавших на власть. Прошло не одно десятилетие, прежде чем объявившие себя королями Карданы истребили часть соперников, а прочих принудили к повиновению, заставив принести вассальные клятвы. Хозяева Стеренхорда повиноваться не захотели, и тогда Лервер Кардан, сын Дэглана, истребил их род, а опустевшую крепость отдал своему военачальнику Рихвару Тарвелу. От

него и пошли железные герцоги. За прошедшую тысячу лет они многократно перестраивали свой дом, расширяя и укрепляя его, но основа оставалась прежней. Старые злые камни из старого злого времени.

Граф Гальс со своими сопровождающими въехал вовнутрь замка, на необъятный крепостной двор. Навстречу Александру вышел человек, представившийся помощником мажордома, и спросил высокого лорда о целях его визита. Гальс, как и прежде, ответил, что о целях своего визита будет говорить с самим Тарвелом, и ни с кем больше, и добавил, что миссия, с которой он прибыл в Стеренхорд, крайне важна и не терпит отлагательств. Помощник мажордома поклонился, просил ждать его возвращения и ушел.

Потянулись минуты ожидания, сменявшие одна другую с поистине черепашьей медлительностью. Поднявшийся ветер гулял по двору сквозняком и трепал на башенных шпилях вымпелы с вставшим на задние лапы медведем, родовым символом Тарвелов. Лошади мотали гривами, били копытами и нетерпеливо фыркали — бедные животные явно не отказались бы наконец оказаться в конюшне, пожевать сена и попить воды. Снующая между хозяйственных построек челядь с интересом разглядывала прибывших гостей, сами солдаты переругивались, но без особого жару. Блейр крутил головой из стороны в сторону и всем видом показывал нетерпение пополам с тревогой, хорошо хоть, за эфес не хватался. Сам Александр оставался совершенно невозмутим.

Минуло не менее получаса, прежде чем помощник мажордома наконец вернулся.

— Господин ожидает вас в своих покоях и готов выслушать, — сообщил слуга.

— Хорошо, я сейчас к нему поднимусь, — сказал Александр, спешился и бросил поводья ближайшему воину. — Пригляди за моим конем, — приказал он ему, как если б тот был его собственным гвардейцем. — Блейр, — это уже оруженосцу, — следуй за мной.

Залы Стеренхорда оказались обставлены на старинный манер, именно так выглядели жилища знатных вельмож сто, двести, триста лет тому назад. Голые каменные полы, не застеленные коврами, задрапированные грубо вытканными, давно выцветшими гобеленами стены, тяжелая громоздкая мебель. Из щелей в каменной кладке дуло с немилосердной силой.

Тарвелы не жаловались на недостаток средств, но предпочитали избегать лишней роскоши. Лорды Стеренхорда полагали, что роскошь развращает и делает находящихся в ее плену слабыми и изнеженными. Их называли Железными герцогами и рассказывали легенды об их непреклонной, упрямой воле.

Слуга привел Александра и его оруженосца в просторную обеденную залу. За длинным дубовым столом сидел человек, расположившийся в высоком кресле во главе стола, спиной к окну, из которого бил полуденный свет. Александр напряг зрение, но не смог рассмотреть лица сидящего.

— Садитесь, граф, и этот мальчик, что с вами, пусть тоже присядет, — промолвил человек в тени. У него был негромкий ясный голос, он выговаривал слова четко и остро. — Верно, вы сильно устали, а потому — можете выпить и закусить.

Александр отвесил короткий поклон и опустился в жесткое кресло. Протянул руку за кубком вина и осторожно пригубил.

— Смелее, — посоветовали ему из тени. — Ну же, смелее, не бойтесь. Если я кого и убиваю, то в честном бою. Не люблю прибегать к яду.

— А я не люблю напиваться, — отрезал Александр и отодвинул кубок. — Блейр, баранину будешь? — и, не дожидаясь ответа, протянул мальчишке доверху наполненную

мясом тарелку. — Бери, не робей. Гостеприимный хозяин угощает, грех его оскорбить. Он, хозяин, просто диво как радушен. Сапоги стащить не дал — хорошо хоть трапезу разделил. Не побрезговал. А то стояли бы мы с тобой по струнке, и сразу ему докладывали, что да как.

— Правду говорят, что у вас не язык, а смазанная змеиным ядом стрела, — заметил человек во главе стола.

— Врут, — бросил Гальс. — Яда у меня не больше вашего. А вы, с позволения сказать, не похожи на стрелу, смазанную змеиным ядом. Вы больше сами напоминаете змея. Змей, как известно, мудр, своим чутьем он всегда понимает, кого кусать следует, а кого — нет. Это вам не стрела, не тупое дерево с куском железа на конце.

— Вам бы еще немного подучиться риторике, раз бываете в столице, а то мысль хороша, но не очень изящно высказана. Но в целом ответ не самый плохой, — заметил Данкан Тарвел. — Умный. — Теперь, когда глаза привыкли к освещению, Александр смог рассмотреть собеседника как следует. Даже сидячи в кресле казавшийся невысоким, герцог Стеренхорда был узок в плечах и бледен кожей. Потомок великих воинов и сам, по слухам, неплохой боец, предводитель натренированной армии и хозяин угрюмой суровой крепости, он больше всего с виду походил на книжника, алхимика или монаха. Даже и не верилось сразу, что его породили эти старые камни.

Тарвел не был ни молод, ни особенно красив, хотя равно далеко от него отстояли и уродство со старостью. Одет он был в дорогой дублет черного цвета, расшитый красными нитями. Совершенно седые волосы стягивал обруч из черненого серебра.

— Вас прислал господин Кардан? — осведомился герцог, очевидно желая перейти сразу к сути дела.

— Как я могу наблюдать, новости нынче распространяются довольно быстро, — заметил Гальс. — Я думал, что успею опередить слухи, но, похоже, не вышло.

— Из окон Стеренхорда очень далеко видно, — сообщил Данкан. — Куда дальше, чем считают многие из зовущихся мудрецами. Люди думают, что я замкнулся в четырех стенах, а я меж тем вижу, как пляшут звезды в небесах и люди на земле. Мне известно, кто и под каким именем захватил Тимлейн. И пусть мне неведомы все дома, пошедшие за Карданом... но уж про графа Гальса я наслышан.

— Иными словами, у вас очень хорошие осведомители. Поздравляю, не теряете хватки. Ну что ж, по всему выходит, своими новостями я вас удивить уже не смогу. Но миссия, с которой я к вам прибыл, ничуть не теряет от того своей важности. Да, меня послал Гледерик Кардан.

— И он хочет, чтоб я признал его законным монархом и привел свои войска, — прямо сказал Тарвел. Похоже, он вообще не любил уверток и хождения по чужим следам. — А вам выпало убедить меня, что мне будет выгодно подчиниться. Хорошо. Раз выпало, убеждайте. А то как-то не хочется за вас говорить.

Убийственная откровенность. Просто убийственная. Неудивительно, что Данкан всегда держался в стороне от государственных интриг, люди вроде него всегда предпочитают идти напрямик. Александр подавил вздох и принялся убеждать. Для начала он рассказал о том, как Джейкоб Эрдер посвятил его в свою тайну. Поведал о том, что в Иберлен недавно вернулся потомок старой династии, выросший в далеком королевстве Элевсина, и решивший вернуть себе достояние предков. Александр сообщил о первой своей встрече с Гледериком, описал того, как решительного и умного человека, обладающего задатками настоящего вождя. Александр особо подчеркнул, что Гледерик желает принести королевству

только благо, знает, как поставленных целей добиться, и будет намного лучшим королем, нежели Брайан, оказавшийся просто марионеткой в руках окружения, пусть даже его окружение управляло Иберленом довольно разумно. Гальс отметил, что восшествие на престол Кардана — ни в коем случае не бунт, не измена, не преступление против богоугодной власти, а, напротив, возвращение законного правителя. И в интересах всего Иберлена как можно скорее признать Гледерика и сплотиться вокруг него, не допустив бессмысленной войны и лишних смертей. Александр прибег ко всем имевшимся у него запасам красноречия, обратился в само обаяние и не жалел ярких красок, какими расписывал начало нового царствования. Он старался говорить красиво, живо, образно, со страстью, но вместе с тем не пренебрегал и доводами разума, желая поразить не только сердце слушателя, но и ум. Гальс изоощрялся всеми силами, расписывая новые справедливые законы, что скоро будут приняты, непрестанное радение о благе поданных, грядущие мир и согласие. Под конец граф даже немного охрип и, пересилив свою гордость, отхлебнул вина из прежде столь опрометчиво отодвинутого кубка.

— Мы крайне рассчитываем на вас, — сказал он в итоге, вертя кубок в ладонях. — И вся страна рассчитывает.

— А вы мастак разговаривать, — отметил герцог Тарвел после весьма продолжительного молчания. — И, как я погляжу, отчаянный храбрец, раз уж сунулись сюда без охраны, с одним только мальцом за спиной. Кто другой взял бы с собой сотни три мечей, да все едино вздрагивал, находясь в моих стенах. А вы заявили один, почитай что без всякой защиты. Иной на вашем месте поддался бы страху. И, знаете, что я вам скажу... правильно он бы сделал, что поддался. Потому что, — лорд Данкан слегка поддался вперед, — зарубите себе на носу, плевать я хотел на посольскую неприкосновенность и прочую дурь. Считаю я, что принимаю у себя бунтовщика — болтаться бы вам в тот же час на воротах. Не боитесь оказаться повешенным?

Гальс пожал плечами:

— Не особенно... А вы, герцог? Не боитесь, что за убийство посла на вас ополчатся все, кто только сможет? Не боитесь, что лишитесь вместе с добрым именем и добрых соседей? Не боитесь, раз поступив как бешеный зверь, оказаться в окружении охотников? И не боитесь ли вы, что мой король возьмет ваш замечательный замок штурмом, снимет мое тело с ворот и похоронит с почестями, а ваш труп развесит там, где прежде болтался я?

— Вам это уже не особенно поможет, — произнесенная Александром тирада не произвела на Тарвела особого впечатления.

— Не поможет. Зато вам — повредит. Так что трижды подумайте, прежде чем бросаться подобными глупостями. И учтите. Я хоть и без дружины, но вас убить вполне успею, и еще немного ваших холопов порешу.

Тарвел поморщился:

— Да не хорохорьтесь вы так. А то я уже почти начал испытывать к вам уважение, но немного таких разговорчиков — перестану. Я же не говорил, что *считаю* вас бунтовщиком. Я говорил, что мог бы считать. То, о чем вы тут заливались соловьем — смотрится вполне пристойно. Вполне можно уверовать, что этот ваш Гледерик, будь он хоть правда из дома Карданов, или даже нет, сам по себе человек толковый. И мог бы прилично нами всеми править. Уж точно не хуже Ретвальда. Не буду врать, Брайан стоял у меня поперек горла. Что это за король такой, у какого в голове ни одной путной мысли нету, одни беспутные? За которого должны думать советники? И стоит советникам смениться — все равно как если

бы сменился и король, ибо его вслед за ними из стороны в сторону швыряет? Айтверны, Эрдеры, Коллинсы... Иберленом все эти годы правил кто угодно, только не Брайан. А принц Гайвен — весь удался в папашу, да еще и не от мира сего. Совесть призывает меня поддержать вас. Да вот не все так просто.

Александр не шелохнулся.

— Вы замечательно говорите о разных высоких материях, — продолжал Тарвел, — но вы не единственный умный человек, с которым я сегодня разговаривал. И тот, другой человек, говорил со мной о моей чести. Это не очень просто, выбирать между всеми прекрасными вещами, о которых вы тут рассказывали, и честью. Послушайте и вы то, что послушал я незадолго до вашего прихода. Герцог Айтверн, прошу, составьте нам компанию.

Реакции Александра еще хватило на то, чтоб стальной хваткой удержать схватившегося за оружие Блейра, когда из-за портьеры в дальнем углу зала показался Артур Айтверн.

Глава десятая

Артур хорошо помнил свою первую встречу с Тарвелом, как и события, что к ней привели. Юноше тогда исполнилось пятнадцать лет, и он как раз вступил в возраст, когда охотнее всего делаешь глупости на каждом шагу и причиняешь неудобства всем, кому только можешь их причинить. Артур болтался между родовым замком и столицей, наводя шороху то тут, то там. Он еще не успел ни впервые подраться на дуэли, ни сорвать первый девичий поцелуй, но уже тогда мог похвастаться острым языком и вопиющей безалаберностью. Без труда сложив два и два, Раймонд Айтверн рассудил, что дитя у него подросло то еще, и если дитя немедленно не приструнить и не приставить к делам, дальше будет только хуже. Тем более Артур как раз возмужал достаточно, чтобы подобно всем прочим отрокам благородного сословия, желающим рыцарского звания, начать искать себе господина, дабы поступить тому в оруженосцы.

Говоря честно, юноша просто немного побаивался, не зная, к человеку какого нрава попадет на службу и не окажется ли тот излишне суров. Но и выбора Артуру особенного не предоставили.

Судьба решила сыграть против него, да еще в самый решающий момент. Аккурат в вечер, когда лорд Раймонд собирался сообщить своему наследнику, кому именно тот поедет приносить присягу, наследнику выпала оказия очутиться в одной корчме. Компания собралась большая, вина лилось много, эля — еще больше. Приключившийся народ, и без того горячий, оказался разгорячен выпитыми вином и элем донельзя, и докатилось до драки. Слово за слово, и никто уже не заметил, как вместо слов в дело пошли кулаки, посуда и стулья. Посуду перебили в хлам, стулья и столы — в щепки, скатерти и те — в клочья. Дым стоял коромыслом, а хозяин заведения успел вовремя покинуть поле брани и кликнуть стражу. Повязали всех, кто присутствовал.

Неудивительно, что лорд Раймонд, прослышав от спешно присланного комендатурой солдата о том, что его сын обнаружился среди арестантов городской тюрьмы, пришел в немалую ярость. Еще в большую ярость герцог пришел, по прибытии в узилище увидев Артура беспечно играющим в кости с другими заключенными и не испытывающим никакого смущения по поводу своего позора. В тот час все и было решено.

— Раз уж вы, дорогой сын, минувшим днем столь отличились в бою, — отчитывал Раймонд сына на следующее утро, — то вам тем более следует немедленно приступить к изучению основ воинского искусства. Уилан и Кремсон неплохо научили вас драться, но умение драться еще не делает человека подлинным рыцарем.

— А что делает, батюшка? — дерзко ответил Артур. — Розги и колотушки? Число отбитых поклонов?

— Нет, — лорд-констебль потемнел лицом. — Честь и верность. Вам сейчас не понять. И если не взять вас сейчас в оборот, то и потом не поймете. Довольно прохлаждаться в Тимлейне — успеете еще на своем веку. Вы поедете в Стеренхорд, к герцогу Тарвелу. И попробуйте только получить от него отказ... Заставлю тогда идти в королевскую армию, простым пехотинцем. Таскать на плече алебарду — посложнее, чем вливать в глотку эль.

Такого невезения Артур никак не ожидал. Ехать в глухое захолустье, в подчинение к человеку, имеющему репутацию сумасшедшего затворника? Да лучше сразу утопиться и не мучиться! Артур собирался высказать отцу все наболевшее, но передумал и промолчал.

На сборы ему отвели всего день. Артур немного погулял по Тимлейну, мрачно прикидывая, когда увидит его вновь, затем вернулся домой и попрощался с сестрой. Айна, которой недавно исполнилось одиннадцать лет, восприняла известие об отъезде старшего брата без всякой радости. Она не плакала, но, честное слово, лучше бы заплакала — на девочку было жалко смотреть. Артур, как мог, постарался ее утешить, но получилось паршиво. Наконец он чмокнул сестренку в лоб, перепоясался мечом, вскочил на коня и был таков. Юноша хотел оглянуться на двор, не вышел ли отец проводить его, но не стал этого делать. Уезжая надолго, никогда не оглядывайся назад, смотри только вперед, в будущее. Так Артура наставляла давным-давно его кормилица, старая Анна. Вот он и смотрел вперед. Молодого Айтверна ожидало крайне туманное будущее.

Данкан Тарвел встретил явившегося к нему на поклон юнца неласково. Артур хорошо помнил, как стоял в той самой обеденной зале, где пять лет спустя Железный герцог принял Гальса, и из кожи вон лез, уламывая хозяина замка взять себя на службу.

— Вы мне не нужны, — бросил лорд Данкан в неведомо какой раз, недвусмысленно намекая, что если надоедливое дитя немедленно не покинет его высокий чертог — то будет изгнано пинками. — Я не просил лорда Раймонда вас ко мне посылать. Не знаю уж, зачем он это сделал, но лучше бы вам отправиться туда, откуда вы приехали. В замке Стеренхорд лишние рты не требуются — своих бы прокормить. Оставьте меня в покое, пожалуйста.

Артур стоял у самых дверей, так как сесть ему не предложили, и едва сдерживался, чтоб не начать ругаться.

— Вы не можете так поступить, — сказал он то ли растерянно, то ли зло.

— Почему это? — искренне удивился Тарвел. — Могу. Поступаю же.

— Гореть вам в пекле, — сказал Артур, забыв о приличиях. — Я сюда затем ехал, чтоб вы меня тут же отсылали? Можно подумать, батюшка меня обратно примет.

— Может и не примет. Я тут при чем?

— Милорд, — протянул Артур, — честью вас прошу, не будьте таким негодяем. С таким позором, какой вы мне готовите, я домой возвращаться не могу. Не бывало такого, чтоб юношу отдали в знатный дом в услужение — а там его отослали прочь. Все королевство будет смеяться надо мной.

— Ничем не могу помочь, — Данкан широко зевнул. — Не нуждаюсь в ваших услугах, и беды ваши меня тоже не слишком заботят. Пошли бы вы к кому-нибудь еще, в самом-то деле.

Рыцарей у нас много, проситесь к любому. Будете носить им вино и чистить сапоги, а они будут рады. Не понимаю, зачем стоять у меня над душой.

— Мне приказал мой отец, — мрачно сказал Артур. — Явиться к герцогу Тарвелу, и служить ему верой и правдой. И моего возвращения он не поймет.

Данкан налил себе виски в стакан — не на три пальца, как полагается, а до краев. Залпом выпил, поморщился и произнес не без страдания:

— Не знаю, чем вы своему батюшке насолили, что он погнал вас из дому, но меня хоть в это не впутывать не надо. Езжайте обратно к лорду Раймонду.

— Говорю вам, он меня на порог не пустит. Если вы меня отошлете, отец отправит меня в королевскую армию простым пехотинцем.

— Хоть ума наберетесь. Простые люди — простые нравы. Вам не повредит немного простоты.

Как бы красно не говорил Тарвел, одни его слова вызывали ужас. Герцогский сын — спящий в одной казарме со всяким отребьем? Сражающийся в пешем строю, в одной шеренге с сыновьями крестьян и шлюх? С таким клеймом на чести ему не жить. Солдатские сапоги вместо рыцарских шпор — худшее, до чего может опуститься сын лорда.

— Герцог Тарвел... У меня есть рекомендательное письмо, в котором мой отец заверяет вас, что я способен достойно служить вам.

— Давайте будем считать, что я неграмотен. Все, сударь. Вы меня достали. Если не испаритесь через пять минут — возьму в охапку и выстрелю вами из требушета. Все быстрее до родового замка долетите.

Остатки и без того призрачных надежд окончательно рухнули.

— То есть, вы брезгуете мной? — уточнил юноша. — Ну тогда держитесь, герцог, — сказал Артур зло. — Я вызываю вас на поединок. Вы дворянин, и я дворянин, и право вас вызвать у меня есть, а права отказаться у вас нету. Иначе весь Иберлен будет судачить, как вы испугались драться с пятнадцатилетним юнцом.

Данкан снова выпил. Похоже, он пил всегда.

— Мальчик, ты это серьезно? — герцог вдруг перешел на "ты". — Может, ты простыл? Или занемог? Позвать лекаря?

— Я абсолютно серьезен, — сквозь зубы сказал Айтверн. — Я даже и не вспомню, когда в последний раз был таким серьезным. Вы вытерли об меня ноги — а я вытру об вас меч.

— Даже так? — удивился Тарвел. — Ну, раз уж ты серьезен... Делать нечего. — Герцог поднялся из-за стола, взялся за меч. — Ну-ка, братец, живо становись в позицию. А не то я разделаю тебя на ленточки прежде, чем коснешься рукояти клинка.

— Секундантов, что, не будет? — спросил юноша.

— А они нам нужны? — добродушно спросил Тарвел и, очень быстро, за несколько шагов, преодолев разделявшее их расстояние, начал бой. Артур показалось, что он угодил в самое сердце грозы. Удары посыпались со всех сторон, быстрые, неожиданные, изощренные. Данкан был быстр, как штормовой ветер, и не менее силен. Артур защищался как мог, но отчаянно не успевал. Примерно на шестом выпаде Данкан рассек Артуру коже на локте, попутно разорвав рукав рубахи в клочья, на десятом — задел бок. Артур рванулся назад и в сторону, к стене — но тут Тарвел как-то особенно взмахнул мечом, и оружие вылетело у юноши из рук.

Они замерли лицом к лицу, тяжело дыша. Умом Айтверн понимал, что нужно нестись

на конюшню, надеясь, что не догонят, прочь из этого замшелого замка, в котором распоряжается пропитой безумец. Но это все умом, а на деле он был не в силах и шагу ступить. Жуткое оцепенение сковало тело, юноша не мог пошевелиться, только смотрел во все глаза на направившего меч острием ему в лицо Тарвела да слушал, как колотится собственное сердце. А Тарвел не говорил ни слова, стоял и изучал незадачливого противника, не опуская клинка.

Наконец герцог спрятал оружие и сказал:

— Клинок держать тебя по крайней мере учили, хоть что-то хорошее... Но желай я тебя убить — убил бы легко. Хорош же ты, однако! Вызывать человека, не желающего брать тебя на службу, на поединок. Это из-за эльфийской крови? Эльфы все были такие же, потому и вывелись. Не бросайся словами впредь. Я — человек добрый, а если бы недобрый попался?

— Дальше что? — угрюмо спросил Артур. — Раз не пожелали меня убивать — предпочтете читать нотации до самого конца света?

— Дальше что? — задумчиво повторил Данкан Тарвел, приподнимая брови. — Ну, для начала я погляжу на твои царапины. Окроплю виски, перевяжу твоей же рубашкой... благо, от нее уже мало что осталось. Потом распоряжусь выдать тебе новую одежду. Красных и черных цветов. И подумаю, в каких комнатах разместить. Эй, господин оруженосец, рот закрой. А то челюсть на пол упадет.

Тарвел не шутил. Он сделал свалившегося ему на голову мальчишку оруженосцем — не иначе, просто уступив перед его упорством и заинтересовавшись нахальностью. Но приняв на службу, спуска не давал. С первого же дня Артуру пришлось отвыкнуть от вольготной столичной жизни. Постоянные тренировки на всех принятых в Иберлене видах оружия, порой один на один с Тарвелом, порой — с замковыми учителями фехтования, против одного, двух, трех и большего числа противников сразу. Фехтование, метание ножа, стрельба и даже рукопашный бой, несмотря на то, что тот почитался забавой для простонародья. Регулярные поездки, в которых юноша сопровождал герцога, инспектировавшего свой обширный домен, принимавшего петиции от крестьян и горожан, приглядывавшего за вассалами, чтоб те не чинили самоуправства и не допускали беззакония. Поначалу новая жизнь, нелегкая и насыщенная, тяготила молодого Айтверна, но вскоре он уже втянулся в нее, и не мыслил иного существования. Наблюдая за Тарвелом, постигать основы воинского искусства и командования людьми, набираться опыта, состоять на службе, избавившись от положения обузы в родительском доме... Все это было не так уж и плохо. Артур осознал, что ему и в самом деле повезло. Да и жизнь в провинции вышла не настолько скучной, как виделось из столицы, тем более если учесть, что местные поселянки с удовольствием дарили свое внимание молодому аристократу. Здесь он впервые познал женщину, на стоге сена в одну теплую летнюю ночь.

На исходе первого года службы Артур побывал в настоящем бою. Дело было зимой. В Стеренхорд пришли мрачные озлобленные крестьяне из отдаленного графства, рассказавшие о банде разбойников, окопавшихся в их краях и повадившихся нападать на окрестные деревушки и фермы. Правивший в тех местах граф пребывал пятый месяц в столице и едва ли как-то мог помочь делу, а его дружинники предпочли уединиться за стенами замка в компании пива и девок. Поэтому поселяне обратились к верховному правителю домена, рассчитывая, что хоть он-то им поможет. Недолго думая, Тарвел приказал отборным своим гвардейцем седлать коней, и сам возглавил отряд. Герцог явно обрадовался шансу поучаствовать в какой-никакой, но заварушке — ему явно их не хватало. Обрадовался и

Артур. Юноше не терпелось проверить, усвоил ли он преподававшуюся ему науку.

Солдаты герцога подошли к лесу, где окопались разбойники, и разделились на два отряда. Один, возглавляемый самим лордом Данканом, вошел под древесные своды, чтоб атаковать врагов и выманить их на открытое пространство — как раз под стрелы, мечи и копья второго отряда. Враги не заставили себя ждать — они напали на незваных гостей, вынырнув из-за деревьев. Бандитов в лесу засело много, и рубка выдалась жаркой. Разбойников так и не удалось выманить в поле, пришлось загонять их в удачно подвернувшийся длинный овраг и добивать уже там. Артур сражался наравне со всеми, упоенно работая мечом. В тот раз он впервые в жизни убил врага. Это был хороший бой.

Артур провел у Данкана Тарвела три года, прежде чем тот счел наконец обучение юноши из дома Айтвернов законченным. Тогда герцог посвятил Артура в рыцари, коснувшись его плеч мечом и произнеся ритуальные слова. Артуру казалось, что это — не пустая формальность, что рыцарь отличается от простого воина не одним лишь обращением "сэр", но и чем-то большим. Чем-то, что сразу и не выразишь, что не можешь до конца понять, только чувствуешь. Артур встал с колен и глубоко поклонился человеку, три года заменявшему ему отца. А затем уехал в большой мир, чтобы тут же забыть об этом "чем-то большем", и погрузиться в суету светских развлечений, глупо прожигая жизнь. В Стеренхорде Артур жил. В Тимлейне и Малерионе — делал вид, что живет. Ему пришлось пройти через Квартал Закрытых Дверей, где каждое слепое окно отгораживалось ставнями от криков страха и смерти, чтобы проснуться и вспомнить.

Правду говорят, что реки текут в океан, а птицы возвращаются к насиженным гнездам — вот и Артур вновь стоял под сводами, где провел некогда три лучших года в своей жизни. В доме человека, которого считал наставником. Куда им с Айной и Гайвенем еще было податься? Можно было, конечно, ехать сразу в Малерион, но Айтверн настоял сначала попытать удачи в Стеренхорде. Союз с Тарвелом — единственное, что поможет выиграть войну. Артур готов был сделать все, чтоб этот союз заключить. Не дать лорду Данкану перейти на сторону Эрдера. Если сердце страны и северные земли объединятся, то какие бы войска не выставил лен Айтвернов — их сбросят в море.

Артур знал, что должен убедить Тарвела быть на своей стороне. Любой ценой.

... - Рад, что могу наконец выйти на свет божий, — признался Айтверн, взирая на разместившуюся за столом компанию. — Лорд Тарвел, позвольте осведомиться — как давно вы развешали на воротах своих горничных? Я думал, что попросту задохнусь от пыли. Можно я наконец прочихаюсь?

— Мои горничные живы, здоровы и продолжают услаждать меня по ночам, — суховато сказал Тарвел, смерив Айтверна снисходительным взглядом. — А пыль там, дорогой Артур, отнюдь не зря. Кабы вы чихнули — грош вам цена. Не для того я столько вас учил, чтоб вы потом не могли подавить простейших телесных потребностей. Присаживайтесь, разделите с нами трапезу.

— О, так это было еще одно испытание, — восхитился Артур. — Ну вы и затейник, Данкан... Сколько лет знаком — столько лет поражаюсь. Интересно, кто *вас* учил. Не иначе, изрядный был сукин сын. — Айтверн плюхнулся в кресло, прямо напротив Гальса. — А, вот и вы, Алекс! Чудненько, и не надеялся встретить. Мы в тот раз так неожиданно расстались...

Александр не принял предложенного ему тона:

— В свою очередь, выражаю радость по поводу того, что встретил вас живым и здоровым, — холодно сказал он. — Очевидно, покинуть Тимлейн незаметно для всех

оказалось не столь уж и легко. Возможно, вам будет интересно, что пока вы направлялись в Стеренхорд, лорд Раймонд погиб в бою. Позвольте принести соболезнования в связи с его безвременной потерей.

Не помня себя от ярости, Айтверн перегнулся через стол и прошипел прямо в бледное, холеное лицо:

— Я уже слышал об этом. И, клянусь небом, я найду того, кто это сделал, и убью его самой лютой смертью из возможных. Он пожалеет, что не умер в младенчестве.

— Вы горазды угрожать, милостивый государь, этого дара у вас не отнимешь. Помню, вы точно также грозились одним памятным утром лишить жизни лорда Эрдера — однако лорд Эрдер жив и знать не знает о ваших намерениях. А грязную работу за вас в то утро сделал кое-кто другой. И сделал это молча. Что же до убийцы лорда Верховного констебля, то он и так уже мертв. Наследник Карданов приказал казнить человека, по чьей милости вы теперь сирота.

Айтверн, тяжело дыша, откинулся обратно на спинку кресла.

— Вот значит как... — проговорил он. — Выходит, наследник Карданов такой же, как и его приспешники. Убивает с равной прытью и своих, и чужих. А вы достойны своего короля. Если я горазд угрожать, то вы горазды предавать. То, что вы изменили Ретвальдам — знают все, а вот знает ли о вашем предательстве этот... как его... Гледерик Кардан? Ведает ли он о цене ваших речей?

— Мой король остался удовлетворен той мерой предательства, что я ему явил, — сказал Александр. — Очевидно, он решил, что может и потерпеть. А как насчет вашего отца? Был ли приятно умирать лорду Раймонду, когда его сын бодро улепетывал с поля битвы?

— Ну-ка, утихните, оба! — громыхнул Данкан Тарвел. — Давно не принимал столь утомительных гостей! Господа, извольте прекратить склоку. Если пришли ко мне, чтоб сводить счета — можете удалиться и сводить их где-нибудь еще.

Слова Тарвела подействовали на Артура, как ведро холодной воды из проруби, вылитое прямо за шиворот. И в самом деле, хозяин Стеренхорда был прав. Айтверн прискакал сюда не для того, чтоб разводить ругань. Чувствуя, как кровь приливает к ушам, он сказал:

— Будем считать, что мы и не начинали. Герцог Тарвел, не секрет, что я прибыл к вашему двору с важной и срочной миссией. О ее сути я вам уже докладывал. Но если ваше сиятельство полагает, что мне следует повторить свои слова, уже в присутствии графа Гальса — что же, я повторю. Я обращаюсь к вам от имени принца Гайвена Ретвальда, наследника престола и теперь, после гибели его величества Брайана, законного короля. Я не знаю, что за человек Гледерик Кардан, и откуда он взялся, в столице я его не видел и не слышал о нем. Не исключено, что это просто самозванец, используемый Джейкобом Эрдером для того, чтоб захватить власть. Но будь оно даже не так... даже если в Иберлен возвратился потомок старой династии, как утверждает лорд Александр, мы не можем забывать главного. Являйся поименованный Гледерик хоть трижды Карданом, не его венчала короной святая Церковь и не ему присягал народ. Наши деды клялись служить Ретвальдам, наши отцы служили Ретвальдам, и кем окажемся мы, разбив все принесенные обеты? Если мы начнем выбирать, какой король лучше, а какой хуже, какой умней, а какой глупей, в каком есть сила, а какой исполнен слабости — кем мы окажемся? Сварливой купчихой, бродящей по торговым рядам в поисках более лучшего платья, выбирающей то одно, то другое? Развратной девкой, ложащейся то под одного мужчину, то под иного — у кого кошелек толще? Или может, мы стали нынче хозяевами своих слов? Может, наше слово

— это такая вещь, которую можно дать, когда захочется, и взять обратно, когда ветер подует с другой стороны? Может, наша верность — она навряде бездомного пса, припадающего к любому сапогу, что ладно пахнет? Может, мы раздаем наши клятвы, как шляха раздает любовные ласки? Говорят, этот Гледерик будет хорошим государем? Кто знает, возможно и такое. Вот только мой отец служил Ретвальдам, и я служу Ретвальдам, а никакого Гледерика я знать не знаю. Каким бы ни был принц Гайвен — он верит мне. Кем я стану, если возьму его доверие и выброшу, как порвавшийся плащ? Возможно, я буду человеком осмотрительным и разумным? Да катись он в пекло, такой разум! Я уж лучше предпочту свою дурость. Мне хоть стыдно за себя не будет. А вот будет ли стыдно тем, кто убивал друзей и родичей? Будет ли стыдно тем, кто сверг короля, чей хлеб они ели? Едва ли им будет стыдно. Ведь они убивали и предавали во имя своих благих намерений. Ну вот пусть и катятся к князю тьмы. Говорят, у него тоже были благие намерения.

Артур замолчал и оглядел слушателей. Данкан Тарвел жевал губу и постукивал пальцами по столу, но попробуй бы еще понять, что это значило. Александр сидел с непроницаемым лицом, как, впрочем, и всегда. Если произнесенная Артуром речь и произвела на Гальса хоть какое-то впечатление, виду он не подал. Зато паренек, пришедший с Александром, его оруженосец... Тот выглядел, как громом пораженный. Весь побледнел и постоянно хлопал большущими, как плоски, глазами, переводя их из стороны в сторону.

— Вы стали еще более красноречивым, чем раньше, молодой Айтверн, — промолвил Тарвел. — Честно скажу, в том, что вы сказали, есть смысл. Но вы должны понимать, что и в сказанном графом Гальсом смысл тоже найдется.

— Нет, — отрезал Артур. — Не должен. Не понимаю. И понимать не хочу.

— Мои соболезнования. А я вот, в отличие от некоторых, иногда еще и думаю, не только лясы точу. И изреченное вами хорошо — и доводы Гальса не хуже. Я и не знаю, на чем остановиться. Я не хочу никого предавать... но я верен Карданами не меньше, чем Ретвальдам. Им наши предки тоже служили, хоть то было и давно. И я не прочь наконец увидеть на Серебряном Престоле того, кто бы был его достоин.

"Вы же были мне наставником!" — чуть не выкрикнул Артур. "Вы же научили меня почти всему, что я знаю и умею! Как вы можете теперь колебаться! Как можете проявлять нерешительность! Я же жил с вами три года, сражался за вас — так протяните мне руку!". Он безумно хотел крикнуть это Тарвелу в лицо, может даже встать перед тем на колени и умолять о помощи, но в последний момент сдержался и прикусил язык. Выкинуть нечто подобное означало навсегда оказаться ниже и слабее, чем Тарвел, прямо сказать — "это я, ваш бывший оруженосец, я ничего не знаю и не умею, во всем запутался, выручайте меня из беды, сэр". А к лорду Данкану сегодня пришел не его бывший оруженосец. К нему пришел владыка Малериона. Равный говорил с равным — это следовало помнить, иначе потеряешь все и сразу.

— Повелителю Стеренхорда не пристало колебаться, — сказал Артур надменно. — Колебания — удел слабых. Решайте, герцог Тарвел, да решайте побыстрее. Ни принц Гайвен, ни кардановский ублюдок не расположены долго ждать. Вашим предкам не повезло получить лен в сердце королевства. Теперь, если вы пожелаете отсидеться в стороне, обе армии, и моя, и Эрдера, столкнутся на вашей земле и предадут ее огню и разорению. Этого ли вы хотите для своих людей? Сомневаюсь. Вы хотите, чтоб они жили, а если они и умрут, то пусть умрут с честью. Вот правда им не найдется честной жизни или честной смерти, если обнаружится, что один вздорный старик одряхлел умом, размяк и не может

определиться, с кем ему быть и что делать.

Похоже, запоздало сообразил Артур, он дал лишку — Данкан весь аж побагровел от гнева. Ну еще бы, кому понравится, если тебя обзывают вздорным стариком и обвиняют в бесхребетности.

— Хорошо, я решил! — бросил Данкан. — И соизвольте теперь выслушать, что именно я решил. Вы оба, вы, Айтверн, и вы, Гальс, много чего говорили о разных возвышенных и одухотворенных вещах. А я кивал и слушал. Но мужчина, воин и лорд — это нечто большее, чем красноречивый, с утра до вечера рассуждающий о верности и отваге. Вам, господа, придется доказать, что вы воины, а не пустые трепачи. Любой из вас готов отправлять солдат на убой во имя провозглашенных вами идей — а готовы ли вы сами встретить смерть? Достаточно ли у вас доблести? И на чьей стороне небеса? Докажите свое мужество! Я объявляю меж вами смертный поединок. Один из вас на нем победит, второй — погибнет. Тот, кто останется в живых, и будет мне союзником, и я отдам ему свои армии.

— Как это... смертный поединок? — растерянно спросил Артур.

— Очень просто, — огрызнулся Тарвел. — Вы берете такую вот длинную металлическую палку, заточенную с обоих краев, и становитесь напротив Гальса. У него с собой такая же палка. Каждый из вас пытается достать своей железкой противника. У кого-то это получается, а у кого-то нет. Тот, у кого это не получается — умирает. Оставшийся в живых пьет со мной вино и ест оленину, а потом я присягаю его королю. Вопросы еще есть, сэр?

Артур перевел взгляд на Александра Гальса. Тот сидел, развалившись в кресле в небрежной позе, и делал вид, что происходящая беседа не затрагивает его ни малейшим образом. Затянутые черными перчатками руки расслабленно лежали на резных подлокотниках кресла, но Артур вспомнил, с какой ловкостью эти руки владеют клинком. Нет, он не боялся Александра, Айтверн знал, что и сам неплохо фехтует и вполне может одолеть подобного противника, но будь Гальс хоть предателем, он спас Айну. Он уберег ее от смерти, убивал ради нее собственных соратников, вызволил ее из темницы. И спас, может быть, жизнь самого Артура, прикончив Бойла. Герцог Айтверн по уши в долгах перед графом Гальсом, и ни одного из тех долгов пока не уплатил. И что теперь? Неужели он поднимет на своего спасителя оружие?

— Герцог Тарвел, вы ставите Айтверна в откровенно неравное положение, — неожиданно мягко сказал Александр. — Подумайте сначала, кто он и кто я. Я — один из многих, присягнувших Гледерику. Моя гибель не может изменить ровным счетом ничего, да и не изменит. У моего государя нашлось много влиятельных сторонников. А вот герцог Айтверн... он единственный, кому достанет знатности, могущества и богатства встать против дома Карданов. И он единственный из великих лордов, пока что готовый поддерживать Гайвена Ретвальда. Если я убью его, то выиграю войну одним выпадом. Я не уверен, что это честно.

— Вы сначала выиграйте войну, — посоветовал Данкан, — попробуйте. Для одного выпада не всегда хватит мастерства и удачи. С таким же успехом вы рискуете сложить голову. Говорят, на мечях вы деретесь знатно, но и юный Артур — не хуже. Я лично его натаскал. Готовьтесь к нешуточной схватке.

— Я приехал сюда с посольской миссией, а не затем, чтобы кого-то убивать, — резко ответил Гальс. — Я верен своему долгу, но я точно знаю, чего мой долг от меня не требует. А он не требует от меня ввязываться в игру, в которой мои противники рискуют всем, а моя

сторона — не рискует ничем. Это против моей совести.

— А восстать против Брайана Ретвальда ваша совесть вам, значит, позволила, — сказал Тарвел жестко. — Значит, и это тоже позволит. Выходите на двор. Айтверн, вы готовы?

Артур ответил не сразу.

Выбор ему предоставили нелегкий. Всего-то и надо, что поднять меч против друга и спасителя сестры. Но если он этого не сделает — то подведет Гайвена и Айну. Тарвел уперся обоими рогами в землю, а без Стеренхорда Гайвен потерпит поражение. Единственный шанс победить — вот он, ластится прямо в руки, не упустить бы.

Но... Сражаться с Гальсом?

А почему, собственно, нет? — пришла злая, отчаянная мысль. Александр — враг. Хороший он или плохой, но он враг, а врагов нужно убивать, пока они не убили тебя или твоих близких. Каким бы славным парнем Александр Гальс ни был, он должен умереть. Потому что иначе Гайвену не надеть корону своего отца, а Айне — не выжить. Они могут бежать в Малерион — но через два или три месяца к нему подступят войска мятежников, и тогда людям, которых Артур клялся защищать, не сносить головы.

И все же Артур не чувствовал за собой правоты. Может быть, за ним и стояла какая-то часть правды, но пусть и немалая, она все же не была целым. Дни добра и зла окончились задолго до его рождения, сгинули в пепле времен, оставив по себе лишь байки менестрелей. Нынче по земле стлались лишь тени и тени, все серого цвета, и истина, что они несли с собой, давно испачкалась в грязи.

Но все же следовало что-то говорить, и он заговорил.

— Лорд Александр Гальс. Я ценю ваше великодушие, но не намерен его принимать. И еще я не намерен отступать и прятаться. Помните то утро, шесть дней назад? Вы сказали, что нам еще предстоит сразиться. Раз так, пора воспользоваться подвернувшимся случаем. Знать не хочу, за что будете драться вы, но я — за то, во что верю.

— Тогда забудем про учтивость, — просто сказал Александр. — И у меня тоже есть, во что верить, и моя вера останется со мной до конца.

... Данкан Тарвел, взявший на себя судейство поединка, вывел обоих молодых дворян из донжона на отдельный маленький дворик, совершенно пустой, огражденный со всех сторон высокими стенами прочной каменной кладки. Раньше здесь порой устраивались фехтовальные тренировки, чьи участники хотели добиться уединения и спрятаться от надоедливых чужих взглядов. Артур и сам нередко звенел здесь клинком. Ну что ж, позвеним еще раз.

Оруженосец Гальса, повинуясь приказу графа, остался дожидаться в обеденной зале. Мальчик выглядел таким одиноким и потерянным, оставаясь в этом угрюмом и мрачном чертоге, что его даже было немного жалко. Артур уже несколько раз видел этого паренька в столице, рядом с графом, но никак не мог запомнить его имени. Да и не пытался. Что до Айны и Гайвена, они пребывали в выделенных Тарвелом гостевых покоях и знать ничего не знали о готовящемся поединке. Это хорошо. Им не придется тревожиться, ожидая развязки. Артур просто вернется к ним и сообщит о победе. В конце концов, он обязан вернуться. Должен.

День выдался погожий. Солнце перевалило за точку зенита, и щедро изливаемое им тепло нагрело каменные плиты под ногами. В далеком небе плыли клочья облаков — совсем как корабли с белыми парусами, уходящие за горизонт, в сказочную страну, где нет ни горя,

ни бед, ни ненависти. Где друзья не убивают друзей, где можно верить клятвам, где не стоит бояться ударов в спину.

Александр встал напротив Артура, одной рукой расстегнул плащ и отбросил его в сторону. Запылившаяся в дороге черная накидка упала на землю грудой тряпья. Айтверн последовал примеру противника — следовало избавиться от всего, что сковывало в бою движения. Артур знал, что схватка предстоит жаркая. Чтобы выжить, ему придется применить все, что он знает и умеет. Гальс был хорош в бою. Очень хорош — настолько, что, сражаясь с ним, придется исключить любое неосторожное движение, любую оплошность, любые промедление или невнимательность. Все они могут оказаться смертельными.

Артур вспомнил, как когда-то фехтовал с Гальсом, тогда еще просто забавы ради, и не помышляя, что однажды придется его убивать. В тот раз Александр одержал верх, хотя ему и пришлось для того немного попотеть. Потом они хлопнули друг друга по рукам и пошли гулять в соседнюю таверну. В памяти тут же всплыла длинная череда сцен и сенок из прошлого, иногда забавных, иногда немного грустных. Вот они с Александром скачут сквозь поле душистых трав к горизонту, поспорив, кто окажется быстрее, и ради этого спора обгоняя время. Вот карточный стол — Александр как всегда выигрывает, он рожден для того, чтоб играть в покер, ведь никогда не поймешь, лжет он или говорит правду. Бокалы вина на подоконнике, горящий над городом закат, небольшая компания, звучание лютни, чей-то негромкий смех. Разрозненные, растерянные картинки. Ничего этого больше не будет.

Александр Гальс обнажил меч, поймал на лезвии солнечный блик — и неожиданно опустил оружие.

— У меня есть оруженосец, — сказал Гальс. — Ты его видел. Звать Блейр. Блейр Джайлс. Он хорошо мне служил... Блейр простолюдин, и у него совсем никого нет, кроме старухи-матери. Без меня он пропадет. Если я погибну — пригляди за ним. Чтоб не погиб и не впутался в неприятности.

Первым делом Артур хотел ответить "а станешь ли ты после моей смерти заботиться об Айне и принце? Разве ты приглядишь за ними?", но потом вспомнил бегущую к нему сестру — живую, здоровую, свободную, и кивнул. Как ни крути, он в долгу перед Александром, а долги надо отдавать.

— Хорошо. Пригляжу, как за собой. И... Алекс. Прости, что вот так. Но я не могу иначе...

Гальс немного поморщился.

— Довольно уже разговаривать. Вы все для себя решили, и я все решил. Давайте драться.

Артур последовал совету — и вовремя, потому что первый же сделанный Александром выпад едва не оказался последним. Айтверн лишь в самый последний момент успел закрыться от полетевшего прямо ему в лицо меча. Однако отведенный было в сторону вражеский клинок тут же извернулся, совсем как живой, совсем как готовая ужалить змея, и на конце возвратного движения чуть не распорол Артуру бок. Айтверна спасло от смерти лишь чудо — он успел отдернуться назад, но меч Гальса все равно порвал ему камзол и, кажется, разрезал верхний слой кожи. Артур торопливо отступил на несколько шагов назад, закрылся. От столь стремительного начала поединка молодому человеку стало немного не по себе. Похоже, он сильно недооценивал противника, и никогда раньше не видел его в полной силе. В душе на долю секунды пискнул страх, а потом его сменила волна

поднимающегося отчаянного азарта. Драться — значит драться. Это Артур умел.

Александр пошел на сближение. Обозначил укол в ногу — похоже, этим он скорее прощупывал оборону, нежели всерьез намеревался свалить врага. Артур парировал и с трудом сдержался, чтоб не ударить самому. Но все же сдержался — это слишком смахивало на ловушку. Гальс наверняка провоцировал его, подталкивая совершить какую-нибудь оплошность. Прошла томительно длинная секунда, и Александр, очевидно заметив, что западня не сработала, нанес новый удар. Артур поставил блок, но клинок Гальса скользнул вдоль остановившего его лезвия и ужалил на более нижнем уровне. Айтверн кое-как закрылся, опустив кисть под прямым углом, отбросил меч Александра, и граф воспользовался этим, чтобы немедленно вернуться на исходную позицию и воздвигнуть непроницаемую защиту. Но Артур и не собирался атаковать, он вновь отступил — и уперся спиной в стену.

— Я все лучше и лучше вас узнаю, сэр Артур, — Александр улыбнулся. — Можно пить и веселиться в компании человека... и ничего в нем не понимать. Зато теперь я наконец в вас разобрался. Вы трус. Вы бежите от меня точно также, как драпали из столицы.

Артур крепче стиснул рукоять меча.

— Я слышал про то, как умер ваш отец, — продолжил Гальс, говоря негромким, обволакивающим, вкрадчивым голосом. — Как сразил всех, ставших на его пути, как прикончил Терхола. Раймонд Айтверн — один из тех, кто годами разрушал королевство, рвал его на разрозненные владения, пользуясь слабостью Ретвальда... но он был настоящим драконом. Из тех, что дышат огнем и закрывают крыльями небо. А вы... Змееныш, разве что. Летать вам не дано.

Уже не сдерживая ярости, Артур кинулся на него, ударил с размаха — быстро, сильно, умело. Александр легко парировал и, сделав шаг вперед и в сторону, ранил Айтверна в левую руку, ободрав локоть. Молодой человек вновь прижался к стене, тяжело дыша. Да что ж это такое! Гальс ведь просто с ним играет!

Для Александра весь этот треп — просто еще одна уловка, ведущая к победе. Скорее всего, он не испытывает к нему, Артуру, никаких дурных чувств. Просто старается победить любой ценой, и как можно быстрее и проще. У графа Гальса свои представления о чести, не сходные с общепринятыми. Его честь не всегда позволяет ему ввязываться в бой, но если уж он ввязался, то идет до конца и не гнушается ничем.

Потому что это война. А войны ведут ради победы, иначе и начинать их не стоит.

И если я хочу уйти отсюда живым, подумал Артур, если я хочу и в самом деле *победить*, то мне придется воевать по-настоящему.

Александр Гальс застыл в паре шагов от противника, ожидая атаки — нелепой и детской. Он уже все рассчитал, знал, что делать и как, где нажать и где уколоть, как довести глупого мальчишку до полной потери контроля над собой — а потом просто дожидаться, когда он в ослеплении ярости вновь бросится вперед и напорется на выставленный меч. Один короткий росчерк стали — и все закончится.

Граф ожидал выпада — а следовало ждать броска. Артур Айтверн сорвал с ножен на поясе изогнутый кинжал из закаленной дарнейской стали — и швырнул его прямо во врага. Александр среагировал мгновенно, он весь дернулся, вырвался из одной позиции в другую — и, с невиданной скоростью взмахнув мечом, так отшвырнул в сторону едва не пробивший ему горло клинок. Артур никогда прежде не наблюдал настолько совершенной и отточенной реакции, даже не верил, что подобное возможно. Впрочем, сейчас было не до

изумлений. Все зависело лишь от его собственной скорости. Пользуясь тем ничтожным промежутком времени, когда Александр мог быть хотя бы немного выбит из четкого ритма схватки — Артур наконец бросился вперед, выставив свой меч в глубоком пронзающем выпаде. Прямо в сердце.

Александр отразил удар — с такой силой, что меч вылетел у Артура из рук, а сам молодой человек не устоял на ногах и отлетел на несколько метров. Рухнул прямо лицом на камень. Откатился в сторону, уходя от низвергнувшегося с неба удара, кубарем пронесся по камням. Вскочил на ноги на самой середине маленького дворика. Выхватил из сапога стилет и метнул его.

Сверкающая стальная рыбка вонзилась Гальсу прямо в сжимавшую меч руку и насквозь пронзила кисть. Граф пошатнулся и коротко вскрикнул — впервые за весь поединок. А Артур, не теряя больше ни грана бесценного времени, побежал прямо на него, на бегу доставая из рукава свой последний кинжал. Оружие выпало у Гальса из ослабевших пальцев — но он тут же ловко поймал меч левой рукой и попробовал обрушить его на неприятеля. Видно, Александр все же недостаточно хорошо владел левой — потому что Артур сумел парировать и выбил у Александра клинок. После чего Айтверн коротко, без замаха, вонзил кинжал Гальсу в живот — по самую рукоять. Кровь хлынула фонтаном, Александр чуть не упал, но вместо того, чтобы упасть, замахнулся здоровой рукой, метя окованным шипами перстнем Артуру прямо в глаз. Артур отбросил руку противника, сломав ее в запястье, и впечатал собственный кулак ему в лицо, слыша, как хрустит сминаемый нос. Гальс выплюнул герцогу прямо в лицо кровавый сгусток — и тяжело повалился под ноги. Спустя секунду Александр был мертв. Умер он тяжело, хотя и быстро.

Затем все как-то смазалось, поплыло, теряя форму. Накатил туман, сырой и плотный, и Айтверн рухнул в него с головой. Мир погрузился в дымку, и дальнейшее припоминалось с трудом. Просто отдельные картинки, никак между собой не связанные. Артур помнил, как шарил пальцами по поясу, все норовя вложить меч в ножны, и не соображал, что меч валяется на другом конце двора. Помнил, как запрокинул голову и глядел в небо. Помнил, как опустился на колени подле Александра. Губы и подбородок графа залила кровь, а глаза остекленели, но его мертвый противник тем не менее казался умиротворенным, обретшим наконец окончательный покой. Все его битвы закончились, к добру или к худу, и его вера привела его туда, куда он шел. А еще Артур помнил туман. Густой, хоть мечом его режь — не разрежешь, хоть криком кричи — не докричишься. И еще — тихий плеск воды. Кто встретит меня, когда к берегу причалит лодка? Кто примет мою монету? Кто протянет руку?

Раздался голос Данкана Тарвела, спокойный и сдержанный, и туман рассеялся без следа.

— Ты убил его.

Все это время герцог Стеренхорда простоял в одном из дальних углов площадки, будто его тут и не было. Каменное изваяние без жизни и голоса. И только, когда все закончилось, он напомнил о себе.

Артур поднял голову и встретился с бывшим наставником взглядом.

— Да. Я убил его.

— Вот именно. Не просто победил. И даже не просто убил. Убил бесчестно, так, как убивать не следует, — по-прежнему сдержанно сказал Тарвел. — Он сражался, как доблестный воин, а ты одолел его, как какой-нибудь разбойник или наемник... А ведь я посвящал тебя в рыцари. Надеялся, что чему-то научил. — Тарвел помолчал. — Простите

меня, — произнес он после паузы, перейдя на отстраненное "вы", — я очень перед вами виноват, Артур. Недоглядел где-то. Не справился. Я виноват, что вы выросли подлецом.

Артур опустил глаза, посмотрел на Гальса. Он до сих пор не мог поверить, что Александр мертв. Это не укладывалось в голове. Однако вот он, лежит, распростертый на камнях, не дышит и сердце не бьется.

— Да, я убил графа бесчестно, — признал Артур. — Но это война. И я должен ее выиграть. — Айтверн вдруг криво усмехнулся и проговорил: — Знаете, сэр... Я в детстве любил читать сказки... В них тоже велись войны. Но то были совсем другие войны. Между светом и тьмой, правдой и ложью... Смешно, да? Смешно... Но я любил их, эти сказки. Я в них верил. Они были правильными. Когда герой садился на коня... он знал, куда скачет, куда приедет, кем будет. Когда он убивал — он убивал чудовищ, подонков, злодеев. Тех, кого следовало убить. Он не терзался совестью, никогда, ни в одной сказке. Потому что во всех сказках... их герои, они сражались за добро. Они побеждали, а потом слушали, как менестрели поют об их подвигах. И этих песен не стоило стыдиться. А я... Вот смотрите, сэр. Я верил, что тоже поступаю, как должно. Но я смотрю на убитого мной... и понимаю, он был лучше меня. Во всем. Это неправильная война, сэр. На ней умирают те, кто должен жить, а те, кто и пальца их не стоит — остаются и топчут землю.

Артур протянул руку и закрыл Александру глаза. Откинул с его лба слипшуюся прядь. Вновь посмотрел на Тарвела — поймал его взгляд.

— А знаете, сэр, что я еще вам скажу? — голос Айтверна напомнил ему самому скрежет металла о металл. — Я поступил плохо, но я не мог иначе. Это мое зло, и я никогда не стану от него отрекаться. А вот вы... вы испугались решать. Струсили. Подумали — а что там, как кости упадут, так и будет. Делов-то. Победит один — поддержу его. Другой — другого. И голову ломать не надо. Вы молодец, герцог. Хорошо придумали.

Тарвел не говорил ни слова, его лицо побелело и напоминало полотно.

— Вы просили у меня прощения, — сказал Артур, — за то, что воспитали подлецом. А я у вас прощения просить не буду. Мне просто стыдно. Что я служил трусу.

Артур встал на ноги, огляделся. Отыскал выроненный им меч, подобрал. Подержал немного в руке, взмахнул один раз и спрятал в ножны.

— И еще, Данкан. Вы обещали союз тому, кто победит. Я — победил. Как у вас с памятью?

— Я помню, — хрипло ответил герцог Тарвел. — Я слов своих не забываю. Принц Гайвен отныне — мой сюзерен, а вы — мой командир, как доверенное лицо его высочества. Моя дружина в вашем распоряжении, и я буду воевать вместе с вами. Только вот что я хотел бы вам сказать, по поводу этого всего...

— Вы не должны мне ничего говорить, — оборвал его Артур, — потому что я не желаю вас слушать. Мне все равно, какие вы там оправдания себе придумаете. А сейчас — позвольте откланяться. Мне нужно повидать некоторых людей, да и раны нелишне бы перевязать. До встречи.

Герцог Айтверн сухо кивнул новому союзнику, и, высоко подняв голову, медленным шагом покинул двор. Назад он не оглянулся. Ни разу.

— Ты сошел с ума! — выкрикнула Айна. Ее голос дрожал, ее и саму била крупная дрожь, как от холода. Артур прикинул, не подойти ли к ней поближе, не попробовать ли успокоить, но рассудил, что сейчас это не поможет. Сестре надо выговориться. — Ты сошел с ума! — повторила Айна. Девушка стояла спиной к окну, и опускающееся солнце пылало на ее медовых волосах короной, бросая паутину лучей на красное платье. — Я не могу представить, как тебе духу хватило пойти на такое безумие. А что, если бы Александр тебя убил?!

Артур пожал плечами:

— Я бы умер.

— Вот именно! — Айна узнала о поединке от слуг, раньше, чем занятый перевязкой царрапин брат успел к ней заглянуть. У нее чуть-чуть покраснели глаза. Неужели плакала? Хотя чего тут удивительного. — Ты бы умер. Ты считаешь, вокруг и так было мало всех этих бесконечных смертей?! Как ты посмел рисковать своей жизнью?!

Артур сделал было к ней пару шагов, но передумал и остановился посреди гостиной. Положил руки на спину кресла, провел ладонями по темно-зеленой обивке. Айна стояла, разведя руки в стороны, и нервно кусала губы. Артуру сделалось очень стыдно перед ней.

— Я должен был на это пойти, — сказал он. — У меня не было иного выбора. Если бы Тарвел пошел на поводу у мятежников — нам был бы конец.

— Но ты мог погибнуть! Неужели ты не представляешь?!

— Мог бы. Я уже сказал, что представляю. Мог погибнуть и, может, еще погибну. В какой-нибудь другой битве, их еще будет так много. Я недаром ношу рыцарские шпоры, сестра. Такие, как я... Мы всегда ходим под смертью. Мне жаль, если я заставил тебя волноваться, но я должен был так поступить. Надеюсь, ты меня поймешь. Хоть когда-нибудь.

Когда Айтверн выскользнул из гостиной, Гайвен Ретвальд, до этого молча сидевший в уголке, последовал за ним. Выйдя в коридор, Артур остановился у окна, что смотрело на огибающую замок с севера реку, и постучал пальцами о дубовый подоконник. Далеко внизу ровно катились спокойные темные воды.

— Сэр Артур... — нерешительно начал принц. Айтверн не счел нужным оглядываться на него, и произнес, не поворачивая головы:

— А, это вы, ваше высочество... Тоже исполнены негодования? Станете перемывать кости строптивому вассалу?

— Нет... Не стану. — Гайвен подошел к своему подданному и встал рядом, задумчиво глядя на реку. — Артур... Можно ж на ты?

— Да пожалуйста.

— Артур, я в долгу перед тобой. Сегодня ты совершил подвиг.

— Подвиг, говоришь? — хмуро переспросил Артур. — Ну пусть будет подвиг. Всегда рад услужить. Обращайтесь еще.

— Если это для тебя — услуга, — с жаром, откуда тот только взялся, сказал Ретвальд, — то я обойдусь и без твоих услуг. Я не нуждаюсь в подачках. Лучше бы ты мне сразу сказал, и я бы сам вышел против графа Гальса!

— Вызов бросили мне, это первое, — жестко сказал Айтверн. — А если бы ты вышел биться — был бы уже труп. Это второе. Но ты этого, конечно же, не осознаешь. Откуда ты

вообще взялся такой на мою голову? С виду вроде — тихоня тихоней, так чего раскукарекался?

Глаза принца неожиданно сузились.

— Раскукарекался? Хорошо, я раскукарекался. А вот ты сам владеешь человеческим языком? Или способен только шипеть, подобно подколодной змее?

Артур церемонно поклонился:

— Очевидно, нет. Таким разговорам, какие бы тебе понравились, я не обучен. Я не мэтр из Академии, прости. — Он двинулся к лестнице, будучи разозленным донельзя.

— Постой! — окликнул его Гайвен.

— Стою, — буркнул Артур и в самом деле остановился.

— У Гальса был оруженосец, мне слуга сказал... Что ты с ним сделаешь?

— Со слугой? Отстегаю кнутом. За болтовню.

— А не отстегает ли герцог Тарвел потом кнутом тебя самого за самоуправство с его челядью? Но я спрашивал не о том. А об участии оруженосца.

— Ах, оруженосец... Ну что же. Повешу его на воротах. Понимаешь ли, Гайвен, эта любимая угроза герцога Тарвела — повесить кого-нибудь на воротах. Он все время это кому-нибудь обещает. Обещает и обещает, обещает и обещает, сил больше нету слушать. А ворота как не видали на себе трупов, так и не видят. Вот я и выполню давнюю угрозу Тарвела за него самого.

Пальцы принца легли на рукоятку шпаги.

— Я устал разбираться, шутишь ты или говоришь всерьез. Если с головы этого мальчика упадет хоть один волос — ты мне больше не вассал.

— Успокойся. Я все же шучу. Я не причиню вреда парню, тем более что как раз обещал приглядеть за ним. А ты успокой мою сестру, она места себе не находит.

Найти Блейра Джайлса оказалось делом не одной минуты. Как выяснилось, сразу после дуэли Тарвел приказал взять его под стражу, как пособника врага, и посадить под замок. Артур мысленно обругал себя за нерасторопность — возмись он за поиски мальчика чуть позже, вдруг бы того уже прирезали? Или он сам кого-нибудь прирезал, тоже возможный исход.

Стражники у двери пропустили герцога Айтверна без малейших возражений, очевидно, Тарвел уже успел рассказать им, кто есть кто нынче в замке. Еще один, для разнообразия, приятный сюрприз — хоть кто-то не вздумал чинить тебе препон. За последнюю неделю Артур смертельно устал от попыток остановить его, задержать, не допустить, завернуть обратно или же попросту послать лесом.

Поговорив с охранниками, он вошел в комнату, куда заточили Джайлса, закрыл за собой противно заскрипевшую на давненько не смазывавшихся петлях дверь и огляделся. Маленькая конура с закрытым ставнями окном, горящими на полке тремя свечами и узкой кроватью в углу.

Блейр Джайлс сидел на жестком ложе, сложив руки на коленях и уронив голову. При виде гостя он резко вскинулся, лицо его все аж перекопилось от ненависти.

— Это вы, — не то выплюнул, не то прошипел Блейр. — Явились наконец.

— Явился, — со вздохом подтвердил Артур. — Решил проведать вас, мастер Джайлс.

— Хотите довершить начатое? — спросил Блейр со злостью.

— Начатое? — переспросил Артур, чувствуя во рту противный кислый привкус. Только бы еще этот не начинал читать проповеди! И без того гадко и тошно, хоть иди напивайся. —

Начатое? А что я успел начать, да еще такого, что нуждалось бы в довершении? Обычно я сразу довожу дела до конца.

— Вы предательски убили моего лорда, — отчеканил мальчишка.

— Вижу, вам уже обо всем сообщили, — заметил Артур, не без усилия раздвигая губы в улыбке. Он очень хотел сейчас казаться непринужденным и невозмутимым. Показать, что слова Джайлса его задели, значило проявить слабость.

— Граф Гальс был вашим другом, — если бы взглядом можно было убивать, Артур в тот же миг присоединился бы к обществу своих давно опочивших предков, начиная с самого Эйдана из Дома Драконов, — разве так обходятся с друзьями?

Улыбаться Артур перестал. Как ни старайся держать хорошую мину, порой на это уже не остается сил. Ответил он тем не менее как мог ровно:

— А вот здесь вы ошибаетесь. Граф Гальс был моим врагом, и я поступил с ним, как поступают с врагами. Ради моего будущего короля.

— Короля... Да чтобы с ним случилось, с королем вашим?! Вы это сделали просто потому...

— Мастер Джайлс, — отчеканил Артур холодно, — вы не в том положении, чтобы в чем-то меня обвинять. А я — не в том, чтоб ваши обвинения безропотно выслушивать. Я пришел сюда не пререкаться, а поговорить с вами о вашей судьбе.

— Что же вы мне за судьбу такую приготовили — ту же, что моему господину? Ну, вперед! — крикнул Джайлс. — Доставайте тогда свое оружие. Чего встали?!

Если он немедленно не заткнется, подумал Артур, ему в самом деле не сдобровать.

— Вы и ногтя лорда Александра не стоите, — продолжал мальчишка. — Я хорошо вас запомнил, раньше. Уже тогда ясно было видно, что вы с гнилью внутри. Но ведь я в вас почти что поверил, когда вы за столом держали речь, про честь, да про правду. Хорошая речь, я заслушался! А потом из окна увидел, как вы с лордом Александром обошлись. Вот и вся ваша честь!

Артур сжал кулаки.

— Я видел, вы в него нож швырнули, и не один раз. И это вы называете честным боем? Да как вас земля носит после подобного. Вы подлец, и...

Договорить Блейр не успел. За один прыжок Айтверн преодолел разделявшее их расстояние, схватил Джайлса за плечи и рывком вздернул на ноги. Молча на него поглядел, не помня себя от ярости, а потом развернулся и швырнул мальчишку на пол. Надо отдать ему должное, упал Джайлс ловко — он приземлился так, что не разбил голову. Приподнялся на локтях — и замер, увидев меч, нацеленный ему прямо в грудь.

Артур наклонился над лежащим на камнях юношей и пощекотал острием клинка тому рубашку. Больше всего ему сейчас хотелось зарубить наглеца, и положить конец этому балагану. И, если бы Джайлс испугался и струсил, если бы он принялся молить о пощаде — Артур не допустил бы колебаний. Айтверна не остановило бы ничто — ни данное Александру слово, ни осознание того, что убивать безоружных — недостойно. Слишком велики оказались ослеплявшие его ярость и желание покончить с этой лавиной рвущих сердце обвинений. Но Блейр не стал унижаться. Вместо этого он процедил:

— Хотите со мной покончить — сделайте это быстро.

Услышав эти слова, Айтверн пару секунд тупо смотрел на мальчишку, а затем вложил меч обратно в ножны. И протянул Джайлсу руку:

— Ну-ка, вставай. Пол тут холодный, еще, глядишь, простудишься.

Блейр не шевельнулся, лишь поглядел на Артура, как на умалишенного.

— Вставать? — голос Джайлса все-таки дрогнул.

— Видишь ли, я дал Александру Гальсу слово приглядеть за его оруженосцем, и не хочу становиться клятвопреступником. Так что твоя смерть отменяется.

Блейр немного поколебался, затем спросил:

— Граф ходатайствовал за меня?

— Еще как. Насколько могу судить, Александр высоко тебя ценил. И отдал в мое распоряжение, так что теперь я за тебя в ответе.

— Мой господин служил Кардану, — заметил Блейр, — а вы служите Ретвальду. Как я могу иметь что-то общее с врагом?

— С врагом? — переспросил Артур. — Ты тут чего-то путаешь. Александр был союзником Кардана, верно, но ты-то ничей не союзник. Тебя ж никто не спрашивал, на чьей стороне хочешь стоять. Ты ни в чем не виновен, Блейр, ни в моих глазах, ни в глазах правосудия. Между прочим, скажи, у тебя семья есть? Где живут?

— Мать есть, — неохотно ответил Джайлс. — Отец умер, год назад, сестру старшую давно сосватали. Мать жила на ферме, в графстве Гальс, я ей помогал, пока на службу не пошел. Потом она уехала к родственникам, на запад.

— Понятно. Получается так — Кардану ты ничего не должен, только Гальсу, а за Гальса теперь я. Я обещал за тобой присмотреть, и я за тобой присмотрю. Я могу оставить тебя в камере и приносить по миске каши и краюхе хлеба в день. А могу еще сделать своим оруженосцем. Если Александру от тебя была какая-то польза — глядишь, и мне будет. Я не могу лишь отпустить тебя на все четыре стороны. По крайней мере, пока война не закончилась. Вдруг тебе хватит ума снова переметнуться к Эрдеру? Тогда может получиться, что ты погибнешь от руки моих солдат. Это будет все равно, как если бы тебя убил я сам. И тогда я нарушу свое слово, а я своего слова нарушать не хочу. Довольно уже, что сейчас чуть тебя не прикончил. Ну так что ты предпочтешь? Верную службу или тюрьму?

Лицо Блейра сделалось растерянным.

— Сэр... Я не знаю... Лорд Александр просил вас, но... Я не знаю!

Айтверн видел, что мальчишка никак не определится. На него даже смотреть было жалко. Впрочем, одернул себя Артур, какой Блейр к бесам мальчишка? Ему шестнадцать, семнадцать или даже восемнадцать лет от роду. Сколько именно, Артур точно не знал, но зато знал, что сам он в возрасте Джайлса уже успел окропить клинок вражеской кровью. И, наверно, Блейру тоже доводилось убивать людей, а коли даже и нет — все равно он этому учился. Он же, в конце концов, служил рыцарю, а не прислуживал пажом у знатной дамы.

— Решай уже, — сказал Артур грубовато.

— Хорошо, сэр. Я согласен. Деваться мне все равно некуда.

— Ну вот и отлично. Тогда поднимайся! Сначала почистишь и наточишь мне оружие, ужин — потом.

— Лучше б я под замком остался сидеть, в таком случае, — пробормотал Джайлс.

Тем же вечером Артур держал совет с Данканом Тарвелом. Все та же угрюмая зала, только за окном уже успело стемнеть. Слуги принесли ужин, но ни бывший учитель, ни бывший ученик и не подумали к нему притронуться. Они разожгли огонь в огромном камине и принялись обсуждать то, что следовало обсудить. Тарвел держался непринужденно, и ни единым намеком не дал понять, что придает значение случившейся днем ссоре. Владелец

Стеренхорда был настроен спокойно, дружелюбно, и даже обращался к Артуру на "ты" — совсем как в старые добрые времена. Хорошо хоть байки не травил и не смеялся.

— Я не видел, сколько людей привел Эрдер в столицу, — рассказывал Айтверн, — но вряд ли много. Несколько сотен, может, тысяча. Две. Не больше. Ровно столько, чтоб хватило на королевскую гвардию, и так к нему переметнувшуюся. Собери мятежники большие силы, отец вычислил бы их гораздо раньше... — Артур запнулся, но пересилил себя и продолжил. — Так вот... Вряд ли у этих господ под рукой много солдат. Основные силы должны быть сосредоточены в их владениях. Личные дружины, ополчения вассалов, наемнические отряды... Они расквартированы не в Тимлейне. Нет, они на севере, в Шоненгеме. Вассалы Эрдера наверняка с ним. Тот же Данкрейн, отец говорил, Данкрейн всегда носил за Джейкобом плащ. Еще на востоке лен Коллинсов, они могут выставить немало мечей. Что с Тресвальдами — не знаю. Не удивлюсь, если они тоже теперь наши враги. Да и Дериварны, они не могут не пойти за Гальсом. Но вся эта армия сразу не соберется. Им нужно время... Это дает нам шанс.

Данкан налил из глиняного кувшина вина себе в кубок, и заметил:

— На твою радость я пришел к сходным выводам. Только потому я и согласился на союз с тобой. Будь у Эрдера под рукой все его войска, он бы разом двинул их на мой замок — в момент, когда мои силы разобщены и не готовы к бою. Нас бы просто здесь заперли и обложили со всех сторон. А так — да, пройдет время. Пока шоненгемский лорд соберет войска, да пока узнает о моем выборе, да пока мы обменяемся гонцами, почешем языком на переговорах, известим друг друга о намерениях... Я успею поднять своих. Вот только, — Тарвел прищурился, — один я не справлюсь.

— Один вы не будете, — заверил его Артур. — Малерион придет на помощь. Сегодня же я напишу все необходимые письма и дам их вашим людям, чтоб немедленно седлали коней и везли сообщения куда надо. В мой замок и ко всем лордам, ходящим под моим знаменем. Рейсворту, прежде всего. Пусть собирают всех бойцов, сколько найдется, и выдвигаются сюда. Началась война, так пусть поторопятся, раз уж я их зову. Чувствую, предстоит бессонная ночь, — Айтверн усмехнулся.

— Ничего, парень, привыкай, — сколько в тоне Тарвела снисходительного покровительства. Да, совсем как прежде. Вот только — "как прежде" уже не будет. Никогда. — Всю жизнь отныне будешь сидеть до утра за бумагами, да чесать языком на советах, да думать за себя и за других, пока голова совсем не разболится и не пойдет трещинами. Если не погибнешь в этой свистопляске, конечно. А ты что, думал — быть герцогом легко? Хотя может и думал, с тебя станется. Каким же ты был беспечным... диву даюсь. Ты в своей жизни хоть раз, пока это все не началось, о чем-нибудь заботился? Беспокоился? Боялся? Сомневаюсь я что-то. Веселился себе и горя не знал... А горе, оно вот — в седле с тобой ездит. Справишься с ним? Совладаешь?

— Куда мне деваться, — как мог твердо ответил Артур.

— А не сломаешься ли ты? Говорить легко, это всякий знает. А если по правде? Пока ты лишь втягиваешься, а что будет, когда жизнь тебя по-настоящему на излом попробует? Когда жизнь тебя со всех сторон окружит, в спину ударит, в сердце леденящий кинжал загонит? Куда не оглянешься — одна жизнь вокруг тебя будет, и ты против нее один будешь, никто не поможет. Хватит ли сил? Золото — оно хорошо блестит, девчонкам нравится, да и мужикам, кто поглупее. Но доспех из него я делать бы не стал, и никто в здравом уме не станет. Чего в тебе больше, парень, эльфийского золота или человеческого железа? Сколько лет на тебя

гляжу, до сих пор не пойму. Иногда кажется — мягкий совсем, всего-то и умеешь, что на солнце сверкать, а от сильного удара — разом прогнешься. А иногда нет — удивляешь ты меня, не гнешься и другим погнуться не даешь. Раньше удивлял. Сегодня вот удивил. Может, и выстоишь. Не знаю я, братец, не знаю... Но вот что скажу. Твой отец — он такой же был. Ты его сильным привык видеть, а я — всяким. Я его ведь знал когда-то. Вместе воевали, вместе в походах хлеб жевали. И у лорда Раймонда тоже было золота с избытком в крови. Только он всю жизнь его из себя выливал — по капле, по капле, по капле, покуда все не выйдет. Вены ножами резал, зубами рвал... Все свое золото хотел пролить, чтоб одно железо осталось. И, наверно, освободился он от слабости своей, сам себя вырезал да изваял, каким хотел... а может, и нет. Может, ошибся где-то. Не доглядел. Все ли он так сделал, не промахнулся ли где? Кто ведает... Я одно знаю — беда у вас общая. На весь род ваш — одно несчастье. То держите натиск, то бьетесь в осколки. Кто-то справляется, а кто-то и нет...

— Я справлюсь, сэр, — пообещал Артур с уверенностью, которой вовсе не чувствовал. — Не вижу смысла повторять, я же вам уже все сказал. У меня осталась только одна дорога.

Айна никак не могла уснуть. Ночь давно уже сгустилась над замком и окрестным миром, рухнула на него тяжелым одеялом, а у девушки не получалось забыться. Она ворочалась на широкой кровати, с одного бока на другой, с одного бока на другой, и так, пока бока не сотрутся, а дрема упрямо не шла. Девушка сосредоточенно читала про себя монотонные стихи и считала овец, а потом просто лежала, закрыв глаза и потушив все мысли. Даже от этого не было никакого проку. На душе было тяжело и мутно — не так, как в темнице у Эрдера, а просто тревожно. Не ужас, от которого хочется вопить, а просто глухая подколотная тоска. Когда такая тоска рвет горло мужчинам, они пьют или убивают. А что делать женщинам?

Александр Гальс убит. Убит человек, который пришел к ней, туда, в темницу Эрдера, и вывел на волю. Убит человек, который предал ради ее спасения собственных друзей, поставил на кон собственную жизнь. Айна помнила, как он бился с воинами Эрдера, как плясал меч в его руках. Александр спас ее, а теперь его больше нет. Он пал от руки ее родного брата.

Кажется, подумалось Айне, ее собственная семья решила ополчиться против нее. Сначала отец недрогнувшей рукой оставил ее умирать в плену у врага. А потом брат погубил человека, который вывел ее оттуда и спас от смерти.

И она уже не знала, может ли она по-прежнему доверять Артуру так безоглядно, как доверяла раньше. Последнее время тот словно менялся с каждым днем, становился непонятным и чужим. Далеким. Он не только принял отцовский титул — он словно позволил этому титулу оплести себя паутиной церемонности и холода.

Раньше все было совсем иначе. Когда отец уезжал в столицу или на войну, Артур оставался единственным, что у нее было. Он был ее настоящей семьей, тем, чем и должна быть семья — пониманием, заботой, опорой. Не дядя, сэр Роальд Рейсворт был далеким, непонятным человеком, подобно отцу целиком погруженным во взрослые заботы взрослого мира. Не мать — Айна не помнила матери. Только брат. Совсем еще маленькой девочкой Айна часто по ночам пробиралась к нему в спальню и забиралась на кровать. Артур садился рядом, на край той же кровати, спиной к окну, и звезды горели над его головой. Артур рассказывал ей сказки, и Айна засыпала, убаюканная его голосом. Они часто приходили

вместе на берег моря, и Артур учил ее бросать гальку в воду — так, чтобы круги расходились по воде далеко-далеко — а над головами кружились и кричали чайки. Благодаря Артуру она впервые прокатилась на коне — брат посадил ее в седло впереди себя и пустил жеребца во весь опор, и сердце Айны стучало от восторга. А потом Артур уехал в какой-то Стеренхорд, непонятный и страшный, и Айна осталась совсем одна. Не считать же отца, отец давно уже сделался даже более далеким, чем тот Стеренхорд. Надменный лорд со старинного портрета, совсем неживой. Ночи стали длиннее, а звезды — такими колючими и чужими.

Айне помнила тот день, когда Артур вернулся. Как-то в начале лета, рано утром она спустилась во двор — босоногая, в наспех надетом платье. Ей хотелось сорвать яблоко с растущей во дворе яблони. И тогда прямо в распахнутые ворота въехал молодой рыцарь в белых доспехах. Он спешился, опустился перед Айной на одно колено и сказал:

— Здравствуй, сестренка. Ты изменилась. Я тебя совсем не узнаю.

Она тоже едва узнала в этом рыцаре нескладного тощего мальчишку, что когда-то учил ее швырять камешки в море и смеялся порывам штормового ветра. Она надеялась, что ее брат, повзрослев, станет ей опорой в этой с каждым днем все более запутанной жизни, и заменит отца, с которым теперь и словом перемолвиться подчас было страшно. Она ошиблась.

Возвратившись домой, Артур не стал ей ближе, чем был в Стеренхорде — напротив, сделался только дальше. Он все время где-то пропадал, и его все время не было рядом. Появляясь, он говорил ей ласковые слова, дарил дорогие подарки — а потом снова исчезал. Возвращался к блеску королевского двора, к своим друзьям, к своим женщинам. Когда он приходил домой, от него тянуло хмельным, а его смех казался злым и резким.

Артур пропадал, а Айна сидела над уроками и книгами, слушая скучные речи присланного отцом магистра. Оставленным и отцом, и братом, она ощущала себя все более и более одинокой. Шло время, и вот, незаметно, ей исполнилось шестнадцать лет — тот возраст, когда, как говорят все, юной леди уже пристало готовить себя к браку.

Айна не сомневалась, что отец в скором времени выдал бы ее замуж за принца Гайвена. Это никогда не обговаривалось вслух, но дело к тому шло. Обычно наследник престола женится на иноземной принцессе, но сейчас на границах полыхала война, старые союзы были забыты, и лорд Раймонд, будучи опорой трона, наверняка задумал породниться с королевским родом, чтоб упрочить свое положение Верховного констебля и советника короны. Прошел бы еще, самое большее, год — и ее бы повели под венец, как будущую королеву. Вот только она не хотела быть королевой. Не хотела быть супругой Гайвена, как бы он ни был красив и воспитан.

Она вспоминала истории, которые кормилица рассказывала ей в детстве — о героях, что без страха шли наперекор любой опасности, бросались в бой против любого врага, и, невзирая ни на какие трудности, шли к победе. Они поступали так, потому что были отважны и не сомневались ни в себе, ни в тех вещах, за которые боролись. За такого героя Айна охотно бы вышла замуж и такому герою она бы хранила верность в любой беде, следуя за ним неотступно, как солдат следует за своим командиром. Именно такой герой и встретился ей в темнице Эрдеров. Александр Гальс казался дочери лорда Раймонда воплощением всех тех идеалов доблести и чести, о которых она мечтала. Она шла за ним в тот день — и восхищалась его силой и мужеством.

За кем ей идти теперь?

Проклятье. Так она никогда не уснет.

Айна встала с кровати, подошла к железной бадье в углу комнаты и умылась. Сполоснула холодной водой лицо и волосы, несколько раз зябко фыркнула. На душе стало чуть-чуть легче. Девушка вытерлась одеялом, оделась и пошла в гостиную. Раз уснуть все равно не получится, лучше уж просто посидеть у камина, а то и замерзнуть недолго. А для начала этот самый камин разжечь.

Камин разжигать не пришлось. Когда Айна вошла в комнату, огонь там уже горел — трещали сухие дрова, языки пламени бросали извивающиеся тени на стены. На скамье подле очага сидел, сложив руки на коленях, Гайвен Ретвальд. Принц был одет в черный дублет с длинными рукавами и высоко поднятым жестким воротником, поверх которого белело освещаемое неровным светом лицо. Отсветы огня порой придавали матово-белой коже кровавый оттенок. При виде Айны Гайвен слегка повернул голову в ее сторону, но не сказал ни слова.

— Тоже не спишь? — поинтересовалась девушка, с непонятной ей самой нерешительностью подходя к огню.

— Не сплю, — эхом согласился Гайвен и слегка потянулся. — Уснешь тут... — Он помотал подбородком из стороны в сторону и зевнул. — Вообще-то я хотел лечь спать, но решил дождаться твоего брата. Не знаешь, где его носит?

— Я ему не сторож, — раздраженно сказала Айна и села на скамью рядом с Гайвенем. — Вот, видишь, умчался куда-то, со мной и говорить не захотел. Воля его. — Она оборвала себя и с досадой прикусила губу. — Зачем ты его ждешь, Гайвен?

— Надо же мне знать, что они надумали с герцогом — о грядущей войне и прочем. Твой брат и Тарвел, похоже, решают все сами, будто меня и на свете нет.

— Ну так поищи их, — предложила Айна.

— Сейчас я смогу найти их разве что в их кроватях. Кроме того, сомневаюсь, что у них достанет желания меня слушать. Для них я больше знамя, под которым они соберут армию в бой, нежели что-то еще, и им было бы проще, будь я бессловесен, навряд ли моего гербового хорька. — Гайвен запнулся и не стал продолжать. Вместо этого он сообщил: — Я и чувствую себя хорьком. Плохая ночь. Мне не спится.

— Тебе тоже? Вот и я уснуть не смогла. Такое чувство, что раньше все было плохо — а дальше будет еще хуже. Хотя, может, это все пустое.

Они помолчали, глядя на огонь и думая каждый о своем.

— Меня учили править, — неожиданно сказал Ретвальд. — Сколько себя помню, меня учили править. Набрали лучших наставников, со всего королевства и из-за границы тоже. Настоящее королевское воспитание. Ораторское искусство. Военное дело. Много чего... Я был прилежен, никогда не отлынивал от наук. Но это знание... Оно мне не дается. Оно легло мертвым грузом, я не могу взять его в руки. Артур смеется, что я слишком влюблен в свои книги, и порой мне начинает казаться, будто он прав. Мне кажется, я начинаю понимать... Книги — они действительно не помогут, и чужие слова не помогут, и чужие советы не помогут. Только я сам. Мне не надо знать, совсем не надо, дело не в знании... Я должен понимать. Чувствовать, как следует поступить, не умом, а сердцем. Но я не чувствую, во мне нет силы, одно только знание, оно не поможет, оно не даст поставить себя так, чтоб мне подчинялись так, как подчинялись Раймонду Айтверну или Джейкобу Эрдеру. В отце тоже не было подлинной силы. Он носил корону, но эта его корона была просто никчемной железкой. Его никто не уважал, и в него никто не верил. Когда я рос... я не сразу начал это осознавать, веришь? Не сразу заметил. Понемногу, шаг за шагом... Когда отец говорил, его

никто не слушал. "Да, ваше величество". "Нет, ваше величество". "Вы ошибаетесь, ваше величество". Это были просто отговорки, чтоб он замолчал. Ему смеялись в спину и улыбались в лицо. Ему даже кланялись с насмешкой. Даже мать, пока была жива. Я помню, что она мне всегда говорила, стоило мне упомянуть об отце. "Ах, наш король", говорила она и начинала хохотать. "Наш великий король, как мудро он нами правит! Да, он истинный государь!". Она запрокидывала голову и смеялась — зло, от души. — Голос Гайвена стал совсем тихим. — А знаешь, что самое страшное? Не то, что отца считали ничтожеством — то, что сам он в это поверил. Его убивали — но добил он себя сам. Он не неделю назад умер — давно не жил. Я все смотрел на него, и видел, как придворные смотрят на меня. Они кланялись мне, а сами думали — "вот еще один Брайан Ретвальд, такой же слабак, как и папаша". И я поклялся, что никогда не буду таким, как отец. Я буду достоин трона. Я стану учиться, и выучусь, и вот тогда я смогу — убеждал я себя, садясь за книги и слушая наставников. А этого оказалось мало. Как я могу заставлять людей умирать за меня, если я не достоин их смерти?! — Он замолчал и отвернулся, утонув в тени.

Айна передернула плечами. Она совершенно не знала, что говорить, жаркая исповедь, обрушенная на нее Ретвальдом, повергла девушку в растерянность. Кажется, в таких случаях полагается попробовать как-то ободрить, утешить, но она совсем не умела утешать, не знала, как это делается. Да и потом, Гайвен говорил правду, и утешить его значило лгать. А она не имела права лгать своему будущему королю, не тогда, когда на кону стоял весь Иберлен и жизни тех людей, которые еще не умерли, но могут умереть, когда на них обрушатся жернова войны. Она была дочерью драконов, потомком людей настолько сильных и гордых, что самые небеса позавидовали бы их силе. Она не могла осквернить свои уста ложью. И поэтому Айна сказала:

— Гайвен... Ты говоришь правильные вещи. Но ты не король. И я не знаю, станешь ли ты им.

Ретвальд развернулся к ней — быстро, рывком. Айна вздрогнула.

— А я не знаю другого, — сказал он с жаром. — Я не знаю, стоит ли мне становиться королем. Кто такой этой Гледерик Кардан? Отчего столько достойных людей признали его своим повелителем? Может, он будет более достоин, чем я? Может, я разрушу Иберлен, если стану править, а он сумеет спасти? Я пытаюсь понять, Айна. Пытаюсь понять, кто лучше, он или я. Имею ли я право посылать людей в бой. Твоего брата, лорда Тарвела, простых солдат. Они пойдут умирать за меня — а должны ли?! Никакой человек не должен умирать раньше своего срока, и тем более не должен умирать за неправо дело. Не должен умирать ради ничтожества, которое хочет вернуть Серебряный Престол, как ребенок хочет вернуть отобранную погремушку. Я стою как в темноте, и мой враг передо мной, хотя я его никогда не видел... а если увижу? Что я должен буду сделать? Убить его... или преклонить перед ним колени?

Он посмотрел на Айну. Шевельнул губами, будто что-то вспоминая.

— Хотя нет, — вымолвил Гайвен Ретвальд, не отводя от девушки взгляда. — У меня есть один довод. Знаешь, смешной такой довод, маленький совсем, ничтожный. Но пока он со мной — мне кажется, я прав.

— О чем ты? — спросила Айна. — Что это за довод?

— Мой довод — ты, — просто сказал Ретвальд.

Девушка отстранилась, настороженного на него глядя.

— Я? Почему я?

"Почему все вокруг норовят использовать меня в качестве решающего аргумента в своей войне? Я человек — или разменная монета для всех этих мужчин?"

— Я люблю тебя, Айна Айтверн, — ответил принц. — Я помню, как тебя представили ко двору. Ты стояла у подножия отцовского трона, в синем с золотом платье, а я наблюдал за тобой из своей тени и не мог отвести взгляда. И до сих пор не могу. Я лишь того и хотел, чтоб заговорить с тобой. Я понимаю, я не тот человек, которого ты наверно ждешь. Но когда я буду сражаться с Эрдером, я буду сражаться за тебя.

Айна сидела, совершенно удивленная, потому как могла ожидать от Гайвена чего угодно, кроме как признания в любви. Она готовилась к необъявленному еще никем, но очевидному для нее браку с Гайвеном так, как готовится к браку любая леди — воспринимая его как долг, который предстоит выполнить, во имя своей семьи и ее чести. Но этот долг не вмещал в себя и не мог вместить ничего общего с любовью. Она и не думала о том, чтобы любить Гайвена или о том, что тот может полюбить ее. Конечно, его высочество был очень красив. Он был хорош собой — с его учтивой речью и благородной внешностью. С рассудительными речами и умным взглядом глубоко запавших глаз, с кудрями цвета ночи. Гайвен был хорош — и совершенно ей не нужен. Ни капли. Айна молчала. Она просто не знала, что ей сказать. В темнице Эрдера, наверно, и то было легче. Сейчас она не испытывала ничего, кроме недоумения и усталости, и хотела, чтобы этот дурацкий сон поскорее кончился и сменился каким-нибудь еще.

Гайвен придвинулся ближе к ней, оказался совсем рядом.

— Мне было очень страшно, пока я тебе не признался, — сказал он. — Теперь — уже чуть менее страшно.

— Гайвен... — Кто это говорит? Айна не сразу и сообразила. Ах да, это же она говорит... — Гайвен, пойми меня пожалуйста правильно...

— Не надо, — принц чуть отстранился, — молчи, не надо ничего объяснять. Я тебе не нужен, это ясно и так. Забудь, что я сказал. Некоторые слова не нужно произносить. Я понимаю, тебя бы все равно отдали мне в жены, будь живы наши отцы... но теперь живы только мы с тобой, и если не хочешь — не надо. Я найду, на ком жениться. Я не хочу тебя принуждать. Ни к чему.

— Гайвен...

— Да, моя леди?

Айна запнулась, чувствуя в себе смятение. Она не могла отрицать, что Гайвен Ретвальд был красив, великодушен и благороден. Он по праву скоро станет королем Иберлена, если только они все не погибнут на этой войне. Гайвен Ретвальд — самый завидный жених из всех, что могут ей повстречаться в ее жизни. И он, совершенно, ни капли, не Александр Гальс. В Гайвене нет отчаянной злости, способной погасить и вновь зажечь солнце. Нет бесшабашной смелости, с которой легко прыгнуть смерти в пасть, нет насмешки, совершенства, силы, гордости, тайны. Он хороший — и все. Он далекий теплый свет, но свет не нужен. Нужна жестокая, безумная звезда, горящая высоко над горизонтом.

И все-таки Гайвен мужчина. Не худший из всех, что есть. И он любит ее. Может быть, если он не покажет ей, какова любовь на вкус, не покажет уже никто? Злая звезда погасла, и до нее уже не дотянуться рукой. У злой звезды были другая вера и другая страсть, и эти вера и страсть привели ее к падению. Наверно, все звезды однажды гаснут.

— Если можно, поделись со мной своими мыслями, — попросил принц, видя ее сомнения.

— Нечем делиться, Гайвен, — ответила она через силу, стараясь не думать о том безумно одиноком и холодном мужчине, что вывел ее из тьмы к свету. — Ерунда это все, — сказала Айна тихо. — Ты просто дурак. — И, прежде чем Ретвальд успел бы что-то ответить, девушка прижалась к нему, обхватив его шею руками. Запрокинула голову, заглянула принцу в лицо. — Поцелуй меня, — сказала она.

— Я не ослышался? — спросил он будто через силу. — Ты действительно меня об этом просишь?

— Прошу. Поцелуй меня, — повторила девушка, стараясь говорить тверже и казаться искусенной. Если не сейчас, то может быть никогда. Совсем никогда и ни с кем. — Ты признался мне в любви, верно? Подтверди истинность своих слов.

— Я не верю, — ответил Гайвен наконец очень тихо, — что это то, чего ты хочешь на самом деле.

— А тебе не надо ни во что верить. Просто делай. Если ты мужчина.

На какой-то очень длинный момент его лицо замерло, сделалось совершенно неподвижным, и принц будто перестал дышать. А потом резко подался вперед, взяв ее за плечи. Он склонил голову, прикрыл глаза. Скользнул губами по губам Айны, тут же отстранился, словно обжегся или не счел себя вправе продолжать. Все произошло как-то совсем быстро и нескладно, и Айна даже не успела понять, нравится ей это или нет.

— Ну нет, — пробормотала Айна, — я просила тебя о другом, — и сама с размаху впиалась в его губы. Гайвен сначала вздрогнул, будто сам не ожидал этого, но потом все же ответил на поцелуй. Он крепко обнял девушку, проводя рукой по ее волосам. Айна закрыла глаза, пытаясь представить, что это Александр целует и обнимает ее. Однако представить подобное никак не получалось, и дело тут было вовсе не в недостатке воображения. Она была уверен, что Александр, будь он здесь, был бы совсем другим и вел себя по-другому. Его рука не была бы такой скованной и такой неуверенной в себе. Его объятия были бы действительно сильными. А сейчас все было не так, как Айне бы того хотелось. То, что происходило сейчас, казалось гнусной насмешкой над ее мечтой. Она не понимала, зачем только решилась на подобную глупость.

И это и есть мой прекрасный принц? — подумала Айна со злостью. Зачем, к чему это все? Хватит позориться и заниматься ерундой. Нужно встать, извиниться и наконец отсюда уйти, и навсегда обо всем забыть... Объятия Гайвена сделались душными и неудобными, в плечах заныло. Казалось, он и сам не рад происходящему, и продолжает обнимать ее, лишь подчиняясь ее порыву. От принца вдруг дохнуло холодом, совершенно неожиданным в горячо натопленной комнате. Этот холод был таким, что желание убежать сделалось нестерпимым. Только Айна подумала об этом, как откуда-то из-за спины раздался резкий голос:

— Так-то вы, господа, проводите время? Не могу отрицать — хорошо развлекаетесь.

Айна вырвалась из объятий Гайвена и стремительно обернулась. Ее брат, Артур Айтверн, стоял в дверях, и лицо у него было бледное, словно у покойника.

Когда Артур увидел Гайвена Ретвальда обнимающим Айну, то ладонь сама собой потянулась к кинжалу, и герцог Айтверн не сразу, далеко не сразу разжал обхватившие костяную рукоятку пальцы. А сколь велик был искус подойти к принцу вплотную и всадить славно заточенную сталь ему между ключиц. Артур удержался, хоть и с немалым усилием. Преодолевая заволакивающую глаза кровавую пелену, он сделал несколько шагов вперед. Остановился. Произнес, говоря прямо в заполнивший комнату багровый туман:

— Сестра... Час уже поздний, иди спать. Не то утром будут мешки под глазами, а это некрасиво. Ты же не хочешь оказаться некрасивой? Перестанешь нравиться кавалерам. Вас же, сударь мой Гайвен, попрошу остаться. Есть о чем побеседовать.

Айна порывалась что-то сказать, но Ретвальд сжал ей ладонь, и сестра только и сделала, что молча кивнула и выскользнула из комнаты. Принц остался сидеть, где сидел, на скамье подле огня. С самого появления Артура он не сказал ни слова, словно язык проглотил. Он смотрел на Айтверна, высоко подняв голову и расправив плечи, и молчал.

Артур вытащил кинжал, провел пальцем по лезвию, слегка уколол, проследил, как выступила кровь — и швырнул оружие в сторону. Пусть полежит. Отстегнул от пояса ножны с мечом, позволил им рухнуть на пол, и пинком ноги отправил в дальний угол. Выхватил из сапог метательные ножи и двумя меткими бросками, один за одним, вогнал их в стену. Вытащил из рукава стилет и с размаху вонзил его в дубовую столешницу, по самую рукоять. Все. Больше оружия у него не осталось. Хотя убивать можно и голыми руками. Что ж, тогда придется отгрызть себе руки.

— Я недавно приносил тебе присягу, — хрипло сказал Артур. — И я не хочу... я очень не хочу ее нарушать! Слышишь, черт тебя дери во все дыры! Я не имею права тебя убивать! Хотя и безумно хочу.

— Я, — Гайвен чуть шевельнул губами, — освобождаю тебя от клятвы. Делай, что хочешь. И что велит тебе честь.

— Да пошел ты.

Артур рухнул на удачно подвернувшийся стул, откинулся на спинку, поджал под себя ноги. Его с Гайвеном разделяли каких-то четыре шага. Главное — не броситься на него. Главное — не броситься на него. Главное... Дьявол.

— Ты недоволен тем, что я и твоя сестра... — начал было принц, но Айтверн тут же перебил его:

— Недоволен? Я — недоволен? Нет, дружище. Я в бешенстве.

Гайвен закусил губу и не нашелся, что ответить.

— Я очень удивлен этой сценой, — Артур просто выплюнул эти слова прямо в точеное лицо Гайвена. — Как ваше высочество изволит объяснить мне то, что я увидел? Кто разрешил тебе распускать руки?

— Я не распускал рук. Я...

— Заткни свою поганую королевскую пасть, — перебил его Артур почти что с ненавистью. — Я еще не договорил. Ни один король на земле не имеет права даже пальцем коснуться моей сестры. И зайди я сюда чуть позже, успеешь ты ее обесчестить — меня бы уже не остановила никакая присяга. Ты бы лежал вот тут, на этом самом ковре, с перерезанным горлом.

— Артур, ты ничего не понял, — возразил Ретвальд. — Я люблю Айну. Она последний человек на свете, кому я хотел бы навредить. Да будь я проклят, если желал причинить ей зло.

— Ты чуть не причинил ей такое зло, какое и за целую жизнь не исправишь, — мрачно сказал Айтверн. — Любишь, говоришь? Да это ты, верно, ни черта не соображаешь, а никак не я. Если любишь благородную девицу — сделай ей предложение и веди под венец. Если, конечно, она согласится и ее семья вас благословит. И то бы я еще подумал, давать ли вам благословение. Не сейчас, не во время войны... и не тогда, когда я не знаю, чего хочет сама Айна. Но поступив так, ты хотя бы повел себя достойно. А то, что я вместо этого увидел...

Проклятье, да ты хоть головой думаешь? Ты понимаешь, что означает для девицы знатных кровей познать мужчину до брака? Замуж она уже не выйдет, никогда. Никакой человек в здравом уме не примет на себя чужой позор. Ни в одном приличном доме она не встретит ни понимания, ни приязни. Она — отверженная, пятно на семейном имени, и дорога ей одна — в монастырь. Эту судьбу ты хотел подарить Айне? Или потащил бы ее спешно под венец, в оправдание своего поступка и даже не думая, хочет ли она за тебя замуж сама?

Лицо Гайвена помертвело.

— Артур, — сказал он очень медленно, — ты глубоко ошибаешься, если считаешь, что этот поцелуй мог перейти во что-то большее. И, кажется, переоцениваешь меру моего непонимания устоев этого мира. Я поцеловал твою сестру. Но и в мыслях не имел ее соблазнить.

— Ты бы умер, если бы ее соблазнил. Застань я вас за соитием, я бы убил тебя, даже не размышляя, и плевать, что ты мой сюзерен. Конечно, это было бы глупо с моей стороны, лучше поженить, чем убивать... Но я не всегда поступаю разумно.

Гайвен вздохнул.

— Артур... И мне все же очень жаль, что я говорю, а ты по-прежнему не слышишь меня. Я не такой дурак, каким, возможно, ты меня видишь, и будь я таким дураком, каким ты меня расписал, мне бы не следовало жить на этом свете. Мои губы коснулись губ Айны, но ничто другое ее бы не коснулось. Я люблю твою сестру, и не хуже твоего понимаю, как важна ее честь. И потому мне обидно и больно видеть, что ты считаешь меня способным на подобное. Есть вещи, которые я не сделал бы никогда. Потому что они недопустимы. И я не понимаю, зачем ты стоишь и распинаешься здесь о вещах, очевидных любому человеку чести.

Артур выдохнул. Протер воспалившиеся от усталости и гнева глаза.

— Прости, Гайвен. Похоже, я и в самом деле думаю о тебе хуже, чем стоит. За мной такое водится, но сейчас мне начинает казаться, что я несправедлив к тебе. Так что же получается, ты и в самом деле любишь мою сестренку?

Гайвен поднял голову и встретился с Артуром взглядом:

— Да, — твердо сказал принц. — Я и в самом деле люблю твою сестру.

— Вот как?

Ретвальд не отвел глаз:

— Да. Я не представляю для себя другой королевы.

Артур встал с дивана, прошелся по комнате и остановился у дальней стены, украшенной головой вепря, даже после смерти яростно скалившего клыки. Трофеем старого герцога Джафарда, отца лорда Данкана. Говорили, прежний владелец Стеренхорда был знатным охотником, и никогда не упускал возможности добыть добрую добычу. Он охотился на диких кабанов, волков, медведей, оленей. Лорд Данкан не раз рассказывал о подвигах своего отца, ходившего на крупного зверя порой чуть ли не в одиночку, будучи вооруженным одним мечом или кинжалом. Даже помня, что тень от любых подвигов вырастает с течением лет до размеров горы, к покойному герцогу все равно трудно было не питать уважения.

Артур стоял и смотрел на охотничий трофей давно почившего стеренхордского лорда, пока Гайвен не произнес:

— Я знаю, что она меня не любит. То, что она была со мной — это просто растерянность. Или игра. Или... Да какая уже разница. Но я для Айны просто друг, и хорош еще, что друг. Гнусно с моей стороны было добиваться от нее ответных чувств, но искус оказался слишком велик. Вот только она ко мне ничего не испытывает.

— Рад, что ты это понимаешь, — сказал Айтверн, не оборачиваясь.

Он ждал следующих слов Ретвальда, и совсем не удивился, когда их услышал.

— Я не знаю, любит ли она кого-нибудь из живых. Но если говорить не только о живых, но и о мертвых, то мне кажется, она вполне могла бы полюбить Александра Гальса, выпавши ей шанс узнать его поближе. Если это так, ты сегодня своими собственными руками лишил жизни человека, который был дорог Айне и мог бы со временем стать ей достойным женихом.

И вот тогда Артур обернулся, вновь поймав взгляд Гайвена.

— Рад, что ты понимаешь и это, — медленно сказал Артур. Он пересек комнату и сел на скамью рядом с принцем. Вздохнул. Пожалел, что под рукой нет ничего, что можно было бы выпить — а спускаться за вином вниз совсем не хотелось. — Я дурак, ваше высочество, и в последние дни я понимаю это, как никогда лучше, — сказал Айтверн, не отрываясь глядя в огонь. — Тогда, в том деревенском трактире... Разумеется, я подслушал ваш разговор. Я просто не был бы собой, если бы не стал подслушивать. Ужасно хочу всегда знать, о чем говорят другие люди, особенно, если они говорят обо мне. Я был бы рад удивиться тому, что сказала тогда тебе Айна — но удивлен я не был. Я уже давно знал, что она не одобряет меня и тот образ жизни, который я веду. Наверно, я просто слишком много боялся. Лорд Раймонд вечно твердил, каким идеальным и несгибаемым должен быть Драконий Владыка, а я не был к этому готов. Вот и предпочитал казаться кем угодно, только не сыном своего отца. Спать с женщинами, которых не любил. Пить с людьми, которых не уважал. Что угодно, лишь бы не превратиться в тень своего идеального родителя. Наверно, я перестарался с этим. Я представлял собой не лучшее зрелище в эти дни, и иметь со мной дело было непросто. Айна осуждала меня, а я только смеялся в ответ и отмахивался от ее слов. Она перестала доверять мне, а потом встретила человека, который действительно был достоин доверия. Это ведь Александр спас ее, не я. Я был ужасно смешон в ту ночь. Носился с мечом наперевес, орал на всех подряд, едва слюной не брызгал. А Гальс просто пошел в темницу Эрдеров и все сделал. Он был куда лучшим человеком, чем ее непутевый брат. Я не удивлюсь, что она зла на меня теперь и не доверяет мне. Она права, Гайвен. Сам посуди, кто я такой? Я не тот человек, в которого стоит верить. — Артур наклонился вперед и крепко сжал Гайвену плечо. — Знаешь-ка что, любезный принц. Присмотри за ней как следует, хорошо?

Глаза Ретвальда неожиданно сузились:

— Присмотреть? Это как вы себе представляете, герцог? Сначала вы грозите меня убить за то, что я целовался с вашей прелестной сестрой, а теперь сами просите меня за ней приударить?

— Дурак! Я не о том говорю, — взбесился Артур, подметив, что смысл фразы "присмотри за ней" Гайвену отлично знаком. Не иначе, в каких-то любовных романах его вычитал. Может быть, в тех же самых, которые читал сам Артур. — Когда я говорю "присмотри" — я имею в виду просто присмотреть, и ничего большего! Хотя, — Айтверн сник, — если она будет не прочь и в итоге тебя полюбит... Я с удовольствием благословлю ваш брак, — и, видя непонимающее лицо Гайвена, снова разозлился. — Ну чего я такого сказал, объясни мне во имя всех святых и праведников! Да, я буду рад, если Айна тебя полюбит. У нее никого не осталось. Отец и брат ее предали, а ее последний защитник ушел на тот свет, по их же вине. Она не должна оставаться одной! Не такого я ей хотел жениха, как ты... но говоря по чести, других больше нет. Забери ее к себе, я прошу тебя, — Айтверн пристально, жадно, едва ли не с мольбой взгляделся принцу в глаза. — Так ты это сделаешь?

Ну же! Отвечай!

Лицо Гайвена Ретвальда вдруг стало непроницаемым, каким-то совершенно чужим и непонятным.

— Герцог Айтверн, — проговорил он с несвойственной ему обычно злостью, — да вы меня с кем-то попутали, не иначе... Я тебе не наездник... а твоя сестра — не лошадь. Если я ей придусь по сердцу — я буду счастлив... но я не стану, слышишь ты, никогда не стану ее приручать! Она и сама может решить, с кем ей быть! — И он сбросил руку Артура со своего плеча.

Айтверн хотел огрызнуться, но внезапно сник:

— Ты прав. Будь, что будет. Я не могу принуждать ни одного из вас — ни к чему. Я просто хочу, чтоб ты защитил ее от всего плохого, что есть в этом мире. Даже если этим плохим стану я сам.

Гайвен не ответил, и тогда Артур стал слушать затопившую комнату тишину — впрочем, эту тишину нарушал не то смеющийся, не то плачущий треск сгорающих поленьев, и шепот обдувающего башню ветра, проскальзывающего сквозь щели в стене, и слабый шорох из угла, не иначе, там скреблась мышь, достаточно смелая, чтоб не обратиться в бегство при виде сидящих в комнате людей, и — совсем тихое, еле слышное дыхание принца. А потом пришел новый звук, совершенно расколовший и без того робкое молчание. Грянул дождь, не иначе принесенный собравшимися за ночь тучами. Тяжелые водяные капли замолотили по стеклу, и били они с такой силой, что впору было удивиться, почему стекло не разлетелось на осколки. Дождь гремел, с размаху ударяя по стенам, закрыв и без того погруженный в темноту мир шелестящей завесой.

— Знаешь, Гайвен, — задумчиво сказал Артур, окруженный звуками дождя, и ветра, и догорающего пламени, — чем дальше это все заходит, тем больше мне хочется, чтоб оно и вовсе никогда не начиналось.

— А по-моему, все уже не так плохо. По крайней мере, ты теперь советуешься со мной. Раньше, если честно, мне хотелось тебя убить, — заметил принц спокойно.

Артур посмотрел на него — а затем рассмеялся.

Глава двенадцатая

И полетели дни, несущиеся друг за другом, словно игрушечные лошади на карусели. Были эти дни наполнены постоянными заботами и хлопотами, и потому оказались почти неотличимы друг от друга, словно слившиеся в единую смазанную полосу. Требовалось сделать слишком много, куда больше, чем могло показаться вначале, и дела не давали ни единой минуты свободного времени.

Для начала Данкан Тарвел официально объявил о своей поддержке дома Ретвальдов, и вывесил на башнях Стеренхорда королевское знамя, с изображенным на нем хорьком. Всего лишь демонстрация намерений, но именно с демонстрации намерений и положено начинать подобные дела. Затем Тарвел разослал приказы всем своим вассалам, с требованием привести все имеющиеся в их распоряжении отряды в Железный замок. И точно такие же приказы Артур послал на запад, в родовые земли Айтвернов. Ему оставалось лишь надеяться,

что соратники отца не станут мешкать и скоро явятся в расположение своего нового сюзерена.

А пока оставалось лишь ждать, пока все отправленные письма попадут во все нужные руки, и эти руки возьмутся за оружие. Несколько недель, не меньше, хватило бы времени, прежде чем Джейкоб Эрдер соберет свои войска и обратит внимание на западные земли. Артур знал, что посланные им гонцы будут скакать во весь опор, не жалея себя и загоняя коней, и выполняют приказ так быстро, как только смогут. Но на душе все равно было беспокойно, и Айтверн прилагал все больше усилий, чтоб спрятать это беспокойство от остальных.

Гайвен назначил его новым лордом Верховным констеблем Иберлена, и это назначение свалилось на Артура, как снег на голову. Он заявил принцу, что не готов занимать такую должность и не годится для командования королевской армией, так как не был еще ни на одной настоящей войне и ни бельмеса не смыслит в военном деле.

— Не переживай на этот счет, — сказал Гайвен как ни в чем не бывало. — Разбираться в военном деле тебе совсем и не обязательно.

— Не обязательно? — Артуру казалось, что над ним жестоко смеются. — Это у вас шутки такие, ваше высочество?! Если уж желаешь отдать кому-то свое войско, отдай тому, кто сможет с ним управляться. Я не мой отец, если ты не заметил.

— Успокойся, — сказал принц. — Я недаром учил историю и прочел все книги по ней, какие нашел. Многократно армии возглавляли совсем юные военачальники, ввиду знатности своего происхождения. И никто из них еще не умер от этого... Разве что в бою. Это обычное дело, например Кеоран Тресвальд, он жил два века назад, и получил генеральский чин, едва достигнув пятнадцати весен. На Кеорана возложили бритерскую кампанию. И он ее выиграл. Не совсем сам, правда, у него были хорошие советники. Ты самый знатный аристократ Иберлена, после меня, конечно. Тебе и возглавлять наше войско, пусть даже формально. Все равно решения будет принимать Тарвел, а ты пока наберешься опыта.

— Опыта, говоришь, — проворчал Артур. — Значит, пока Тарвел все решает, я надену доспехи покрасивей, сяду на белого коня, выеду перед войском и расскажу, какие они все хорошие, отважные и замечательные, и как скоро они одержат победу, а одержав ее — напьются в дупло. Да вражеские воины надорвут животы от хохота, видя, какой великий человек возглавляет нас всех. Получается, я нужен армии просто для величественного вида?

— Вот видишь! — просиял Гайвен. — Ты верно все понял.

Артур в досаде топнул ногой, вышел из покоев и не разговаривал с принцем до ужина.

Тем временем Данкан Тарвел поднял на ноги обычно расквартированный в его замке постоянный гарнизон, насчитывавший две тысячи солдат. Герцог гонял своих воинов с утра до вечера, не давая ни минуты покоя, ни единого капли отдыха, изнуряя их в постоянных тренировках. Гвардейцы, построившись в отряды, топтали окрестные поля, проводя учения и готовясь к будущей войне. Вокруг ни на миг не смолкали шум, грохот и неизменная ругань. Айтверн старался повсюду сопровождать Тарвела, делая вид, что именно он, а вовсе не лорд Данкан, руководит происходящей вакханалией. На практике все руководство Артура сводилось к тому, что он стоял подле Тарвела и с непроницаемым лицом кивал после каждого отданного Данканом приказа.

Еще, сразу, как удавалось урвать свободную минутку, Артур фехтовал с Блейром Джайлсом. Обычно они разминались в том самом уединенном дворике, на котором Айтверн несколькими днями раньше убил Александра Гальса. Артур проводил эти регулярные

тренировки затем, чтоб не потерять форму, не размякнуть и не отвыкнуть от тяжести клинка в руке. Кроме того, следовало получше присмотреться к самому Джайлсу, понять, что за человека он заполучил к себе в оруженосцы.

Блейр поначалу относился к своему новому господину настороженно и цедил слова по ложке в час. Видно было, что он видит в Артуре если и не явного врага, подчиняться которому пришлось по неудачному стечению обстоятельств, то в любом случае и не друга. Айтверн не мог отрицать, что основания для такого отношения у Джайлса были. Трудно питать особую любовь к человеку, убившему твоего лорда.

Фехтовал же Блейр, как оказалось, вполне пристойно — учитывая его малые лета и невеликий опыт. Видно было, что Александр не пожалел сил, как следует натаскав мальчишку. Конечно, против Айтверна, случись меж ними настоящий бой, Джайлс долго бы не продержался, но в целом он показывал неплохие навыки.

— Хорошо держишь меч, — сказал ему Артур как-то. — Я насилу с тобой справляюсь.

— Просто у меня был хороший учитель. Вам не чета, — ответил Блейр. Артур посмотрел на него — и прикусил язык. Об Александре Гальсе он теперь старался лишней раз не говорить. Блейр, видно, понял его настрой — но пытаться затеять ссору, как прежде, не стал. Только лишь странно усмехнулся и пожал плечами.

Прошло еще три дня, прежде чем в Стеренхорд начали прибывать войска — вассалы Данкана собирались по приказу своего сеньора. Военские отряды стекались в Железный замок со всех концов обширного домена Тарвелов. Графы, и таны, и простые сквайры приводили с собой солдат — закованных в латы рыцарей на великолепных скакунах, пехотинцев, привычных биться в общем строю и вооруженных алебардами и двуручными мечами, лучников и арбалетчиков. Отряды приходили каждый день, стремительно вырастая в огромную армию, и крепость Тарвелов, несмотря на свои внушительные размеры, никак уже не могла вместить эту армию в своих стенах. Рядом со Стеренхордом вырос огромный лагерь, многолюдный, шумный и наполненный суетой в равной степени днем и ночью. На плечи лорда Данкана легла нелегкая задача — снабдить оказавшихся под его началом бойцов всем необходимым, устроить так, чтобы они не испытывали никакой нужды и находились в полной готовности к бою. Обеспечить постоянные поставки провианта для людей и фуража для лошадей, чередовать учения и отдых так, чтобы воины в равной степени не надорвались от нагрузок и не заплыли жиром от безделья, постоянно следить за поддержанием дисциплины, и разрешать еще целую прорву вопросов. Айтверн даже и предположить не смог бы, насколько эта задача сложна в действительности, пока не увидел, как успешно Тарвел с ней справляется — и как успешно скрывает, что тратит на это немало сил. Лорд Данкан ежечасно находился вместе со своими солдатами, с неослабевающим вниманием вникал в любую, даже самую ничтожную на взгляд Артура проблему — и не выказывал даже тени усталости, недовольства или желания отстраниться от дел. Айтверн, будучи теперь, пусть и только на словах, Верховным констеблем Иберлена, повсюду старался сопровождать Железного герцога — и мало что не валился с ног, даром что сам почти ничего не делал и не решал. Каждый день казался невыносимо длинным, и падая головой на подушку, Артур испытывал невыразимое облегчение — а Данкан похоже и вовсе не ложился, и не испытывал по этому поводу никаких неудобств. Будто и впрямь был сделан из железа.

А спустя еще несколько дней появились и первые из вассалов Драконьих Владык.

Запахившийся Блейр Джайлс ворвался напрямик в столовую, где слегка ослотившийся от недосыпания Артур завтракал в компании Айны и Гайвена, одновременно стараясь поддерживать светскую беседу. Гайвен говорил с ним довольно приветливо, а вот Айна отсутствующе глядела в окно. При виде всполошенного оруженосца, отдавшего торжественный, по всей форме, салют, Айтверн тихонько выругался и спросил:

— С чем пожаловали, мастер Джайлс, в такой ранний час?

— Вас зовут спуститься, — сказал Блейр. — Приехал большой отряд.

— Знаешь, Джайлс, я устал как собака. У меня нет никакого желания идти к воротам и корчить из себя радушного хозяина. Тем более, я тут не хозяин.

— Лорд Верховный констебль, — укоризненно сказал Джайлс, — они очень хотят вас видеть.

— Мне все равно. Отыщи лучше Тарвела. Это его люди, пусть он с ними и разбирается.

— Сэр, в том дело! Это не люди герцога Тарвела.

— Чьи тогда? — Артур непонимающе нахмурился. — Святого Патрика?

— Нет, ваши! Приехал граф Рейсворт, и просит герцога Айтверна.

Артур вскочил на ноги, от избытка чувств едва не опрокинув кресло.

— Проклятье! Мастер Джайлс, расписываюсь в том, что я недогадливый олух. Я сейчас же спущусь, пока граф Рейсворт на меня не осерчал. Ваше высочество, — обратился Артур к принцу, — компанию мне составите?

Гайвен нахмурился. Тряхнул головой:

— Это твой вассал, не мой. Выйди к нему сам, и передай мое почтение.

— Боишься не придтись ко двору? — нахмурился Артур.

— Лучше тебя знаю этикет, — фыркнул принц. — Сеньор встречает своего вассала и держит за него ответ перед своим собственным сеньором. Но сеньор сеньора к чужим вассалам не лезет вперед их собственного господина. Это считалось бы неучтивым. У меня были хорошие учителя, Артур. Не стоит недооценивать ни их, ни мое усердие.

— Ну ладно, лорд Ретвальд, — сказал Артур. — Раз уж вы столь учтивы, так и быть. Сидите здесь и развлекайте беседой леди Айну, а то она что-то скучает. А я пойду встречу своего дядю. Он был правой рукой моего отца, и, поверьте, с ним нам сам черт не страшен. Мое почтение, господа! — Айтверн поклонился и поспешил вниз.

Приведенная лордом Роальдом дружина выстроилась напротив ворот Стеренхорда, развернув знамена — с Рыжим Котом, родовым знаменем Рейсвортов, и Золотым Драконом Айтвернов. Увидев собственное знамя, танцующее на свежем утреннем ветру, Артур испытал немислимое облегчение, словно с его плеч наконец сняли изматывавшую прежде ношу. Артур весело хлопнул в ладоши, а потом беззаботно рассмеялся. На душе у него сделалось легко и спокойно, как не было уже давно.

Рейсворт привел с собой, если оценивать на глаз, тысячи полторы конников, а то и все две. Сплошь рослые воины в полном вооружении, они построились в парадные шеренги и слитно галдели, глядя на укрепления Стеренхорда и высыпавших на их стены воинов. Айтверн, вдвоем с Гайвеном вставший на опущенном подъемном мосту, прикинул, что надо бы как-нибудь поприветствовать явившихся бойцов.

Артур вскинул руки к небу и заорал во все легкие:

— Верные воины Рейсвортов! Стеренхорд открывает перед вами свои ворота! Рад видеть, что вы откликнулись на мой зов!

Вперед выехал всадник в зелено-алом плаще, верхом на белоснежном коне с роскошной

гривой, могучем и статном, на коне со злыми, налитыми кровью глазами. Не конь, а скорее уж настоящее чудовище, демон, забавы ради принявший обличье ездового животного. Уж на что степные скакуны славятся бешеным нравом, но для этой твари не составит труда уделывать любого из них. Айтверн, даром что считался превосходным наездником, и то бы как следует подумал, предложи ему кто объездить подобного жеребца.

Конь остановился в трех шагах от Айтверна и угрожающе зарычал — трудно было назвать "ржанием" звук, исторгнутый его пастью. Ударил о землю передними копытами, подняв облако пыли — Артур отстраненно подумал, что таким ударом можно пробить даже каменную стену. Граф Рейсворт, а именно он восседал на ослепительно белом монстре, наклонился, умело расчесывая жеребцу гриву, и что-то быстро ему зашептал. Конь вновь заржал, но на сей раз уже не так яростно.

Лорд Роальд легко спешился, хлопнул жеребца по спине и сорвал с головы шлем. То был нестарый еще мужчина с загорелым лицом, высушенным солнцем и ветром едва ли не до черноты и покрытым сеточкой из морщин и шрамов. Глубокие голубые глаза невесело смеялись над неведомо какими остротами, тонкие губы сжались в одну линию. Артур не видел Роальда Рейсворта уже целый год, но хорошо помнил. Граф часто бывал в Малерионе. Двоюродный брат Раймонда Айтверна и ближайший из его сподвижников, он нередко возлагал на себя управление Западом, когда отец находился в столице. Рейсворты приходились семье Айтвернов младшей ветвью, основатель их фамилии, отец Роальда, сэр Харрис, был младшим братом Гарольда Айтверна, Артурова деда. Обычно младшим братьям не полагается ни земель, ни власти, ничего, помимо меча и мало что значащего титула учтивости — однако сэр Харрис достойно показал себя в битве, когда восстал один из служивших дому Айтвернов лордов. Когда означенный мятежный лорд был разгромлен и казнен, вместе с двумя сыновьями и племянником, Гарольд Айтверн пожаловал своему брату владения уничтоженного им рода. Харрис Айтверн получил в свое владение графства Рейсворт и Хортебрайс, и стал основателем нового вассального дома, подчиняющегося повелителям Малериона.

Лорд Роальд, приходившийся умершему семнадцать лет назад сэру Харрису единственным дожившим до совершеннолетия сыном, не раз брал Артура вместе с собой на охоту или обычные прогулки, когда тот был маленьким, и вообще проводил с наследником Раймонда очень много времени. Артур любил своего дядю, любил пожалуй даже больше, чем родного отца, и считал, что может довериться ему во всем.

Прежде, чем Артур успел поприветствовать родича, тот неожиданно опустился на одно колено, низко склонил голову и обнажил меч. Протянул его Айтверну рукоятью вперед — поднимающееся солнце сверкнуло на клинке. Молодой герцог замер, не зная, как реагировать на это и ощущая еще большую растерянность.

— Мой господин, — промолвил Роальд Рейсворт глубоким, исполненным почтения голосом, — я перед вами, и я — ваш. Вот мой клинок. Его носил мой отец, получив в дар от вашего деда, в годину, когда был основан мой дом. Примите сей меч, и вместе с ним — мою жизнь. Рассудите, нужна ли вам моя служба — и либо подтвердите ее, либо снимите мою недостойную голову с плеч. Я в ваших руках, до последнего удара сердца.

Артур во все глаза смотрел на коленопреклоненного рыцаря, некогда помогавшего ему, тогда еще ребенку, садиться на коня, учившего стрелять из лука, охотиться на лесных зверей. Он смотрел на человека, который иногда брал его к себе на колени, холодными осенними ночами усаживал у огня, и своим сорванным от боевых кличей голосом рассказывал

диговинные истории и напевал старые песни. И вот этот человек говорит теперь с ним как младший, обязанный уступать перед лицом старшего.

Айтверн почувствовал, как что-то кольнуло у него в груди.

— Дядя, — горячо сказал он, — дядя... ну что же вы так! Как это понимать! Немедленно поднимитесь! Вы не можете... встаньте!

Но Роальд Рейсворт даже не шелохнулся. И не поднял глаз.

— Я служил вашему отцу, — сказал он негромко, — а теперь ваш отец смотрит на меня с неба... Когда-то я был вашим дядей, герцог Айтверн, но это уже в прошлом. Вы мой лорд, и я явился подтвердить свой оммаж... и либо стать вашей десницей, либо сгинуть. У меня нет другой дороги, кроме служения моему сюзерену. Как нет другой дороги и у вас. Возьмите мой меч, не зря же я его привез... и сделайте, что почитаете нужным.

Но Артур все глядел на друга своих детских дней, старшего родственника, наставника, близкого и любимого человека — и чувствовал раздирающую сердце боль. Явился не родственник, а вассал. Явился, чтоб подчиняться приказам, а не давать советы. И это значило... это значило, что он, Артур Айтверн, остался совсем один. Власть и ответственность рухнули на его плечи и отрезали от дорогих прежде людей. Он один остался в ответе за всех, кого знал и любил, и еще за целый мир впридачу — но совсем не видел в себе ни ума, ни уверенности, ни силы. А все смотрели на него и ждали его решений, как будто он был наделен умом и силой.

— Дядя Роальд... — прошептал Артур в последней надежде спрятаться от навалившейся на него судьбы, найти кого-то, кто заберет его страх и боль, защитит и, может быть даже, спасет. — Нельзя же так...

— Милорд, — голос Рейсворта оставался уверенным и непреклонным, и Артуру как никогда захотелось кричать, — я жду вашего решения.

И тогда Артур Айтверн протянул руку — и его пальцы сомкнулись на рукояти меча.

Он перехватил меч поудобнее — и коснулся им плеча Рейсворта.

— Я принимаю твою службу, сэр Роальд из дома Рейсвортов, — громко сказал Артур. — И это честь для меня. — Он подбросил клинок в воздухе, взял его за лезвие и вернул графу. — Возьмите, граф. И встаньте.

Роальд поднялся на ноги, пряча оружие в ножны.

— Я выступил сразу, как получил известие, — просто сказал он, как если бы они не стояли на мосту, ведущем в замок Тарвелов, перед тысячами солдат, а находились в самом замке, в одном из верхних покоев, и неторопливо держали совет. — Присланный тобой гонец совсем умаялся — говорит, загнал в дороге двух коней, да и сам едва соображал, на каком свете находится. Когда я прочитал письмо... — Граф поджал губы. — Раймонд был великим воином, но плохим политиком. Он верил слишком многим и проиграл. Хотя кто из нас на его месте поступил бы разумней? Эрдер годами не давал и повода усомниться в своей лояльности... а полки столичного гарнизона... Мы отвыкли от ударов в спину, и вот, оступились. Хорошо, что еще не все потеряно. Я выступил из Рейсворта, — Роальд говорил о своем фамильном замке, — с двенадцатью сотнями воинов, и второго дня был в Малерионе. Тамошний наместник уже получил известия и поднимал войска. Я принял командование, как старший по титулу. Взял с собой еще пять сотен гвардейцев твоего отца... твоих гвардейцев, и не тратя времени поскакал на восток. Здесь со мной, — он обернулся и указал рукой на замершую армию, — семнадцать сотен солдат. Это лишь авангард. Следом за нами идут еще три тысячи воинов, из Малериона, Уотерфорда и Флестальда, — он назвал главные

замки Айтвернов, — под предводительством тана Брэдли. Они отстают от нас примерно на день. Остальные отряды подойдут позже, лордам Запада потребуется время, чтобы собраться с силами — но медлить они не станут.

— Прекрасно, — кивнул Артур. — Приятно слышать, что ожиданию приходит конец — а то от здешних камней мне скоро выть захочется. Отправимся на Тимлейн сразу, как соберем армию — нельзя позволять ставленнику мятежников слишком долго сидеть на Серебряном Престоле. А сейчас пойдете наверх — вам найдется о чем поговорить с лордом Тарвелом, да и горло бы промочить с дороги.

Лорд Рейсворт не двинулся с места.

— Прежде, чем мы поднимемся... Одна вещь, милорд.

— Хоть две, дядя. Говорите.

— Хватит одной. Герцог Айтверн... Я прибыл сюда по вашему призыву, и я готов исполнить любой ваш приказ как свой собственный. Но прежде, чем исполнять эти приказы, я хочу спросить вас, так ли вы уверены в них сами. Этот принц, Гайвен Ретвальд, чье знамя вы подняли на главной башне Стеренхорда... Какого вы мнения о нем?

Артур замер, глядя на родича. Помолчал, наверно, с минуту. А потом сказал:

— Я понимаю ваши сомнения, дядя. Я и сам порой думаю, а за того ли короля мой отец сложил свою голову? Но лорд Гайвен ни в чем не похож на короля Брайана. Не буду врать, сначала он не пришелся мне по душе... Но в нем есть что-то, что напоминает скорее его деда, короля Торвальда. А может, и самого Бердарета-Колдуна. Присмотритесь к нему внимательнее — и увидите это сами.

— Я во всем полагаюсь на ваше слово, милорд, — поклонился сэра Роальд.

Тан Эйтон Брэдли, еще один вассал, хоть и не родственник, отца, привел дружину Айтвернов ровно в тот срок, о котором говорил Роальд — на утро следующего дня. Тридцать сотен всадников и пехотинцев, основные силы Западных Владык, всегда готовые идти в поход. Брэдли докладывал, что прочие войска, в количестве еще полутора тысяч человек, должны будут явиться в течении трех-четырех дней — отряды Дурванов, Брентов, Хлеггансов, Ардеронов, Манетерли. А пока следовало заниматься все той же рутинной — размещать новопривывших и позаботиться об их удобствах. Артур старался как следует выучить ту науку, что преподавал ему Тарвел.

Не обходилось, разумеется, и без очередных изъявлений верности, принимаемых от вновь прибывавших вассалов. На сей раз Айтверн встречал их со стоическим спокойствием. Он уже начал постепенно привыкать к своей новой роли.

Новости приходили не только с запада, но и с востока. Стало известно о судьбе королевской армии. Ее полки, размещенные в летних лагерях вокруг столицы, первыми за пределами Тимлейна узнали о перевороте. Часть офицеров оказалась куплена генералом Терхоллом и перешла на сторону врага. Другие военачальники сохранили верность династии Ретвальдов. Не обошлось без стычек, вылившихся в сражение, в итоге окончившееся ничем — враги разошлись в разные стороны и частью рассеялись. Верные Ретвальдам силы отступили на запад, к владениям Данкана, где принесли присягу принцу Гайвену и влились в ряды растущего войска, насчитывающего уже почти пятнадцать тысяч мечей.

Прибывали в Стеренхорд и мирные люди, покинувшие свои дома из-за начавшейся смуты и надеющиеся укрыться в пока еще спокойных западных областях, пока все не разрешится — в ту или иную сторону. Среди беженцев было много столичных жителей, они

рассказывали, что в Тимлейне правит человек по имени Гледерик Кардан, он именуется себя королем, и более того — уже коронован. С благословения Святой Церкви.

— Я смею архиерея, — мрачно пообещал Артур, не помня себя от злости. — Вот ведь сволочь... Раньше твоего отца привечал, не стало Брайана — признал узурпатора. Кто монету протянул — за тем и пошел. Когда победим, лишу этого мерзавца сана. Пусть торгует капустой, ему это больше пойдет.

— Не сместишь, — возразил Гайвен. — Мирской человек не имеет права вмешиваться в дела церкви... Даже если ты королевский констебль.

— Да? Что же, так даже лучше. В таком случае, я попросту его убью.

— И навлечешь на себя гнев Святого Престола? Такими вещами не шутят, Артур. Будет куда проще, если я сам напишу им письмо, что иберленский архиепископ самоуправно поддержал в нашей междоусобной войне претендента, не представившего пока никаких доказательств своих прав на трон. Уже это должно аннулировать права Кардана в глазах всего мира.

— Должно, — сказал Артур. — Если мы победим. А если проиграем — все приму Кардана как родного. Какая им разница, у себя в Гарланде или в Аремисе, чьих послов принимать, твоих или его. Хотя ты прав. Нужно написать и верховному понтифику, и всем монархам Средних земель — что этот парень, который заявил себя королем, явился невесть откуда, и никаких, насколько мы знаем, доказательств своего происхождения от династии Карданов не предоставил. Сомневаюсь, что у него есть что-то на этот счет, помимо его собственного честного слова. Может это и не Кардан никакой, а первый попавшийся бродяга, подобранный Эрдером в придорожной таверне. Этого мы знать не знаем. Зато знаем, что ты — законный сын короля, признанного всем миром. И на этом основании и напишем за границу о том бардаке, что у нас тут случился.

Так они сделали. Артур сомневался, что от их с Гайвеном посланий будет какой-то прок. Восточные границы контролируются Эрдером, письма попадут адресатам нескоро, кружным морским путем, и к тому времени судьба Иберлена так или иначе будет уже решена.

— Гледерик Кардан... — задумчиво сказал Артур в тот же день. — Знаешь, Гайвен, сначала я не придавал этому значения, но теперь начинаю задумываться... В тот день, когда все завертелось, Эрдер вызвал отца на тайные переговоры, в одном доме в столице. Он хотел заставить лорда Раймонда капитулировать перед ним. Батюшка отказался, и Джейкоб был готов отдать приказ убить нас всех... Тогда один из его людей воспротивился этому и заявил, что нас следует отпустить. Не могу сказать, что это обрадовало Эрдера... Но он и в самом деле послушался и отпустил нас. Отец еще отнесся к этому человеку с большим уважением, даже назвал его милордом и поклонился ему.

— Думаешь, это и был тот самый Гледерик, который возглавляет мятеж?

— Вполне возможно, — сказал Артур. — В любом случае, нам этого не проверить, пока не выпадет случай встретиться с ним лично.

Этот случай, разумеется, выпал — когда в Стеренхорд явился гонец из столицы. Артур и без того ждал этого гонца каждый день. Не сомневался, что он придет — должен же их враг захотеть посмотреть им в глаза. В Железный замок прискакал посланец человека, именующего себя его величеством Гледериком Первым из дома Карданов, королем Иберленским.

Узурпатор знал, где подняли знамена его враги. В этом не было ничего удивительного

— вести нынче разносились быстро, достаточно было даже не рассылать прознатчиков, а просто допросить людей, колесящих по трактам. И узурпатор наконец решился посмотреть своим врагам в лицо — потому что в привезенном посылным письме говорилось, что Гледерик Кардан желает встретиться с герцогом Айтверном и провести с ним переговоры. Гледерик Кардан писал, что будет ждать повелителя Запада на границе между землями Тарвелов и королевским доменом, начиная с третьего дня от момента получения письма. Герцог Айтверн вправе взять с собой столько людей, сколько посчитает нужным, хотя любые меры предосторожности будут излишними — его безопасности ничто не угрожает. Кардан клялся в этом своим именем и выражал надежду, что Драконий Владыка не станет тянуть со встречей. В конце концов, от этой встречи зависело очень многое.

Артур глядел на лист дорогой белой бумаги, исчерканный красивым почерком, чьи легкие завитушки складывались в изощренную вязь, и почему-то думал — интересно, а кто писал эти строки? Придворный писец — или сам узурпатор? Чушь собачья, но почему-то она крепко втемяшилась Айтверну в голову и не желала отпустить.

Наконец Артур уронил письмо на затянутый зеленым сукном стол и осведомился у собравшихся в комнате людей, составлявших его генеральный штаб:

— Ну что, господа? Возможно, у кого-то из вас есть какие-то мысли по сему поводу?

Первым заговорил тан Брэдли. Из всех сподвижников отца он относился к новоявленному Верховному констеблю с наибольшим уважением, вроде бы даже не формальным, а искренним. Удивительное дело. Айтверн понятия не имел, в чем тут причина.

— Смахивает на ловушку, — сказал он. — Желай этот Кардан покончить с вами, сэры, одним махом... лучше маневра не придумаешь. Вы приедете — и получите стрелу промеж глаз. Эти подонки не знают ни чести, ни совести и ни перед чем не остановятся.

— Замечательная характеристика наших врагов, — кивнул Артур, — но как это соотносить с тем, что узурпатор разрешает мне взять сколь угодно большую свиту? Маленькое несоответствие, разве нет?

— Нет тут никакого несоответствия, — ворчливо сказал Тарвел, — бес его знает откуда, но этот чертов королек тебя изучил, малыш. Он в курсе, что у тебя вот здесь находится, — герцог постучал кулаком по лбу, — не при публике оно будь поименовано. Если тебе сказано, что можно привести тысячу спутников — ты не возьмешь ни одного. Гордость не позволит. И приедешь в условленное место один, как перст. Что хмуришься? Не так разве?

— Предположим, так, — неохотно признался Айтверн. — Уж вы-то меня, дружище Данкан, точно изучили. И, да, у меня была мысль пренебречь своей безопасностью и кинуться черту в пасть. Кардан мог бы, наверно, закладываться на это... но скажите, разве он не знает, что у меня есть толковые советники? Например, вы. И что вы отговорите меня от любой глупости. Нет, это не ловушка. Кардан и впрямь желает увидеться и поговорить. И я пойду ему навстречу. Надо же взглянуть наконец на этого самозваного монарха, сколько можно противостоять маске без лица. И не надо меня отговаривать! Поверьте, господа, — он обвел взглядом собравшихся за столом вельмож, — отправляясь к Кардану, я рискую одним собой и никем, кроме себя. Если здесь и сидят незаменимые люди, я точно не из их числа. Вы называете меня лордом-констеблем, это верно, и подчиняетесь моим приказам... но много ли я вам их отдал, этих приказов? Пока что — ни одного толкового. Если я, предположим, погибну или окажусь в плену — мало похоже на правду, но чем судьба не шутит — для нашего дела ничего не изменится. Лорд Рейсворт справится лучше меня. И

лорд Тарвел справится лучше меня. И кто угодно еще. Так что можете не тревожиться... Я отправляюсь в путь — завтра же на рассвете. В мое отсутствие армию возглавит... — кого же назвать, помянутого Рейсворта или помянутого Тарвела? Артур в большей степени доверял лорду Роальду, но здешние земли принадлежали Данкану, и именно на его плечах лежала большая часть вопросов, связанных со снабжением войск. Это его крестьяне поставляли армии хлеб и мясо. — В мое отсутствие войско возглавит герцог Тарвел. Полагаю, Данкан, командовать вам станет даже проще, чем прежде — ведь я перестану пугаться у вас под ногами, — Артур позволил себе улыбнуться — чуть-чуть, самыми уголками губ. — Пусть люди будут готовы — возможно, мы выступим на столицу сразу же, как я вернусь с переговоров. Смотрите сами — от места переговоров ближе до Стеренхорда, а не до Тимлейна. Когда мы с Карданом расстанемся, он еще может не успеть вернуться к своим, когда мы уже двинемся на войну. У нас появится небольшое преимущество, ведь враги будут не готовы к удару.

— Вряд ли он настолько дурак, чтоб так подставляться, — заметил Тарвел. — Узурпатор не оставит свою армию без командира, что не сделает Кардан, сделают его военачальники. Хоть тот же Эрдер — он воевал во многих кампаниях. Нет, Артур, подобным манером ничего мы особо не выгадаем, и надеяться не стоит.

Айтверн пожал плечами:

— Может, и не выгадаем. Но нужно использовать все подвернувшиеся шансы — вдруг один из них тот самый счастливый. — Артур обернулся к принцу Гайвену, за все время совета не изрекшему ни единого слова. — Что скажете, сэр? Вы отпускаете своего верного вассала на небольшую прогулку?

Ретвальд сидел во главе стола, в высоком резном кресле, чья спинка была украшена королевским гербом, с изображенным на нем хорьком. Принц держал спину и голову очень прямо, не иначе, копые на завтрак проглотил. Его пальцы рассеянно гуляли по разложенной на столе карте срединных земель Иберлена.

— Я отпускаю вас, герцог, — изрек Гайвен. — Но с одним условием.

— О каком условии идет речь?

— Я поеду вместе с вами, — прямо сказал принц. — И тоже буду говорить с Гледериком.

В первую секунду Артуру показалось, что он ослышался.

— Прошу прощения?

— Я поеду вместе с вами и тоже буду говорить с Гледериком, — терпеливо повторил Гайвен. — Я же не могу оставить своего верного вассала одного, не так ли? К тому же... к тому же, мне и самому найдется, о чем побеседовать с человеком, захватившим мой трон.

— Извините, ваше высочество, но это невозможно, — твердо сказал Айтверн.

— Почему же? — Ретвальд невинно улыбнулся.

— По тем самым причинам, которые озвучили здесь все эти достойные дворяне, отговаривая меня от поездки. Опасность слишком велика. Иберлен легко может потерять меня, но Иберлен не может терять вас. Извините, сэр, но вашу жизнь я на кон ставить не намерен. Вам придется остаться в замке.

— Вы не прочь рисковать собой, но не любите рисковать другими, — мягко сказал Гайвен. — Это достойное качество для человека, занимающего ту должность, которую занимаете вы. Но своей жизнью я вполне могу распорядиться и сам.

— Не можете, — отрезал Артур. — Вы обязаны...

— Помолчите, герцог, — перебил его Ретвальд. Айтверн со все большим удивлением подумал, что или он никогда не знал Гайвена — или тот за последние дни очень сильно изменился. Хотя они все изменились... — Милорды, я желаю побеседовать с герцогом Айтверном наедине.

Шум отодвигаемых кресел, шелест плащей, грохот окованных железом сапог — вельможи сходу послушались приказу. Не прошло и минуты, как зал совета совсем опустел, в нем осталось всего два человека. Артур растерянно покосился в сторону захлопнувшейся двери, а потом подошел к Гайвену и уселся прямо на стол, свесив ноги.

— Ну выкладывай, — хмуро сказал герцог, — что это еще за новости.

Вместо ответа Ретвальд растегнул и закатал до локтя рукав, обнажив тонкую кисть. Артур уже успел узнать, что эта такая слабая на вид рука удивительно ловко управляется с оружием. Принц достал из ножен на поясе длинный кинжал и аккуратно надрезал себе руку, чуть пониже вен. Из ранки выступила кровь.

— Видишь? — спросил Гайвен.

— Вижу. Ты любишь себя калечить. Это душевная болезнь. Но, говорят, хороший врач может тут помочь.

— Она красная, — тихо сказал Ретвальд. — У настоящих королей, тех, старых... по легенде, у них была голубая кровь. А у меня — красная.

Айтверн непонимающе нахмурился.

— Ну да, красная кровь. И что с того? У меня она того же самого цвета, что и у тебя, хотя моему дому тысяча лет и я происхожу от фэйри. Но все равно у меня красная кровь, и у всех людей на земле красная. К чему эти твои фокусы?

— А к тому, что у меня есть враг, Артур. Этот враг убил моего отца, захватил мой дом. И еще этот враг утверждает, что мой дом — на самом деле его дом. Я хочу взглянуть на этого человека, на этого Гледерика Кардана... и понять наконец, кто же из нас прав.

— Даже не думай, — сказал Айтверн. — И помыслить не смей о таком!

— О чем?

— О том, что ты задумал! Ты хочешь отречься от короны. Хочешь сдать без борьбы! Вот только попробуй!

Гайвен Ретвальд задумчиво вертел в пальцах кинжал, иногда осторожно касаясь его острия подушечками пальцев. В огне горевшего камина старинная сталь отливала багровым.

— Нет, Артур, — принц покачал головой, — отречься я не буду. Я любил отца... а его убили ради этого дурацкого серебряного кресла. И потому я буду сражаться. Но прежде я должен хоть что-то понять. Я же не могу идти в бой с закрытыми глазами.

— Да о чем ты толкуешь, объясни наконец.

Гайвен улыбнулся. Артур временами ненавидел эту его улыбку. Странную, какую-то не совсем человеческую.

— Я завидую тебе, Артур. У тебя есть твоя верность и твоя семья, которой Кардан причинил зло. А что есть у меня? Тоже семья, но этого мало, когда на весы легло столько всего. Ты идешь за мной, а куда я тебя веду? Нет, мой добрый герцог, так нельзя. Я должен посмотреть своему врагу в лицо.

— Твоя голова тебя погубит, — бросил Артур и залпом выпил удачно подвернувшийся бокал вина. — В ней слишком много ума.

Принц пожал плечами:

— Там посмотрим. Ну что, ты возьмешь меня с собой?

Айтверн задумался. По-хорошему, следовало хорошенько садануть Ретвальда по голове и запереть в чулане. Пока придет в себя, Артур уже успеет уехать, и принцу будет поздно, да и не с руки догонять. Да, если поступать разумно, то Гайвена ни в коем случае не следовало выпускать из Стеренхорда. Одна лишь загвоздка — Тарвел, Брэдли и компания точно также не выпустили бы из замка самого Артура, будь у них на то воля, и сделали бы они это, тоже согласуясь с голосом рассудка.

— Беру, — Айтверн махнул рукой. — Куда деваться? — Гайвен весь аж просиял. — От тебя, похоже, никак не отцепишься. Собирайте вещи, ваше высочество, и не забудь про оружие — мало ли как обернется. Выходим завтра же утром. Я возьму с собой... думаю, эскорта в двадцать конных нам хватит за глаза. Большая свита только задержит, а это — в самый раз.

— Блейра ты тоже берешь с собой? — спросил Ретвальд.

— Блейра... Нет. Пусть пока посидит в замке. Свежий воздух, конечно, ему бы не повредил, но на свежем воздухе в голову могут придти не самые свежие мысли.

Гайвен вновь потрогал пальцем кинжал, а затем промолвил:

— Знаешь, Артур... Это не может продолжаться вечно. Рано или поздно ему придется выбирать — ты или друзья графа Гальса.

Артур поджал губы.

— Это я понимаю. Как представляю, что рано или поздно он встретится в бою с людьми Кардана... Можно было бы, конечно, освободить Блейра от присяги и отпустить на все четыре стороны... да вот не могу. Если его оставить одного, сразу пропадет. Он толковый парень, но круглый дурак.

— Да он тогда прямо как ты, — пробормотал Гайвен.

— В самом деле? Я произвожу настолько удручающее впечатление, лорд Ретвальд?

— Вы даже не представляете, до какой степени удручающее, лорд Айтверн.

— На том и порешим. Пойду я немного посплю, пока не грохнулся оземь. Да и тебе бы посоветовал отдохнуть, — Артур соскользнул со стола и двинулся к дверям, но на полпути остановился, ужаленный неожиданной мыслью. — Послушай... Все хотел спросить, но забывал. А ты что-нибудь знаешь о магии?

— О магии? — шевельнулся Гайвен. — Почему ты вдруг спросил?

— Да так. Твой прапрадед, король Бердарет, был последним чародеем в мире... Может, остались какие-то записи, документы... Хоть что-нибудь про волшебство, что оно вообще из себя представляет. Ты ведь про это читал?

— Про это много не прочитаешь, — сообщил Гайвен. — Я нашел однажды дневник моего деда, короля Торвальда... Он помнил Бердарета. Дед записал устный рассказ первого монарха нашей династии. Бердарет говорил, что прошел обучение в какой-то магической школе, за Великим Морем. Он же сам был родом оттуда.

Гайвен помолчал, припоминая.

— Кажется, в тех краях искусство магии не до конца еще утрачено и забыто. Так что последним чародеем на земле мой прапрадед не был точно. Жаль, что мы не имеем сообщения с западными странами и что уже пять веков оттуда не возвращался ни один корабль. Они закрылись от всего мира, не желая иметь с нами ничего общего, и кто знает, что происходит внутри их границ. Король Бердарет... неизвестно даже, какого он был рода и происхождения. — Гайвен с досадой закусил губу и опустил голову. — Мне кажется, он просто ошалел от свалившегося на него могущества. От того, что может делать невозможное

для всех прочих людей. Решил подкрепить обретенную силу властью. А для этого направился в нашу часть света, где чародеев не было вовсе, и нашел подходящее королевство. Иберлен. То, как Бердарет получил престол — купцы назвали бы это честной сделкой, но ведь я не купец. Мой предок использовал свою Силу, чтобы добиться власти, а добившись ее, сделался королем, а не волшебником. И с ним из Иберлена окончательно ушла магия. Своего сына он ничему не учил. Правда, есть легенда, что способности к волшебству передаются по наследству. Они дают знать о себе не у всех потомков — но иногда все же дают. Силы, которыми представители рода пользуются чаще всего, обычно и пробуждаются у их наследников. Вероятнее всего они проявляются по прямой линии. Не обязательно, и не всегда — но могут дать знать о себе даже без обучения. Я думаю, они могли быть и у вашего рода, наверняка ты не первый. Возможно, твои предки просто держали это в тайне. Когда Война Пламени закончилась, люди боялись магов, как чумы. Поскольку наследование чаще идет по прямой линии, это сохраняет дар в пределах одного рода, не дав ему попасть в слишком многие руки. Ведь сыну или внуку колдуна проще проявить свою силу, чем его же дочери или внучке. Также, как дочь или внучка, или правнучка волшебницы быстрее научится плести чары, чем мужчина той же крови. Ты потомок Эйдана, а он был очень сильным волшебником. Я порой думаю, может ли этот дар проснуться у тебя. Вряд ли, конечно, он проявится у Айны. Говорят, чтоб женщина, происходящая от чародея, или мужчина, происходящий от чародейки, обнаружили в себе силу — для этого магия должна быть в них очень сильна. Айна, кажется, ни слова не говорила нам, что обладает чем-то подобным. Но у тебя вполне могут быть способности к магии. Я не знаю только, как их разбудить. Мэтр Дрипонас пытался исследовать теоретические основы волшебства, он использовал древнейшие хроники, составленные, когда в Иберлене еще встречались Одаренные, а старое искусство не до конца забыли. Мэтр считает, Силу может разбудить мощное напряжение воли... яростное, страстное желание... или смертельная необходимость, великая нужда. Но я никогда не пытался... да и не смог бы, наверно.

— Вот оно как... — пробормотал Артур. Сказанное Гайвенном, как ни странно, кое-что прояснило, пусть даже и не так уж и много. — Говоришь, магия передается по наследству?

— Это не я говорю. Так написано во многих научных трактатах, но кто знает.

— Кто? Кажется, я знаю. Ты говоришь, что у меня может быть колдовский дар. А я тут как раз видел один очень странный сон. Когда мы останавливались в Эффин. Я сначала не придавал значения, а теперь задумался. В том сне я был не собой, а другим человеком. Вернее, не человеком. Эльфом. Эйданом из Дома Драконов, основателем моего рода. Мне говорили наставники в детстве, что Драконьи Владыки были одним из знатнейших эльфийских домов, и по преданию вели свой род от крылатых огнедышащих тварей, принявших человеческое... эльфийское обличье. Я слышал, что драконы были еще в начале мира... когда Бог только творил его, а другие, языческие боги, пытались исказить его творение. Были вместе с великанами, морскими тварями... кто знает кем еще. Но мир менялся, и древних созданий становилось все меньше. Большинство драконов уснуло, где-то в тех чертогах, где не имеет власти время. Потом пришли эльфы, высокие эльфы, их звали еще сидами, любимые дети языческой Богини, говорят, сами падшие ангелы сторонились их мощи... и последние драконы присоединились к сидам. Сами сделались внешне как эльфы, и запечатали огонь в своей крови, и стали одним из самых знатных и великих эльфийских родов. Веками они служили Сумеречному Королю... так звали правителя всех фэйри, ты и сам знаешь наверно. А тысячу лет назад в эльфийском доме Айтвернов был некто по имени Эйдан, и когда люди

явились на окраину земель, ставших сейчас Иберленом, Эйдан принял их, как дорогих гостей, и встал на их сторону. Однако другой эльфийской лорд, которого мы знаем теперь под прозвищем Повелителя Бурь, считал, что люди опасны и однажды уничтожат фэйри. Он объявил Эйдана Айтверна предателем, и так началась Война Смутных Лет.

В памяти Артура вновь встали, как увиденные наяву, хмурый осенний день, ломкая трава, серые камни, разлитые в воздухе влага и холод... Он помнил мельчайшую из деталей того видения и мог бы поклясться, что вживую стоял среди древних менгиров, говоря с древним предводителем сидов.

— Во сне, что мне явился, я видел, как началась война. Я видел, как мой предок Эйдан поссорился с Повелителем Бурь. Но я видел и кое-что еще. То, о чем не слышал ни в одной легенде, ни в одном предании. Я узнал из этого сна, что Повелитель Бурь... — Артур запнулся, не в силах договорить.

— Повелитель Бурь — брат моего далекого предка, — с усилием сказал Артур. — И мой родич. В нас течет одна и та же кровь, и то, что мы считали злом, является злом только для нас. Бледный Государь желал блага своему народу... и ради этого блага решил истребить наш народ. Люди наступали на земли фэйри, и Повелитель Тьмы хотел не допустить этого, уничтожив человечество прежде, чем оно сможет уничтожить эльфов. Он был нашим врагом, но он не был порождением крошечного зла, как принято считать. Врагов иногда можно понять... Даже если потом их все равно придется убить. Эйдан с братом стали врагами, и чем эта вражда закончилась, прекрасно говорится в хрониках. Я видел их ссору, случившуюся, должно быть, незадолго до начала Войны Смутных Лет, видел глазами самого Эйдана, и слышал его мысли. Расскажи мне такую историю кто другой, я бы сам объявил его сумасшедшим, но случилась она не с другим, а со мной. В твоих книгах не говорилось, как подобное вообще возможно? Разве могут приходить видения про то, что случилось много веков назад? Как вообще приходят видения? Это было не единственным. Последние дни мне порой чудится что-то непонятное... мутное... просто то видение было самым ярким.

— А ты уверен, — Гайвен все же выказал долю сомнения, — что это все не было просто сном?

— Я же говорю — уверен. Не бывает таких снов. Чтобы голова была ясной и светлой, и вещи вокруг осязались плотными и осязаемыми, совсем как настоящие. Можешь мне поверить, если б ты сам видел то, что видел я, ты бы ни на секунду ни в чем не усомнился.

— Хорошо, предположим... Но тогда... — Гайвен потер подбородок и замолчал, явно что-то припоминая.

— Что тогда? — осведомился Артур, когда молчание стало затягиваться.

— Было одно старое поверье. Ты слышал про память крови? — Не дожидаясь ответа, Ретвальд принялся рассказывать. — Если верить преданиям, ничто из того, что мы видим, слышим, делаем... ничто из того, во что мы верим, не исчезает бесследно, когда мы умираем. Человеческая память отпечатывается в крови — и передается потомкам. Ведь мы все носим в себе частички, унаследованные от наших предков, даже самых далеких. Старая память спит крепким сном, и это правильно, неси мы на себе все предыдущие поколения, их груз просто раздавил бы нас, погреб под собой... но иногда этот сон... иногда сон может прерваться. Мэтр Дрипонас писал и об этом. Он полагал, легче всего разбудить древнюю память Одаренным, людям, несущим в себе Силу, даже если они не умеют ей владеть. Одаренные острее всех прочих смертных ощущают магию и тонкий мир. И это значит...

— Это значит, во мне эта самая проклятая Сила тоже есть, — очень спокойно закончил

Артур, плотнее закутываясь в зеленый плащ.

За окном стоял теплый майский вечер, да и огонь неплохо прогрел комнату, но Айтверну вдруг почему-то сделалось зябко. Он вспомнил о Бледном Государе с его резким насмешливым голосом и глазами цвета жемчуга, о ледяных искрах, во все стороны разлетающихся от темного повелителя. "Во мне та же кровь, что и в демоне из древних легенд, — подумал Артур. — Которым матери страшат расшалившихся детей. Не играй допоздна... не уходи далеко из дома... не дерзи старшим... а иначе за тобой придет Повелитель Бурь, коснется ледяной рукой и заберет с собой, на север... Вытащит у тебя сердце из груди и заменит его на кусок ртути, и ртуть потечет по твоим жилам".

— Прекрасные новости, — подытожил Айтверн. — Послушай, а этот твой мэтр, как его там, часом не рассказывал, как научиться управлять Силой? Право слово, от парочки-тройки записанных на бумаге заклинаний вышло бы больше толку, чем ото всех на свете философских трактатов.

— Не рассказывал. Я же говорю, магические знания утеряны много веков назад, и мэтр Дрипонас полагался лишь на теоретические изыскания. Чародеи уничтожили себя во время Войны Пламени. Если кто и выжил, то держался в тени. В некоторых северных землях еще живут потомки фэйри. В Венетии, на окраинах Гарланда. От Владык Холмов происходит правящий дом Эринланда. Но мне неизвестно, чтоб они владели магией. Если какие-то древние секреты известны твоим родичам, они молчат на сей счет.

— Понятно, — сказал Артур. — Ну что ж, спасибо и на этом. Мне будет легче сознавать, что я не схожу с ума, а всего-навсего попал в непростой переплет. Неприятности — это ерунда. К ним мне уже как-то и не привыкать, — он усмехнулся. — Я буду ждать тебя завтра утром на дворе, при оружии и на коне. Не опоздаешь?

— Не имею привычки спать до полудня, — ответил Гайвен с долей надменности, и Айтверн вновь подумал, что принц начинает подражать ему в своих манерах. Хорошо это было или плохо? Артур не знал.

— Вот и прекрасно, — подытожил он.

Выходя из зала, Артур невольно подумал — интересно, а владел ли Силой отец, знал ли он что-нибудь о даре, скрытом в их общей крови? Наверняка знал. Но почему не сказал ни слова? Не доверял своему сыну? Считал его слишком юным для такого знания? Возможно. Но тогда... дядя Роальд? Приходят ли к нему или к его сыну видения о прошлом? И что еще можно сделать при помощи магии, помимо этого? При городе Слайго и на Борветонском поле Король-Чародей обращал в бегство целые армии потоками огня и ослепительного света, а на что способны потомки Дома Драконов? На мгновение Артур подумал, что, раз уж он все равно идет сейчас поговорить с дядей, нужно спросить и об этом, но не решился. Молодой герцог Айтверн не был готов говорить с родственником о подобных тайных вещах. А вещи эти и в самом деле были тайными, раз лорды Запада сохранили в секрете свою Силу и пронесли ее сквозь все те века, что чародеи истребляли друг друга в междоусобных войнах ради богатства или власти, не оставляя следующим поколениям и крупицы своих знаний.

Ведь когда фэйри были изгнаны за пределы смертных земель и королевства людей утвердились в своих границах, настали смутные века бесконечных войн, в которых были растеряны древние знания, а земли, лежащие за западным морем, предпочли оборвать всякую связь с опустошенным в битвах восточным континентом. После смерти Бердарета Ретвальда, пришедшего с тех самых заморских земель, магия казалась людям Иберлена навсегда утраченной. Если же вышло так, что не все древние силы ушли до конца и старая

магия течет в его крови — он сохранит осторожность и будет ждать, пока она не проявит себя, тем или иным образом. Он сомневался, что возможность видеть прошлое — единственное, на что он способен. Но и узнать что-то большее, не рискуя секретом, тоже не мог.

Потому, отыскав Рейсворта, Айтверн и единым словом не обмолвился о древнем колдовстве. Разговор между племянником и дядей коснулся исключительно насущных дел. Пр помощи сэра Роальда Артур отобрал двадцать рыцарей, пригодных для того, чтобы охранять принца в пути. Все они были из малерионской гвардии, и не раз сопровождали лорда Раймонда в его походах.

Когда с делами было наконец покончено, уже успело стемнеть. Артур долго стоял на балконе, любуясь на горящие в небесах звезды и на пылающие внизу, у замковых стен, костры. Молодой герцог сбросил плащ и расстегнул ворот рубахи, полной грудью вдыхая обдувающий кожу свежий ветер, пахнувший одновременно зеленью, речной водой и сладким дымом. Издалека доносились обрывки нестройных солдатских песен. На минуту Артуру отчаянно захотелось спуститься в лагерь, может быть сесть у какого-нибудь из костров, поболтать с простыми воинами, ненадолго, всего лишь до утра, сделать вид, что он ровня им, совсем ничем от них не отличается.

Айтверн слабо улыбнулся, захваченный шальной мыслью. Он подумал о том, что охотно бы променял выпавшую ему судьбу на какую-нибудь иную, попроще. Артуру безумно захотелось сделаться не повелителем Запада, командующим королевских войск и сеньором обширного феода, а простым солдатом, может быть даже не благородного происхождения, а обычным наемником, не имеющим ничего, кроме меча, копья и коня, и вольного жить, как вздумается. Решать за одного себя, не принимая груз ответственности больше ни за кого, и не ломать голову над непосильными задачами. Просто воевать, бражничать и любить, ни на шаг не подходя к мировым судьбам. Подобные мысли были малодушием, но до чего же притягательным.

Артур с невеселым смехом покачал головой. Мечтам суждено остаться мечтами, ему не убежать от того, что он есть, даже если очень хочется. Отсмеявшись, он еще долго смотрел с балкона, вдыхая окрестную ночь. Подумать только, еще не закончился май, и месяца не прошло с дня, как все завертелось, а до чего же изменилась его жизнь.

Айтверн вспомнил другую ночь, такую недавнюю и такую далекую — когда он в последний раз кутил с друзьями, поставив с ног на голову один из столичных трактиров. Стены ходили ходуном, пол и потолок менялись местами, вино лилось рекой, шум и гам закладывали уши, и над всем этим безобразием плыла подмигивающая окнам луна. Юноша покинул едва не развалившееся от их гулянки заведение на рассвете, напоследок хлопнув всех завсегдатаев по плечу, расцеловав официанток и спев прощальную песню. Он был совершенно бодр и не испытывал даже капли усталости. Быстро сбежал по ступенькам, насвистывая легкомысленный мотивчик, вскочил в седло и поскакал домой. Солнце поднималось над городскими крышами, утро выдалось до невозможности чудесным и свежим, и так весело было поздравлять с его приходом сонных лавочников и редких прохожих. А дома Артура ждали ворчливый мажордом Мердок и сестра.

С того дня все стало иным.

Айтверн еще раз усмехнулся, на сей раз откровенно криво, и, так и не подобрав плащ, покинул балкон. Глаза все сильнее жгло от усталости, и на сей раз Артур твердо решил добраться до постели. Он зашел в спальню, и обычно подавляющую своими размерами, а

сейчас, в полной темноте, казавшуюся безразмерной черной пещерой. Остановился на пороге, наклонился, чтобы стянуть сапоги. Снял пояс с мечом и позволил ему упасть на пол, заодно подумав, что увидь Тарвел такое непотребство, не миновать бы подзатыльника. Не раздеваясь, Артур повалился на край широкой кровати. Айтверн выгнулся, как кот, вкусно и с наслаждением зевая, перекатился на другой бок, блаженно улыбаясь...

... и ощутил легкое прикосновение к своей руке.

Вбитые в него долгими тренировками боевые навыки сделали свое дело прежде, чем юноша успел что-либо осознать. Он отбросил коснувшуюся его ладонь и рывком соскочил на пол. Рухнул на колени и выпростал руку, шаря по ковру в поисках клинка. Проклятье, трижды проклятье, нельзя быть до такой степени беспечным! Наконец пальцы сомкнулись на костяном эфесе, Артур распрямил колени, одновременно обнажая клинок, и взмахнул им в воздухе, очерчивая вокруг себя круг.

— Ну, кто здесь? — крикнул Айтверн в темноту. — Покажись!

Из темноты испуганно охнули:

— Да что ты... Это же я...

Девичий голос. Прекрасно знакомый.

— Айна? Какого черта? Это вообще ты, или я повредился рассудком?

Сестра рассмеялась: негромко и явно нервно. Она чего-то боится? Хотя попробуй тут не испугаться.

— Успокойся. Это я, и рассудком ты, надеюсь, не повредился.

— Ну хорошо тогда, — Артур вложил меч в ножны. — В первый момент я подумал, что это лорд Джейкоб прислал по мою душу убийц. Может же герцог Эрдер решить тихонько избавиться от герцога Айтверна? Я уже решил, предстоит славная драка. В известной степени, ты растоптала мои мечты. — Айна вновь рассмеялась, теперь уже не так встревоженно. — Но постой, давай я зажгу свет. А то не удивлюсь, если здесь обнаружится пара-тройка настоящих убийц.

— Зажигай.

Двигаясь наощупь, Айтверн кое-как добрался до столика со свечами и, пошуровав огнивом, наконец высек огонь. Обернувшись, юноша смог разглядеть свою сестру. Айна сидела в кресле рядом с кроватью и казалась немного испуганной. Артуру немедленно сделалось стыдно. Кажется, он и впрямь в последнее время совсем не владеет собой. Неудивительно, если Айна теперь его боится. Он прекрасно ее в этом понимал. И Блейра тоже понимал, и Гайвена. И лорда Данкана, который, наверно, уже устал считать его озлобленной на весь свет бестолочью.

Артур обратился к сестре, стараясь сгладить получившуюся неловкость:

— Чем обязан чести принимать тебя в столь поздний час?

— Родственным вниманием, — отвечала та. — Мы последнее время совсем редко видимся. Я подумала, что это неправильно. Чтоб ты сам себе не навоображал насчет меня, а я уверен, что ты что-то навоображал... Мы все равно остаемся семьей.

— Спасибо, — выдавил Айтверн, ощущая себя совершенно растерянным. Не к такому разговору он готовился. Говоря по правде, он вообще не готовился ни к какому разговору.

— Ты же завтра уезжаешь. Мы мало общались последнее время. Ты все время на своих советах — а я, между прочим, волнуюсь за тебя.

— Брось, никакой опасности мне не грозит. Я еду на переговоры, не на битву. И вздохнуть не успеешь, как мы вернемся. Этот их Гледерик и подумать не сможет, чтобы

напасть. Кем он после окажется, в глазах всего мира?

— Да, конечно. — Девушка ненадолго замолчала, и Артур воспользовался паузой, чтобы сглотнуть вставший в горле тугой комок. Он чувствовал повисшее между ними напряжение, и хотел хоть как-то его сгладить. Он уже потерял отца — и совершенно не хотел терять еще и сестру. Артур чувствовал меж тем, что теряет ее. День за днем, час за часом она отдалялась от него, делалась все более далекой и неуловимой.

— Послушай меня пожалуйста, — сказала Айна. — За все эти дни мы так и не поговорили ни разу по душам. Тогда, той ночью, когда ты застал нас с Гайвенном, все выглядело довольно двусмысленно. Ты тогда рассердился.

— Его высочество — крайне достойный молодой человек, — сказал Артур. — В тот вечер он поступил немного неразумно, но виной тому был вовсе не его злой умысел, а всего лишь неосторожность. Я потом поговорил с ним и понял, что он не имел никаких дурных намерений на твой счет.

— Ты не понимаешь меня, — перебила его Айна. — Я не держу на Гайвена зла и не думала на этот счет никаких глупостей. Наоборот, я рада, что так все получилось. После той ночи многие вещи стали для меня ясней.

— Тем лучше. Его высочество — крайне достойный кавалер. Я буду рад, если он станет за тобой ухаживать. Конечно, сначала он не пришелся мне по душе, но теперь я понимаю, что был не прав.

— Как раз сейчас ты ничего не понимаешь, Артур. Принц... Наверно, какой-нибудь девушке, не мне, он бы действительно показался достойным кавалером. Но мне он таким кавалером не кажется. И дело не только в этом. — Айна замолчала, а потом подняла голову, глядя Артуру прямо в глаза, и отчеканила другим, незнакомым ему, холодным голосом. — Гайвен — не твой король. Он не тот человек, ради которого стоит вести людей за собой на смерть или убивать самому. Он не достоин твоей верности.

Артур захотел что-то ответить — но не смог и промолчал. Чего угодно он ожидал от этого разговора с сестрой, но не сказанных ею сейчас слов. И он совершенно не знал сейчас, что на них ответить.

Айна встала и подошла к нему, мягко ступая по густому ковру. Она казалась спокойной, собранной и совершенно не такой, как обычно. Глядя на ее побелевшее лицо, на решительно сжатую линию губ, Артур вдруг осознал, что чем-то она в этот момент напоминает ему лорда Раймонда. На лице того часто бывало такое же суровое, непреклонное выражение, когда он пытался диктовать семье свою волю. Юноше сделалось не по себе.

— Я много думала над этим последнее время, — сказала Айна задумчиво, неотрывно глядя на брата. — Настало время поговорить. Скажи мне пожалуйста, Артур. Ради чего ты привел в этот замок всех этих лордов? А ведь ты их привел, они собрались по твоему зову. Все ради твоей войны. Тысячи воинов находятся сейчас в Стеренхорде. Ты скажешь — и они все поскачут на смерть. Смерть осенит их под знаменами золотых драконов. Так ради чего, Артур, ты будешь убивать всех этих людей?

— Ты знаешь, Айна, — ответил он как мог спокойно. — Ради того, что делает нас людьми. Ради тех присяг, что мы когда-то принесли.

— Слова и присяги, — ответила Айна задумчиво, и рот ее искривился в усмешке. Той самой усмешке, что не сходила прежде с лица лорда Раймонда — кривой и холодной. — Клятвы и верность. Да, я помню. Прекрасные вещи эти клятвы и верность. Ради них сэръ Эвейн сразился с лордом Гриддаром, лишь бы только вызволить старого короля из темницы,

где тот сидел во мраке и холоде. Ты обожал эти сказки в детстве. Вот только мы живем совсем не в сказке, Артур Айтверн. Ты когда-нибудь это поймешь?

Он пожал плечами. Обошел ее стороной, стараясь избегать ее взгляда, и сел на кровати. Ночь за окном дышала прохладой, и в ней перемигивались звезды.

— Я не думаю, сестра, — сказал он тихо, — что некоторые вещи теряют значение только потому, что про них рассказывают в историях.

— А я думаю, — ответила Айна неожиданно резко. Сделала шаг его в сторону. Остановилась. — Клятвы и верность, говоришь ты мне! О, как они, наверно, важны, эти твои клятвы, если ради них ты утопишь весь Иберлен в крови! Клятвы и верность составляют весь твой мир, мой брат. Да вот мир этот рухнул. От него — от этого проклятого мира — совсем уже ничего не осталось. Он умер, как умирают все вокруг нас. Умирают короли, умирают рыцари и умирают отцы. А еще они убивают. Я знаю, как они убивают. Убивают короли, убивают рыцари и убивают отцы. Ты поскачешь на эту войну и тоже станешь убийцей?

Он встретил ее взгляд своим.

— А ты предлагаешь мне какое-то другое решение? Прости, но я их не знаю. У меня есть мой государь, которого я пообещал защищать. Ты присутствовала при этом. Как я буду смотреть людям в глаза, если отрекусь от него? А ведь ты, кажется, именно это предлагаешь мне сделать.

— Раньше тебя это не волновало, как смотреть другим в глаза, — ответила Айна с гневом. — Ты просто делал, что хотел, и тебе было плевать, чего от тебя ждут. Зачем же сейчас играть? Прекрати, Артур. Это не стоит того. Все, что ты затеял — глупо. Я не меньше твоего ненавижу Эрдера, но Гайвен — не тот человек, ради которого нужно рисковать собой и своими солдатами. Я не знаю, какого короля нашли себе северные лорды, но наверняка он будет лучше, чем этот книжник. Я говорила с ним, и знаешь, что я почувствовала? Мне стало от него противно. Я наконец поняла, что двигало тобой, когда ты раньше пытался его задирать. Этот человек не стоит того, чтоб ради него драться. Если вернулся настоящий Кардан — тем лучше. Езжай к нему, преклони колена, и пусть Гайвен Ретвальд убирается куда захочет.

— Я не могу так поступить, — сказал Артур тихо. — Прости.

— Нет, можешь. И я тебя поддержу в этом. Если хоть одна тварь потом обвинит тебя в предательстве или малодушии — я вырву у этой твари сердце из груди собственными руками. Мы не обязаны воевать ради глупого мальчишки только потому, что наш отец положил свою жизнь на служение его еще более глупому отцу. Ты — Драконий Владыка, а я — твоя кровь и первый во всем соратник и помощник. Мы не люди. Это люди боятся своих жалких королей и служат им, потому что так заповедовал им их Бог. Но мы не дети этого Бога. Если легенды не врут, нас породили другие боги, и у них были другие законы. Наши предки танцевали в небесах среди молний, а потом приходили к сидам и учили их магии. Я читала о Великой Богине, хозяйке земель и вод. Она не давала своим детям ни одного запрета, разрешала им жить по своей воле. Вот — наша мать. Это ее мы должны славить, а не бояться слабого Бога, которого убили дикари в южной пустыне. Мы сами выбираем себе королей. Если этот Гледерик достоин — будь рядом с ним. Если он так же жалок, как Ретвальд — займи Серебряный Престол сам и стань новым государем Иберлена. Я буду первая, кто поддержит тебя в этом. Мир должен быть в наших руках, Артур, потому что других достойных просто нет.

Она говорила, уверенно и страстно — а Артур смотрел на нее и понимал, что прежде он

уже слышал подобные слова. Совсем недавно и очень давно. Был серый день, и камни вокруг дышали дождем и тревогой, а травы сгинались под ветром. Родной брат стоял напротив него, и говорил о войне, что грядет, и о том, что только их роду суждено решать судьбы земли и народов. Они поссорились, и раны, что были нанесены миру после того дня, до сих пор не залечены.

— Довольно! — закричал Артур. — Хватит! Я не буду этого делать!

Айна подняла голову, и теперь юноша увидел в ее глазах не Повелителя Бурь и не лорда Раймонда Айтверна. Он увидел в ней себя.

— Да вы просто трус, сударь, — сказала Айна медленно. Очень-очень медленно. И очень зло. — Вы самый настоящий, последний на свете трус. Я так смотрю, в вас нет ни капли смелости.

— Вижу, у нас разное представление о смелости, дорогая сестра, — ответил Артур тоже со злостью. — Для тебя смелость — наплевать на все, ради чего ты живешь. Для меня смелость — в том, чтоб оставаться собой. Я знать не знаю никакую Богиню, Айну. Но вот Книгу Книг я помню хорошо, и когда я предстану перед моим Богом, оправдываться перед ним не хочу. Говоришь, он был слаб и позволил себя распять? Может твоей Богине и служили драконы и эльфы, только вот почему-то сейчас в каждой стране земли стоят его храмы с крестом, а не ее языческие капища. Может потому, что этот слабый Бог говорил дельные вещи и учил людей жить по-людски? Предательство и измена — удел не сильных духом, а слабых. Прости, сестра, но ты не права, и твоя Богиня тоже.

Он встал. Айна стояла не шелохнувшись. Молчала, только губы слегка дрожали. Казалось, она сейчас заплачет, до того одинокой и потерянной казалась она в этот миг. Артур наклонился, поднял перевязь с мечом и натянул сапоги.

— Можешь не бояться, сестра, что кто-то услышит о нашем разговоре, — сказал он спокойно. — Когда принц Гайвен победит — а он победит, это я тебе обещаю — он никогда не узнает, что ты склоняла меня к измене. Не бойся, что с тебя за это когда-нибудь спросят, потому что с тебя никто спрашивать не будет. Спи в этой комнате, я сюда больше не вернусь. И пусть твои сны принесут тебе покой.

Айна не ответила, и тогда Артур направился к дверям — и с каждым шагом, что он делал, уходя прочь от нее, он убивал часть самого себя. На пороге Артуру захотелось остановиться и повернуть назад. Сказать ей, что он, конечно, выполнит любую ее просьбу, будет служить любому королю, на которого она укажет, или станет этим королем сам — лишь бы только сохранить в целостности то небольшое, что осталось от его семьи и от его детства. Желание поступить так было очень сильным, но он его преодолел. Ведь нет такого искушения, с которым человек не смог бы совладать. Выйдя в гостиную, Артур плотно закрыл за собой дверь — а услышав доносящиеся из-за нее рыдания, пошел прочь.

Утром, когда готовый отправиться в путешествие отряд собирался на крепостном дворе, Айна Айтверн так и не вышла проводить их в дорогу.

Глава тринадцатая

Капитан королевской гвардии, представившийся сэром Малькольмом Толлхартом,

держался заносчиво и нагло. Он то и дело бросал на Артура пренебрежительные взгляды, а Ретвальда и вовсе демонстративно игнорировал. Капитан носил на гвардейском плаще вместо споротого ретвальдовского хорька яблоневого дерево Карданов. И когда успел нацепить? Не иначе, портные в стольном городе работали, не покладая рук. Интересно, им хоть заплатили?

— Его величество готов выехать к вам, герцог, — бросил сэр Толлхарт, свирепо зыркнув на Артура черными глазищами. — Но лишь к вам. Потому что в уговоре речь шла про встречу один на один, и никаких прочих господ.

Артур покрепче сжал поводья коня, хотя куда в большей степени ему хотелось заехать кулаком гвардейцу по зубам. Подумать только, "прочих господ"... Ты этим прочим господам месяц назад в ноги кланялся.

— Не вижу здесь посторонних... за исключением разве что вас, любезный капитан, — герцог Айтверн послал Толлхарту очаровательную улыбку. — Господину Кардану вовсе не помешает познакомиться с его высочеством наследником престола. Когда еще господину Кардану выпадет подобный шанс? Разве что на эшафоте, куда мой принц приведет Кардана, дабы тот ответил за все.

Малькольм Толлхарт побагровел:

— Сэр, вы переступаете границы приличий... Вы смеете угрожать моему королю.

— Смею. Только не угрожать, а обещать. Это разные вещи... сэр. И, видят небеса, я свое обещание выполню. А пока что — дуйте обратно в свой лагерь, да передайте своему, с позволения сказать, королю — пусть поскорее явится пред наши очи. А то дело к обеду, а мы еще и не завтракали.

Толлхарт лишь досадливо ругнулся на эти дерзкие слова, повернул коня и потрусил через поле, к раскинувшимся на противоположном его конце шатрам, украшенным яблоневыми знаменами.

— Зря ты на него накинулся, — заметил Гайвен, поправляя высокий воротник. Принц кутался в черный плащ, ибо день выдался довольно прохладным, и сидел верхом на вороном жеребце. — Нам лишние ссоры не нужны.

— Не зря. Чего дурного, чтобы прямо сказать подонку, кто он есть? Хотя этот парень лишь мелкий крысеныш. Настоящего крыса мы еще не видали, а когда увидим — тогда и скажем все остальное. Что же до ссор... Брось, переговорам они не повредят. Кардан сам меня пригласил, из-за пары слов он обратно не поскачет, — в отличие от выбравшего вороную масть Гайвена, Артур предпочел оседлать роскошного белого коня, найденного в конюшнях Стеренхорда. Его прежний любимый дарнеец остался в столице, и неизвестно было, что с ним случилось. Артур вообще много кого оставил в Тимлейне. Отца, в последний раз увиденного живым, а сделавшегося мертвым, капитана Орсона Уилана, сержанта Кремсона, Гейрта Мердока, мэтра Гренхерна, Амелию Таламор, друзей... да вот только где они теперь, те друзья? С кем они? И живы ли еще?

Артур стянул перчатку и хорошенько прокусил себе зубами кожу на руке. Он обнаружил, что телесная боль отлично помогает избавиться от тяжелых мыслей. Незамысловатый способ забыться, но до чего же действенный. Иногда не думать — все, что нам остается.

Особенно — не думать о том, что сказала ему Айна в ту ночь.

Айтверн и Ретвальд остались одни, посреди поросшего сорной травой широкого поля, с юга примыкавшего к ведущему на Тимлейн тракту. В миле от них к западу высилось тот

самый форт, стороживший границы земель лорда Данкана. Там Артур оставил свою свиту. Пусть подождут, все равно же устали с дороги, да и лишние уши при предстоящем разговоре помешают. А впереди стали лагерем приехавшие из Тимлейна мятежники, возглавляемые вроде бы самим Карданом. На глаз их насчитывалось не более полусотни. Что же, хоть в чем-то Тарвел оказался неправ.

— О! Гляди! — Айтверн привстал в стременах. — Едет кто-то! Не иначе, наш приятель наконец объявился.

Сквозь сочные зеленые травы, под одуряюще синим небом, через все поле, неслась стремительно увеличивающаяся темная точка. Вскоре она превратилась в всадника на гнедом коне, с развевающимся за плечами плащом — все того же густого синего цвета. Можно было представить, как свистит сейчас ветер в ушах наездника. Ладонь Артура сама собой легла на эфес.

Всадник приблизился, вырос — резко, неожиданно, будто неведомое колдовство исказило перспективу и замутило зрение. Конь, на котором прискакал враг, весело, едва ли не с насмешкой заржал, и его ржанию вторил смех седока, низко пригнувшегося к лошадиной шее, почти упавшего на нее, утопившего голову в развевающейся гриве. Артур никогда прежде не встречал такой посадки, хотя говорили, что она принята среди степняков. Жеребец, весь блестящий от пены, остановился в пяти шагах от Айтверна и Ретвальда. Всадник вновь расхохотался и выпрямился:

— Вы простите, что заставил ждать — завтракал. Не хотелось болтать на пустой желудок, а разговор, кажется, выйдет важный. — Его голос с трудом доносился из-под опущенного глухого забрала, не дававшего увидеть лица. — Рад приветствовать, герцог Айтверн! Давно хотел уже побеседовать, да все обстоятельства мешали, — тон, каким были произнесены эти слова, был приветлив и насмешлив сразу. — Вы же знаете, какими досадными порой бывают обстоятельства. Там забота, здесь забота, а потом как-то вдруг получилось, что на западе против меня собирается армия. Я не ожидал такого. Ваша армия, кстати? Можете не отвечать, сам знаю, что ваша. Здесь, наверно, мне следует представиться. Меня зовут Гледерик Кардан. Кстати, так уж вышло, я теперь король вашей страны.

Артур не ответил, даже слова не сказал — его виски вдруг разломило болью. Как если бы по голове ударили. К горлу подступила тошнота. Молодой Айтверн уже слышал этот голос раньше.

"Я буду использовать всех, до кого дотянусь, пока не получу то, что должен... и после того тоже".

"Вам не удастся использовать нас, милорд".

— Давно уже следовало поговорить по душам, да все никак не получалось, — продолжал меж тем узурпатор престола. — Вы умудрились улизнуть из столицы как раз тогда, когда я желал вас видеть. Наделали шума на западе. Заключили союз с Тарвелом... весьма шустро, надо сказать. Я посылаю к лорду Данкану своего посла, графа Гальса. Вы его часом не встречали?

— Александр Гальс пал от моей руки, — неохотно сообщил Артур.

— Да? — тон Гледерика изменился. Как-то неуловимо.

— Да. Мы сошлись в поединке.

— Ах, вот оно как, — сказал узурпатор медленно, и на сей раз уже не казалось, что он так уж весел. — Что же, если поединок, это меняет дело. Я грешным делом решил, вы зарезали его в темнице. Нехорошо бы получилось... Александр Гальс был мне верным

вассалом, а мог стать, со временем, и другом. Что ж вы так, герцог? Убили моего друга.

— Я потерял по вашей милости куда больше друзей, — бросил Артур.

— Ну, если так, то конечно... Значит, вы не открыли счет, а всего лишь сравнивали его. Что поделать, такие поганые нынче настали времена, — Гледерик сделал паузу, будто думая о чем-то. — Но я смотрю, вы приехали со спутником, любезный герцог. Я же четко вам писал — никаких посторонних. А вы не послушались. Экий вы упрямец, лорд Айтверн. Ну и скажите на милость, кто этот мальчик, угрюмый подобно смерти? Гайвен Ретвальд, надо полагать?

Принц сидел в седле как влитой, напоминая каменное изваяние. Когда Гледерик Кардан заговорил о нем, Гайвен лишь слегка повернул голову в его сторону и спокойно сказал:

— Да, вы не ошиблись, мастер Кардан. Это я сам настоял, чтоб сопровождать моего лорда-констебля. Нехорошо было бы прятаться за его спиной.

Похоже, слова Ретвальда привели узурпатора в полный восторг. Он поднял руки и три раза хлопнул в ладоши.

— А вы смельчак. Не пожелали прятаться за спиной своего лорда-констебля... надо же. Другой бы спрятался, и беды б в том не увидел. Я, кстати, повстречал вашего достопочтенного батюшку — даже беседовал с ним. Ага, эк задержались! Спешу огорчить — ваш отец мертв, — голос Кардана сделался жестким и злым, — Брайан Ретвальд не захотел отдать то, что ему никогда не принадлежало. Я великодушно предложил вашему отцу земли, титул, почет, однако он предпочел вцепиться в краденую корону. Потому он и умер, как умрет всякий, присвоивший себе мое добро. А вы, смотрю, так и норовите последовать его примеру?

Прежде, чем Гайвен успел ответить, вмешался Артур:

— Вы выбрали неподходящий момент для риторических вопросов. У меня нет никакого желания ни выслушивать перебранку, ни самому принимать в ней участие — надоело до смерти. И я ехал сюда, чтобы посмотреть вам в глаза, а не созерцать кусок металла. Ну же! — И, видя, что Кардан не торопится выполнять его требование, Айтверн добавил. — Сделайте, что от вас просят. А потом, так и быть, разрешаю спеть. Лишь бы не про сэра Эвейна. Героические баллады — не ваш конек.

Гледерик Кардан вновь поднял руки — и снял шлем. Не доходящие до плеч рыжие волосы, зеленые глаза, прямой нос, благородное, но вместе с тем открытое и честное лицо. Лицо давешнего посыльного, приведшего герцога Раймонда Айтверна на встречу с заговорщиками. Лицо со старинных монет.

— Я и не сомневался, что вы догадаетесь, — в голосе самозваного — или же законного? — короля послышалось одобрение.

— Я задумался об этом вскоре после того, как до Стеренхорда пришли новости о вашем появлении в Тимлейне. Я, конечно, вспомнил вас. Вспомнил, что вы говорили отцу, и что он вам отвечал. Все было слишком очевидно, и мне следовало догадаться даже раньше. Да как-то времени не было подумать. А теперь я понимаю, что видел вас, Гледерик Кардан... и видел два раза. Два, а не один. Это вы привлекли внимание моей сестры в день ее похищения. Крутились за нами по городу... А потом завели в ловушку. Ваши люди должны были похитить и доставить к Эрдеру... не Айну же, правда? Она была просто случайным уловом. С самого начала вы искали меня. Шантажировать командующего иберленской армии жизнью его сына и наследника — куда лучше, нежели жизнью его дочери, правда ведь? Только вы просчитались с самого начала. Отец решил пожертвовать Айной — и точно

так же пожертвовал бы мной. Вы совсем его не знали.

— Это вы его не знали, — безмятежно возразил Кардан. — Я разбираюсь в людях получше, чем многие. А в вашей семье разбираюсь лучше всех. Раймонд Айтверн скорее отсек бы себе обе руки, нежели оставил в беде своего сына. Не сомневайтесь, он очень вас любил.

"Странно, почему же я так редко это замечал?"

— Это для меня уже совсем неважно, — сказал Артур, хотя и понимал, что лжет. — Когда в следующий раз отправите кого по мою душу — найдите более искусных бойцов, те никуда не годились. А их главарь... Этот осел под конец сорвался и решил меня прикончить. Если все ваши солдаты так же буквально исполняют приказы — долго война не продлится. Ну да ладно, я отвлекся. Вы привели отца на встречу... Чей был план, ваш или Эрдера? Кто придумал всю эту историю с заложниками?

Гледерик поморщился:

— Это имеет значение?

— Для меня — да.

— Это не имеет никакого значения, — с нажимом произнес Кардан. — Герцог Эрдер присягнул мне. И все, что он делает — это также и мои дела. Попробуйте это понять. Я никогда не сваливаю вину на своих людей... особенно когда и вины нету. Идет война, вы сами заметили. Я намеревался переманить повелителя Запада на свою сторону.

— Тогда вы выбрали весьма паршивый способ этого добиться.

— А у меня были иные? Ваш отец был до смерти предан Ретвальду. Он бы погиб, защищая его от врагов.

— Он и так погиб, — у Артура пересохло во рту.

— К сожалению. После победы я намеревался склонить Раймонда на свою сторону. У него бы просто не осталось иного выбора, после того, как плененный Брайан отрекся бы в мою пользу. Но увы! Нашелся один идиот, решивший избавиться от герцога Айтверна. До сих пор не пойму, что им двигало — приказ генерала Терхола, ныне покойного, или собственная дурость. Я казнил негодяя. И казнил бы Терхола, не успеет он раньше улизнуть от моего правосудия на небеса.

— Вот как? Чем обязан подобным расположением к моей семье?

Гледерик бросил быстрый взгляд в сторону Гайвена и ответил:

— Вы мне нужны, Артур Айтверн, так же, как был нужен лорд Раймонд. Я слышал, вы собрали приличное войско. Но я не хочу, чтоб лилась кровь, я и так уже пролил ее достаточно в Тимлейне и под ним. Не таким я видел свое воцарение. Пора вернуть этой стране мир. Принесите мне присягу, Айтверн, и не пожалееете.

Артур усмехнулся:

— Вы делаете странное предложение, мастер Гледерик. У вас хватает наглости переманивать меня на свою сторону, да еще в присутствии моего сюзерена?

— Ага! То есть, не будь здесь этого юноши, — кивок в адрес кусавшего губы Гайвена, — вы бы еще подумали?

— Нет. Я не торгую своим словом. Вы уже купили в Иберлене всех, кого могли.

— Купил, значит? — Гледерик разломил губы в кривой улыбке. — Да что вы понимаете в этом. Если б у меня на руках нашлись одни золото да посулы — кто бы пошел за мной? Терхол, да еще может с пяток честолюбцев. О нет, сэр Артур, все совсем иначе. Меня поддержало множество истинно благородных людей, и поддержало отнюдь не ради

собственной корысти. Тот же Джейкоб Эрдер, думаете, ему при Брайане плохо жилось? Жилось ему хорошо. Но Эрдер верит в меня — по-настоящему верит. Видели бы вы, как бедняга страдал, когда пришлось пойти на ваше похищение! Решил, что ради всеобщего блага загубил собственную честь. Вы тоже можете в меня поверить. И, обещаю, в таком случае вы не останетесь внакладе. — Заметив, что Артур собирается возразить, Гледерик упреждающе вскинул закованную в латную перчатку ладонь. — Пойдите! Проклятье, не нужно спорить. Почему Айтверны такие упрямые? Когда я приехал в Иберлен, вы казались мне разумными людьми. И предположить нельзя было, что в вас столько упрямства! Но любое упрямство рано или поздно пасует перед здравым смыслом. Давайте поговорим честно. Я не думаю, что раньше с вами часто разговаривали честно. Иберлен слаб. Он умирает, распадается на части. Знатные вельможи творят, что им вздумается, монаршая воля не значит ровным счетом ничего. Вы тут не передрались окончательно, не перебили друг друга, не сожгли королевство в костре гражданской войны одним лишь чудом. Но никакие чудеса не длятся вечно. Я, честно уж скажем, вовремя пришел, герцог Айтверн. Очень вовремя — потому что сыграл на накопившемся недовольстве. Даровал многим надежду. На будущее. На сильного короля. Если бы не я, думаете, восстания бы не случилось? Оно случилось бы. Обязательно. Но не под знаменами Карданов. Ваш отец думал, что он обуздал волну, но он ошибался. Его власть была слаба, ей и оставалось всего несколько лет. Очень скоро лорды востока и севера спросили бы — зачем нам платить налоги этому человеку, когда мы можем сами стать хозяевами на своей земле? Ваш отец загнал грядущий пожар под ковер и пытался топтаться по нему сапогами — но однажды бы сгорел сам, и все, что он сделал, тоже бы сгорело. Один за одним феодалы отпадали бы от Тимлейна, объявляли о вольностях, предавались чужеземным владыкам. Так уже произошло в Бритере, когда сорок лет назад таны свергли там своего короля и предпочли жить по своему разумению. Так происходит сейчас в Гарланде и Астории. По всему свету. Мы живем в смутное время, и этому времени не нужны слабые короли. Брайан Ретвальд не был нужен никому. И этот мальчик рядом с вами — никому не нужен. В отличие от меня. Потому что я подарю Иберлену будущее, а все несогласные со мной — покорятся мне или падут. Что предпочтете, герцог? — Гледерик прищурился. — Дайте угадаю. Надеюсь, вы не желаете как-нибудь плохо кончить?

Артур согласно кивнул:

— Вы правы, мастер Гледерик. Ни в малейшей степени не желаю. Именно поэтому я и не намерен иметь с вами никакого дела. Вы недавно сочли возможным упомянуть, что не любите воров. Тогда мне не понять, как вы терпите самого себя.

— Легко терплю, — ответил Гледерик с улыбкой. — Не жалуясь. Дорогой мой дальний родич... а мы с тобой родичи, насколько я знаю... Скажи пожалуйста, хорошее ли образование дал тебе отец?

— Мой отец успел научить меня главному, — сказал Артур угрюмо. — Быть рыцарем.

— Что ж, значит, образование все же было плохое. Позволь прочитать тебе небольшую лекцию по истории, мой друг. Мой и твой род пребывали в союзе, объединенные дружбой и семейными узами, ровно тысячу лет. Тысяча лет, мой юный герцог. Надеюсь, ты в силах представить себе подобный срок. — Узурпатор склонил голову к плечу, на птичий манер. — Тысяча лет, — повторил он вновь. — Десять веков. Тридцать человеческих поколений. Достаточно, чтобы мир изменился до неузнаваемости. Чтоб порвались и перепутались все связи. Чтобы сначала сделать историю, а потом забыть ее, а потом сделать снова... За

тысячу лет мир невероятно изменился, — от Гледерика повеяло такой древностью, будто он и в самом деле видел все те десять веков, про которые рассуждал, — но некоторые вещи остались неизменными. Мой дом, например. И твой дом, — он неожиданно перешел на "ты". — Эту часть древней истории ты должен знать. С самого начала Карданы и Айтверны были вместе. Раньше, чем пришли другие, пожелавшие разделить нашу славу. Все было потом. Это потом Эрдеры возвели стены Шоненгема. Это потом Тарвелы получили за верную службу Стеренхорд. Это потом Коллинсы захватили Дейревер. А в начале... в начале были два человека, один рожденный смертным и другой, ставший смертным по собственному выбору... на холме Дрейведен, на закате дня, над битвой, утонувшей в собственной крови... два человека против повелителя тьмы. О них пели менестрели, складывались легенды, о них говорится в хрониках. Герои. Основатели Иберлена. Спасители рода человеческого. И один из этих героев преклонил колено перед другим, признав равного себе — государем. Айтверны стали опорой моего престола, вернейшими слугами прежних королей. Неужели ты пойдешь против них, Артур? Против поколений своих предков? Против тысячи лет верности? — Гледерик знал, куда бить, и бил от души. — Ты назвал меня вором, Артур, но ты ошибаешься. Я возвращаю то, что у меня отняли, а не посягаю на чужое. Ты вообще знаешь, кто я, откуда пришел? Я родился в Элевсине. Слышал про такую? Или землеописание у вас тоже не в почете?

— Королевство на востоке, у Винного моря. Вы переоцениваете степень моего невежества, мастер Гледерик.

— Ну хоть что-то я переоцениваю. Тогда слушай. Прадедом моего отца был Гейрт Райгернский, младший брат Элarta Кардана. Герцог Райгернский умер раньше, чем Эларт, еще до начала войны с Тарагон, и законных наследников не оставил... Зато оставил незаконных. Да, я потомок бастарда. Тебя ведь не противно говорить с потомком бастарда? Мне вот все равно, был ли мой пращур рожден в законном браке или вне его. Я последний из Карданов, и более законных наследников у моего дома все равно нет. Гейрт Кардан нажил себе сына, когда странствовал по восточным землям. Он соблазнил некую леди Мирелу, жену барона Ретвара. Барон Ретвар вызвал чужеземного принца на дуэль. Барон грозился, что повесит на дверях своего особняка отсеченную кисть Кардана, пусть прохожие любуются и побаиваются. Не получилось. Гейрт Кардан хорошо владел мечом, и разрубил барона на два здоровенных куска. После этого купил Миреле дом в элевсинской столице и провел с нею около полугода. Потом то ли мои предки разругались, то ли лорд Гейрт попросту рассудил, что пора навестить родину. Он уехал, оставив любовницу совсем одну, не зная, что она ждет от него ребенка. Вскоре по приезду в Иберлен принц был убит подосланными наемниками, и я даже не знаю, по чьему приказу. Хронисты времен Бердарета Ретвальда валили все на тарагонцев. Как бы там ни было, леди Мирела осталась с богатым домом, но без мужа, опороченная в глазах общества как брошенная любовница иноземного принца и без всяких средств к существованию. Такова цена любви, лорд Айтверн! Бабка продала дом и уехала жить к кому-то из бедных родственников. Им хватило великодушия предоставить ей кров. И на том спасибо. Сын Гейрта, мой прадед Торбин, рос без отца. Леди Мирела даже не смогла дать сыну собственной фамилии. Незаконнорожденный, бастард, он не мог считаться дворянином. Когда вырос, то придумал себе родовое имя — Брейсвер. Такая фамилия ландскнехту в самый раз. Мне, правда, нравится. После совершеннолетия Торбин узнал от матери тайну своего происхождения, но так и не отправился на родину искать удачи. Слишком прочна была власть Бердарета-

Колдуна, и любого, кто явился бы в Тимлейн, заявляя свои права на корону, ждала бы скорая смерть. Подозреваю, утерянный престол всегда оставался для Торбина Брейсвера чем-то вроде мифа, и он не решался предъявлять на этот миф права. Как не решились на то его потомки, мои отец и дед. Они даже никак не могли доказать свое происхождение, ничем, кроме собственных слов.

— А вы — можете? — прямо спросил Айтверн.

Гледерик лишь широко улыбнулся:

— Разумеется, нет. Я, конечно, мог бы поклясться на Священном Писании, но зачем нам глупые позы? Все равно ты можешь мне верить, а можешь — не верить. Все упирается в твой выбор. Правда, поверить будет все же разумней. Потому что я не лгу. Я честен с тобой, Артур, до последнего слова. Это нечасто бывает, но для тебя я сделал исключение. Я хотел взять тебя в заложники, желая добиться от лорда Раймонда покорности. Я бы убил тебя, откажись он покориться. Собственной рукой, вот этой самой, не полагаясь на палача. И я убью тебя, если ты встанешь на моем пути. Но я не хочу, чтоб это случилось. Не хочу, чтоб ты становился мне врагом. Когда я стану королем, а я им уже стал, осталось лишь склонить непокорных, мне понадобятся верные вассалы. Где их взять? Коллинс — хорош, но совсем старик, от его детей никакого проку, ну а Джейкоб Эрдер... спору нет, дерется он хорошо, но от его заунывной манерности у меня скулы сводит. И он не тот человек, которому с радостью можно доверить свой тыл. Ты мне нужен, друг. Ты и твои войска. Я не хочу войны, Артур. Я пришел править людьми, а не могилами, не заставляй меня умножать число могил. Присоединись ко мне, признай своим господином. Обещаю, что не причиню зла никому из тех, кто придет вместе с тобой. В том числе и твоему принцу, с напряженным вниманием слушающему наш разговор. Гайвен Ретвальд получит достойное место при моем дворе и владения, которыми сможет распоряжаться по собственному усмотрению и передать детям. Скажем, я пожалую ему герцогство Райгерн, ныне пребывающее в королевском домене. Честный размен, ведь правда? Никто не обязывает меня быть милосердным к потомку человека, шантажом выкупившего себе Серебряный Престол. Но я милосерден. Я правда не хочу войны. Ну же, Артур, соглашайся. Достаточно одного твоего слова — и тысячи людей, обреченные погибнуть в нашем споре, останутся живы. Что скажешь? Разве тебе не хочется одним махом спасти тысячи?

Гледерик замолчал, ожидая ответа. Артур подумал — как бы повел себя он сам, если бы враги захватили Малерионский замок и присвоили себе? Попытался бы отобрать, конечно. Малерионом может владеть лишь он сам, его законный хозяин, и никто больше. Артур сделал бы все, чтоб вернуть родовые владения. Он бы лгал, предавал и убивал ради этого, возникни нужда, и ничуть бы не тяготился совершаемыми злодеяниями. И, раз оно так, имеет ли он право осуждать Гледерика?

Странное дело, но в воздухе будто слегка похолодало. То ли солнце стало меньше припекать, во что верилось с трудом, то ли просто ударил озноб. Артур поежился. Его пальцы машинально расчесывали конскую гриву, отделяя друг от друга белоснежные пряди. Молодой герцог подумал о рыцарях эскорта, сопровождавших его в пути и сейчас ожидающих на заставе. Интересно, как они там? Капитан Фаллен прямо-таки рвался в битву, ожидал начала драки в любой момент. Точил меч на каждом привале. На беднягу жалко было смотреть, когда он окончательно уяснил — драки не будет. Не сегодня. А будет ли вообще? Будет, тут и думать нечего.

Кардан никак не пытался поторопить Артура — он был терпелив, этот король,

считающий себя законным. Гайвен тоже не проронил ни слова.

— Орсон Уилан, — сказал Айтверн.

— Прошу прощения? — Гледерик Кардан впервые выказал нечто, смахивающее на удивление.

— Орсон Уилан, — повторил герцог. — Приближенный моего отца. Капитан его гвардии. Здоровенный такой мужик с русой бородой и шрамом на виске, под правой бровью. Сэр Уилан находился в Тимлейнском замке, когда вы пошли на приступ. Что с ним случилось?

— Боюсь, я не знаю, — Кардан нацепил на лицо легкое сожаление. Месяц назад, наверно, Артур поверил бы, что узурпатор и впрямь испытывает некую досаду — но за последний месяц утекло слишком много воды. — В бою погибло много воинов и с вашей стороны, и с моей... Я не могу назвать всех по именам.

— Вы видели капитана Уилана. Он сопровождал отца и меня на той памятной ночной встрече.

— Ах, вот вы о ком... Теперь понял. Я не знаю, что с ним случилось. Должно быть, погиб при штурме.

— Хорошо, — бесстрастно сказал Артур. — А как насчет сержанта Кремсона? Сержанта Донована? Сержанта Торберса?

— Если это все люди твоего отца...

— Это люди моего отца, пребывавшие в столице на момент переворота, — подтвердил Айтверн все таким же лишенным эмоций голосом. — Вам известна их судьба?

— Боюсь тебя огорчить, но нет. Мне очень...

— Жаль? Разумеется, — Артур кивнул. Вуаль равнодушия вдруг разбилась, разлетелась на осколки, и Айтверна захлестнуло пьянящее веселье. — Ладно, пойдем дальше, — сказал он. — Что вы можете сказать о лейтенанте Эдвардсе? Служил в королевской гвардии. Сэр Малькольм Эдвардс. Лет сорока, седой как лунь, потерял левую руку при Портерер-Харлс. Как у него сейчас дела? Жив, надеюсь? Что, не в курсе? Какая досада. А Фрэнки Байерс? Главный королевский конюший. Лошадкам у него живется, как в раю. А Мэри Пэлтон, встречали вы Мэри Пэлтон? Веселая девчонка, служит в вашем, как вы утверждаете, замке горничной. Веснушки на обе щеки, серые глаза и улыбка, такая белозубая, что ею можно по ночам освещать город. Опять качаете головой? Отвратительный из вас король, Гледерик. И еще смеете на что-то претендовать?

Артур любил позлить врагов, не говоря им ни капли лжи и не оскорбляя — просто бросал правду в лицо, а потом любовался, как они запляшут от услышанной правды, подобно чертям на сковороде. И выкажи Гледерик на сей раз хоть тень злости, раздражения или растерянности — это бы доставило Айтверну мало с чем на свете сравнимое наслаждение. Чужая ненависть иной раз дороже золота, слаще вина и женских объятий. Но Кардан всего лишь легкомысленно улыбнулся, в который уже раз за их беседу:

— Может, и не смею. Но ведь претендую же, правда? И что мне может помешать претендовать в дальнейшем? Читаемые тобой морали? Умоляю, не смеши. Твой отец был храбрым и благородным человеком, однако он лежит в той же могиле, в которой лежит и отец этого мальчика, которого ты с собой приволок. А я сижу верхом на коне, и держусь в седле получше, чем мои враги. У моего жеребца хорошие подковы на копытах, и эти копыта переломают кости всем, кто посмеет выступить против меня. Не тебе судить, какой из меня король.

— Нет, милостивый государь, вы ошибаетесь, — перебил его Айтверн. — Мне и никому

другому! Потому что кто, если не я? Ваши доводы, Гледерик Кардан, выслушаны, измерены и взвешены. И признаны никчемными. Между нами не будет мира, и я не собираюсь признавать ваши притязания. Вы красноречивы. Вот только я не верю, что вас интересует на самом деле хоть что-либо, помимо власти. Извольте катиться к дьяволу, сэра.

Гледерик запрокинул голову и от души расхохотался:

— А у тебя, мальчик, хорошо получается пытаться меня пристыдить. Не знаю, какой из тебя герцог, но менестрель выйдет — в самый раз. Когда я разобью твоих клоунов, то могу даже сохранить тебе жизнь. И сделать придворным бардом. Будешь развлекать меня старинными легендами про всяческую доблесть. Эй, змеиное отродье... Ты, вроде бы, хотел войны? Ты ее получишь, а когда она закончится — я надену на тебя шутовской колпак.

— Нет, — вдруг раздался очень спокойный голос Гайвена Ретвальда. — Никакой войны не будет.

От неожиданности Артур вцепился в поводья. Он обернулся, посмотрел на принца, так внезапно нарушившего свое молчание. Гайвен уверенно сидел в седле, выпрямив спину и разведя плечи, глядя узурпатору прямо в глаза. Айтверн заметил единственную каплю пота, проступившую у принца на лбу.

— Никакой войны не будет, — повторил Ретвальд. Его голос зазвенел, готовый в любую секунду порваться. Губы и то сделались мертвенно белыми. — Господин Кардан, я не намерен скрываться от судьбы. И не хочу, чтобы из-за меня гибли невинные. И не хочу, чтоб невинные гибли из-за вас. Вы говорите... вы говорите... — голос Гайвена наконец дрогнул, но мгновением спустя принц овладел собой, — вы говорите, будто этот трон — ваш. Может быть, не знаю, кто тут уже разберется. Я вызываю вас на дуэль — пусть наш спор решат клинки. Победитель взойдет на иберленский престол.

— Гайвен! Да ты с ума сошел! — крикнул Артур.

Сын короля Брайана довольно ловко соскочил с коня, расстегнул стягивающую воротник серебряную заколку и позволил черному плащу упасть на землю. Медленно, очень медленно стянул перчатки, смял их и сунул в карманы брюк.

— Герцог Айтверн, — принц даже не смотрел в его сторону, — вы ошибаетесь, если желаете обвинить меня в безумии. Я ничуть не сошел с ума. И я прошу вас не вмешиваться ни во что. Сойтись с этим человеком в поединке — мое решение, и не советую мне препятствовать в его осуществлении.

Айтверн спешил и схватил Ретвальда за рукав.

— Остановись, — прошипел он. — Ни шагу вперед. Он же тебя убьет, как ты не понимаешь? Прекрати немедленно эту дурь. Сейчас ты вежливо сообщишь Кардану, что погорячился, и мы отсюда уедем.

Гайвен рывком освободил руку:

— Ты не имеешь права мне приказывать.

— Зато имею возможность тебе помешать.

— Правда? — голос Ретвальда упал до шепота. — Как же ты будешь мне мешать, Артур? Ты заберешь у меня шпагу? Свяжешь руки? Ударить по голове? Не смей. Я — твой сюзерен. Ты не можешь идти против своего сюзерена.

— Ах ты ублюдок, — прорычал Айтверн, не помня себя от ярости.

— Законный сын, — поправил его Гайвен. — Ты меня, кажется, перепутал с Гледериком. Стой смирно и ни во что не вмешивайся. Засвидетельствуешь потом, что поединок прошел по всем правилам. — Не дожидаясь ответа, принц отвернулся и сделал шаг

в сторону узурпатора. Айтверну отчаянно захотелось его остановить, но он сдержался.

— Надеюсь, вы там уже что-то решили? — осведомился Гледерик слегка недовольно. — Или мне до конца века стоять и слушать, как вы пререкаетесь?

— До конца века не придется, — ответил Гайвен холодно. — Доставайте меч, лорд Кардан. Мы сразимся.

— Что ж, это я с радостью, — Гледерик одним текучим, плавным движением соскользнул с коня, в мгновение ока его окованные железом сапоги коснулись земли. Кардан скинул плащ и стянул с себя кольчугу, отбросив ее прочь. После этого он расшнуровал ворот куртки, обнажив грудь. — Вы сами помогаете мне одержать победу, не тратя на то ни малейших усилий, — заметил Кардан, извлекая свое оружие из ножен. То был длинный клинок из серебристого металла, с широким, но сужающимся к концу лезвием, и крестовиной, сделанной в форме распростертых соколиных крыльев. — Поставлю вам потом памятное изваяние, непременно, — пробормотал Гледерик, делая шаг вперед. — Бьемся как, до крови или до смерти? — уточнил он. — Можно и до крови, мое предложение отдать вам Райгерн остается в силе. Если проиграете, конечно. А если вдруг победите... ну, тут уж поступайте как знаете. Можете меня и убить, не обижусь.

Гайвен ответил далеко не сразу.

— Мы бьемся до смерти, — наконец решил он.

— Мне уже страшно от вашей храбрости, — бросил Гледерик. — Ладно, вам же хуже.

Вместо ответа Ретвальд обнажил шпагу. Изящное оружие, с чуть более длинным клинком, чем у Гледерика, но значительно более легкое. Таким дерутся на дуэли, когда нет надобности в тяжелых доспехах, а значение имеют лишь мастерство и ловкость. Вот только Гайвен никогда прежде не дрался на дуэлях. Это его первый бой. Боже, смилуйся над нами...

Наследник Ретвальдов взмахнул шпагой, проверяя ее баланс. Солнце сверкнуло на украшавших эфес аметистах. Принц повел плечами и напряг колени, принимая наступательную стойку. Выполнил он ее довольно неплохо, следовало отметить — Данкан Тарвел, во всяком случае, едва ли бы оказался им недоволен. Гайвен медленно пошел на сближение. Черт побери, неужели этот недоумок собрался атаковать?! Противника, о мастерстве которого он ровным счетом ничего не знает?! В бою, чей исход предрешит судьбу всей страны? Артур с неожиданной болью понял, что с самого начала правильно оценил Гайвена. Из этого идиота, даже если он сегодня останется в живых, никогда не получится пристойный король. Почему-то заболело сердце.

Гледерик, кажется, тоже сообразил, в чем дело. Узурпатор ухмыльнулся еще шире, чем обычно, и задрал подбородок.

Когда противников разделяло совсем ничего, Гайвен вдруг резко сменил стойку. Одним махом он перешел в глухую оборонительную позицию, оставив далеко назад левую ногу, вынеся вперед правую и легким поворотом кисти подняв шпагу острием к небу. Позиция была выполнена идеально, совсем как на иллюстрациях к учебнику по фехтованию, зачитанному Артуром до дыр в отрочестве.

— Что это с вами? — осведомился Гледерик. — Испугались?

Гайвен промолчал.

Случилась заминка — секунд двадцать противники стояли друг против друга, не предпринимая никаких попыток начать бой и обратившись в недвижимые статуи. Гайвен ждал, пока Кардан нанесет первый удар, а чего ждал Кардан, Артур сказать не мог. Очевидно, того же самого. Наверно, он надеялся, что у принца не выдержат нервы, и тот все-

таки кинется в необдуманную, самоубийственную атаку. Но Гайвен даже не шелохнулся.

Первым не выдержал Кардан. А может, просто решил, что дальше тянуть бессмысленно, и следует самому нырять в пруд, а не ждать, пока рыба клюнет приманку. Он вскинул меч вертикально вверх, к плечу, запрокинул его за спину — и тут же отправил назад, по уже отработанной траектории, целя Гайвену в плечо — для этого узурпатору пришлось приблизиться к противнику на пол-шага. Принц вскинул шпагу навстречу падающему на него мечу, сталь ударилась о сталь с неприятным режущим лязгом. Гайвен отвел выпад, и, не соблазнившись возможностью нанести свой удар, вновь вернулся в исходное положение.

— Все же испугались, — резюмировал Кардан, до боли напомнив в этот момент Александра Гальса. Казалось бы, ничего общего — загорелое лицо вместо мертвенно-бледного, зеленые глаза вместо серых, потертое и даже кое-где залатанное коричневое дорожное платье вместо элегантного черного костюма, изысканного в своей простоте. Змеиная улыбка вместо нечеловеческого равнодушия. И все же они были похожи, как горошины из одного стручка. И вели одну и ту же игру. В свое время Артуру удалось выскользнуть из расставленных Гальсом сетей, не поддаться на его уловки — а сможет ли сделать то же самое его сюзерен? Кровь у Гайвена холодней, спору нет — но сильнее ли воля и тверже ли рука?

— Никогда не упускайте своего шанса, — продолжал Кардан, пристально изучая противника. — Сделай вы сейчас выпад — вдруг бы смогли меня зацепить? Никогда не оставайтесь на обочине, юный Ретвальд. Мои отец и дед всю жизнь просидели в придорожной канаве, и померли в неизвестности. — Гледерик атаковал, обозначив укол в промежность. Артур выругался — такие фокусы не просто запрещались всеми существующими дуэльными кодексами, они считались несовместимыми с дворянской честью. К счастью, Гайвен сумел отвести удар — он принял вражеский клинок на защитную чашечку рукоятки шпаги. Кардан тут же шагнул в сторону и, наращивая темп, попробовал ударить в бок. Ретвальд развернулся вслед за ним, парировал, попятился, отразил атаку в грудь. Снова развернулся, когда Гледерик попытался было переместиться ему за спину, гардой отбил очередной тычок. Еще раз отступил, закрылся, разгадал финт, крутанулся, уходя от направленного в плечо выпада. Отвел вражеский меч, когда тот едва не отсек ему неосторожно выставленную левую руку, перегруппировался, сменил позицию на более удобную.

Айтверн мог лишь аплодировать успехам своего бедового господина. Молодой герцог признал, что сильно недооценивал Ретвальда. Как оказалось, тот владел оружием вполне недурно — недостаточно сильный и крепкий, Гайвен спасался тем не менее быстротой реакции. А еще он не впал в панику, что оказалось важнее всего. Впрочем, Артур, вынужденный довольствоваться ролью безучастного наблюдателя, заключил, что положение Ретвальда вовсе не так уж безоблачно, как хотелось бы надеяться. Катастрофический недостаток опыта давал о себе знать. Временами Гайвен немного запаздывал с отражениями вражеских ударов — совсем чуть-чуть, на малую долю секунды, но и этого хватало чтобы понять — необходимые для выживания боевые навыки во многом воспринимались им еще рассудочно, не отпечатались намертво в плоть и кость.

Овладевшее Артуром воодушевление постепенно начинало сменяться тревогой. Гледерик скакал вокруг Ретвальда по кругу, пробуя его оборону то здесь, то там. Принц честно отбивал сыпавшиеся на него со всех сторон удары, но сам почти не проявлял инициативы. То, что в начале поединка являлось необходимой предосторожностью, сейчас

превращалось в игру на поражение. Несколько раз Гайвен все же попробовал контратаковать, но неудачно и ничего тем не добившись — Кардан уклонился от его ударов с непристойной легкостью. К тому же, Ретвальд явно начинал уставать, его молодые годы и малый опыт давали о себе знать. Что же до Гледерика, тот даже не запыхался. Потомок старых королей оказался очень неплохим фехтовальщиком — он уступал Александру Гальсу или лорду Раймонду, но все равно внушал уважение. Артур даже не знал, смог бы он сам победить такого врага. Пожалуй бы, смог. Но Гайвен...

А лицо Гайвена, когда тот отражал очередную веерную атаку, исказилось болезненной гримасой. Принц явно держался из последних сил.

Удары Гледерика сыпались, как град, они сделались еще более частыми и жесткими. Ретвальд отражал их, тяжело дыша, все лицо ему заливал пот, который совсем не было времени утереть. Пару раз он даже вскрикнул — не от страха, от напряжения, требовавшего себе выхода. Потом сжал побелевшие губы и отбивался молча. Его пальцы судорожно вцепились в эфес, будто срослись с ним воедино, волосы прилипли ко лбу.

Наконец удача отвернулась от Гайвена. Он как раз увернулся от очередного удара, нацеленного под ребра, и попробовал атаковать сам, когда Гледерик зацепил его клинок изгибом крестовины и потянул на себя. Ретвальд выпустил эфес, пошатнулся, запутался в траве и грохнулся оземь. Ему хватило ума откатиться прочь, но тут Гледерик бросился за ним, собираясь добить поверженного врага. Как раз тогда в дело и вмешался Артур. Он подбежал к месту схватки и блокировал выпад, предназначавшийся Гайвену и долженствующий стать смертельным. Мечи скрестились.

— Вмешиваетесь в ход поединка, герцог? — глаза Гледерика бешено сверкнули. — Нехорошо!

— Я защищаю моего короля. Прочь с дороги!

Но Кардан, разумеется, и не подумал отступить. Он выругался и увеличил нажим на клинок Артура. Айтверн напрягся — и все же оттолкнул противника. Тот широко расставил ноги, удержав равновесие, и закрылся клинком во фронтальной плоскости. Артур рассек воздух перед Карданом, и тоже замер, готовый в любой момент кинуться в бой. За спиной глухо простонал Гайвен.

— Может, все же дашь мне окончить бой? — полюбопытствовал Гледерик, сплевывая на землю. — Я понимаю, задеты твои верноподданнические чувства и все такое прочее... Но мы с господином Ретвальдом не уладили один вопрос.

Артур ответил не сразу. Сначала он прикинул, стоит ли продолжать схватку, следует ли попытаться прикончить сейчас Кардана. Казалось и в самом деле очень заманчивым завершить войну единственным росчерком стали — но Айтверн осознал, что не до конца уверен в успехе. Все-таки, Гледерик был хорош. Очень хорош.

— И не уладите, — бросил Артур. — Я объявляю поединок завершенным.

— По какому это основанию, позволь спросить?

— Я не нуждаюсь ни в каких основаниях. Уезжайте, Гледерик Кардан. Убирайтесь — если, разумеется, вам жизнь дорога.

— Это сейчас была угроза, я ничего не попутал?

— Она самая. Вы же не хотите прямо сейчас увидеть все поколения своих коронованных предков сразу?

— А ты, кажется, очень хорошего мнения о своих воинских навыках — или просто намекаешь, что вы нападете на меня оба? Не хочу проверять, — Гледерик попятился, пока не

уперся спиной в своего коня, опустившего голову узурпатору на плечо. Тогда Кардан не глядя вложил меч в ножны и взлетел в седло. Тронул поводья. Уже поворачивая коня, Гледерик бросил через плечо. — Только учти, Артур. Ты еще пожалеешь, что не убил меня сегодня. Я бы на твоём месте не колебался, и покончил с делом сразу.

Артур и сам понимал, что, возможно, допускает непоправимую ошибку. Но он никак не мог рисковать. Если он победит Гледерика — хорошо, ну а если нет? В таком случае Гайвену Ретвальду не жить, Гледерик убьёт его, а Айтверн спасал принцу жизнь отнюдь не затем, чтоб тут же его угробить. Поэтому Артур предпочел промолчать, несмотря на то, что ему очень хотелось окликнуть Кардана и предложить ему сразиться с собой. Совсем как тогда, с Александром. Но поступать так, как тогда, Артур уже не мог. Все, что он мог — проводить взглядом уезжающего врага, испытывая при этом диковинную смесь досады, печали и облегчения.

За спиной вновь раздался сдавленный стон, сменившийся неразборчивым бормотанием. Айтверн развернулся, глядя на принца Гайвена, кое-как поднявшегося на ноги и теперь отряхивающего испачкавшееся при падении дорожное платье. Выглядел Ретвальд до невозможности нелепо, и похоже сам не до конца соображал, на каком он свете. Принц наклонился и подобрал оброненную шпагу.

— Как же голова болит... — Гайвен схватился за виски. Его блуждающий, пьяный взгляд остановился на Артуре. — Послушай... Спасибо, — наконец выдохнул он. — Я думал, мне конец.

Айтверн вложил меч в ножны и сделал шаг навстречу Ретвальду.

— Спасибо, — повторил тот нетвердым голосом. — Ты меня спас... Но, черт побери, как же он ловок... Я едва не пропал. Если б не ты, валяться бы мне сейчас бездыханным.

"Благодарю тебя, отец, — подумал Артур, вспоминая точеные надменные черты лорда Раймонда, — однажды ты преподавал мне отличный урок". И подумав это, Айтверн размахнулся и со всей силы ударил Гайвена Ретвальда в челюсть. Артур бил левой рукой, потому что удары правой получались у него лучше.

Гайвен охнул и, как подкошенный, повалился на землю. Артур безучастно смотрел на скорчившегося у его ног принца, потирая костяшки пальцев, и вспоминал, как сам валялся на полу в отцовском кабинете. "Удивительная штука жизнь — мы постоянно играем в одном и том же спектакле, но разные роли".

Когда Гайвен снова встал, на его губах пузырилась кровь.

— Ты не имеешь права жертвовать своей жизнью, — сообщил ему Артур, протягивая кружевной платок с вышитым на нем драконом. Гайвен вытер себе лицо, не говоря ни слова и не сводя с Айтверна помертвевшего взгляда. — Если хочешь стать королем, — продолжал Айтверн, — изволь запомнить одну вещь. Ты не имеешь права поступать так, как хочешь. Ты можешь поступать так, как должен, и больше никак. — Артур стряхнул с плеча Гайвена приставшую травинку. — И больше никак, — повторил он. — Я сам, к сожалению, понял это слишком поздно. Или почти поздно. Ничего ведь еще не закончено, правда?

Ретвальд порывался что-то сказать, но прикусил язык и коротко кивнул. "Хотелось бы верить, что наука пойдет ему впрок, — подумал Артур. — Ваше высочество, или я выбью из вас всю дурь до конца, попутно переломав половину костей, или вы сами себя погубите. Третьего не дано. А поскольку допускать вашей гибели я не намерен, придется забыть о жалости. Меня всю жизнь жалели, и в итоге я чуть не свернул себе шею. Зато ваша останется целой, обещаю".

Айтверн отвернулся, глядя на восток. Гледерик уже скрылся с глаз, наверно, доехал до своего лагеря. И наверняка встретил там теплый прием — людей, радующихся возвращению своего господина. Артур вспомнил, с каким жаром Александр Гальс рассказывал о наследнике Карданов, как перевозносил его достоинства. И правда, Гледерик оказался человеком, за которым легко пойти в бой. Победить его будет совсем непросто. Хорошо было бы и в самом деле покончить со всем единственным ударом, но не удалось. Теперь все, что им осталось — идти окольной дорогой.

— Поехали обратно, — сказал Артур устало. — Кажется, у нас впереди война. Интересно, спустя тысячу лет ей придумают какое-нибудь красивое название? Война Смутных Лет, Война Пламени... Как назовут нашу?

— Надеюсь, не войной трех остолопов, — пробормотал Гайвен, садясь в седло. — Пора выступать на Тимлейн. Я ни за что не уступлю этому человеку мой трон.

— Странно... Еще вчера ты не был столь уверен на этот счет.

— Вчера не был, — пожал плечами принц, — а теперь уверен. Возможно, мне впервые захотелось не читать историю, а творить ее самому. В Иберлене уже был Король-Чародей — а теперь, возможно, будет Король-Книгочей.

Глава четырнадцатая

Придворный живописец облачил Бердарета Ретвальда в роскошный темно-синий камзол и накинул ему на плечи черную с серебром мантию. Чахоточно бледный волшебник, держащий в руках тяжеленную инкунабулу с украшенной изумрудами обложкой, смотрел куда-то поверх головы возможного наблюдателя, скорчив самую высокомерную мину из всех возможных. С портрета так и разлило патрицианской надменностью — на пять миль во все стороны. Встреть Гледерик Брейсвер подобного типчика на торной дороге, непременно бы шмыгнул в кусты. А то беды не оберешься — вдруг подобное чванство заразно.

Однако этот безродный проходимец, больше всего напоминающий безумного книжника, заставил иберленскую знать плясать под свою дудку, и заставил на совесть. И сделал он это отнюдь не волшебством и даже не посулами пополам с угрозами, а неплохим пониманием людской натуры и острым умом. Конечно, не обошлось и без толковых советников, того же Радлера Айтверна, на первых порах не дававшего Ретвальду свернуть себе шею среди тимлейнских интриг. Но советники советниками, а правитель из него вышел вполне достойный. И когда единственный сын Бердарета, Артебальд Ретвальд, взошел на престол, никто и не вспомнил, что основатель новой династии был голодранцем и почти что нечистью.

Гледерик сожалел, что чужеземный волшебник умер задолго до его рождения. С ним, захававшим чужое королевство, Гледерик расправился бы с наслаждением, но придется расправляться не с ним, а с его далеким потомком, имеющим лишь самое косвенное отношение к той давней истории. Положа руку на сердце, Гайвен Ретвальд не вызывал у Брейсвера неприязни — напротив, даже в чем-то пришелся ему по душе. Гайвен, в первую очередь, мало походил на своего отца. Брайан, по единственному короткому разговору, показался Гледерику дураком — напыщенным, самовлюбленным, полным напускного

высокомерия. Наследник же его определенно дураком не был, как не был, вопреки молве, и растяпой. Гайвен производил, быть может, менее воинственное впечатление, нежели прочие иберленские вельможи, зато оказался способен проявить определенную твердость и пойти на риск. А ведь он мог бы и одержать в поединке верх, пожалуй. Вполне мог, окажись Гледерик беспечней. Для шестнадцатилетнего молокососа Ретвальд отчаянно хорошо фехтовал — видимо, данные ему лучшими инструкторами королевства уроки не прошли даром. И с какой это радости Эрдер брехал, будто его высочество дофин — ничего толком не умеющий сопляк?

А еще у Гайвена Ретвальда был Артур Айтверн, и это делало задачу еще сложнее. Брейсвер вспомнил повелителя Западных берегов, с его полным внутренних бесов взглядом. Этот мальчишка тоже мало походил на своего отца. Лорд Раймонд показал себя человеком жестоким, непреклонным, упрямым — но все-таки, кажется, мыслящим ясно и четко. Он принял смерть, сражаясь за сюзерена, которому верно служил прежде много лет, и принял эту смерть достойно. Артур Айтверн, вроде бы, во всем продолжал дело своего отца — и все же таилась в его поведении какая-то неправильность. Этот юноша был одержим гордыней и принципами, и хотя он верил, что сражается за правое дело — порой в его речах и голосе отчетливо прорывался привкус безумия. Казалось, молодого Айтверна радует надвигающаяся война, и он готов сражаться лишь потому, что к этому призывает горящий в его сердце драконий огонь. Так, во всяком случае, показалось Брейсверу, раздосадованному исходом переговоров. То, что у сэра Раймонда выглядело принципиальностью, в исполнении сэра Артура отдавало фанатизмом.

Гледерик много слышал об Айтвернах раньше. Самый знатный из великих домов Иберлена. Воины, не знающие ни упрёка, ни страха. Герои. Айтверны стали для него чем-то вроде легенды — а теперь он столкнулся с этой живой легендой воочию, и не знал, что сказать. Сын лорда Раймонда отличался самоуверенностью и дерзостью, и это немного пугало. И одновременно — вызывало, почему-то, приязнь. Артур, в отличие от многих прочих влиятельных лордов, ни в чем не кривил душой и не скрывал своих помыслов. Он был опасным безумцем — но безумцем, по крайней мере, честным. Гледерику это нравилось. В любом случае он понимал, что должен найти способ склонить Артура на свою сторону. Настолько могущественный вельможа, прямо или косвенно распоряжающийся почти четвертью королевства, обязан принести присягу верности престолу, иначе Иберлен окажется расколот на части и сгорит в пламени раздора.

Жаль, что погиб Александр. Действительно жаль. С Александром все было бы совсем по-другому. "Проклятье, граф Гальс, я хотел спасти вас от позора и смерти, а оказалось — не спас, а убил. Нехорошо получилось".

Гледерик Брейсвер саданул кулаком по дубовому столу и отвернулся, глядя в окно на крепостной двор, освещенный заходящим солнцем. Там царило удивительное спокойствие, все воины либо пьянствовали в специально открытых им залах цитадели, либо кутили в городе. Пиво, девки, кости, карты и драка. Что еще требуется уважающему себя солдату для счастья?

Гледерик и сам несколько лет прослужил наемником, в некоторых отдаленных землях. Он знал — когда ходишь под смертью, невольно начинаешь дорожить каждым весело прожитым днем. Так что пусть сегодня солдаты повеселятся, они заслужили. Завтра отосплются, а послезавтра выступят в поход. Армия выйдет из Тимлейна и встретит войска Айтверна на рубежах королевских владений. Эрдер предлагал выступить прямо сегодня,

сразу, как Гледерик приехал с переговоров, но Брейсвер пропустил его слова мимо ушей. Айтверн раньше времени к их воротам не явится, сроки не поджимают, можно и позволить солдатам развлечься.

Гледерик примчался в Тимлейн еще до полудня, оставив за спиной два дня почти беспрестанной скачки, и валился с ног от усталости, однако минутку для отдыха выкроил лишь сейчас, под вечер. Слишком многое пришлось сделать перед этим. Стольких выслушать, о стольком распорядиться. Из ратуши докладывали, что резать и душить в стольном городе за последнюю неделю стали чуть меньше. Городская стража не зря вылазила из кожи вон, охотясь за преступным сбродом. Правда, пришлось увеличить ее же, стражи, жалование аж на треть, дабы стражи порядка в наступившей суматохе сами не сделались разбойниками. Хорошо, что от Брайана досталась набитая золотом казна, и плохо, что даже у нее когда-нибудь покажется дно. Купцы заламывали руки, упрашивая поскорее разгромить не признавших Кардана дворян — а то смута может дурно отразиться на делах. Гледерик прикинул, не запретить ли торговлю с западными герцогствами, но решил, что никакие запреты никого не остановят, а вот доверия к престолу от них убавится.

Отец Гледерика работал управляющим у одного средней руки купчины, и всю жизнь занимался похожими делами. С меньшим размахом, конечно, но суть от того не менялась. Получается, быть королем — это всего-навсего быть купеческим управляющим, и ничего больше. Хорошо, что в отрочестве, прежде чем сбежать из дома, Гледерик часто посиживал с отцом, помогая ему по работе — успел нахвататься в ту пору кое-каких премудростей. Интересно, а этот сукин кот, Брайан Ретвальд, утруждал себя государственной рутинной, или просто подписывал составленные другими указы? Уже и не выяснишь, как ни бейся. Первым министром Иберлена числился тан Лайонс. Будучи вассалом дома Эрдеров, Лайонс однако остался сторонником Айтвернов, потому и попал после переворота в темницу. Впрочем, особой ценности в этом пленнике все равно не было. Являясь формальным главой Коронного совета, он, тем не менее, во всем полагался на решения Раймонда Айтверна.

Брейсвер стянул сапоги и положил ноги прямо на письменный стол, на стопку докладов, которые перед тем читал. Кресло было на редкость уютным и мягким, и Гледерiku отчаянно захотелось вздремнуть. В конце концов, спать в кресле — куда лучше, нежели спать прямо на земле или в седле. Хуже, правда, чем в постели, но до постели еще требовалось добраться, а потомок Карданов совершенно не хотел сейчас никуда идти. Да и к тому же, если он уснет в кровати, то проснется не раньше, чем через сутки, а подобной роскоши Гледерик себе позволить не мог. Ему бы парочку часов отдохнуть, не больше того. А потом следует отыскать Дериварна, чтобы дать тому поручение. По-хорошему, обсудить с Томасом насущные дела требовалось уже сейчас, но Брейсвер не находил для этого ни малейших сил. Дела, между тем, поджимали.

Вся беда вышла с капитаном Грантэмом, командиром гальсовской дружины. Тот все последовавшие после отъезда Александра в Стеренхорд дни очень беспокоился о судьбе своего лорда. Ну еще бы — тот умчался в дипломатическую поездку и как в воду канул. Среди дружинников пополз шепоток, что их господин погиб. Гледерик, как мог, убеждал капитана Грантэма не дергаться. Успокаивал, что граф Гальс просто задержался в дороге. Но сегодня, узнав о смерти Александра, Грантэм объявил, что должен принести присягу младшему брату графа, как новому повелителю Юга. Шестнадцатилетнему юноше, ныне пребывающему в Элвингарде, фамильном замке Гальсов, и едва ли даже краем уха слышавшему о перевороте и смене династии.

Капитан заявил, что уводит дружину из города, и добавил, что если Виктор Гальс поддержит дом Карданов, то Грантэм охотно вернет солдат обратно — но не раньше того. Делать было нечего, и Гледерик позволил южанам покинуть Тимлейн. Не удерживать же их силой, тогда бы пролилась лишняя кровь.

Просто теперь придется склонить на свою сторону юного Виктора, вот и все. Брейсвер решил отправить в Элвингард Томаса Дериварна, тот, будучи двоюродным братом Гальса, должен уговорить кузена примкнуть к яблоневым знаменам. А если новый сеньор Элвингарда вдруг заупрямится и решит последовать за Гайвеном Ретвальдом... что маловероятно, учитывая, кто убил его брата... но если все-таки Гальс предпочтет Стеренхорд Тимлейну — в свите графа Дериварна найдется специально подготовленный человек с инструкциями от Гледерика, который аккуратно отправит юного Виктора в могилу, после чего титул, владения и войско перейдут все к тому же Дериварну, как ближайшему родственнику мужского пола. Разумеется, сам Томас ни в коем случае не узнает о такой подстраховке. Все провернется гладко — тем или иным образом. Но для начала нужно найти Дериварна и сообщить тому о предстоящей поездке. Этим и займемся — завтра, после обеда. Сегодня спешить смысла никакого нет. Все равно граф Дериварн сейчас, наверно, валяется где-нибудь мертвецки пьяный под лавкой. Он, кажется, не дурак выпить.

В дверь кабинета постучали.

— Смелей входите! — крикнул Гледерик. — Я не запираюсь.

Дверь отворилась, и на пороге возникли Томас Дериварн и Роальд Холдейн.

— Вечер добрый, милорды, — промолвил Брейсвер, убирая ноги со стола и принимая чуть насмешливый вид. Он был удивлен. Только подумал о Дериварне — и вот тот уже здесь. Да еще какой-то трезвый на вид и серьезный. — Чем обязан чести принимать вас нынче? Я думал, вы с продажными девками развлекаетесь или пьете, а вы ко мне пожаловали.

Вельможи изобразили легкое недоумение. Они все никак не могли привыкнуть к подчас немного простецким манерам своего нового господина.

— Мы решили составить вам компанию, — сообщил Холдейн, склонив голову. Граф был облачен в темно-синий камзол с пышными рукавами, и бледностью напоминал покойного Гальса. Вышитый на груди фамильный белый олень угрожающе склонил рога, будто готовый ринуться в бой. — Нехорошо это, когда подданные веселятся, а король сидит в одиночестве.

Томас Дериварн решительно кивнул, соглашаясь со словами приятеля. Сегодня он был непривычно молчалив. Гледерик внезапно сделалось слегка тревожно.

— Значит, вы здесь, чтоб не оставлять своего короля, — сказал он. — Ну, что тут можно сказать, спасибо. На Страшном Суде ваша верность вам явно зачтется, — Роальд ничуть не изменился в лице, но на Роальда Брейсвер практически не смотрел. Он смотрел на Дериварна, а тот чуть заметно сжал губы. — Кстати, надо бы вас чем-нибудь угостить, раз заглянули, — Брейсвер выскользнул из кресла и направился к бару, специально пройдя так близко от Холдейна, что едва не задел того плечом. Роальд не шелохнулся и не выказал никаких признаков волнения. Хватит уже трястись, приказал себе Брейсвер. Нет тут никакого подвоха, просто ребята пришли почесать языками с любимым королем.

Гледерик отворил дверцу шкафа и почтительно замер, созерцая занимавшую аж шесть полок коллекцию вин. Винный погреб прямо на дому, и не надо никуда спускаться... Правда, сам Брейсвер больше предпочитал пиво, а в благородном красном напитке

разбирался слабо.

Недолго думая, Гледерик схватил бутылку, на этикетке которой была намалевана обнаженная девица с рыжими волосами до пояса. Тоже мне, сказочная фея... Брейсвер хихикнул и достал с верхней полки три бокала и штопор.

— О! Милорд, да у вас отличный вкус, — заметил Томас Дериварн, когда Гледерик вернулся к столу со своей добычей.

— Нет у меня никакого вкуса. Просто взял, что под руку попало.

— Подумать только, — не слыша его, продолжал Дериварн, — вы поглядите, "Слезы солнца", сорокалетней выдержки... Из Астарики везли. Оно очень дорогое. Его купить, так это надо сначала целое поместье продать.

Брейсвер чуть не уронил бутылку на пол.

— Что, серьезно? Находятся идиоты, готовые продать целое поместье за какое-то паршивое вино?

— Граф Дериварн выразился метафорически, — пояснил Роальд Холдейн, поправляя воротник — душно ему, что ли? — На самом деле, разумеется, никто не станет продавать целое поместье ради бутылки вина, да и стоит оно все же чуть дешевле.

— Вы меня прямо-таки успокоили, в таком случае. — Гледерик задумчиво поглядел на до краев наполненный им бокал. — Если не ошибаюсь, теперь нужно произнести какой-нибудь умный тост. К черту тосты, давайте просто напьемся, — сказал он и опрокинул бокал до дна.

Расхваленное Дериварном вино не произвело на Гледерика никакого особенного впечатления. Впрочем, он вполне допускал, что просто ничего в этом не понимает.

Томас Дериварн рухнул на скамью напротив своего государя, а Роальд с многозначительным видом принялся кружить по комнате. Семья Холдейнов владела землями на востоке королевства и была связана ленной присягой с Коллинсами, герцогами Дейревера. Ничем особенным Холдейны в старину не выделялись, больших армий не собирали, у подножия трона не стояли и бунтовать тоже не шибко стремились. Совсем незаметные при Карданах, они набрали чуть-чуть больше значимости в последнее столетие, но даже и сейчас не входили в десятку наиболее влиятельных домов. Они и в Коронном совете сидели только благодаря протекции Коллинсов, обеспечивая поддержку своим сеньорам. Обычные аристократы средней руки — уважаемые, но ничем не выдающиеся.

Томас Дериварн с решительным видом отставил прочь бокал и склонился вперед, опершись локтями о край массивного стола, разделявшего его и Гледерика.

— Мы, если честно, к вам почему пришли, сэра... Тут дело какое. Новости, что вы привезли... Паршивые новости, чего тут таить. Я не про то, что Айтверн уперся, и так ясно было, драки не миновать. Как ни бейся, но к вам он не придет. Но вот кузен мой бедовый, Александр Гальс... У меня сердце кровью облилось, как услышал. Достойный был парень, что ни говорить. Человек, каких поискать еще надо, и соображение имел. Жаль очень, что так вышло.

— Верно говорите, сэра Томас. Мы понесли большую потерю, лишившись Александра. Сам сожалею, что отправил его в эту дурацкую поездку. — Гледерик вновь отпил вина, скривившись от его вкуса. Никакого сравнения с эринландским лагером. — Чем я вообще думал, сам теперь не понимаю, — сказал он, морщась.

Холдейн, до того бесцельно бродивший по кабинету, остановился.

— Значит, сожалеете? — тихо спросил он. Граф поднял голову, внимательно глядя на

нового иберленского короля.

— Разумеется, — отвечал Роальду Гледерик, без труда выдержав его взгляд. Звоночек смутного подозрения, перед тем ненадолго замолкавший, вновь задрезжал в его голове. С чем все же пожаловали сюда эти господа? Брейсвер понимал, что если ожидать удара от любого прохожего, недолго сделаться сумасшедшим, а еще он понимал, что не будь он сумасшедшим, давно бы уже лежал в сырой земле. — Как я могу радоваться, когда умер такой достойный человек. Ну а сами вы как настроены? — спросил он. — Я по поводу кончины графа Гальса сожалею, лорд Дериварн — сожалеет, а вы разделяете наши чувства? Или просто решили посидеть за компанию?

Роальд Холдейн дернулся, словно от пощечины.

— Можете не сомневаться, — сказал он очень прохладно. — Александр Гальс был мне другом.

Это уж вряд ли, сказал себе Гледерик. У прежнего владельца Элвингарда друзей не было, Брейсвер мог бы поклясться в этом на чем угодно. Во всяком случае, не было друзей в столице. Единственным человеком, к которому повелитель Юга испытывал хоть какие-то добрые чувства, был его юный оруженосец. Интересно, а куда кстати делся этот парнишка? Едва ли Айтверн убил и его.

— Тогда, — вкрадчиво сказал Гледерик Брейсвер, — будьте любезны тоже помянуть Александра. А то что вы стоите, как неродной.

Холдейн снова дернулся, но промолчал. Он поднес к губам бокал, который прежде держал на уровне груди, и медленно выпил.

— Отлично, — похвалил его Гледерик, — губы только утереть не забудьте, а то они красные... словно вы с кем-то неудачно подрались. Но, Роальд, согласитесь — отличный же обычай эти поминки. Они превращают пьянство из греха в добродетель. Мне, впрочем, до таких вещей дела нет. Я просто пью, без всяких поводов, и ничем это не оправдываю.

— Вы вообще никогда не оправдываетесь, — сказал Роальд.

— Верно заметили. Дрянное дело эти оправдания. Лучше и не начинать им заниматься, а то потом не остановишься. Или, скажете, я не прав?

Холдейн не ответил. Вместо него голос подал Дериварн, державшийся на редкость для себя спокойно и рассудительно. Впрочем, спокойным был лишь его тон, но отнюдь не слова, которые были произнесены.

— Ладно уж, ваше величество, не будем мы больше кривить душой. Мы же не просто так к вам пришли, а о деле одном поговорить. Вы наверно догадались уже, что об Александре Гальсе.

— Хорошо, если пришли по делу, говорите. — Брейсвер сделал заинтересованное лицо. — Смелей, я охотно вас выслушаю.

Томас Дериварн, видать, растерялся. Похоже, он плохо представлял себе, с чего начать, и предпочел бы еще с полчаса ходить вокруг да около. Гледерик получил лишнее подтверждение тому, что граф Дериварн, невзирая на свой громогласный голос и напористые манеры, на деле является человеком, совершенно неуверенным в себе. Граф помялся, неопределенно постучал пальцами по столу, откинулся назад, нахмурился. Брейсвер наблюдал за ним со смесью насмешки и досады. Насмешки — потому что смешно наблюдать, как взрослый мужчина, владетельный сеньор и опытный воин, мнется словно малахольная девица, не решаясь прямо сказать то, что собрался. Досады — потому что выстроенный уже план, отводивший Дериварну главную роль в игре, что развернется на юге,

рассыпался на глазах. Надежная вроде бы ладья вознамерилась соскочить с шахматной доски. Бедная ладья.

Холдейн тем временем прекратил нарезать круги и как бы невзначай опустился в дальнее кресло, расположенное совсем рядом с единственной ведущей из кабинета дверью. "Похоже, — подумал Гледерик, — они все же пришли сегодня по мою душу".

Наконец Дериварн перестал тянуть и пошел в атаку:

— Вы, ваше величество, — "ага, значит я все еще величество, чудненько", — красно говорили про то, как сожалеете об Алексее. Только, вы уж простите, мы люди простые, лжи не любим, она больше по части всяких придворных хлыщей, а наше дело несложное — мечи да копья, щиты и кони. В Тимлейне я редко бывал, зато на границах пол-жизни сражался, с бритерскими находниками и лумейскими лягушатниками. И как скорбят о друзьях, в бою живот сложивших, видел нередко, да чего там, сам сотню братьев по оружию в земле схоронил. Так что, скажем прямо, вас я вижу насквозь. Не жаль вам лорда Гальса, совсем уж не жаль, клянусь морской солью. Оно не то чтобы преступление, вы с ним хлеб особенно не заламывали, да и в тыл вражеский не ходили. Вот только... Кто один раз солжет, тот и второй раз вполне может, верно? Мы тут с Роальдом между делом задумались, а с чего вообще вы послали в Стеренхорд именно Алекса, да еще одного. Дело опасное, гиблое, прямо скажем, кровью от него так и разит. А вы сами — человек властный, и соперники вам не по нутру. Давайте правде в глаза посмотрим — Александр вам поперек горла стоял. Кузен мой покойный удивительным человеком был, таковые на свете нечасто встречаются. Мало что ума палата, так еще и помнил, что такое честь и что такое совесть. Вы же с ним именно тут и расходитесь. Умны вы, милорд, отрицать смешно, и рука у вас твердая, и понимаете ясно, с какой стороны хлеб намазан... да вот только ни чести, ни совести у вас не ночевало даже. В отличие от Александра. Он вам неудобен был, и чем дальше, тем больше. Вот вы его на гиблое дело и спровадили. Не так разве? — Дериварн выжидающе замолчал.

Гледерику стало сразу и смешно, и грустно. Бывает же так — совершишь благородное дело, выведешь человека из-под удара, избавив от возможных обвинений в измене — а тебя теперь обвиняют, что ты его не спас, а намеренно подставил.

— Пойдите подышите свежим воздухом, граф, — резко сказал он. — Винные пары на вас дурно повлияли.

— Ой ли? — прищурился Томас. — Неужто беретесь утверждать, что мы неправы?

— Вы идиот, граф Дериварн. В вашей голове пусто и ветер свистит. — Брейсверу очень захотелось вмазать этому тупому солдафону по роже, как в какой-нибудь из бесчисленных трактирных драк его юности, но король сдержался. Нет смысла бить рукой, если можешь ударить словом. — И, как полный и беспросветный идиот, — продолжил он, улыбаясь той самой улыбкой, которая, Гледерик прекрасно знал это, способна была кого угодно довести до дрожи, — вы записали в идиоты также и меня. Глупцы везде видят себе подобных. Одна лишь загвоздка — я не подобен вам. Если человек мешает мне, я устраняю его, но не раньше, чем он перестанет приносить мне пользу. Лорд Александр Гальс мог выиграть для меня эту войну, а еще из него мог выйти славный первый министр. И кем мне надо быть, чтоб выбрасывать, словно никчемный мусор, настолько полезную фигуру? Я может и тварь бездушная, но все равно умнее вас.

В ответ на эту тираду Томас прикусил нижнюю губу, совершенно как ребенок, отчитанный недовольным наставником. Да он же и есть ребенок, сообразил Гледерик. Здоровенное дите шести футов росту и тридцати двух лет от роду, прекрасно обученное

ездить верхом, горланить пьяные песни, орудовать топором и двуручным мечом — но ни черта не понимающее за пределами этих вещей. Брейсверу полагалось проникнуться к Дериварну презрением, но вместо этого он испытал совершенно другое, мало знакомое ему чувство. Он не мог сказать точно, как оно называется.

— Ну предположим... — медленно сказал Томас Дериварн, наморщив лоб. — Пусть так, смерти Алекса вы не желали, поверим, раз уж не проверить никак. Но дело ведь не в одной смерти Алекса, верней сказать, не только в ней. Мы ведь и подумали на вас потому в первую очередь, что вы тот, кто вы есть. Когда Эрдер рассказал мне о наследнике Карданов, и когда я вам присягнул, я же не знал, кому присягаю. Вернее так, я знал имя и фамилию, но не знал человека. Раньше я думал, одной фамилии достаточно, чтоб не ошибиться, оказалось — нет... Лорд Джейкоб сказал мне, вот, смотри, пришел некто от старой крови, он спасет Иберлен. Мол, некто этот благороден, умен, силен духом, честен... ну и все такое. Он достоин нами править. Я и поверил, чего тут не поверить, раз уж вы и впрямь не казались размазней. Уж лучше вы, подумал я, и Роальд вот тоже так подумал, да и все остальные. Уж лучше вы, чем Брайан, который своих сапог дома не найдет, без помощи лакеев. Или чем его сынишка, на которого плюнешь — с ног свалится. Да вот прогадали мы все. Брайан, хоть и дурак, подколотной тварью не был. Я одного не забуду, милорд, — Томас заговорил тихо-тихо, и чувствовалось, до чего же силен его гнев, — не забуду я того дурачка, стрелка, что сэра Раймонда порешил. Ваш же стрелок был, ваш человечек, так? Ваш, и мой... наш, в общем. И приказ выполнял, пусть и не вами отданный, а терховский... но Терхол, даром что бес продажный, тоже в одном котле с нами варился. Ну, вот... Стрелок свое дело сделал, а вы его убили. Вам в благородство захотелось сыграть, показать, какой вы великодушный к врагам, настолько, что друзей не жалеете... Ну и что можно сказать, по такому поводу-то. Ублюдок вы, сэра. Не по законам человеческим, душой своей ублюдок. Чтоб вам сдохнуть поскорей, честное слово. Все-то вы играете в свои балаганы, а другим подыхать. Подумали мы тут с братцем Роальдом... не поздно переиграть еще. Раз лопухнулись, ну да теперь исправим все. Пока вы еще делов не наделали. Уж лучше Гайвен Ретвальд, честное слово.

Брейсвер опустил взгляд, изучая стоявший перед ним бокал. Осторожно взял его в руки, по-прежнему не глядя на Дериварна. Как смешно и глупо все получается... Он вздумал играть на благородстве этих недоумков, на нем и поскользнулся. Гледерик чувствовал сожаление, хотя и знал, что сожаление — самое глупое из чувств, придуманных людьми.

За окном стоял теплый летний вечер, да и камин горел от души, но Гледерику Брейсверу, называвшему себя Гледериком Карданом, вдруг сделалось зябко.

Он поднял голову, встретившись с Дериварном взглядом.

— Вы допустили всего одну ошибку, мой благородный рыцарь, — мягко сказал мальчишка из грязного портового города на берегу далекого восточного моря, мальчишка, выросший и вернувший себе трон, о котором отец рассказывал ему когда-то сказки, вечерами, очень похожими на этот вечер. — Всего одну ошибку. Вам следовало убить меня сразу. Отравить вино, или ударить в спину кинжалом, или подстрелить из арбалета. Сделать свою работу быстро, без колебаний и сомнений. Никогда не следует сообщать жертве, что собираешься нанести удар. Никогда не нужно предупреждать собственного врага, если не уверен, что окажешься быстрее. Никогда нельзя давать противнику преимущество. Нельзя, а вы этого не учли. Томас, вы не умеете убивать королей.

Гледерик покачал головой. И швырнул бокал Дериварну в лицо.

Томас успел пригнуться и закрыть лицо локтем. Во все стороны полетели осколки

стекла и винные брызги, а Гледерик взлетел прямо на стол и ударил Дериварна ногой в плечо. Томас откинулся назад и рухнул со скамьи, а Брейсвер не теряя времени перепрыгнул на соседний стол, стоящий у стены. Холдейн соскочил со своего кресла, обнажая меч, и левой рукой закрыл дверь на засов. Гледерик схватил удачно подвернувшийся тяжелый медный кувшин и бросил в Роальда, граф отбил его мечом, да с такой силой, что злосчастный кувшин вылетел в окно. Брейсвер огляделся в поисках оружия. В противоположном углу кабинета в оружейной стойке хранились шпага и топор, но сперва до них было нужно добраться. Врагов никак не минуешь, а у самого Гледерика имелся лишь кинжал.

— Стража! — заорал Брейсвер. Ближайший пост охраны у дверей приемной, солдаты должны его услышать, да вот как они войдут, если Холдейн запер дверь?

Дериварн меж тем поднялся на ноги, и, выхватив клинок, ринулся к Гледерику. Тот сорвал со стены тяжелый гобелен, изображавший какое-то празднество, и набросил его на Томаса, как одеяло на расшалившегося кота. Тут же взлетевший меч рассек потемневшую от времени ткань на лоскуты, но Брейсвер уже успел проскочить мимо Дериварна и на прощание пнул его в спину, опрокинув на ковер. Метнулся мимо окна к вожделенной оружейной стойке, но Холдейн бросился Гледерику наперерез. Наследник Карданов схватился за кинжал и отбил нанесенный Роальдом удар, быстрый и хлесткий, как ветер в горах. Брейсвер тут же сделал врагу подсечку. Нескольких мгновений, пока заговорщики поднимались на ноги, хватило, чтобы наконец добраться до шпаги.

В дверь заколотили. Наконец-то явились стражники! Одна загвоздка, войти они смогут не раньше, чем притащат таран, а притащат его нескоро. Значит, справимся сами. Так даже лучше.

Холдейн и Дериварн коротко переглянулись. Брейсвер прекрасно понимал, о чем думают незадачливые убийцы. Дела их плохи, но если они убьют короля прежде, чем в кабинет ворвутся солдаты, то могут еще сами остаться в живых. Воины, лишившиеся государя, едва ли поднимут руку на знатных господ.

— Ну, господа хорошие, — произнес Гледерик, проверяя баланс клинка, — кто из вас не боится щекотки?

Оба вельможи бросились на него. Брейсвер уже ждал этого и проворно отскочил в сторону, уходя с их пути. "До чего же вы предсказуемы, милые мои щенята, как легко заставить вас плясать под мою флейту — даже когда вам кажется, что вы вот-вот разорвете мне горло". Очень быстро, почти танцуя, Гледерик оказался позади врагов и всадил кинжал графу Холдейну в спину, по самую рукоятку. Роальд рухнул на ковер, убитый в один миг. Дериварн мигом развернулся, приняв защитную стойку.

— Можешь не трястись, — любезно сказал ему Гледерик, — кинжалы у меня кончились. Теперь играем по-честному.

— Честному? Да что вы знаете о чести?

— Ровно столько, сколько и ты. То есть немного.

Дериварн размахнулся мечом — славный такой удар, впору дрова рубить или быка. Быка... Да, имеется такая забава у тарагонцев, когда идиот в красных тряпках пляшет вокруг злющего, как черт, быка, или еще можно вепря, и из кожи вон лезет, чтоб отправить зверюгу на тот свет. Если идиоту не везет, отходит к праотцам заместо быка, ну а коли подфартило — получает от благодарной публики золотые монеты. Гледерик и сам подвизался таким идиотом — целый сезон. А потому, как следует наученный корридой, он и не подумал

отбивать атаку лорда Томаса — просто увернулся. Меряться с эдаким троллем силой — все равно что самому подставлять шею под топор. Если хочешь победить, полагайся на ловкость. Гледерик сделал финт, наметив укол в предплечье, тут же отдернулся, не доводя атаку до конца, перевел клинок вниз и легонько ранил Томаса в правое бедро. Граф пошатнулся, но тотчас совладал с собой и вновь двинул на Брейсвера. Гледерик классическим переводом отвел нацеленный ему в грудь выпад и оказался, сделав полтора шага, слева от противника. Атаковал его в бок. Дериварн развернулся и парировал.

Дверь в очередной раз содрогнулась под градом ударов, но, вопреки ожиданиям, не слетела с петель. Ничего, скоро слетит. Гледерик понял, что не намерен уступать честь лишить жизни Томаса Дериварна никому из своих солдат, а потому должен успеть покончить с ним сам.

Кончик шпаги Гледерика заплясал по всем направлениям, выписывая в воздухе сложный узор. Дериварн перешел в глубокую оборону, кое-как блокируя готовые ужалить его уколы, следующие без остановок и промедлений. Гледерик сковал противника клинком и не давал ему ни единого спокойного вдоха, планомерно теснил к окну. Выпад, еще один, финт, укол. Граф бился молча. Даже не бранился, против своего обыкновения.

Выбрасывать Дериварна во двор так и не пришлось — Томасу оставалось до окна еще целых два шага, когда он допустил оплошность. Немного промедлил с защитой, и Гледерик как раз хватило этого промедления, чтобы пронзить сэру Томасу сердце. Дериварн умер почти мгновенно, напоследок коротко вскрикнув.

Хорошая смерть, отрешенно подумал Брейсвер, стоя над телом поверженного противника и вытирая окровавленную шпагу удачно обнаружившимися в кармане перчатками. Гледерик и сам хотел бы когда-нибудь умереть в бою. Лучше уж, чем разваливаясь на куски от старости.

В дверь снова ударили. Вот же недоумки, право слово... Не колотить следует, а за инструментом бежать. Гледерик устало выругался и пошел поднимать засов.

— Вы опоздали, — сообщил он с порога всполошенным гвардейцам, обнажившим мечи и, судя по лихому виду, готовым уложить самое малое сотню недругов за раз. — Так, самую малость, — Гледерик посторонился, давая солдатам возможность заглянуть в кабинет. — Можете прибраться тут, а то мы малость насорили.

Командир поста, молоденький лейтенант со шрамом через все лицо, ошеломленно пялился на лежавших на полу мертвецов, словно увидел самого Повелителя Бурь во плоти. Остальные солдаты держались несколько лучше, однако и по ним можно было заключить, что они потрясены до глубины души.

— Ваше величество... — лейтенант убрал руку с эфеса, видно запоздало сообразив, что драться прямо сейчас ему ни с кем не придется. — Но это же... это же...

— Томас Дериварн и Роальд Холдейн. Двадохлых графа, — представил ему покойников Брейсвер. — Оба этих достойных аристократа посчитали необходимым лишить меня жизни. Мне это не понравилось, и я стал защищаться. В результате пришлось их убить — тут уж либо они, либо я. Вопросы еще будут какие-то?

— Милорд... — выдавил из себя лейтенант, и Брейсверу ужасно захотелось оставить на без того уже испорченном ковре еще один труп.

— Что вы мне все "милорд" да "ваше величество" талдычите. Другие слова, небось, забыли все? Да, два владетельных лорда решили убить своего короля. Вас подобные происшествия все еще удивляют? Очень странно, в свете всего, что в этом замке в последний

месяц творилось. У вас шрам на лице. Получили на войне?

— На рубежах Бритера, сэр.

— Хорошо. Значит, в гвардию вы, надеюсь, попали заслуженно, а не за красивый герб. Просто еще немного не привыкли, верно? Привыкайте. Теперь одни иберленцы убивают других, и не нужно этому удивляться. Так будет еще какое-то время — пока я не убью всех, кто мне препятствует. Запомните это.

Лейтенант вытянулся по струнке и весь как-то затвердел:

— Да, сэр. Понял, сэр.

— Кстати, как там ваше имя? — Гледерик вспомнил свой разговор с Артуром Айтверном. Тот уверял, мол, хороший король должен знать своих подданных по именам. Новый герцог Запада был наглым самоуверенным щенком с кочаном капусты вместо головы, но сказал тогда правильную вещь.

— Меня зовут Уолтер Маттерс, сэр.

— Вот и познакомились. Милейший лейтенант Маттерс, развесьте уши пошире, и вы, господа прочие солдаты, тоже, вас это не в меньшей степени касается. Забудьте, что вы вообще созерцали эти трупы. Представьте, вам померещилось. Вы не видели Томаса Дериварна и Роальда Холдейна входящими в мой кабинет, вы не слышали об их смерти. Если кому из вас хватит ума проболтаться о случившемся в этой комнате, мигом повешу. Всех скопом, без разбору. — Если делать все быстро и не допускать ошибок, удастся избежать катастрофы. Главное, чтоб эти олухи и в самом деле не подвели. — И еще одна вещь. Найдите мне герцога Эрдера, да поживей.

В ответ Уолтер Маттерс гаркнул так зычно, что в шкафах затряслись стекла:

— Будет сделано, сэр! — кажется, он искренне верил в своего короля.

Джейкоб Эрдер, вырванный прямоком из-за пиршественного стола, был просто удручающе трезв и до отвращения спокоен. Врут, что северяне пьянеют от капли спиртного — владыка Шоненгема мог, наверно, выдуть три бочки эля и даже не утратить твердости походки.

Герцог не выразил ни капли удивления при виде живописно украсивших королевские покои мертвецов, и предоставил Гледерику возможность самому объяснить, что же тут, черт побери, случилось. За все время короткого рассказа Эрдер старательно изображал немого. Он выслушал рассказ Брейсвера, опустив голову и поглаживая пальцем свой украшенный изумрудом перстень, и ни разу даже не подумал перебить. И правильно сделал, Брейсвер терпеть не мог, когда его перебивали.

— Что требуется от меня? — спросил Джейкоб, когда Гледерик закончил посвящать его в курс дела.

— Подними своих людей. Пусть найдут офицеров из дружин Томаса и Роальда, и приведут всех ко мне. Полюбуюсь на голубчиков.

— Ваше величество, вы полагаете, Холдейн и Дериварн посвятили своих капитанов в заговор?

Гледерик уже думал об этом.

— Да нет, знаешь, едва ли. Эти вот ослы, — махнул он на покойных, — решились на царевийство, лишь когда узнали о смерти Гальса. То есть сегодня. Когда я уже разогнал всех вояк пьянствовать. Смешное дело, получается, эта моя идиотская затея с увольнительными оказалась как нельзя кстати. Иначе, находись солдаты у них под рукой,

кровищи бы пролилось — не меньше, чем в прошлый раз. Нам чертовски повезло, Джейкоб, — сказал он и тут же скривился. "Что я несу, везенья, если разобраться, маловато". — Нет, я не думаю, чтоб пришлось резать еще и офицеров. Но взбунтоваться — не единственное, что они смогут делать.

К чести Эрдера, он сразу сообразил, о чем речь.

— У Роальда Холдейна остался малолетний сын и два брата, — раздумчиво проговорил герцог, — а жена Дериварна до сих пор так и не родила ему ребенка, и потому его владения переходят к его сюзерену, Виктору Гальсу.

— Ты ловишь все на лету, Джейкоб. У разнесчастных солдат из двух разнесчастных дружин появляются новые предводители, и ни один из тех предводителей не состоит у меня на службе. А значит, еще два больших отряда, вслед за гальсовским, помахают нам ручкой в самом преддверии битвы. Чуешь, как отменно дела идут? Одна беда, отменно они идут не у нас. Потому мне и нужны эти ребяташки, пока они ни о чем не пронюхали. Я уговорю их остаться на моей стороне. Дай мне дудочку, и я заставлю их под нее сплясать. Они вроде не такие упертые, как Грантэм, может и выгореть. Наобещаю всякого добра, груды золота, горы серебра... Должны клонуть.

— Ваше величество, королевская казна велика, но и она когда-нибудь покажет дно.

Гледерик пожал плечами:

— А, брось ты это, ерунда. Сейчас главное победить, и если для этого нужно наобещать с три короба — без проблем, наобещаем. А после победы уже и придумаем, как выкручиваться. Скажем, реквизируем земли Айтвернов и Тарвелов. А что, тоже выход! Подчиняться они мне не хотят? Не хотят. Извести их надо? Надо. Наградить верных воинов за подвиги требуется? Требуется. Сложи все вместе, и получишь ответ.

Эрдер выказал нечто, напоминающее сомнение:

— Ваше величество... Айтверны и Тарвелы служили вашему роду тысячу лет.

— Ну да. Служили. Тысячу лет. И что дальше? Если они больше служить не хотят? Джейкоб, тебе ли не знать, что я проявил к Айтвернам столько великодушия, что хватило бы на десяток упрямец. И не моя вина, что они дружно, папаша и сынок, уперлись рогом. Сами виноваты, вот пусть и получают все причитающееся. Я не обязан ни с кем нянчиться. Все, кто не со мной, сами мастерят себе виселицу. Герцог, я доходчиво вам изложил, или повторить еще раз?

Джейкоб Эрдер рывком поднялся со скамьи и изобразил церемонный поклон. Черные с проседью волосы упали на лоб, и Гледерик подумал, что повелитель Севера вовсе не так уж и молод. Раймонд Айтверн, со своей золотистой шевелюрой, гладкой белой кожей и легкими порывистыми движениями даже в сорок с лишним лет казался почти юношей, старшим братом собственного сына, а его ровесник Эрдер пребывал в каком-то шаге от старости, хотя и оставался крепок телом. Север более суров к своим детям, нежели юг. У Джейкоба имелся взрослый сын, но Брейсвер ни разу его не видел. Наследник Эрдеров остался в Шоненгеме держать те земли под своей рукой от имени отца.

— Я понял, ваше величество, — чопорно сказал Эрдер. — Вы совершенно правы в своих решениях.

— Приятно слышать, старина. Еще одного мятежника я бы не пережил. — Гледерик подошел к герцогу и положил руку ему на плечо. — И, умоляю, не подумай, что мне приятно все это делать. Мне и самому слегка противно, но куда деваться? — Брейсвер кривил душой, зная, что обман подобного рода будет Эрдеру наиболее приятен. Как легко водить за нос

других, нужно всего лишь повторять им ту ложь, что они сами состряпали для себя. — Слабость — не для нас, мой друг.

Джейкоб кивнул:

— Да, ваше величество. Вы во всем правы. Мы не можем отдать Иберлен на пожизну Айтвернам и Рейсвортам. Они растащат нашу страну по кусочку. Мне было нелегко принимать некоторые решения из тех, что я принимал, но все, что нами делается, делается ради высшей цели. Пусть нас проклянут иные из современников, но зато помянут добрым словом потомки.

— Отменно сказано! А теперь, раз уж ты укрепился в своей решимости, иди исполняй приказ. Я надеюсь, что вести, с которыми ты вернешься, не будут дурными.

В самом деле, подумал Гледерик — для одного-единственного дня плохих новостей и впрямь оказалось слишком много. На мгновение он допустил возможность, что против него ополчилась сама судьба — а потом с усмешкой эту мысль отмел.

Покинув своего короля, лорд Джейкоб Эрдер на мгновение остановился посреди коридора, тяжело дыша. Перед его мысленным взором застыли мертвые Дериварн и Холдейн, и этот образ никак не хотел его отпускать. Томас Дериварн, Роальд Холдейн, Элберт Коллинс, Александр Гальс, Гарт Терхол. Брайан Ретвальд. Имена мертвецов.

"Будь проклят тот день, когда я затеял все это, — подумал он. — Лучше было бы мне самому погибнуть, как Раймонд. В честном бою".

Глава пятнадцатая

Артур видел сон. Ему снились люди, которых он знал, люди, разрушавшие его жизнь или, напротив, бывшие ее опорными точками, люди, которых он любил и которых ненавидел. Они являлись к нему, один за другим, бесконечной чередой. Приходили, чтобы проклясть или благословить, называли героем и мерзавцем, молили о помощи, ждали защиты, осыпали бранью, призывали на его голову громы небесные, угрожали и упрашивали, или просто молчали, не говоря ни слова. Видеть некоторых из них было очень больно.

Раймонд Айтверн лениво пил вино из золотого кубка и подбрасывал на ладони герцогский перстень, точно так же, как сам Артур недавно подбрасывал яблоко. Отец казался отстраненным и чужим, как один из далеких предков с семейных портретов, один из чужих родных людей, умерших триста, пятьсот, тысячу лет назад, похороненных в фамильной гробнице, развеянных пеплом по ветру, упокоенных на дне чужих морей, нашедших смерть от ледяной волны, морового поветрия, летящей стрелы, пронзившего сердца меча и от ударов в спину. "Выдержишь ли ты, мальчик?" — усмехался Раймонд Айтверн, Артур пытался ответить, что да, выдержит, но язык не слушался его, словно окаменел.

Айна кричала, называя своего брата трусом и ничтожеством, и ее волосы темнели, становясь медно-рыжими, как пролитая кровь. Она была одета в черное траурное платье и носила на голове венок из увядающих белых лилий. Артур не желал ее больше видеть, но тем не менее не мог оторвать от сестры взгляд — пока она вдруг не вспыхнула огнем и не

осыпалась в разверзшуюся под ней сиренево-синюю бездну водопадом кленовых листьев.

Гайвен сидел у догорающего костра в степи и играл на серебряной флейте, выводя грустную мелодию, наподобие той, что играют на похоронах. Волосы принца поседели, сделались белыми, как январский снег, и их перехватывал серебряный обруч. На коленях у Гайвена лежал обнаженный меч, с рукоятью, изображающей голову беркута. Артур подошел к костру, слушая, как плачет флейта, и тогда Гайвен отложил ее в сторону и сказал: "Ты опоздал... Все уже заканчивается, мой герцог." "Заканчивается? Что именно?" — спросил Артур, видя, как Гайвен поднял руку, и та вдруг сделалась совсем прозрачной и бесплотной. "Заканчивается мир", — сообщил принц.

"Не выйдет ничего", — качал головой Тарвел, склонившись над старинной книгой — и зачем она ему, еще успел удивиться Айтверн, Железный герцог отродясь не любил читать... "Ничего не выйдет, — повторял лорд Данкан, шелестя страницами, — ты уж извини, парень, задумали мы хорошо, да не выгорит..."

Гледерик стоял на вершине черной башни, одной из высочайших башен Тимлейнского замка, и над его головой гроза изрыгала из себя сети молний. Ветер развевал зеленый плащ узурпатора. Дождь молотил по каменной площадке тугими холодными струями. Потомок Карданов стоял, опираясь на полторный меч, а по его лицу стекали капли воды. "Иди сюда, змееныш! — закричал он Артуру. — Я как раз замерз! Ну-ка, не бойся, все равно когда-нибудь умрешь, так лучше сейчас!". Айтверн обнажил клинок и двинулся навстречу врагу. Герцог Запада шел, уже понимая, что не справится. У него не получится, никак не получится, Кардан сильнее и опытнее, Кардан привык побеждать, победит и на этот раз...

Мечи встретились, разбросав сноп искр, оружие Айтверна преломилось у самого основания. Артур отступил, выронил из рук бесполезную рукоять. Ну вот и все, подумал он. Гледерик Кардан шагнул вперед, собираясь нанести удар, но вдруг закричал и рухнул на колени. Из развороченной груди узурпатора фонтаном била кровь. Стоявший за его спиной Александр Гальс высвободил длинный меч и отсалютовал им Айтверну. Владелец замка Элвингард, как всегда прямой и строгий, затянутый в черный дублет, перешагнул через тело убитого им короля и подошел к Артуру.

— Порой мы встречаем тех, кого и не надеялись встретить, — заметил Гальс, опустив клинок — опустив, но отнюдь не вложив в ножны. С прямого лезвия стекала, мешаясь с дождевой водой, свежепролитая кровь. Очередная молния ударила прямо у него за плечом, вонзившись в каменную горгулью и превратив ее в груды оплавившихся осколков. Александр даже не вздрогнул. — Вы вот явно не ожидали меня здесь увидеть.

Артур попятился. Он не понимал, где он, не понимал, что с ним происходит, видит ли он сон или попросту сошел с ума. Дождь усилился, его косые иглы били Артуру в лицо и в грудь, насквозь промочив камзол, а Александр стоял, как ни в чем не бывало, и будто бы вовсе не чувствовал холода. Его лицо и одежда оставались сухими. Граф Гальс, как всегда невозмутимый, сдержанный, равнодушный, казался мертвецом, восставшим из могилы, да он и был мертвецом, неведомым образом выбравшимся с того света. А молнии в небесах меж тем сверкали все ярче. Извергаясь из черных туч, они ударяли раскаленными трезубцами, сплетались в пылающую паутину. Гром гремел, как легендарный морской колокол, зовущий всех утонувших моряков подняться из глубин, отряхивая с выбеленных водой костей налипшие водоросли и остатки плоти, встать за штурвалами сгнивших кораблей и выйти в свой последний рейд, поплыть на край света.

— Ты же умер... — пробормотал Айтверн, чувствуя, что голова у него немного

прояснилась. Самую малость. По спине прошла морозная дрожь, слегка закололо в левом боку. Ледяная градина обожгла щеку. — Я видел, как ты умер...

— Я не умер, я был убит. Знаете что, Артур, — сказал он с легкой укоризной, — не отрекайтесь от собственных дел. Не то мне станет стыдно, что я был вашим другом.

— Да, это я вас убил, — отчетливо сказал Артур Айтверн, распрямляя плечи и поднимая подбородок. — И мне жаль, что я так сделал, но если бы мы вновь встретились, я бы убил вас снова. Потому что мы — враги.

Гальс удовлетворенно кивнул. Казалось, ему понравились сказанные Артуром слова.

— Держитесь выбранной дороги и дальше, может и уцелеете. А может, и нет — не берусь судить. Сейчас грядущее тонет во мраке, и все миры, настоящие и призрачные, погружены в сумерки времени.

— Это сон? — спросил Артур тихо.

— Это больше, чем сон. Это промежуток между мирами людей, мирами бесплотных духов и страной богов. Можете называть его лимбом, если хотите — немало сновидцев ходило и ходит по его дорогам. Здесь варианты будущего наступают на горло минувшего. Важно сейчас, впрочем, лишь одно. Вы убили меня — но здесь, в этом месте, мертвый вправе спросить с живого за свою смерть. Я спрашиваю с вас.

Едва успев договорить, Гальс взмахнул мечом, стряхивая с его клинка тяжелые дождевые капли, и сделал колющий выпад. Артур сам не понимал, как он смог увернуться в сторону. По большому счету он должен был сейчас погибнуть, однако собственное тело вдруг сделалось куда более быстрым и проворным, чем когда-либо прежде. Меч Александра пронзил пустоту. Гальс тут же развернулся к своему ускользнувшему противнику, и вновь атаковал. Его клинок отразил очередную ослепительную вспышку, столь яркую, что у Артура помутилось зрение. Айтверн пожалел, что его собственный меч сломан и бесполезен для поединка, и вновь увернулся, отступая к дальнему краю площадки, к обрыву, за которым разверзлась пропасть, не имеющая ни предела, ни дна. За его спиной была теперь неизмеримая бездна, упав в которую, будешь с бессмысленным криком пронзать пустоту, пока не закончится время. Что же предпочесть, честную смерть или вечное падение? Александр Гальс наступал, непобедимый и неотвратимый, совсем как тогда, в Стеренхорде, но на сей раз Артур понимал, что его противнику и впрямь суждено победить.

Накал урагана достиг наивысшей точки. Буря ревела, будто сошедший с ума медведь, вода изливалась с неба вперемежку с градом, а черная башня затряслась, заходила ходуном, стремительно раскалываясь. Несколько скульптур, химерические бестии вперемежку с господними ангелами, сорвались со своих постаментов и рухнули вниз. По камням пробежали трещины, расходящиеся во все стороны и стремительно расширяющиеся. Башня затряслась и накренилась. Артур чуть не упал, но вовремя перепрыгнул через разверзшуюся пропасть и опрокинулся прямо на выступ стены. Айтверн впечатался в кирпичную кладку спиной, а там, где стоял он минутой раньше, разверзся провал. Александр перескочил через все увеличивающуюся пропасть и вновь оказался рядом с Артуром. Противоположная сторона башни, отделившаяся от той, на которой они оказались, продолжала склоняться к земле, пока наконец не развалилась в полете и не обрушилась вниз градом огромных каменных глыб. Гроза зашлась в хохоте.

— Мне кажется, ваш отец заждался вас на том свете, — сказал Александр, подходя вплотную и вскидывая клинок для удара.

Артур повернулся к нему лицом, невзирая на дикую боль во всем теле, и приготовился к

смерти. Но тут налетел новый порыв ветра, леденящий, сбивающий с ног, режущий жадными стальными лезвиями. Ветер налетел, смял все бытие и погрузил мир во тьму.

День, когда войска короля, называвшего себя Гледериком Карданом, и войска принца, называвшего себя Гайвеном Ретвальдом, встали лицом к лицу, выдался странным и смутным. Солдаты шептались, что всю минувшую ночь звезды срывались с неба — одна за другой отрывались от хрустального свода и падали вниз, а потом, грохнувшись о землю, разлетались в стеклянную пыль. Кто-то видел ундины в стоячей воде, кто-то рассказывал о встреченном вороне, трижды крикнувшем слово "смерть", кто-то клялся на Священном Писании, что рано поутру не заметил у товарища тени. Еще говорили, что солнце в то утро поднималось над горизонтом огромное, окруженное алым кругом — к большой крови, если верить приметам. А потом налетели тучи, и пожрали солнце, будто и не было его.

Некоторые рассказывали о всадниках, проскакавших по небу призрачной кавалькадой, с поднятыми копьями и развевающимися знаменами, и о двух воинах, сражавшихся все там же, высоко над землей. Что один из них — Гледерик Кардан, не сомневался никто, во втором узнавали принца Гайвена, Артура Айтверна, герцога Тарвела, и даже самого лорда Раймонда. Один седоусый ветеран, много лет ходивший под началом прежнего лорда-констебля в походы, уверял сослуживцев, что сегодня Раймонд Айтверн встанет из могилы, сменит саван на боевой доспех и отомстит за свою смерть. "Чужеземцу не уйти от расплаты, за все надо отвечать, да", горячился старик, начищая щит.

Две армии встали напротив друг друга, на широком поле. Люди Ретвальда выдвинулись с тянущихся с севера на юг холмов, называвшихся Горелыми (потому что по легенде, тысячу лет назад их вершины опалил драконий огонь), а армия узурпатора вышла из своего лагеря, разбитого в восточной низине, возле брошенной жителями деревни. Дружины Запада и Севера выходили на позиции, строились ровными рядами на расстоянии нескольких полетов стрелы, пока еще разделенные раздольем колышущихся трав. Ненадолго разделенные.

Крики, шутки, бесшабашная солдатская ругань. Волнение. Горны молчали, приказов наступать еще не было, ожидание петель обвивало горло. Час еще не пробил. Все еще можно изменить. Ничего уже не изменишь.

Кардан выслал герольдов. Разряженные как вельможи, щеголяющие атласом и шелками, они приехали на роскошных белых конях, дабы сообщить волю того, кто их послал. Гледерик Первый призывал своих врагов прекратить упорствовать и сложить оружие. Взамен он обещал всем "бунтовщикам" прощение и заявлял, что навеки забудет об их "мятеже". Хороший король. Милосердный.

Артур отослал герольдов назад.

Налетевший с севера промозглый ветер трепал знамена. Одно знамя — со вставшим на задние лапы хорьком, и другое — с яблоневым деревом.

Кони беспокойно мотали гривами, в воздухе пахло мокрой травой. Дождь шел накануне, и наверняка грянет к вечеру. А пока — просто дымные сумерки. Сумерки, хотя время еще не перевалило за полдень. Чудеса случаются в час умирающего света, вспомнил Артур малерионские сказки. Чудеса никогда не бывают добрыми, но и злыми не бывают тоже. Они просто есть. Иногда забирают у нас душу. Ты, кажется, сам мечтал оказаться в сказке? Поздравляю, ты внутри нее. Но у тех, кто с кем ты борешься, тоже есть свои сказки.

Эй, вы! Все, кто верил в легенды и внимал старинным балладам! Все, кто звал золотой век на смену веку железному! Кто мечтал о возвращении короля! Знайте же! Ваш король

вернулся. Протяните ему руку. Преклоните перед ним колена. Идите за ним. Он построит вам белый город, и увядшие деревья вновь оденутся листвой. Король сотворит новый мир, себе и вам по мерке. Если сможет. Если сумеет. Потому что я лягу костями и сделаю все, лишь бы только он не сумел. Я, Артур Айтверн. Тот, кого вы не ждете, тот, кто встал на пути у вашей мечты. Сын убитого вами Раймонда Айтверна, что до конца оставался верен своему долгу. Брат Айны Айтверн, сделанной вами пешкой в державных играх. Праправнук Радлера Айтверна, решившего, что иногда жить — достойней и правильной, нежели умирать. Далекий потомок Эйдана из Дома Драконьих Владык, поднявшего меч против повелителя тьмы. Веками мой род хранил эту землю — не ради власти над нею, но ради ее самой. Царедворцы и воины, колдуны и правители, Айтверны стояли на страже Иберлена, защищая его словом, мечом и чарами. Настала пора разделить их судьбу и стать тем, кем ты и был рожден. Пусть древняя кровь поет в твоих жилах, сегодня, как и тысячи лет назад.

Серый день. Сырая земля. Горькие травы.

Над землей — тучи.

Северный ветер.

Начало и конец.

Это — мой холм Дрейведен. И я не отступлю.

В пластинчатых белых доспехах, в наброшенном на плечи белоснежном плаще Гайвен Ретвальд казался статуей, вылепленной из льда и снега. Ладонь принца, который, если они смогут, если они выстоят, оденет наконец корону, лежала на рукояти меча. Ветер рвал его черные волосы, а за спиной трепетало родовое знамя. Интересно, каким был его предок, чародей по имени Бердарет Ретвальд, человек, которому хватило смелости поместить себе на герб не льва, не единорога и не орла, а всего-навсего — хорька? Забавный, наверно, был человек. Гайвен стоял на вершине холма, глядя на раскинувшуюся впереди равнину, туда, где темным морем перекачивались его войска. Впрочем, то были вовсе и не его войска. То были войска Айтвернов, Рейсвортов, Тарвелов, и лишь малая их часть под командованием Раймонда Айтверна прежде служила королю. Куда больше королевских солдат находилось сейчас по другую сторону поля.

Артур стоял в нескольких шагах от своего господина. Молчал, сложив руки на груди. Думал обо всем, что придет в голову. Недавнее воодушевление сменилось диковатой смесью тревоги, скуки и разочарования. Он не будет драться. Сегодня — не будет. Так хотелось взлететь на коня, вооружиться копьем и промчаться через все поле, увлекая за собой половецкие конницы, а потом врезаться прямо во вражьи ряды, крушить их, чтоб никто не устоял на ногах. Тарвел запретил Артуру принимать участие в бою. Сказал, долг лорда-констебля — командовать сражением, а не подвергать свою жизнь ненужному риску.

Артур вспомнил, как уходил в бой Данкан Тарвел. Облекшись в сверкающие доспехи, сев на коня, исполинского монстра с мокрой черной гривой и лоснящимися боками, вонзив в землю копьё, герцог Стеренхорда больше не казался стареющим священником. Он был настоящим рыцарем, одни из тех, каким бы хотел стать и сам Артур. Напоследок сухо попрощавшись с бывшим оруженосцем и нынешним командиром, лорд Данкан ускакал вниз по склону, туда, где ожидали его войска, гремел людской гомон, блистало железо, вилась клубами пыль и бились по ветру знамена. Скоро начнется. Айтверн скосил глаза в сторону, туда, где чуть поодаль, сторонясь прочих расположившихся на холме солдат, стоял Блейр Джайлс. Бывший оруженосец Александра Гальса изо всех сил старался скрывать охватившее

его волнение, но получалось не то чтобы успешно. В последние дни Джайлс и без того ходил особенно дерганый, ну а сейчас и подавно.

— Лорд Верховный констебль, я с донесением! — внезапно раздавшийся голос вырвал Артура из размышлений. Айтверн мотнул головой и уставился прямо на окликнувшего его молодого всадника:

— Докладывайте.

— Лорд Верховный констебль, лорд Тарвел сообщает, что наши войска полностью выстроены и ждут вашего сигнала. Что же до армии узурпатора, то она готова к бою, но продолжает оставаться на позициях и не выказывает намерений первой выдвинуться вперед.

Ничего удивительного. Кардан скорее собственноручно перережет себе же глотку, нежели первым начнет сражение. Благородный король, в своем терпении и всепрощении достойный именоваться святым, до последнего будет щадить непокорных, давая им шанс одуматься и признать его верховенство. До чего же ловкий сукин сын! Каждый шаг выстраивает в расчете на грядущих летописцев. Не будет вам никаких летописцев, мастер Гледерик.

— Передай герцогу Тарвелу, что пришла пора загнать этих шакалов обратно в преисподнюю. Всем полкам — приказ начинать. Действовать согласно плану. Клинки в бой, ребята. Покажем ублюдкам, чего стоят иберленские рыцари.

— Будет сделано, милорд! — посыльный уже начал поворачивать коня, когда Артур, подчиняясь непонятному порыву, схватил его за рукав:

— Ну-ка, обожди минутку! Как тебя звать?

— Фред, ваша светлость. Фредгар Биддер, стюард лорда Данкана.

— Отлично. Давай, Фредгар, держи, — Артур протянул ему рукояткой вперед свой кинжал. — Отныне он твой, смотри, не жалея для него вражьей крови.

На сей раз гонец таки не удержался и вскрикнул:

— Благодарю, сэр! Можете не сомневаться, работенка вашему клинку у меня найдется! — и, весь красный от восторга, он пришпорил коня и ускакал в низину, к ожидавшим там войскам. Шевельнулись, распрямляясь, травы.

Прошло еще несколько томительных минут — а потом наконец истончилось и сошло на нет довлевшее над ними всеми тревожное затишье. Битва, предначертанная в ту ночь, когда отец Артура отверг выставленные Джейкобом Эрдером условия, наконец началась.

Взревели горны, выдувая торжественно-отчаянную мелодию, и мелодия эта, грохочущая камнями и падающая звеньями лопнувшей цепи, на какой-то миг наполнила весь доставшийся им хмурый мир до самых его краев, а потом разорвала серый день в клочья. И тогда, в ответ на выстуженный гомон труб, прогремел многоголосый рев, сложенный отрывистыми приказами командиров, воплями солдат, выкрикиваемыми прямо в парусиновое небо рыцарскими девизами и боевыми кличами. Оттуда, от подножия холма, от места, где вот-вот развернется дымящая рана в плоти мира, нарастал закладывающий уши грохот. Вот и все, подумал Артур с облегчением. Наконец-то все, больше не нужно ждать, началось. Гора, прижимавшая его к земле, внезапно исчезла. Айтверн только теперь понял, до чего же измучили его все эти невыносимые недели, следовавшие непрерывным потоком осточертевшего ожидания. Больше не нужно ждать, монета подброшена, осталось лишь проследить, как она упадет. Он улыбнулся.

Артур подался вперед, до рези напрягая глаза и жалея, что не может сейчас оказаться там, впереди, на острие только что спущенной стрелы. Среди солдат, которые будут сегодня

убивать и умирать под его знаменем, знаменем с изрыгающим пламя драконом. Он привел их сюда, и до остервенения жалел, что не может разделить их участь.

— Блейр, — окликнул Артур оруженосца. — Поди-ка сюда... Изволь напомнить, ты вроде утверждал, что уже бывал в бою?

Блейр Джайлс, напряженный, натянутый, как готовая лопнуть струна, резко кивнул:

— Да, сэр. Я дрался при штурме Тимлейна.

— При штурме Тимлейна... Под командованием своего прежнего господина, как я понимаю. В сравнении со мной, мастер Джайлс, вы получаете настоящим ветераном. Что вы чувствуете сейчас, перед этим боем?

Лицо Блейра — лишенная выражения каменная маска.

— Ничего, сэр.

— Даже так? Вас не тревожит, что на другой стороне поля — ваши бывшие соратники?

Оруженосец пожал плечами:

— Я присягал вам. Прошлое осталось в прошлом. Я служил лорду Александру, но лорд Александр убит, а с его друзьями меня ничего не связывает.

— Хорошо, если так. Оставайся подле меня, — приказал Айтверн и тут же забыл о Блейре, потому что творящееся на поле полностью завладело его вниманием. Там, на широком просторе, уже начинали вращаться мельничные колеса судьбы. Тяжелой черной рекой, составленной из сотен и сотен людских песчинок, медленно двигались, переползая по земле словно по карте, отряды. Вперед, в атаку на оцетинившиеся лесом копий силы Кардана, выступили расположенные по центру армии Запада пехотные отряды, составленные из наемников и земельного ополчения. Ладно еще ополченцы, но вот наемников Артур не особенно уважал и не очень ценил. Красная кровь, черная кость, ничего достойного. Таким алебарду в зубы — и вперед, штурмовать стену вражеских щитов. Наемники, они не за совесть, за монету служат, носят на щитах чужие гербы за неимением собственных и подчиняются лишь тому, кто больше заплатит. Ни один уважающий себя дворянин не сядет за один стол с эдаким отребьем, зато если нужно кем-то пожертвовать, отребье сгодится как нельзя лучше. В начинающейся игре пехотинцы служили не более, чем приманкой для врагов. Пусть утянут за собой расположенную по фронту сил узурпатора тяжелую конницу, главную ударную силу неприятеля. А дальше начнется раздолье для настоящих рыцарей. Главное, чтоб враги клюнули на наживку.

Алебардисты ломались прямоком на вражеские шеренги, те отвечали залпами стрел, срывающихся с тетивы, дабы вонзиться в небо и тут же рухнуть вниз. Иные из стрел, не находя цели, падали на землю, другие вонзались в выставленные дубовые щиты, третьи же находили себе человеческую плоть. Прежде чем айтверновские наемники успели докатиться до мятежников, те смогли сделать несколько залпов, изрядно проредивших первые ряды наступавших. В дотоле сплошной линии алебардистов то здесь, то там появлялись разрывы, поспешно заполняемые приходившими на смену убитым бойцами запаса. А потом разливающаяся весенним половодьем река наконец накатила на готовые встретить ее утесы. Артур чуть не вскрикнул. Там, внизу, творилось сейчас нечто совершенно невообразимое и никогда им прежде доселе не виданное. Конники Кардана пустили лошадей в скачку, втаптывая в землю рискнувших атаковать их наглецов. И без того уже дрогнувшая передняя линия айтверновской пехоты была немедленно разбита вдребезги. Длинные копья из старого-доброго шоненгемского дерева насквозь пронзали всех, оказавшихся на пути у атакующей кавалерии узурпатора. Славно подкованные конские копыта сбивали пехотинцев

с ног и затапывали насмерть, перемалывая кости в труху, от доносящихся предсмертных воплей разболелась голова. Не прошло и минуты, как от выстроенных будто на парад рядов ополченцев осталось лишь воспоминание, авангард был полностью уничтожен, а арьергард превратился в панически бегущую толпу, потерявшую всякое представление о порядке и дисциплине. Рыцари узурпатора гнались за ними, добывая на ходу, выдергивая копья из падающих тел и тут же устремляясь за новыми целями. Топот копыт гремел подобно сходящему с гор камнепаду, разноцветные плюмажи били хохочущих от азарта всадников по плечам.

Приманка сработала. Кавалеристы Кардана все глубже и глубже проваливались на позиции ополченцев Запада, слишком увлеченные преследованием бегущих наемников. Вслед за передовыми отрядами конницы в наступление переходили новые силы. Они со спины напирала на своих более ретивых товарищей, выдавливая их в самое сердце расположения айтверновских войск. А вот теперь, когда мыши с восторженным визгом набросились на сыр, пора и прихлопнуть ловушку. Вновь прогремели трубы, и расположенная на далеко вынесенных по краям поля флангах конница Айтвернов вступила в дело, устремившись напрямик кардановских воинов, оказавшихся между правым и левыми крыльями верной Ретвальдам армии. Рыцари Гледерика оказались зажаты в клещи, очутились между двух огней. С правого фланга в атаку на них пошли люди Данкана Тарвела, осененные Медведем Стеренхорда — сеньоры срединных земель королевства, принявшие решением их господина союз с самым западным из великих домов. С левого фланга, от самого вильнувшего к северу всхолмья устремились на врага вассалы самого Артура, предводительствуемые Роальдом Рейсвортом. Шли они под знаменем Рыжего Кота. Герцог Айтверн не мог видеть со своего холма ни наставника, ни родича, но не сомневался, что те скажут прямо во главе своих воинов, не уступая никому чести первыми дорваться до вражеской крови.

Завидев нового, на сей раз уже серьезного, а не шуточного противника, мятежники остановили коней, изготовившись к обороне. Позиция им досталась не самая удачная, но отступить было бы еще глупей. Они сами только что убедились в том, до чего же беззащитно отступающее войско, да и не ради того, чтобы отступить, они сюда заявили.

Время истончилось до предела. Артур уже не смог сдерживать бьющей его экстатической дрожи, неотличимой от любовного возбуждения, словно охвативший ожидающих рубки воинов трепет передавался и ему самому. Он бы продал что угодно и кому угодно, лишь бы оказаться сейчас там, вместе с ними, однако мог лишь наблюдать. И он наблюдал. Наблюдал за тем, как рыцари наконец сшиблись друг с другом, видел, как разлетаются в щепки копья, сталкиваются щиты, вылетают из седел наездники — иные, чтобы подняться и выхватить мечи, иные, чтобы уже не встать. Вот оно! Вот оно. Тот самый ничем не ограниченный, всеподавляющий хаос подготовленного им момента. Высокие лорды, умудренные опытом многолетних интриг, сплетали свои сети, направляя реальность по одному им удобному руслу, поворачивая мир мановением политических рычагов, будто мир был огромным проржавевшим механизмом. Планы громоздились на планы, марионетки плясали, подчиняясь натяжению удерживающих их нитей, и все ради единственной цели, короля с древним именем, севшего на Серебряный Престол. Он был умен, этот король, и до последнего выстраивал собственный порядок, оберегая его от малейшего дуновения хаоса. Он избегал войны, потому что война была лишена логики, смысла и последовательности, и могла уничтожить его блестящие планы. Но он все-таки не смог избежать этой войны, как

бы ни старался. Отныне все решала не политика, а меч.

Артур стоял и смотрел. На бьющиеся в судорогах полки, давно перемешавшиеся, так что не поймешь, где друг, где враг. На чужие безумие, боль и ярость. Такие наполненные смертью дни рождают славу, живущую потом многие сотни лет, подумал молодой герцог Айтверн, но эта мысль не принесла ему никакого удовлетворения. Удовлетворение могла принести только победа. Он снова, в который уже раз, подумал об отце, и впервые ощутил настоящую печаль. Артуру очень захотелось, чтобы лорд Раймонд вдруг оказался здесь, живой, и увидел, что сделал, что смог, чего добился его сын. "Прости меня, папа... Я очень часто думал о тебе в эти дни, и всегда думал не то. Злился на тебя, обижался, переливал из пустого в порожнее. А сейчас мне просто хочется, чтобы ты был рядом, и... нет, даже не гордился мною, а просто был. Мне тебя не хватает".

Он стоял и смотрел, а битва кипела, исходя кровью и потом, и не было ей конца.

Айтверн не понял, откуда вдруг появился Блейр, чтобы схватить его за рукав и извлечь из переплетения звуков и красок:

— Лорд Верховный констебль! Да что вы, вообще уснули, бес вас раздери!

— Что еще такое? — вскинулся Артур, сбрасывая руку Джайлса со своего локтя. Айтверн чувствовал себя так, будто и впрямь только что очнулся ото сна. Вокруг что-то орали королевские гвардейцы, обнажая оружие, люди на вершине холма стремительно поддавались нарастающей вокруг тревоге. Блейр указал на север.

— Эрдер обошел нас с фланга, сэр, и прорывается сюда!

Артур рванул к северному склону, гвардейцы расступались, открывая ему дорогу. Айтверн остановился, глядя вниз. Вскормившая Дева, их и впрямь обвели вокруг пальца! Несколько десятков вражеских всадников зашли далеко за окаймлявшую поле боя гряду и теперь скакали к ставке Ретвальда неширокой ложбиной. Кони мчались во весь упор, доспехи рыцарей блистали даже при нынешнем сумеречном свете, стальные наконечники копий глядели вперед. Врагов было всего несколько десятков, но и при Артуре находилось не так уж много солдат, а к тому же он прекрасно видел стяг, под которым летели сюда неожиданные гости. Серебряный Грифон Эрдеров, знак повелителей Шоненгема, знак человека, чей предок сто лет назад был убит его предком — тогда, в самом начале начал.

Впереди кавалькады, на несколько корпусов обогнав своих товарищей, несся вперед рыцарь верхом на исполинском вороном жеребце, единственный в отряде, кто носил доспехи черные, как сама ночь. Всадник казался клоком непроглядной тьмы, той самой, была до начала времени.

Джейкоб Эрдер. Кто же еще. На миг Артур почувствовал к врагу уважение — тому все-таки хватило мужества явиться сюда самому, чтобы дать бой. Возбуждение, и без того владевшее Айтверном, стало нестерпимым, прожигая его, как огонь. Он хотел битвы — и что ж, битва пришла к нему сама. От азарта часто-часто застучало сердце.

— Занять оборону! — крикнул Артур солдатам. — Построиться в линии! Первая линия, разомкнутым строем! Выставить пики! Поднять щиты! Вторая линия, зарядить арбалеты! Ждать команды!

Приказы срывались с его уст один за одним, и, спасибо же тебе, Боже, что не оставил своей милостью, Артур увидел, что люди без всяких колебаний подчиняются его приказам. Они разделились на шеренги, занимая позиции на самом верху и ожидая, пока враги приблизятся на достаточное расстояние. Артур обернулся, и, увидев выскочившего откуда-то Ретвальда, крикнул ему:

— Гайвен, садись на коня, бери охрану и скачи отсюда во весь опор!

— Я не брошу моих людей! — заорал в ответ принц. — Я остаюсь!

— Кровь и пекло! Тогда хоть отойди назад, пока стрелу не поймал!

А гвардейцы Эрдера тем временем уже достигли подножия холма и начали подниматься вверх по его пологому склону. Глухие, с прорезями лишь для глаз, шлемы, прямоугольные щиты с нанесенным на них все тем же проклятым черным волком, оскаленные, распахнутые в диком ржании конские морды. Кто же так загоняет лошадей, вы, дураки!

— Вторая линия, взять цель! — крикнул Айтверн арбалетчикам. — Три, два, залп!

Все болты вылетели почти одновременно, по его команде. Темные деревянные рыбки стрел завизжали, ныряя в прохладный воздух и несясь вперед и вниз. Выпущенные почти в упор, большинство из них все же не нашло цели — они застряли в толстых щитах или чиркнули по доспехам, лишь несколько вонзились в коней, повалив тех на землю вместе с наездниками. Удивительно, но Джейкоб Эрдер, скакавший впереди всех, остался цел и невредим, словно защищаемый своим ангелом-хранителем. Герцог Севера все так же несясь вперед, напоминая изваяние из мрака, и ничто не могло остановить его.

— Вторая линия, убрать арбалеты, достать мечи. Первая линия, сомкнуть ряды, держать строй! — приказы рождались сами собой, отдавая их, Артур не испытывал никаких сомнений.

Гвардейцы тесно вставали плечом к плечу, готовые дать отпор неприятелю. Стоявшие сзади воины прятали за спины сделавшиеся бесполезными разряженные арбалеты и доставали клинки. Слушая, до чего же громко стучит кровь у него в ушах, Артур последовал примеру своих солдат и одним быстрым движением выдернул из ножен меч. Сталь запела, пропарывая пустоту. Герцог Запада замер, залюбовавшись нанесенным на лезвие сложным узором, а потом встал в позицию, изготавившись к бою.

Не успел он и пару раз вздохнуть и выдохнуть, как всадники Эрдера взлетели наверх, звеня железом, и ожиданию пришел конец. Артур увидел, как скачущий во весь опор повелитель Севера швырнул вперед свое копье, и оно пробило насквозь щит стоявшего впереди воина и вышло у того между лопаток. Лорд Джейкоб вскинул щит, с невиданной силой отбив брошенную в него пику, так, что она отлетела прочь и покатила куда-то вниз по склону, а затем выхватил меч. Герцог взмахнул клинком, надвое перерубив еще одну рванувшуюся к нему пику. Правя одними лишь коленями, он поднял коня на дыбы, сбил наземь и затоптал оказавшегося на его пути пехотинца. Рванулся прямо в образовавшийся в гвардейском строю просвет, опять взмахнул мечом, парируя чей-то выпад, сам тотчас нанес удар, оказавшийся для кого-то смертельным. Артур помнил, что о Эрдере ходила слава одного из лучших бойцов Иберлена, но лишь теперь он убедился в истинности этой славы. Остальные северяне бились за спиной своего вырвавшегося вперед повелителя, они так и не смогли пробиться сквозь выстроенный солдатами Ретвальдов заслон. Рыцари в тяжелой броне один за одним оседали вниз, когда их коней пронзали выставленные копыя, но ничто из этого не имело значения, потому что Джейкоб Эрдер уже прорвался на вершину, и ни один клинок не мог его достать.

Артур выхватил меч у оказавшегося подле него солдата, размахнулся им как следует и бросил тот меч в герцога Севера — почти так же, как бросал бы кинжал. Эрдер тут же развернулся в седле и вскинул оружие, отшвырнув в сторону брошенный в него клинок точно так же, как незадолго перед этим отбивал копье.

Артур взялся за щит и бросился вперед, навстречу гарцующему на своем вороном

скакуне лорду Джейкобу. Айтверн припал на колени и метнул щит, надеясь перебить жеребцу ноги. Эрдер поднял коня на дыбы, но щит все-таки саданул жеребца по задним ногам, и те подкосились, увлекая коня вместе с всадником на землю. Сноровка не изменила лорду Джейкобу, и он, вылетев из седла, немедленно поднялся на ноги, вознесшись непроглядно-черной металлической статуей. Какой-то из гвардейцев попробовал достать Эрдера со спины, но герцог вновь каким-то нечеловеческим чутьем распознал опасность и, развернувшись с изяществом, почти невысказанным для одоспешенного воина, снес противнику голову с плеч. А потом оглянулся и, найдя взглядом Артура, отсалютовал юноше сквозь разделявший их хаос.

Айтверн стоял, как вкопанный. Артур был хорошим фехтовальщиком, знававшим немало других, не менее хороших фехтовальщиков, но увиденное сейчас казалось невероятным, невысказанным, совершенно невозможным. Даже едва не одолевший его Александр Гальс не владел оружием и собственным телом с таким пугающим совершенством. В отличие от этого противника.

Пальцы Артура крепче сжали эфес, и он пошел вперед, неспешно отмеряя каждый свой шаг и выравнивая дыхание. Расстояние между ним и Эрдером казалось огромным.

Когда они достаточно сблизились, Джейкоб заговорил:

— Здравствуй, герцог. — Доносившийся из-под забрала голос повелителя Севера был глух. — Обстоятельства нашей встречи не самые приятные.

Артур усмехнулся, крепче перехватывая меч:

— Ваша правда, герцог. Но все же я рад, что вы изволили заглянуть к нам на огонек. Выпивки и закуски не обещаю, менестрелей тоже не нашлось, зато вот танцев — сколько пожелаете.

Эрдер задумчиво наклонил закованную в железо голову вперед, меняя стойку на более удобную:

— Скажите мне, Айтверн... Почему все мужчины в вашем роду такие шутники?

— Это наверно потому, что вы — до отвращения серьезны. — И, не тратя более времени на разговоры, Артур сделал пробный выпад. И когда этот выпад был с потрясающей скоростью отбит, Айтверн понял, что впервые в жизни ему достался противник, который не просто дрался лучше его, но бывший совершенно непобедимым. Джейкоб Эрдер был гораздо сильнее и быстрее. Ловчей. Искусней. Опытней. Артур смог сделать всего один выпад, а потом на него обрушился настоящий шквал ударов, каждый из которых намного превосходил все то, с чем он когда-либо сталкивался. Айтверн успел выставить несколько блоков, потом не то чтобы промешкал, просто не справился с вражеским натиском, и успел заработать парочку неглубоких, но обильно кровоточащих порезов. Артур отступил, разорвав дистанцию.

— Ваш отец сражался лучше... — задумчиво сказал Эрдер. — У него однажды даже получилось меня победить. У вас не получится.

Он мог бы этого и не говорить. Артур уже понял, что противник достался ему не по зубам. И все же Артур не умел отступать, не привык к отступлениям, не научился их делать, да и не желал учиться. Мужчина никогда не бежит, мужчина дерется, а потом побеждает или умирает. Подавив обычно несвойственный ему страх, загнав его прямо в то зловонное, мерзкое нутро, откуда тот выполз, Айтверн бросился вперед, делая новый выпад и вкладывая в него все свое мастерство, сколько того мастерства имелось. Эрдер не успел парировать, но меч просто скользнул по доспехам, так и не добравшись до запримеченной Артуром щели в

их сочленении.

— Сэр Артур! — закричал Блейр. — Сэр Артур, стойте, вам с ним не справиться!

"А то я сам не догадаюсь..." Айтверн скользнул в сторону, по-прежнему удерживая Эрдера на расстоянии двух ударов мечом, и воспользовался передышкой, дабы оглядеться. Схватка вокруг уже замирала, приведенные Джейкобом всадники так и не смогли преодолеть выставленный против них заслон, и либо полегли, либо откатились к подножию холма. Биться с лучшими королевскими гвардейцами — совсем не то же самое, что гонять по ровному месту всякий наемный сброд. Теперь уцелевшие ретвальдовские пикинеры и арбалетчики начинали окружать Эрдера и Айтверна широким полукольцом, не решаясь однако вмешаться в поединок. А ведь они могут все-таки вмешаться, подумалось Артуру. Достаточно лишь приказать им. Просто сказать пару слов, и все будет закончено. Даже самому искусному из всех рожденных на земле воинов не справиться со столькими противниками разом. Эрдеру не выжить, подумал Артур и тут же изорвал предательски-соблазнительную мысль в клочья. Не пристало побеждать таким путем.

— Успокойся, Блейр, — сказал Артур оруженосцу, — смогу я справиться с герцогом Эрдером или нет — это мы сейчас проверим. Только вы, господа, извольте не вмешиваться.

— Герцог Айтверн! Остановитесь!

Артур почти не удивился, услышав голос Гайвена Ретвальда, напротив, он испытал облегчение. Значит, наш принц таки уцелел в нынешнем бедламе. Гора с плеч.

— Что такое, ваше высочество? Вам что-то нужно? — спросил Айтверн небрежно, скосив глаза в сторону Гайвена. В своих белых доспехах принц казался кривым отражением Эрдера — белый рыцарь против черного. Вот только шлема Гайвен не носил, да и вообще броня на нем не шла и в сравнении с надетой лордом Джейкобом — легкая и изящная, едва ли она могла столь надежно хранить от клинков и стрел. Артуру сделалось не по себе, когда он поймал взгляд своего сюзерена.

— Мне нужно, чтобы этот поединок был прекращен, — бросил Ретвальд, подходя ближе. Артур никогда прежде не замечал за принцем, чтобы он говорил в подобном тоне. Настолько властно. — Герцог Эрдер! Я сохраню вам жизнь, если вы прикажете своим войскам сложить оружие.

Дворянин, завидевший законного наследника престола, обязан выказать ему знаки почтения, на худой конец просто поклониться, но Джейкоб Эрдер даже не шелохнулся.

— Я не могу отдать подобного приказа, потому что мои войска подчиняются не мне, а подлинному государю, — сказал он все так же глухо. — Да и не буду я сдаваться на милость отродья узурпатора.

— Вы не считали моего отца настоящим королем, это так, — голос Гайвена нехорошо зазвенел, — но вы сидели за его столом и спали под его крышей. А потом вы его продали. Вы носите рыцарское звание, так неужели позабыли об этом?

— Мастер Гайвен... Лорд Ретвальд... — видно было, что Эрдер колеблется, не зная, как именовать своего собеседника. — Не стану отрицать, лорд Ретвальд, на том пути, что я избрал, мною было совершено много таких вещей, за которые мне будет стыдно до конца моих дней. Я не раз нарушал обеты, которым клялся следовать, и уронил свою честь. Да, это так. За все, мной сделанное, я буду держать ответ перед Господом, когда придет мое время. Но я делал это не ради пустой прихоти, а ради Иберлена. Вы не король, лорд Ретвальд, и ваш отец не был королем. Я предпочел запятнать собственную честь, но зато спасти честь Иберлена. Груз, что я на себя принял, был принят мною ради нашего народа. Я не намерен

оправдываться за свои дела и не намерен кланяться перед вами. Я один, а ваших людей много. Хотите убить меня, убивайте. Я не хочу смерти, но унижаться перед вами не буду.

Гайвен остановился напротив лорда Джейкоба, положив ладонь на эфес шпаги. Слипшиеся от пота черные волосы падали ему на глаза, принц держался очень ровно и прямо, только лишь чуть-чуть опустил подбородок.

— За то, что вы сделали с моим отцом и за то, что вы хотели сделать с дамой, которую я люблю, мне следовало бы четвертовать вас, — сказал он тихо. — Мне следовало убивать вас так долго, что смерть сделалась бы для вас желанной. Но ваши преступления были совершены ради страны, в которой я родился и которой буду править, и потому мне жаль, что мы враждуем. Окажись все иначе, я был бы рад видеть вас среди моих советников, но после всего случившегося это невозможно. Вы умрете, герцог Эрдер, но умрете быстро. Сс своей стороны обещаю, что ваш сын будет прощен мною и унаследует ваш титул и владения, если откажется поддерживать мятеж.

Джейкоб Эрдер молчал долго — наверно, не меньше минуты.

— Если вы одолеете Кардана, Эдвард будет с вами, — сказал он наконец. — Я очень надеюсь, что будет. Я все же не лорд Камбер, чтоб желать смерти собственным детям. А если Кардан одолеет вас, Эдвард продолжит мое дело. Впрочем, я этого уже не увижу. Делайте, что хотите, я ко всему готов.

Гайвен коротко кивнул, очевидно собираясь отдать приказ солдатам, когда Артур вдруг понял, что не может допустить, чтобы все закончилось — вот так. Не может. Что бы ни натворил Эрдер, он заслуживал честной смерти, в бою, а не от палаческого топора.

— Ваше высочество, — услышал Артур свой голос, — позвольте нам с сэром Джейкобом завершить то, что мы начали. Я буду просто несчастен, если не смогу решить наш с ним спор при помощи меча. Герцог Эрдер, полагаю, тоже, — говоря это, Айтверн старался выглядеть как можно более беззаботным, нацепив на лицо привычную легкомысленную улыбку.

— Я не могу рисковать жизнью моего лорда-констебля, — сказал Ретвальд.

— В самом деле? — Улыбка Артура сделалась еще шире. — Но, боюсь, вам придется рискнуть. Герцог Эрдер покушался на меня и мою сестру. Я должен до конца уладить свое с ним непонимание, это дело чести. Вы же не посмеете мешать мне уладить дело чести?

Господи, до чего же все это, однако, похоже на совсем другую сцену, также разыгранную им и Гайвеном, сцену, в который нынче те же актеры поменялись ролями. "Я же не смог удержать тебя тогда, Гайвен, но надеюсь, что и ты не сможешь удержать меня сейчас. Потому что я не могу не вмешиваться. Не могу оставить все так. Не могу обречь Эрдера на низкую смерть. Не могу сам трусливо остаться в стороне и не отомстить ему за все. Не могу промолчать. Не могу. Тысяча разных "не могу", ну куда мне от них деваться?"

— Вы не можете драться, герцог Айтверн! — принц почти выкрикнул эти слова. Смотреть на него было поистине страшно. Что он вспомнил сейчас, интересно? Звон клинков и насмешки узурпатора? Вылетающую из рук шпагу? А может, впечатавшийся ему в лицо кулак?

— Я могу все, что захочу, — Артур не имел желаний сдаваться, его захватила привычная пряная волна, — вы не вправе мне препятствовать, когда речь заходит о моей чести. И я не нуждаюсь в ничьей заботе, и меньше всего — в вашей. Кем вы себя возомнили, любезнейший? Моей нянькой? Моим отцом? Это моя жизнь, и если я захочу с ней расстаться — значит, расстанусь! Не вам мне мешать!

— Делайте, что хотите, — сказал Гайвен сухо, делая несколько шагов назад. — Желаете сложить голову — воля ваша.

— Наконец-то разумное решение! — обрадовался Артур. — Благодарю, милорд, солнце еще не успело закатиться, а вы уже прекратили мне препятствовать. — Он изобразил шутовской поклон, а затем обратился к Эрдере: — Ну как, Джейкоб, вы еще не успели за всеми этими страстями соскучиться? Уверяю, мой меч быстро разгонит вашу застоявшуюся кровь.

Лорд Джейкоб, закованный в черный металл, суровый, прямой, совершенно неподвижный и казавшийся неживым, в ответ на это заявление негромко сказал:

— Не понимаю... Зачем вся эта бравада, Айтверн? Мы оба сознаем, вам меня не победить. Вы идете на верную смерть.

— Может быть, — прошептал Артур, — может быть, вы и правы, сэра. Но, знаете... Честная смерть иногда лучше лживой победы.

Айтверн был бы рад не слышать следующие слова лорда Джейкоба, он много чего бы отдал, чтоб их не слышать:

— Вы действительно благородный человек, милорд, — признал повелитель Севера. — Жаль, что нам выпало сражаться друг против друга.

— К черту расшаркивания! — крикнул Артур и бросился вперед. Первый выпад дался ему очень легко, был проделан все на тех же подстегивавших его азарте и злости. При соприкосновении меча лязгнули, Джейкоб Эрдера даже отступил на пол-шага, когда ставил блок. Затем северянин как-то особенно уж ловко отвел клинок Айтверна и попробовал уколоть юношу под ребра. Артур подался чуть в сторону, сталь скользнула у него по боку, порвала камзол и пересчитала кольца надетой под ним кольчуги. Айтверн тут же развернулся и обрушил клинок на Эрдера. Тот даже не стал парировать. Тяжеловооруженные воины мало полагаются на фехтование, и их можно понять — при такой-то броне. Вот и сейчас нанесенный Артуром удар принял на себя загремевший доспех. На стальном нагруднике осталась вмятина, но не более того. Лорд Джейкоб качнулся, подавшись назад, но мгновенно выпрямился и сам атаковал, нацелившись в лицо. Артур лишь в самый последний момент успел отдернуть голову, невероятной удачей избежав смерти. На нем не было тяжелых лат, таких, как на Эрдере — и теперь он понимал, какой ошибкой было не надеть их перед боем, ограничившись одной только кольчугой, наивно думая, что не придется драться. Айтверн сделал еще один шаг назад — то была еще одна уступка напавшему врагу. Зазвенела сталь — прямо перед его лицом. Горели и жгли уже полученные царапины, а плечи и руки начинали тяжелеть от усталости. Артур привык думать, что не в его правилах отступать перед лицом врага — но все-таки он отступал. Его с детства учили драться, искусство боя, казалось, сделалось частью его натуры — и все же это искусство не могло его сейчас спасти. Айтверн хорошо это понимал. И все же дрался. Раскаленный воздух. Раскаленная решимость. Верный меч. Уколы и финты, атаки и защиты. Его жизнь и его судьба.

Когда мечи снова скрестились, лязг едва не оглушил его. Эрдера оказался совсем рядом. Артур поставил блок — но герцог Шоненгема без труда этот блок проломил. Острие вороненого клинка скользнуло по груди, чудом не разорвав кольчугу. Сердце обожгло болью, из легких с шумом вырвался воздух. Артур пошатнулся и вновь отступил, в который уже раз. Снова столкнулись мечи — столкнулись и разлетелись, словно пошедшие на лихой вираж атакующие коршуны. Айтверн в очередной раз попробовал атаковать противника в щель

между латами — и в очередной раз не преуспел в этом. Лорд Джейкоб легко парировал, а потом крутанул кистью и выбил у Артура клинок.

Артур Айтверн стоял напротив повелителя Севера, и грохот только что окончившегося его поражением поединка все еще отдавался у молодого человека в ушах. Голова болела, а перед глазами мутилось и расплзались темные пятна. Теперь он понимал, чем пахнет настоящее поражение — оно пахло растерянностью, а еще страхом. Но сеньор Малериона не имеет права показывать слабость ни перед чьим лицом — и потому Артур сделал все, чтоб скрыть этот страх. Герцог Айтверн выпрямился и расправил плечи, стараясь принять бесстрастный вид. Умелый или неопытный, он все же был Верховным констеблем Иберлена и потомком Драконьих Владык, а значит, не имел права бояться. И не собирался просить о пощаде. Он сам бросил Эрдеру вызов, и считал унижительным надеяться теперь на милосердие врага. Пусть Эрдер делает, что захочет. Артур сожалел лишь, что подарил тому мальчику по имени Фредгар кинжал — останься кинжал сейчас при нем, остался бы и еще хоть какой-то шанс продать свою жизнь подороже.

Джейкоб Эрдер, не говори ни слова и никак не выказывая радости по поводу победы, поднял меч острием к небу, словно салютовал. Лезвие клинка чуть-чуть качнулось, а потом застыло. По шеренге солдат прокатился шепоток. Герцог Севера молчал, будто что-то прикидывая в уме, Айтверн не слышал даже его дыхания.

— Довольно, — кто выглядел взволнованным, так это Гайвен Ретвальд. С отстраненным, безучастным вниманием Айтверн заметил тревожно бьющуюся на шее у принца жилку. — Вложите меч в ножны, герцог Эрдер, — приказал наследник престола. — Бой окончен.

Лорд Джейкоб и не подумал выполнять распоряжение Гайвена. И в самом деле, с чего бы главарю мятежников подчиняться воле человека, против которого он собственно и воевал?

— Бой окончен, это верно, — согласился Эрдер, — но что мне делать дальше, решу я сам. Я победил этого человека, и считаю себя вправе забрать его жизнь. — Клинок вновь качнулся из стороны в сторону, как потревоженные качели. — Вполне хороший размен, по моему, — сообщил северянин. — Мой государь Гледерик лишается своего ближайшего сподвижника, вы же не оставите меня в живых, но зато и сами окажетесь без полководца. Его величество не сможет сказать, что я дурно ему послужил... — Эрдер перенес вес своего тела с левой ноги на правую, выставив ту вперед, и демонстративно приготовился к атаке. Артур против собственного желания инстинктивно попятился. — До свидания, герцог, — сказал ему лорд Джейкоб, занося меч над головой — и не успел его опустить. Потому что принц Гайвен бросился к нему, на ходу вырвав из ножен шпагу и сделав выпад. Клинок чиркнул по нагруднику, но и этого оказалось достаточно, чтобы Эрдер пошатнулся и не нанес удара. А потом, в одну и ту же секунду, произошло много разных событий. Слишком много, чтобы один человек смог осознать их все.

По рядам воинам пронесся гул. Кто-то взводил бесполезные сейчас арбалеты, бесполезные, потому что кто же решится стрелять по дерущимся людям, когда один из которых твой государь. Кто-то оказался умнее и, схватившись за меч или топор, ринулся к месту схватки. Артур, преодолев охвативший его ступор, двинулся вперед — медленно, как ему показалось, очень медленно, с трудом проскальзывая через секунды, сделавшиеся огромными, неповоротливыми гранитными глыбами. Но если бы молодой герцог увидел себя со стороны, то узнал бы, что движется с неестественной, совершенно невозможной для

смертного человека скоростью. Внезапно стало очень тихо, Айтверн совершенно перестал различать звуки — зато зрение его обострилось, все линии вокруг сделались очень четкими, а цвета яркими. И в этой болезненной тишине он увидел, как Джейкоб Эрдер разворачивается и вновь заносит оружие, чтобы на сей раз обрушить его на Гайвена Ретвальда и разрубить принца от плеча и до пояса. Фигура герцога Севера, доселе зримая очень ясно и четко, вдруг стала расплывчатой и потекла, опущенное забрало исчезло, и Артур увидал лицо — очень похожее на лицо лорда Джейкоба, несущее на себе отпечаток той же семьи, но все же немного другое. С более тяжелыми чертами и массивным подбородком, очень усталое и совершенно отчаявшееся. Камбер Эрдер, регент Иберлена.

"Я остановлю тебя... брат. Даже если мне придется убить тебя во второй раз."

Кто это подумал?! Он сам, Артур, сын Раймонда — или его давно опочивший предок, Радлер Айтверн, звавшийся Золотым Герцогом?!

"Какая разница, мальчик? Мы все здесь. Мы все живы. Мы все с тобой. И мы не позволим тебе проиграть."

А времени, все же, нет. Совсем нет времени. Ни капли, ни вздоха, ни грана. Сейчас меч лорда Джейкоба упадет, разрубая доспех, рассекая плоть и круша кости — и все закончится насовсем. Время ушло, осталось одно-единственное мгновение — но, странное дело, это мгновение продлится достаточно, чтобы успеть подхватить и удержать мир.

Прорвавшись сквозь вязкое и плотное время, раздвинув его, как ширму, Артур схватил принца Гайвена за плечи и потянул назад, на себя, рванул со всей силой. И вовремя, потому что спустя секунду лорд Эрдер все же сделал свой выпад, закончив наконец стремительное движение клинка сильным и хлестким ударом. И все же повелитель Севера опоздал. Ретвальд и Айтверн упали оземь и покатались по траве. Артур вскочил первым, оттолкнувшись от земли рукой. Сейчас все зависело от его скорости и быстроты. Айтверн быстро огляделся, ища хоть свой меч, хоть оброненную принцом шпагу, какое угодно оружие, лишь бы только не умирать. А королевские гвардейцы уже добежали до места их боя, и первый из них скрестил клинки с Эрдером, задержав его. Мечущийся вокруг да около взгляд Артура выхватил в толпе Блейра Джайлса, мальчишка бежал прямо к ним, расталкивая оказавшихся на его пути более рослых бойцов. А Эрдер тем временем с легкостью отбил направленные на него удары, с размаху отрубил правую руку одному из солдат и проткнул бедро второму. Рядом что-то неразборчиво пробормотал пытающийся сесть Гайвен, а пальцы Артура наконец-то сошлись на вожделенном эфесе. Ну, теперь повоюем! Айтверн покрепче сжал клинок, вспоминая все приемы и уловки, которым его учили. Должна же хоть какая-то из них наконец помочь. А Джейкоб Эрдер тем временем свалил с ног и проткнул насквозь очередного из противников, высвободил залитый кровью меч и направился прямо к Артуру. Он шел не спеша, тяжело, гремя доспехами, северянин явно начинал уставать, давал знать о себе возраст. Но даже утомившись, Эрдер оставался слишком могучим для Айтверна противником.

Эрдер двигался к намеченной цели. Один из солдат вырос у него на пути, вознамерившись остановить, но был тут же убит, рядом с Айтверном поднимался на ноги обезоруженный Гайвен, а за спиной повелителя Севера появился Блейр. Бывший оруженосец Александра Гальса прицелился и швырнул в спину Эрдера кинжал. Швырнул и промазал. Лорд Джейкоб тут же развернулся к нему лицом. Блейр попятился, не удержался на ногах и рухнул в траву, на лице мальчишки читались растерянность и страх. И тогда Артур, больше ни о чем не раздумывая и не колеблясь, бросился прямо на Эрдера, выставив перед собой

меч — и острое клинка, найдя наконец искомую щель в броне, вонзилось Джейкобу в левое плечо. Эрдер издал короткий сдавленный звук, не то смешок, не то стон, и отпрянул. Артур высвободил меч у врага из раны и едва успел отразить последовавший за тем удар — намного более могучий, чем все предшествовавшие, словно лорд Шоненгема черпал из своей боли новые силы. Мечи столкнулись особенно яростно, и бывший у Айтверна клинок, тот самый, взятый им из отцовской оружейни в день похищения сестры и прежде верно служивший деду, преломился у самого основания. В руках у Артура осталась одна только бесполезная рукоять. Джейкоб Эрдер вскинул меч для нового, теперь уж точно окончательного удара...

И тут мир изменился. Артур даже не успел понять, что произошло, когда вся окружающая его реальность потекла и расплавилась, будто нагретое на огне железо. Время вновь перестало ощущаться, и в обрушившемся ему на голову бесконечном "сейчас", лишенном протяженности и предела, Артур Айтверн увидел, как застыл уже готовый оборвать нить его жизни Джейкоб Эрдер. Застыл Блейр Джайлс, поднимавшийся за спиной Эрдера с колен. Замерли солдаты королевской гвардии. Все, до единого, будто обратились в мраморные статуи. И даже шум доносившейся от подножия холма то ли выигранной, то ли проигранной битвы затих и оборвался. В наступившей всеподавляющей тишине Артур мог слышать лишь стук собственного сердца.

А потом пришел свет.

Свет ворвался в этом пасмурный хмурый день, хлынул в него, как через раскрытое окно, сбивающим с ног потоком раскаленного добела сияния. Ослепительный, белейший, чистый, как горный снег, свет вышедшей из берегов рекой затопил вершину холма. Этот свет проходил сквозь бездвижные силуэты людей, и люди становились почти прозрачными и тонкими, утратившими объем картинками, будто вырезанными из бумаги. Все вещи вокруг делались плоскими, лишенными глубины, нарисованными, но не настоящими, тонувшими в текущей через них белизне. И там, где проходила белизна, не оставалось ни малейшей тени. Артур заметил, что свет течет из-за его левого плеча, и обернулся.

Гайвен Ретвальд стоял, широко распростерший руки и запрокинувший голову, распахнувший рот в беззвучном вопле, и искажающее мир пламя рвалось от него во все стороны, как огонь рвется из очага. Сияние исходило от Гайвена, распространялось прочь от него, подобно кругам, расходящимся по воде. Он был факелом, вспыхнувшим в ткани сумеречного бытия, источником, рождавшим свет.

Он и был светом.

Сила. Древняя Сила. Та, что течет в крови, та, что и есть кровь. Изученная Бердаретом Чародеем — там, на чужом материке, за семью морями. Принесшая первому из Ретвальдов победу в великой войне и иберленский престол, на Борветонских полях уничтожившая имперские армии. Отданная по наследству потомкам. Забытая, утраченная, легендарная. В нее никто не верил и ей никто не придавал значения. Мало ли какие чудеса творились в далеком прошлом, времена чудес прошли... Прошли, значит? *"Силу может разбудить мощное напряжение воли... яростное, страстное желание... или смертельная необходимость, великая нужда"*. Получается, вот она, эта нужда?

Артур стоял, смотрел и не верил собственным глазам. Происходившее здесь и сейчас было невозможным — однако оно было. От Гайвена в небеса бил столб света, настоящая пылающая колонна, почти достигающая облаков и видимая, должно быть, на многие мили вокруг. Айтверн не понимал, как он сам еще не ослеп, глядя на это. Артур поднял ладонь —

и удивился, заметив, что она осталась плотной, объемной и настоящей, ничуть не утратила своей реальности, вот только линии судьбы и жизни налились густой, тяжелой чернотой. Свет не пронзал Артура, как всех прочих стоявших вокруг людей, а обтекал стороной. Айтверн не мог понять, почему это так. Он вообще не мог ни о чем думать, пребывая среди ярящихся огненных волн. Древняя магия вернулась, и он сейчас стоял рядом с самым ее центром, в месте, где пробудившаяся воля законного иберленского короля разрывала на части пространство и время. Вот она, та самая Сила, благодаря которой предок Гайвена занял Серебряный Престол, не встретив никого, что посмел бы ему препятствовать. Единственный, кто мог бы посметь, умер раньше.

Течение света вдруг изменилось — оно перестало беспорядочно распространяться по сторонам, собираясь в единый поток, направленный в одну-единственную сторону. Туда, откуда уходил свет, вновь возвращались цвета и краски, и предметы обретали прежнюю свою сущность. Люди, переставшие больше казаться кусками раскрашенного пергамента, оживали. Они потерянно переглядывались, не понимая, что вокруг происходит, многие и вовсе падали без сознания, а иные принимались громко, с надрывом молиться — либо поминать дьявола и всех его бесов. Собравшееся в узкий луч сияние било прямоком в по-прежнему обездвиженного герцога Эрдера, заключая северянина в свои сети, делая его частью себя. Артуру внезапно захотелось зажмуриться или того лучше вовсе отвернуться, но он продолжал наблюдать за тем, как колдовской огонь пеленает герцога Шоненгемского. Айтверн не понимал, что заставляет его смотреть. Не любопытство, это уж точно, Артуру совершенно не хотелось знать, что произойдет сейчас с Эрдером, но закрыть глаза он не мог. Он должен был видеть. И он увидел, как идеально черные доспехи лорда Джейкоба меняют свой цвет, становясь молочно-белыми, чистыми, как облака на небе в погожий день, холодными, как зимний рассвет. А потом эти белые, вылепленные из снега доспехи, сделавшиеся одного оттенка с заключившим их в свои ладони светом, начинают таять. Как и пристало снегу, соприкоснувшемуся с огнем. И тогда слышится крик, исполненный таких боли и ярости, что Артур с трудом верит, что подобные боль и ярость вообще возможны. Доспехи Эрдера тают, распадаются на мелкие песчинки, рассыпаются белесым пеплом, растекаются в воздухе легким сырým туманом. Металла больше нет, есть только выгорающий в пламени пар. А потом исчезает и он, захлебывается крик, и больше нет ничего — ни лат, ни носившего их человека. Этот человек обратился в свет вместе с железом, в которое он сам себя заключил. Он весь растворился в пожравшей его Силе.

Все это закончилось так же внезапно, как и началось. Свет разом исчез, оставив по себе сумерки, покалывание на коже, да еще декабрьский холод, неожиданный посреди пусть и прохладного, но летнего дня. Все вокруг казалось очень странным, легким и совершенно иным. Айтверн перестал сознавать, где он и что он, в голове помутилось, он лишь смутно понимал, что стоит на коленях, опираясь руками о землю, а откуда-то сверху хлещет внезапно грянувший ливень. Тяжелые струи били его со всей силой, заливали за воротник и стекали по спине. Артур запрокинул голову и стал ловить ртом дождевую воду. Ему очень хотелось напиться, так сильно, словно он сорок лет ходил по пустыне. Просто пить холодную воду и ни о чем не думать, став одним целым с дождем. Ему очень хотелось этого, а больше — ничего. Потом Артур почувствовал, как на его плечо легла ладонь, казавшаяся ледяной даже сквозь ткань камзола и сталь кольчуги. Он поднял глаза.

Гайвен Ретвальд стоял прямо перед ним, и непонятно было, как его душа еще держится в теле. Мертвецов в гроб, наверно, и то кладут краше. Глаза принца бесцельно смотрели

куда-то в пространство, и Артуру даже подумалось, что сюзерен ослеп. Но потом, пусть и далеко не сразу, взгляд Гайвена все же сосредоточился на коленопреклоненном герцоге Айтверне. Губы Ретвальда шевельнулись, но он так ничего и не сказал.

Айтверн с немалым трудом, собрав последние остатки непонятно как сохранившихся сил, поднялся на ноги. Он осмотрелся по сторонам, то и дело мигая и мотая подбородком, как смертельно пьяный человек. Дождь по-прежнему лил как из ведра, под сапогами чавкала стремительно расползающаяся земля, а солдаты королевской гвардии, тем не менее, опускались прямиком в набухающую грязь. Те, кто еще мог это сделать. Воины становились на колени, обнажив мечи и вонзая их в землю. Артур выловил среди множества лиц Блейра Джайлса, и облегченно перевел дыхание. Хорошо, что парень уцелел во всем этом бедламе.

— Король... — пронесся по толпе шепот. — Король... Король... Наш король...

Артур вновь посмотрел на Гайвена, и подивился тому, каким усталым, старым и изможденным показался ему шестнадцатилетний наследник престола. И появилось в облике Ретвальда что-то еще, новое и кажущееся совершенно неправильным, но Айтверн никак не мог понять, что. Будто пелена застила зрение, а может, просто его измученный разум окончательно выбился из сил. Артур стянул с ладони перчатку и от души протер ею свой залитый потом лоб.

— Ваше высочество... — пробормотал он, — ваше высочество... Вы в порядке?

Гайвен медленно поднял ладонь и провел ею по лицу, старательно ощупывая собственный нос, скулы, подбородок. Постучал указательным и средним пальцами по лбу. И вновь Артура кольнуло чувство некой неправильности, проявившейся во внешности принца. А потом Айтверн несколько раз мигнул — и понял наконец, в чем заключалась замеченная им неправильность. Волосы Гайвена, прежде черные, утратили свой прежний цвет и сделались совершенно седыми, как у древнего-древнего старика. Они стали такими же белыми, как доспехи Эрдера за миг до того, как повелителя Полуночи принял в себя свет. Артур бездумно перекрестился, глотая ругательство.

Ретвальд, казалось, не заметил охватившего его вассала потрясения.

— Сам не понимаю, как оно случилось... — сказал принц хрипло и тут же закашлялся. Отвернулся и пару раз сплюнул на землю густыми кровавыми сгустками. Какой-то из гвардейцев, оказавшихся ближе всего, тут же вскочил, снял с пояса кожаную флягу и протянул Ретвальду. Гайвен благодарно кивнул и тут же обхватил губами горлышко. Начал пить — быстро, большими глотками, аж кадык задергался. Поседевшие волосы упали на плечи. — Сила моего пращура, — сказал Ретвальд отчетливо, когда вытер тыльной стороной ладони рот. — Это она, да? — Он чуть усмехнулся, скорее просто дернул вверх уголки губ. — Да, Артур, это она... Знаешь, на что она похожа? — спросил Гайвен уже тише, продолжая усмехаться, будто усмешка эта намертво к нему приклеилась. — Ты видел море? Когда-нибудь?

— Я вырос в Малерионе, — коротко сообщил Айтверн. Он смотрел на принца во все глаза и никак не мог забыть иссушающий свет, превращавший людей в неподвижные куклы. Крик лорда Джейкоба раз за разом вновь отзывался у него в ушах. — Я видел море, ваше высочество, вы только объясните мне, при чем здесь море.

— Эта Сила, — Гайвен все так же усмехался, — ее так много сразу, в ней нет ни берегов, ни края, и она безумна. Как море в шторм. Волна накатывает, и устоять нельзя. Когда вы дрались с Эрдером, я почувствовал... мне надо было очень многое изменить, а сам я не мог. Оно пришло, знаешь, как ответ, когда кричишь в темноту, а тебе вдруг отвечают, и

ты сам удивляешься, что тебе ответили. Я не знаю, как у меня получилось. Этого не было, потом появилось, и снова ушло.

Принц запрокинул голову и все-таки расхохотался — на такой манер, что не оставалось больше сомнений, что у Ретвальда истерика, и он того и глядишь грохнется в обморок. Сказать по правде, Артур не поручился бы, что сам сейчас не грохнется в обморок.

Айтверн отвернулся и двинулся к восточному склону. Его ощутимо пошатывало, и он не был уверен, что сможет далеко уйти на своих двоих. Впрочем, уходить далеко он и не собирался, следовало просто выяснить, что же творится сейчас в низине. На пути Айтверн возник капитан Грешвин, командир гвардейцев.

— Капитан, — бросил Грешвину Артур, — доставьте его высочество в лагерь и потрудитесь найти лекаря. Требуется тщательно осмотреть его высочество, возможно лорд Ретвальд нездоров.

Капитан коротко кивнул:

— Будет сделано, сэр. — Немного поколебался, а потом спросил: — Сэр, это была магия?

Артур устало подумал, что в ближайшие пару дней ему придется ответить на множество таких же вопросов. Если только не окажется, что Гледерик Кардан все же победил и сейчас скачет сюда, чтобы покончить с остатками своих врагов. Тогда на вопросы отвечать не придется.

Он так и не знал, чем же обернулся бой. Удалось ли покончить с неприятельским авангардом, не измыслил ли Кардан какой еще пакости, кто победил и кто проиграл, и что случилось с обеими армиями, когда на холмах началось форменное светопреставление. Если мастер Гледерик все же избежал поражения, то придется прямо сейчас что-то предпринимать, выигрывать войну, пока она еще не проиграна совсем. Артур весьма смутно представлял себе, как же именно теперь следует поступать. Но для начала, пожалуй, ему надо позаботиться о безопасности принца. Потом — увидеть, что происходит. Если они выиграли, все в порядке. Если они проиграли — собрать войска и отступить. Послать людей к Тарвелу и Рейсворту, нельзя терять связи со своими и вдвойне нельзя потерять их, своих, вовсе. Уберечь как можно больше людей, отойти на подготовленные позиции, занять оборону. Лагерь хорошо укреплен, но если все же не удастся закрепиться и там, надо будет уходить к Стеренхорду. От осознания последовательности не очень-то простых в сущности действий, которые предстояло совершить, Айтверну почему-то вдруг сделалось легко и спокойно на душе. Он подумал об этих и еще о целой куче других вещей, а потом сообщил напряженно ожидавшему его ответа офицеру:

— Да, капитан, это была магия. А теперь исполняйте приказ.

Глава шестнадцатая

— Властью, данной мне землей и водами, объявляю Коронный совет открытым.

Артур произнес полагающиеся случаю ритуальные слова с некоторой скукой, а потом отошел к окну, чтоб наблюдать оттуда за сидящими на своих местах благородными лордами. Никакой этикет, решил Артур, не заставит его садиться в жесткое, явно притащенное прямоком из пыточной неудобное кресло.

Льющийся из высоких окон солнечный свет заливал просторную залу. Собранных за длинным столом вельмож было не то чтобы много, и полным Коронным советом назвать их можно было, лишь сделав большое преувеличение. Артур и сам взял на себя роль распорядителя совета лишь временно, ввиду отсутствия тут первого министра Лайонса. Теперь же, стоя у окна и подставив затылок теплым солнечным лучам, Айтверн мог вволю рассматривать людей, вместе с которыми ему предстояло решить судьбу королевства.

Принц Гайвен Ретвальд, как и полагалось ожидающему коронации наследнику престола, занял место во главе стола. Он буквально-таки вжался спиной в высокую спинку кресла. Место по правую руку от Гайвена пустовало, как предназначенное Артуру. По левую же руку расположился герцог Данкан Тарвел. Тарвела ранили в сражении при Горелых Холмах, но он клялся, что рана совершенно пустяковая, и что через неделю он сможет вновь сидеть в седле. Рядом с Тарвелом потягивал вино его племянник и наследник, Алистер Тарвел, сын убитого пять лет назад младшего брата лорда Данкана, ныне владевший ленным замком к северу от Стеренхорда. Алистеру было немного за двадцать, и он мало чем напоминал родича — загорелая кожа, высокий рост, косая сажень в плечах. Очень похож на Железных герцогов со старых портретов. Артур задумался, каково приходилось лорду Данкану в юности, и не считали ли его заморышем и уродцем, и не отсюда ли пошла вся его бравада и неотесанные манеры.

Место напротив Алистера занял Роальд Рейсворт. Этот был хмур, угрюм и неразговорчив все последние дни. Следом за Роальдом сидел его сын Лейвис, присоединившийся к их армии лишь накануне, приведя с собой последние, резервные полки, не успевшие подоспеть прежде. Отпрыск сэра Роальда приходился Артуру троюродным братом, совсем как Александр... да, как Александр, только по мужской, а не по женской линии. "Это и мой, а не только дяди Роальда наследник, — подумал Артур, — если мне хватит ума погибнуть в ближайшем будущем". Айтверн внимательно изучал кузена, не виденного им пару лет. Ну что ж, малость повзрослел, оно и неудивительно, когда ты из пятнадцатилетнего делаешься семнадцатилетним, а в остальном все такой же. Не самого крепкого телосложения, такие же, как у самого Артура, светлые волосы, тонкие черты лица и острый подбородок, вот только глаза серые, доставшиеся молодому Рейсворту в наследство от матери-северянки. Лейвис Рейсворт поймал устремленный на него взгляд и вызывающе усмехнулся. Артур в ответ ограничился надменным кивком. В детстве они постоянно затевали потасовки, и несколько раз даже весьма изрядно намяли друг друга бока, так, что кости трещали. Следом за Лейвисом сидели Эйтон Брэдли и еще несколько дворян рангом пониже, приглашенных сюда как вассалы Айтвернов и Тарвелов.

Да, Коронным советом это собрание никак не назовешь. Не хватает самое малое Эрдеров, Гальсов, Коллинсов и Тресвальдов. Не было тут ни тана Лайонса, являвшегося, как первый министр, формальным главой совета, ни канцлера казначейства Граммера — на момент начала мятежа они находились в столице, и Артуру не была известна их судьба. Из шестерки прямых вассалов короны присутствовали только Айтверн и Тарвел, все остальные — вассалы вассалов, которые и заседать в совете имеют право лишь с дозволения своих господ, если только не наделены никакой отдельной министерской должностью. Но что поделаться, если лорды, которых сейчас здесь нет, запятнаны государственной изменой? Коллинсы и Тресвальды держатся Гледерика Кардана, как и еще не узнавший о гибели своего отца Эдвард Эрдер, позавчера ставший новым герцогом Шоненгема, что же до Гальсов... Артур отправил гонцов к Виктору Гальсу, но пока еще те доберутся до

Элвингарда...

Битва при Горелых Холмах завершилась победой верных Ретвальду войск. Тогда, хмурым полднем, после пробуждения сотню лет забытой магии, это выглядело невероятным. Артур хорошо помнил, каким невозможным показался ему успех. Осознание победы, вопреки ожиданиям, принесло не радость, а опустошение и усталость. И все-таки они победили, план Тарвела и Рейсворта сработал почти ровно так, как и был задуман. Редкостная удача, как признался потом лорд Данкан, покуда войсковой лекарь, личного костоправа герцог при себе не держал, перевязывал его раны. Воинам армии Запада удалось окружить авангард войск узурпатора и перебить большую часть солдат противника. Нескольким отрядам вражеских рыцарей все же посчастливилось прорваться сквозь заслоны и отойти обратно в расположение своих сил. Не вовлеченные сначала в битву неприятельские полки попробовали контратаковать, чтобы вывести соратников из котла, но с флангов верного Ретвальду войска выдвинулись отряды лучников, которые хоть и не смогли совсем рассеять неприятелей, но зато удержали их на достаточном расстоянии от места разыгравшейся схватки.

Наверно, если бы Джейкоб Эрдер командовал своей армией, он смог бы обратить ход битвы в свою пользу, но герцог Севера вместо этого организовал отчаянный прорыв к ставке принца Гайвена, а других толковых полководцев у Кардана, видать, не нашлось. Что было весьма странно, среди сторонников Гледерика имелось некоторое число опытных военных, взять к примеру Томаса Дериварна, о чьем боевом опыте с долей уважения отзывался граф Рейсворт. Удивительно, что тот же Дериварн не смог ничего предпринять... правда, он мог просто не присутствовать на поле боя. Никто из сражавшихся, вроде бы, не заметил его стяга. Возможно, Кардан оставил часть своих лордов в Тимлейне? В любом случае, удача как раз повернулась лицом к армии Ретвальда, когда на западе вдруг вспыхнул столб света, вонзившийся в небеса. Наступила заминка, очень многие оказались потрясены небывалым зрелищем — а потом горнисты Кардана протрубили сигнал к отступлению. Видно, потомок старых королей очень быстро сообразил, что может означать невиданная иллюминация, и предпочел не подвергать своих людей лишнему риску. Он и так находился в волоске от поражения. Потрепанная, но все же не разгромленная армия Гледерика отступила на восток, но не задержалась в своем лагере, а откатилась дальше, к столице. Айтверн не стал отдавать приказа преследовать их, его собственные войска были порядком деморализованы видом древнего волшебства.

Это была победа. Более того, это была легкая, чистая, почти идеальная победа. Из битвы их собственная армия вышла, не потеряв ни одного из своих предводителей и не понеся значительных потерь. Победа казалась легкой и чистой ровно до тех пор, пока Артур не вспоминал о волосах Гайвена, сменивших цвет с черного на белый.

Войско Айтверна заняло город Эленгир, стоящий на западном берегу Нейры и расположенный в полудне пути от Тимлейна. Эленгир строился как крепость, с вполне внушительными укреплениями, способными выдержать длительную осаду и укрыть уставших после сражения солдат. Местные жители приняли их без особенного восторга, ведь горожан обязали делиться запасами еды, пошедшей армии на провиант, а некоторым и вовсе пришлось потесниться в собственных домах, в которые расквартировали бойцов. Здешний замок не мог вместить в себя все пятнадцать тысяч воинов вкупе с неменьшим числом войсковой прислуги, а размещать людей прямо на городских улицах и площадях, под открытым небом, Артур счел неправильным. Горожане протестовали, но Артуру было все

равно. Пусть потеснятся.

— Рад поздравить вас всех с победой, господа, — сказал Артур, привычно садясь на край подоконника и свешивая ноги. — Вы неплохо потрудились.

— Мы делали, что должны, — сухо сказал лорд Рейсворт, чуть заметно скривившись. Родич Айтвернов был мрачнее тучи, и Артур догадывался даже, в чем причина дядюшкиного недовольства. Сэр Роальд не испытывал к принцу Гайвену ни малейшего почтения, о чем хотя и не говорил вслух, но зато выказывал каждый жестом и взглядом. Должно быть, Рейсворт и вовсе предпочел бы драться на стороне Гледерика, не погибни в бою с Гледериком его кузен. Едва ли оказался обрадован тем, что молодой Ретвальд обрел Силу короля Бердарета. Ведь он доказал, что является волшебником, а волшебника, пусть и необученного, нельзя сбрасывать со счетов. — Мы делали, что должны, лорд-констебль, и вам не за что нас благодарить.

— Да уж, лорд-констебль, вы поторопились с благодарностями, — подал голос Лейвис Рейсворт. — Эти благородные дворяне относятся к войне как к развлечению. Уверен, они получили немало удовольствия, рубя головы кардановским шакалам. Я бы и сам занялся этим достойным делом, да вот, незадача, несколько опоздал. А так хотелось повеселиться всласть!

Лейвис покачал головой, нагло ухмыляясь. Кузен Артура вырядился сегодня в цвета дома Айтвернов, надев желтую рубаху и зеленые бриджи до колен. Он выглядел, как пьяница из кабака.

— Сын мой, замолчите, пожалуйста, — сказал сэр Роальд. — Иначе я пожалею, что вообще позволил вам сюда придти.

— Да нет, почему же, пусть юный Лейвис и дальше поражает нас своим остроумием, — живо вмешался в беседу Артур. — Он, конечно, говорит редкостные глупости, но другого шута у нас все равно нет.

Кузен запрокинул голову и расхохотался:

— Побуду для вас и шутком, если так этого хотите!

— Особенно раз уж быть воином пока не получается, — сказал ему Артур исключительно медовым голосом. — Лорд Бейтон ведь до сих не посвятил вас в рыцари?

На лице Лейвиса Рейсворта тут же мелькнуло странное выражение, смесь обиды и досады, но он тут же овладел собой, улыбнувшись с прежней наглостью:

— Ему слишком нравятся мои застольные шутки, когда я подливаю ему эль. Говорит, такого собутыльника лет сто не было.

— Надеюсь, вы все же с ним не сопьетесь в конец, — пробормотал Артур. — Лейвис, помни, что ты Айтверн, а не кто-нибудь, а то смотрю на тебя и думаю, что ты даже меня перещеголял в попытках опорочить семейную честь. Но, господа, продолжим серьезный разговор. Я поздравил вас с победой, да вот только нашей победе не достает некоторой завершенности. Враги укрылись в Тимлейне, и вряд ли намереваются оттуда высовываться.

— Это верно, — кивнул, нахмурившись, лорд Данкан. — Они понесли потери, и снова встретить в бой им не с руки. Зато за стенами столицы они остаются в полной безопасности, и могут зализать там свои раны. Дождаться подхода подкреплений с севера и востока, на месте узурпатора я бы именно так и поступил. Вызвал бы к себе всех, кто может держать в руках оружие, не погнушался бы даже крестьянским ополчением, хотя толку с него... В Шоненгеме и Дейревере, уверен, найдется еще достаточно мечей. Когда эти мечи будут здесь, нам придется несладко. А если Кардану поможет еще и новый граф Гальс... Война

затянется очень надолго, и кто знает, чем она закончится. Есть лишь один выход. Немедленно замкнуть Тимлейн в кольцо и брать штурмом.

Вот оно. Эти слова наконец прозвучали. "Брать штурмом". Артур заметил по лицам вельмож, что предложение Тарвела явно пришлось им по душе.

— Да, брать штурмом, — повторил Данкан Тарвел. — Других путей я не вижу. Конечно, последний раз стольный город захватывали таким манером три века назад, с тех пор тамошние стены порядком обновили и достроили. Даже имперцам не удалось в свое время взять город. Все ждали удобного случая, чтоб пойти на приступ, а там и король Бердарет подоспел... Легко нам не будет, но не ждать же, покуда эти шакалы перемерут от голода. Да и не успеют они помереть, подкрепление придет к ним раньше, и тогда не до смеха будет уже нам. Нужно действовать быстро. Замкнем их в кольцо, дождемся, покуда из моих владений доставят осадные машины, и сразу за дело. Придется повозиться, но внутрь мы ворвемся, а дальше всего-то и останется — вырезать всех, кто решит нам помешать.

Племянник Данкана, Алистер Тарвел, одобрительно кивнул и ударил пудовым кулаком по задрожавшему столу:

— Милорды! Мой родич и сюзерен предложил лучший выход из всех. Покажем этому Гледерику и его охвостью, что их не спасут никакие стены. Бежав с поля боя, они просто отсрочили свою смерть, но вовсе ее не отвратили. Мы войдем в Тимлейн и отплатим изменникам за все и сразу.

— Вынужден признать правоту подобного предложения, — признал тан Брэдли, запустив пальцы в аккуратную короткую бородку. — Промедление в нашем положении будет сущим безумством, время играет на руку неприятелю. Они не должны успеть соединиться со своими резервами, а значит, действовать придется быстро. Возьмем Тимлейн в осаду, и, сразу как получим осадный парк, выбьем ворота и оседлаем стены. Внутри города они не смогут долго удерживать оборону. Разве что запрутся в королевском замке, но это будет просто медленной смертью, прятаться в цитадели, когда сам город окажется в наших руках.

Роальд Рейсворт медленно, очень медленно произнес:

— Да, господа. Мы и в самом деле обязаны в скорейшем времени пойти на приступ.

Остальные вассалы Айтвернов ответили одобрительным гулом. Видно было, что решительно все высокие лорды целиком согласны с предложением Тарвела. Им не терпелось дорваться наконец до хорошей драки, им не терпелось покончить с мятежом, и еще они понимали, что промедление и в самом деле очень опасно. Одобрение разносилось по главной зале ратуши города Эленгира расширяющимися кругами, пропитав собой воздух, и даже стражники, несущие караул у дверей, казалось, готовы были застучать по паркету копиями, поддерживая принятое Коронным советом решение.

Почти принятое.

Потому что, когда шум сделался совсем уже громким, вдруг заговорил Гайвен Ретвальд, прежде не произнесший ни слова, и стоило ему открыть рот, как в зале тут же установилось молчание:

— Но ведь, господа, правильно ли я вас понимаю... Штурм означает резню. Резню среди моих подданных. Если вы будете брать Тимлейн с боем, погибнут невинные. — Принц сжал губы, и Артур заметил, что руки Гайвена, на которых сегодня были надеты черные перчатки, сжали подлокотники кресла. — Штурм означает резню, — повторил Гайвен, озвучивая те же самые мысли, что еще до начала совета бродили в голове Артура.

Владетель Стеренхорда спокойно выдержал взгляд наследника престола:

— Да, ваше высочество, вы все верно сказали, — подтвердил лорд Данкан. — Без резни нам не обойтись при всем желании, но так оно всегда и бывает. Я повидал на своем веку всяких осад, и знаю, о чем говорю. Жертвы среди горожан будут обязательно, возможно, много жертв, но а куда деваться? Надо же как-то все это заканчивать.

— Герцог Тарвел. — Светлые глаза Гайвена Ретвальда сделались холодны, как лед, и столь же холоден был его голос. — Вы чего-то не понимаете. Это. Мои. Подданные.

— Это вы чего-то не понимаете, милорд! Это не только ваши подданные, это еще и ваша корона. Хотите ее получить наконец или нет? А если хотите, то придется немного испачкаться в грязи, ничего тут уже не поделаешь. Это война, на ней всегда кто-нибудь погибает. Решайте уж, чего вы хотите, предаваться возвышенным раздумьям в лесной тиши или править Иберленом. Если все же второе — придется капельку замарать ручки. — Тарвел разошелся не на шутку. — Может, вы вознамерились выйти к тимлейнским воротам, произнести длинную речь про милосердие и всепрощение? И думаете, тогда все ваши враги разрыдаются и сложат оружие? Ну, можете попытаться, я потом посмотрю и посмеюсь. Я слышал, вы сделались чародеем. Способны вы сотворить такое колдовство, чтобы стены Тимлейна взяли, да и рассыпались во прах?

Пробудившиеся у Гайвена магические способности ходили на устах у всего войска. И, к слову сказать, далеко не все солдаты с радостью восприняли новость, что служат отныне волшебнику. Магия — вещь странная и совершенно непонятная, никогда не знаешь, чего ожидать от практикующего ее. Церковь не осуждала колдовство, но и не одобряла его. Страницы хроник рассказывали как о добрых волшебниках, так и о злых. И даже к добрым волшебникам люди нередко относились с опаской.

Наследник иберленского трона и без того обречен на вечное одиночество, обречен быть отделен от всех прочих людей, неважно, великих или малых, незримой стеной. Но волшебник, обладая недоступным простым смертным могуществом, одинок вдвойне. Пока на Гайвена еще смотрят, как на едва начавшего брить усы юнца, чудаковатого, но безобидного книжника, но смотрят так исключительно по привычке.

— Я не могу обрушить стены Тимлейна, никакие стены не могу обрушить, — сообщил Гайвен после продолжительного молчания. — Вы же знаете, герцог. Когда мне нужно было справиться с Эрдером, Сила пришла. Но я не понимаю, как вызвать ее опять. И вы сами видите, чем мне пришлось заплатить за один-единственный раз. Если так нужно для спасения жителей столицы, я бы рискнул снова. Вот только я не знаю, как это сделать.

Артур вполне мог поклясться, что Ретвальд испытывает не просто сожаление — настоящее отчаяние. Сын Брайана Ретвальда сильно изменился с того дня, когда Артур увел его из Тимлейнского замка. Они все очень сильно изменились.

— Я понял вас, государь, — несмотря на учтивые слова, тон Тарвела был жестким. — Думаю, как следует поразмыслив, вы согласитесь с моей правотой. У нас нету никаких других выходов, кроме предложенного мной.

Никаких других выходов, кроме предложенного... Артур понимал, чем потом обернется этот самый выход, предложенный Тарвелом и поддержанный прочими лордами, а также солдатами у дверей.

Артур вспомнил Тимлейн с его дворцами и парками, садами, набережными, башнями, соборами, рынками и площадями, людским многоголосьем, пением птиц, зеленой листвой и рассветными бликами на глади реки. Он вспоминал город, в котором хотелось жить и не

хотелось умирать. А потом ему представился другой Тимлейн — темный и разгромленный, опустошенный, догорающий, с разрушенными стенами, тлеющими остовами домов, пронизанный удушающим запахом смерти, скованный осознанием своего конца. Прах и пепел. Горы трупов выше высочайшего шпиля. Воды Нейры, покрасневшие от крови. Объятые пламенем мещанские кварталы. Разрушенный стенобитными машинами королевский замок. Видение казалось невероятно реальным, будто он стоял там, прямо сейчас, на одной из испоганенных улиц, и полной грудью вдыхал спертый запах разложения и смерти.

На секунду мир словно дрогнул. Изменился, будто подернувшись вуалью сна.

Видение разрушенного города вдруг стало четким и зримым, оно заполнило собой все вокруг, в то время как зал ратуши, в котором заседал Совет, сделался далеким и почти ненастоящим. Артуру показалось, что он очутился внутри своего кошмара, и видит его теперь наяву.

Он стоял на разбитой мостовой, полной грудью вдыхал удушливую смесь запахов гари и трупного разложения, и над развалинами зданий стлался тяжелый, жирный дым. В небе кружилась воронья стая, множество мелких черных точек, то и дело пикирующих вниз, к разоренной земле. Треск костров и клекот стервятников сливались воедино. Потом все исчезло, и Айтверн вновь обнаружил себя сидящим на каменном подоконнике, подставившим спину летнему солнцу.

— Герцог Айтверн, — вдруг сказал Алистер Тарвел, смерив его внимательным взглядом. — Вам нехорошо?

— Все в порядке, — ответил Артур медленно.

Сердце бешено колотилось, кровь стучала в ушах. Юноша пытался понять, что же такое только что случилось с ним. Первым делом ему пришел на ум рассказ Гайвена о памяти крови, а также собственные странные сны.

Айтверн вспомнил, как стоял среди заросших мхом менгиров, разговаривая с Повелителем Тьмы, и еще ту ночь перед битвой, когда ему приснилось множество знакомых людей, живых и мертвых, и среди них — Гайвен с сединой в волосах, и еще день битвы с Эрдером, когда Артур услышал в собственной голове голос кого-то, кто мог быть Золотым Герцогом Радлером. Он, Артур Айтверн, выводящий линию своих предков от князей Древнего Народа, был Одаренным, полукровкой, частью человеком, частью чем-то еще, существом, носящим в своей крови магию. Подобно Гайвену, он не знал свойств своей магии, как не знал и пределов ее возможностей, как не знал, может ли он управлять тем, чем владеет. Видения и знаки приходили к нему сами собой, без спроса и разрешения. Он мог видеть прошлое, вернее ту его часть, что когда-то прошла перед глазами предков. Он мог слышать голоса мертвых, хотя и не знал, откуда доходят до него эти голоса. А еще, возможно, он мог видеть то, что еще не случилось, но только лишь могло произойти.

Будущее. Варианты будущего, что еще не стали, но могли стать настоящим.

Разрушенный Тимлейн, сделавшийся местом пира для воронья. Тот вариант грядущего, что ждет их всех, если какие-то из возможных решений будут приняты.

Вот только ему совсем не хотелось позволить подобному будущему обрести плоть. Его долгом было не допустить подобного будущего, не позволить городу его детства, городу-мечте, городу-сказке, лучшему городу мира, сделаться прахом и пеплом. И в тот миг, покуда лорды Иберлена со все возрастающим пылом обсуждали свою грядущую победу, стражники несли караул на посту у входа, ожидая решения господ, Гайвен Ретвальд обреченно сжимал

подлокотники кресла, а мелкие пылинки танцевали в нагретом воздухе, Артур наконец понял, что же он должен делать. И едва не расхохотался, до того простым и очевидным было правильное решение.

Айтверн соскользнул с подоконника и медленно направился к столу. Артур ловил на себе взгляды — слегка удивленный лорда Роальда, насмешливый — Лейвиса, выжидающий — Данкана Тарвела, молящий о помощи — Гайвена.

— Хватит споров, — сказал Артур. — Сегодня я закончу войну. Я отправлюсь в Тимлейн и убью Гледерика Кардана. Для этого мне не потребуется никакая армия. Хватит совсем небольшого отряда. — Он снова замолчал, давая высоким лордам возможность осмыслить услышанное.

Первым, как и следовало ожидать, заговорил Лейвис Рейсворт.

— Каким это образом, скажите на милость, лорд-констебль? Если даже сам наш король не может ничего поделывать, будучи волшебником с головы до пят? Уж не собираетесь ли вы приехать в столицу, заявив, что сдаетесь на милость Кардана, быть представленным к его двору, а потом, приблизившись на расстояние удара, поразить нашего недруга кинжалом?

Артур улыбнулся одними губами:

— Нет, любезный брат, ни в коем случае. Предложенный вами план хотя и интересен, но излишне рискован. Куда больше вероятность того, что я буду представлен не мастеру Гледерику, а начальнику его тюремного каземата. Посему я буду действовать иначе. У нас есть еще один выход. Под названием Старая Дорога.

— Старая Дорога? О чем это вы, герцог? — спросил Алистер Тарвел.

— Старой Дорогой, сударь, именуется подземный ход, проложенный еще давным-давно, до падения Карданов. Пожалуй даже, до всего на свете. Он начинается за пределами городских стен, и приводит в самую Тимлейнскую цитадель. Мне известно, как воспользоваться этим ходом. Именно так мы с принцем Гайвеном на самом деле покинули столицу. И именно так я в столицу вернусь.

— И в самом деле, герцог, звучит интересно, — медленно сказал Роальд Рейсворт. — Но ведь теперь все становится намного проще, мы сможем провести войска прямо в замок. Так где, говорите, он начинается, этот секретный проход, и в какую именно часть цитадели выводит?

— Я не говорил, где он начинается. И не намерен говорить — здесь и сейчас, покуда нас слушает столько ушей. Вы и герцог Тарвел узнаете все, что вам нужно знать, но лишь в свою пору. Секретные ходы на то и секретные, чтобы про них знали лишь немногие.

— Сохранить эту тайну в ведении немногих никак не получится, — заметил Рейсворт. — Нам все равно предстоит вести упомянутым вами путем войска. Конечно, это рискованная авантюра, растягивать войско через довольно узкий, как я понимаю, коридор... Но придется рискнуть, дело того стоит.

— Не придется. Я же сказал, что обойдусь небольшим отрядом.

Артур знал, о чем говорил, хотя и прекрасно понимал, что идет на отчаянный, смертельный риск. Слишком во многом приходилось полагаться на одну лишь удачу. Беда в том, что ему только и оставалось, что полагаться на удачу, если он не желал, чтобы его кошмарное видение сделалось правдой. Потому что одно дело рисковать своей головой, и совсем другое — головами всех людей, живущих в Тимлейне. Он не мог допустить, чтобы хоть кто-то из них погиб, уже и так случилось слишком много смертей. И может случиться еще больше, если большим отрядом ворваться в королевскую цитадель. Потому что большой

отряд не сделает нужного дела тихо, войти в Тимлейнский замок означает обречь себя на открытое столкновение с врагом, а это значит, что враг успеет поднять весь расквартированный в городе гарнизон, а это значит, что не удастся избежать большой крови, а это значит, что не удастся избежать увиденного им будущего. Единственный шанс — проникнуть в крепость с малым числом спутников, поздно ночью, под покровом темноты, миновать караулы, не подняв тревоги — а потом найти Гледерика Кардана и убить его. Когда узурпатор будет мертв, у мятежников не останется вожака, не будет никого, кто бы смог повести их за собой — и, соответственно, у них не будет причины продолжать войну. И все наконец закончится.

— Я пойду с небольшим отрядом, — повторил Артур.

Лорд Роальд поглядел на Айтверна, как на умалишенного, и, надо сказать, не только он. Ничего страшного, Артуру было к этому не привыкать.

— Вы уверены в своих словах, герцог? — тяжело спросил Рейсворт.

— Так же, как в своем имени. Я не намерен вести в Тимлейнский замок всех наших доблестных воинов одной большой оравой. Для моего плана они будут помехой, а не подспорьем. Три десятка хороших солдат принесут куда больше пользы, чем три сотни и тем более три тысячи.

— И каков же ваш план, сэр? — все так же тяжело поинтересовался дядя.

— Мой план вас не касается, — сказал ему Артур спокойно. — Вы, как и все остальные, станете исполнять приказы и не задавать лишних вопросов. Сегодня я отберу несколько десятков своих гвардейцев, тех, которых сочту подходящими для дела, и отправлюсь в путь. На время моего отсутствия командование армией принимает герцог Тарвел. Но не думаю, что ему долго придется командовать. Если все пройдет гладко, уже завтра я вернусь. И город откроет ворота.

— А если у тебя не получится? — тихо спросил Тарвел.

Айтверн пожал плечами:

— Значит, тогда вы вольны делать все, что вздумается. Если через двое суток после моего ухода ворота столицы не отворятся, можете провести по Старой Дороге хоть все армии мира.

— Если только в этом еще будет смысл, — бросил Рейсворт. — Скажите мне, потайная дверь, через которую вы проникните в замок... ее можно так закрыть изнутри, чтобы она не открывалась снаружи?

Артур чуть помедлил с ответом.

— Да. Можно.

— Что и требовалось доказать. Если ваша вылазка провалится и вы откроете врагу местоположение двери, мы уже не сможем проникнуть в крепость.

— Я сделаю все, чтобы этого не случилось, — пообещал Артур. И только он это сказал, как ему немедленно вспомнился Александр Гальс, лежащий на каменных плитах крепостного двора замка Стеренхорд, и Джейкоб Эрдер, с криком обращающийся в белый свет. А еще убитый им, Артуром, на площади одной маленькой деревушки герольд. И, вспомнив о них, Артур понял, что же потребуется сделать после того, как над донжоном Тимлейнского замка снова будет поднят флаг со вставшим на задние лапы хорьком. Он повернул голову, обращаясь на сей раз к Гайвену Ретвальду и только лишь к Гайвену Ретвальду. — Ваше высочество, скажите, я хорошо служил вам?

Гайвен спокойно шевельнулся в своем кресле, ловя взгляд Айтверна. Принц ни

единым словом не выразил несогласия с его планом, не пытался, против обыкновения, его отговорить. Наверно, Гайвен и в самом деле слишком устал, после всего.

— Вы очень хорошо мне служите, герцог Айтверн, — тихо сказал принц, положив руки на колени и переплетя пальцы. — Так, как никто никогда не служил.

— Спасибо на добром слове. А раз вы довольны моей службой, примите ли вы совет от меня?

— Говорите, — все так же тихо произнес Ретвальд. Он не сказал ни "да", ни "нет", только лишь "говорите".

— Ваше высочество, — сказал Артур, — вы знаете не хуже меня, мятеж поддержали немало знатных родов. Дворяне севера, востока и юга. Коллинсы, и Гальсы, и Тресвальды, и Дериварны, и дом Эрдеров прежде всего. Все эти люди рассудили, что Гледерик Кардан будет лучше смотреться на Серебряном Престоле, нежели ваш отец или вы. Однако они сделали это не потому, что ненавидят вас, а потому, что любят Иберлен. Не спорю, все же они восстали против вас, и по их вине погиб ваш отец. Вы вправе мстить, и ни один честный человек не оспорит это ваше право. Вы можете предать смерти любого лорда, примкнувшего к мятежу. И любого воина, служившего в их дружинах и сражавшегося против вас. И любого слугу, подносявшего им вино на пирах. Конечно, когда вы казните восставших лордов, останутся еще их семьи, жены, дальние родственники и дети. Когда эти дети подрастут, они могут захотеть отомстить за родителей и начать новую войну, вроде этой. Поэтому вам придется убивать и детей, прямо сейчас, пока они малы и не могут воевать. Да, вы можете это сделать. Когда все это только началось, я бы и сам с радостью так поступил. Вы можете залить половину страны кровью, и не совершите ничего дурного, я даже и не вздумаю попрекнуть вас. Ваша честь и память о вашем и моем отцах призывают к отмщению. Но все же я прошу. Я умоляю вас. Помилуйте всех тех, кто воевал с нами, даруйте им свое королевское прощение и королевское милосердие, предайте их грехи забвению. Когда Кардан будет убит, им больше не будет смысла сражаться. Пощадите их, позвольте им служить вам и Иберлену. Не надо больше смертей, даже если все прочие ваши вассалы будут единым голосом призывать вас к смертям и мести. Давайте наконец положим всему этому конец.

— Я же пообещал лорду Джейкобу, что помилую его сына, — сказал Гайвен. — Я не привык отказываться от своих слов. И если мы победим, я не намерен карать никого из наших врагов, если они решат сложить оружие. Таково мое слово.

— Ваше высочество! — Лейвиса Рейсворта Артур смог бы узнать даже в могиле, даром что стоял сейчас к нему спиной. И теперь Лейвис говорил без обычной своей насмешливости. — Герцог Айтверн, очевидно, сошел с ума, раз обращается к вам с такими просьбами! Мы не должны щадить никого из предателей! Да неужели вам хватит духу простить убийц нашего короля! Убийц моего дяди!

Артур неторопливо обернулся, в упор поглядев на своего троюродного брата. Лейвис подался вперед, казалось, готовый вскочить на ноги. Лицо его покраснелось от негодования, глаза горели. Ничего общего с тем развязным циником, которым Артур привык Лейвиса считать. Айтверн вдруг вспомнил, что его кузен всегда был очень привязан к лорду Раймонду. Артур внимательнее посмотрел на кузена, словно видя его впервые — и внезапно узнал в Лейвисе себя самого. Это же он сам, каким был совсем недавно и вместе с тем очень давно. Это он, стоящий на ночной улице чутко спящего Тимлейна, под яркими майскими звездами, готовый драться с собственным отцом насмерть, не верящий, что отец только что

подписал Айне смертный приговор. Все равно что смотреть в зеркало, вместо настоящего вдруг наловчившееся показывать минувшее. Наверно, ему следовало пожалеть это свое юное растрепанное отражение — да как-то не получалось.

— Вы не можете требовать пощады убийцам своего отца, — отчетливо сказал Лейвис Рейсворт, выделяя каждое слово. — Ваш отец так бы никогда не сделал.

— Может быть, — согласился с ним Артур. — Но я не мой отец. Довольно, *вассал*. Я изложил свои доводы, и его высочество согласился с ними. Мне надоело наблюдать, как ты устраиваешь на совете перебранку.

— А мне надоело смотреть, как ты упиваешься своей властью!

— Я теперь твой лорд, — сказал Артур, — глава твоего дома и глава всех людей одной с твоей крови. Когда я приказываю, ты подчиняешься, не рассуждая и не смея спорить. Ты напомнил мне об отце — так вот, сам он поступал именно так. Иногда он бывал жесток. И за многое, что он сделал, мне его сложно будет простить. Но теперь я понимаю, как ему было тяжело. Возможно, поймешь однажды и ты. Если только раньше я не брошу тебя в подземелье, устав от твоих дерзких речей.

Лейвис ничего не ответил ему, только лишь опустил голову.

— Лорд-констебль... — осторожно произнес Роальд Рейсворт. Артур никогда прежде не видел его таким неуверенным в себе. — Прошу вас проявить снисходительность к моему сыну. Он еще очень юн, и не соображает, что говорит.

— Ваш сын ненамного младше меня, дядя. Он уже достаточно зрел годами, чтобы воевать. И ему пора уже воспитать в себе хоть какое-то разумение. А то что он в самом деле, как дитя малое!

Граф Рейсворт склонил голову:

— Ваша правда. Видимо, я был слишком мягок к своему наследнику. Сын мой, призываю вас к благоразумию.

Видно было, что призыв отца оказался для Лейвиса сущим ножом в спину — но он все-таки покорно кивнул.

Окончание совета не отняло много времени. Айтверн отдал владетельным лордам еще несколько распоряжений, об их действиях, на случай, если он не вернется, и настрого запретил им идти на любые уступки перед Гледериком, если тот возьмет его в плен и решит использовать, как заложника. Артур видел, что его приказы не вызывают у лордов особенной радости, но они подчинялись, больше не пытаясь спорить. Наконец он отпустил их всех, а когда вельможи вышли, повелел удалиться и стражникам. Артур Айтверн и Гайвен Ретвальд остались в комнате совершенно одни.

Был июньский полдень, не очень жаркий, не очень прохладный, удивительно погожий после ненастья последних дней. По залу гулял свежий ветерок, совсем легкий, из тех, что спасают от духоты. Пылинки все так же танцевали в воздухе, и покойные ныне короли, принадлежащие к обеим династиям, старой и новой, наблюдали за их полетом с настенных портретов, а еще покойные короли наблюдали за двумя находящимися в зале молодыми людьми. Один из этих людей, совершенно седой, сероглазый, с бледным изможденным лицом и узкими плечами, одетый в простое черное платье, немного скованно сидел в кресле с неудобной спинкой, опустив голову. Его ладони напряженно лежали на столе, одна ладонь поверх другой. Второй человек, светловолосый и зеленоглазый, с лицом одновременно насмешливым и немного грустным, облаченный в золотые и изумрудно-зеленые цвета, стоял у окна, оперевшись сильными руками о подоконник, и смотрел на залитую солнцем улицу.

Наконец человек в зеленом и золотом слегка качнул головой и медленно, очень медленно повернулся к тому, другому, сидящему в кресле. Все так же медленно подошел к нему и остановился в нескольких шагах.

— Ты действительно, — спросил Артур тихо, — не смог бы обрушить стены Тимлейна, даже если б захотел?

Гайвен едва шевельнулся в своем кресле.

— Я не знаю, Артур, — сказал он. — Бердарет Ретвальд говорил моему деду, что учился колдовству долгие годы, а на вопрос, почему он не желает передать свое искусство внуку, отвечал, что никто из смертных не вправе распоряжаться подобным могуществом. И что он пришел в Иберлен, чтобы быть человеком, быть королем... но не быть магом. И все же Бердарет многие годы потратил на то, чтоб овладеть магией — а я не учился ей ни единого дня. Тогда, на том поле... Мне просто нужно было что-то сделать. И я сделал. То, что стало с моими волосами — часть цены, что я заплатил за это. Только часть. Я чувствую себя другим теперь. Словно я... не совсем уже человек. Иногда я слышу что-то, подобное шепоту на краю сознания, но не могу разобрать этот шепот. Иногда мне кажется, я вижу людей, которых здесь нет — а потом все пропадает. Могу ли я снова вызвать огонь и свет? Не знаю. Наверно, могу. Но я не готов. И уж точно я не буду вызывать их ради того, чтоб разрушить мой родной город.

— Я понимаю тебя, — сказал Артур медленно, — тогда, на Горелых Холмах, со мной тоже кое-что случилось. Мне показалось... будто я могу делать что-то со временем. Быть чуть быстрее, чем все люди вокруг меня. Или просто воспринимать время чуть медленнее, чем они. Это почти мне помогло в бою.

— Понимаю, — кивнул Гайвен. — Я читал о таком. Ты потомок сидов, а сиды... некоторые из них, не все... могли управлять течением времени. Недаром люди, попавшие в их холмы, могли потом вернуться через сотню лет, думая, что для них прошла всего одна ночь. Это редкий дар, и очень странный, но в какой-то степени он может быть свойственен вашему дому, как носителям эльфийской крови.

— Мне всегда думалось, это просто сказка, — признался Артур. — Ну, не просто сказка... но все же сказка. А теперь похоже, мы и сами живем в сказке. Интересно... дядя или Лейвис... они умеют что-то похожее? Все не решаюсь спросить, да и не настолько мы с ними ладим. С тех пор, как все это началось, я уже сам не свой. Вижу прошлое... иногда мне кажется, что и будущее тоже вижу. Во снах ко мне приходят люди, которых я убил, и пытаются убить меня, словно я теперь связан не только с этим, но и с тем светом. Магия свалилась на меня без спроса. Это и правда дверь, и я не знаю, готов ли я ее до конца открыть. Мы с вами, лорд мой Ретвальд, теперь чародеи, и я сам не представляю, как с этим быть.

— Теперь мне кажется, — сказал Гайвен, — что эта дверь все равно однажды распахнется, хотим мы того или нет. Вопрос лишь в том, будем ли мы к этому готовы.

Они помолчали.

— Ну, ваше высочество, — сказал наконец Артур Айтверн, сially улыбнуться, — вряд ли есть смысл говорить о вещах, которые все еще так далеко от нас. Так что, наверно, я все вам и сказал, что собирался. Ну или почти все. Мне скоро уходить. Если я не вернусь, значит, не вернусь, ну а если все-таки вернусь — жизни наши совершенно изменятся. Как ни посмотри, но чему-то приходит конец.

Гайвен не ответил. Артур немного поколебался, а потом добавил:

— Знаешь, если оставить все эти магические материи и поговорить о земном... Когда отец приказал мне увести тебя из Тимлейна, я был чертовски недоволен. Так хотелось наконец доброй драки, и совсем не хотелось тратить свое время на всяких, прошу не обижаться, наследников престола. А потом ты и вовсе казался мне бесполезной обузой, ни к чему толком не пригодной. Сколько раз мне хотелось, чтобы на твоём месте оказался кто-нибудь другой, но королей не выбирают. Точно также, как не выбирают знамена, предков, родителей, сестер, — Артур оборвал себя. Говорить об Айне не хотелось. Ему до сих пор было больно от их ссоры, и он не знал, удастся ли достичь примирения, когда все закончится. — Я мог бы сказать, что служить тебе было честью, но это опять будет ложью, а лгать мне сейчас не хочется. Лорд Ретвальд, вы не тот человек, которому я желал бы отдать свой меч. Но если мне даже встретится *тот человек*, хоть на большой дороге, хоть в Тимлейнском замке, менять вас на него я не намерен. Потому что Айтверны не торгуют своей верностью. Больше не торгуют. Жил на земле один господин, по имени Эйдан, из Дома Драконов, он бы со мной не согласился. Он был первым из нашего рода, а еще он был последним предателем в нашем роду. Больше таких как он не будет.

Гайвен повернул голову в его сторону — и долго, очень долго молчал. Айтверну показалось, что принц и вовсе никогда не заговорит, когда тот произнес:

— Ты, по крайней мере, честен.

— О да. Чего не отнять, того не отнять.

— Мне бы полагалось тебя ненавидеть, — вдруг задумчиво сказал Гайвен. — Я ведь не путаю ничего... Если тебя презирают, в ответ полагается ненавидеть, верно? Никак, Артур, не могу понять, с чего оно так повелось, но раз уж принято, то надо. Откровенность в ответ на откровенность — у меня никак получается тебя ненавидеть.

— Я не презираю вас, сэра. Раньше — презирал, отрицать это было бы бессмысленно. Но сейчас — нет. Впрочем, если вы полагаете, что должны меня ненавидеть, то остаётесь целиком в своём праве. На вашем месте я бы охотно себя ненавидел.

Ретвальд невесело усмехнулся:

— Я же сказал, не могу. Кроме того, глупо ненавидеть человека, благодаря которому я скоро сяду на отцовский трон. Или не сяду, но все равно окажусь к нему ближе, чем был бы, не прими ты мою сторону. — Он сжал губы, как перед броском в пропасть, а потом произнес. — Надеюсь лишь на одно. На то, что ты знаешь, что делаешь.

— Я знаю, что делаю.

— Что ж, рад слышать. И вот еще что, герцог. Вы вернетесь из этой вылазки, причем живым. Только попробуйте погибнуть. Я лишу тогда вас всех ваших земель и титулов.

— Не советую вам этого делать, сэра — ведь тогда мои проклятия достигнут вас даже из самой глубокой преисподней. — Артур расхохотался. — Можешь не сомневаться, я вернусь. Я еще должен напиться вусмерть на твоей коронации.

Они обменялись улыбками — скорее вымученными, чем полными настоящего веселья. Настоящее веселье едва ли было уместно в этом зале. После всего, что было сказано, после всего, что предстояло сделать, и перед взорами древних королей.

Потом Гайвен сказал:

— Иди. И даже не вздумай проиграть.

— Не проиграю. Стал бы я уходить, если б считал, что дело безнадежно. Выпейте за мою удачу бокал вина, государь.

Гледерик Первый из дома Карданов, миропомазанный король Иберлена, расположился в одном из просторных залов своих апартаментов, в самом сердце Тимлейнской цитадели. Гледерик сидел у ярко горящего камина, опустившись в уютное мягкое кресло и положив на колени массивный фолиант с тяжелой обложкой и толстыми пожелтевшими страницами, порядком обтрепанными по краям. Он уже много часов подряд провел за чтением этой книги, лишь изредка отвлекаясь на то, чтобы полюбоваться на языки пламени, поглядеть в окно и привести мысли в порядок.

Ночь выдалась ясная и свежая. За окном горели звезды и светила полная луна, выглядывающая из-за темной громады юго-восточной башни. В бойницах и на стенах, где несли караул стражники, перемигивались огоньки. В такую ночь сесть бы на берегу реки, на зеленой лужайке, разжечь костер, достать выпивку и закуску, собрать приятелей и подружек, да еще пожалуй музыкантов, без музыкантов в таких делах никак, чтоб барабаны гремели и скрипки мурлыкали. Плясать, смеяться, пить, пока эльфы не начнут мерещиться, а потом найти какую-нибудь славную девчонку, обязательно, чтобы волосы у нее были черные и густые, и глаза задорно горели. А под утро, пока петухи не запели, рухнуть в стог сена и дрыхнуть, не помня собственного имени.

Гледерик Брейсвер усмехнулся. Бывали у него славные ночи, и бывали у него славные деньки. Бывали в прежние времена, когда молодого наемника, сбежавшего из родного дома, обокрав при этом до нитки собственного отца, мотало по всем Срединным землям, заноса с востока на юг, с юга на запад. А Срединные земли в ту пору полыхали в огне. Либурнский король сражался не на живот, а на смерть с собственным старшим сыном, вознамерившимся примерить корону; надменные аристократы Паданы не желали примириться ни между собой, ни с Аремисом. Эринланд и Гарланд рвали друг друга в клочья, дарнейские корсары стремились закрепиться на тарагонских берегах, бритерские таны резали всех, до кого могли дотянуться, а еще захлебывались кровью в очередной тамошней междоусобице изумрудные астарийские равнины. Никакого мира. Нигде — никакого мира. Хорошее время для таких, как Гледерик — он прекрасно понимал, что время хорошее, и не упускал его.

Он бродяжничал по разным землям, нигде не задерживаясь надолго. Поступал на службу первому попавшемуся лорду, втянутому в очередную свару с каким-нибудь другим, ничем от него самого не отличавшимся лордом, и дрался — мечом, топором, стрелял из арбалета, без разницы. Просто дрался — участь делать это хорошо. Как следует, чтоб потом пригодилось. Брейсвера еще на родине научил владеть оружием живший в одном с ним квартале престарелый ветеран, которому Гледерик за это помогал управляться по дому. Теперь осталось лишь закрепить полученные умения. Начав это делать, он скоро потерял счет сражениям, в которых участвовал. Выигранным или проигранным — не имело значения, Гледерику было безразлично, одержит верх или потерпит поражение его очередной хозяин. Он забывал имена этих самых хозяев сразу же, как заканчивалось время его контракта. Иногда его просили остаться, обещая повышение по званию и увеличенное жалование. Он со смехом отказывался. Нигде не задерживаться, не привыкать ни к местам, ни к людям — таким был его принцип. Впрочем, к людям Гледерик и без того не привыкал.

Друзей у Брейсвера не было, правда, если находились люди, почитавшие своим другом его — он не стремился их в этом переубедить. Все было легко и просто — он жил, наслаждаясь каждым ударом сердца, был среди первых в любом сражении, водил людей за собой прямо на вражеский строй, опрокидывал неприятельские шеренги, рубил и резал. Да, люди охотно шли за Гледериком, чувствовали в нем человека, совершенно не боявшегося смерти, да что там, не верившего в смерть. Когда идешь за таким человеком, то и сам ничего не боишься. Он быстро дослуживался до офицера везде, куда бы не попадал. И никогда офицерским чином не дорожил.

Со дня, когда глупый пятнадцатилетний мальчишка покинул отчий дом, прошло почти десять лет. Десять веков.

Гледерик стоптал сапоги на тысяче дорог, ночевал на тысяче перекрестков. Он был посвящен в рыцари — и стал дворянином. Любил десятки женщин и убил сотни мужчин. Брал от жизни все, что мог взять. Всегда шел вперед. Только вперед. Ему больше некуда было идти.

В Эринланде он стал невольным героем истории, едва не сотрясшей основы мира.

В Падане смотрел, как тамошние вельможи рвут на части некогда великое королевство, и обагрив свои руки кровью людей, которых, возможно, не должен был убивать.

В Тарагоне стоял у тронов владык.

А год назад его чуть не убили.

Войско одного лумейского графа, которому тогда служил Брейсвер, было полностью разгромлено в жаркой битве. На поле боя тогда воцарился настоящий хаос. Под Гледериком убили коня, он сражался пешим, орудуя коротким мечом, покуда какой-то громила не саданул его со всей дури по шлему. Брейсвер не устоял на ногах, упал в чавкающую осеннюю грязь. Его победитель уже замахнулся топором, намереваясь добить, но Гледерик слегка приподнялся, преодолевая адскую боль в черепе, и подрезал противнику сухожилия. Тот рухнул на землю, в падении ударив топором. Гледерик чудом успел увернуться. Он откатился и насквозь проткнул врага мечом — и только он это сделал, как откуда-то сверху на него тяжело повалился умирающий воин, свой, чужой ли — черта с два разберешься. От удара у Брейсвера вышибло дух, и он отрубился. Надолго — потому что когда он пришел в себя, шум и грохот, до этого раздиравшие мозги, стихли. Воцарилась тишина — совершенная и абсолютная. Сражение закончилось. Вообще все закончилось — подумал тогда Гледерик с удивившим его самого спокойствием.

Брейсвер с некоторым усилием сбросил с себя тяжеленного мертвеца. Он лежал спиной на влажной земле, в окружении бесчисленных трупов, среди убийственной тишины, а наверху, прямо над ним, простерлось очень синее, очень густое и до чертиков глубокое небо. Кровь и мертвая плоть — рядом. Небо — впереди и наверху. Он поглядел на это небо и неожиданно для себя улыбнулся. "Проклятье, на что же это я трачу время", — подумал Гледерик, продолжая улыбаться и отрешившись от всего, что его окружало, от смрада и грязи, сделавшихся настолько привычными за все эти годы, что уже не доставляли никакого неудобства. Он смотрел в синюю пропасть с улыбкой, в которой облегчение мешалось с досадой. Гледерик думал о том, что времени прошло достаточно, он уже очень многое увидел, и пора было начинать кое-что делать. Когда стоящее почти в зените солнце сядет за западными холмами, и наступит ночь — созвездия, что загорятся тогда над этой долиной, будут довольно сильно отличаться от тех, что он видел когда-то в Элевсине, совсем мальчишкой. Зато это будут те же самые созвездия, что сияют над Иберленом.

Он почти пришел. С востока на юг, с юга на запад, с запада на север. Осталось сделать один-единственный, последний шаг.

Гледерик смежил веки, весь отдавшись во власть наполнившей его ликованием мысли — "можно начинать". О да, можно начинать. Он набрался уже достаточно опыта, чтобы попробовать. "У нас было королевство, сынок, — рассказывал ему когда-то, очень давно, отец, когда напивался вусмерть и звал сына посидеть рядом с собой у очага. — У нас было королевство, сынок, настоящее такое королевство, с городами и замками, и наши прадеды были настоящими королями, и сиживали на троне, в соболиной мантии. У них были армии, золото, земли. Да, сынок, были времена что надо, запомни это хорошенько. Мы — Карданы, мы были королями". Гледерик запомнил. Куда лучше, чем Ларвальд Брейсвер, его отец, мог бы себе представить. Еще он запомнил, что ни его отец, ни дед, ни прадед и пальцем о палец не ударили, чтобы вернуть себе потерянный трон. И поэтому из отчего дома Гледерик уходил с легким сердцем.

Все эти годы он шел в Иберлен. И пора было уже придти.

Брейсвера отвлек от размышлений какой-то раздражающий шум, доносившийся с подветренной стороны. Гледерик открыл глаза и заметил неподалеку парня в затрапезной одежке, деловито обыскивающего мертвецов. Все понятно, мародер. Самый обычный мародер, таких после боя всегда полно. Круглая рожа прямо-таки светилась от азарта, и Гледерик невольно проникся к грабителю симпатией. Тем не менее Брейсвер тихонько поднялся, вытащил из ножен на поясе кинжал, подкрался к мародеру и ухватил его за плечо. Парень весь аж вскинулся, но не успел вымолвить ни слова, потому как Гледерик тут же загнал клинок ему прямо в горло. После этого он обыскал карманы неудачливого вора, забрал себе все обнаружившиеся там ценности, отыскал среди сваленного на земле оружия подходящий меч, не свой прежний, но тоже ничего, и поспешил покинуть поле брани. Нечего тут задерживаться.

Когда Брейсвер явился в Иберлен, тот в некотором смысле даже поразил его. Тихое, сонное царство, мир и покой, благодать. Процветающая торговля, довольные жизнью горожане. Рай земной. Гледерик прекрасно понимал, что нет ничего более обманчивого, чем первое впечатление, и в любом тихом омуте найдется достаточно чертей. Нужно только присмотреться внимательнее. Он и стал присматриваться. В последние лет двадцать, как успел выяснить Брейсвер, дом Ретвальдов ослабел и шел на поводу у герцогов Айтвернов, распорядившихся в королевском домене, как у себя дома. Лорд Малериона распорядился всей имеющейся у Ретвальдов армией, да и министры смотрели ему в рот. Конечно, остальных сеньоров это приводило в бешенство. Никому не понравится, если равный тебе по титулу смеет вести себя так, словно сам является королем. Против Раймонда Айтверна давно бы уже организовали мятеж, если бы он не позволял прочим великим лордам распорядиться в собственных землях так, как им вздумается. Дворяне севера, востока и юга всего-навсего были обязаны в срок отправлять в Тимлейн подати, собираемые ими самостоятельно на своих землях, помогать королевской армии в боях на границах и поддерживать основные дороги в пристойном состоянии. Не более того. При первых Ретвальдах королевская власть была много сильнее. Нынешнего послабления оказалось достаточно, чтобы отсрочить взрыв недовольства — но не исключить его вовсе. Именно на недовольстве Гледерик и сыграл, да еще на вере некоторых аристократов в честь и закон. Одним из таких аристократов оказался Джейкоб Эрдер. Брейсвер пришел к нему однажды, просто назвал свое имя, а потом сказал несколько слов, сказал их очень просто, без кривляний и гримас. "Я призываю вас на службу

своему законному государю". И Эрдер откликнулся на призыв. Он поверил, что пришедший к нему оборванец, не владеющий ничем, кроме меча, копья и коня, происходит от древних королей и достоин править Иберленом.

А теперь Эрдера нет. Он погиб, там, на Горелых Холмах, когда в небо, уже не ясное, а хмурое и недоброе, ударил фонтан света. Брейсвер знал, что лорд Шоненгема мертв, поскольку высланные во все стороны герольды Ретвальда уже к вечеру оповестили об этом. Что ж, бывает. Еще одна фигура снята с доски, но игра продолжается, игра достигла своей высшей точки, и она не может, не должна, не имеет права быть проиграна. Он жил ради этой игры, сделал победу в ней своей целью и единственным смыслом своей жизни. Никаких других смыслов не было и быть не могло. Сесть на Серебряный Престол. Правите Иберленом. Вернуть то, что было утеряно. Архиепископ уже увенчал его короной, несколько недель назад. Это случилось в соборе святого Деклана, под рев труб, многоголосое пение церковного хора и рев толпы. Когда Гледерик вышел из храма, то целый мир открылся перед ним — огромная площадь перед собором, заполненная знатью, солдатами, купцами, мещанами и прочим людом, а далее бесконечное море черепичных крыш и высоких башен. Играла музыка, ликовала толпа, ветер, ласкавший знамена дворянских родов, присягнувших дому Карданов, налетел и растрепал наброшенный Гледериком на плечи белоснежный плащ, с вышитым на нем яблоневым деревом. Король, новый король Иберлена, запрокинул голову, увенчанную серебряным венцом, и на мгновение зажмурился. "Это все мое, — подумал он. — Весь этот город, и все люди, что в нем живут, и другие города, деревни, замки, а еще леса, поля, реки и даже горы. Мое, я это взял. Интересно, чтобы на это сказал папаша?" Он понятия не имел, чтобы на это сказал Ларвальд Брейсвер. По правде говоря, Гледерик даже не знал, жив ли еще его отец.

Тогда он почти победил. А у Горелых Холмов — почти проиграл. Когда он увидел зарево над холмом, где размещалась ставка Ретвальда, то приказал трубить отступление. Он мгновенно понял, что означает это зарево, этот свет. Магия короля Бердарета, юный Гайвен все же смог ей овладеть. Это означало — нет, еще не поражение. Это означало перелом. Перекресток, место, с которого можно было идти разными путями, и одни из них могли и в самом деле привести к поражению, а другие — к победе. Гледерик мог победить при помощи интриг или даже при помощи стали, но в магии не смыслил ровным счетом ничего. В отличие от Гайвена Ретвальда, получившего наконец преимущество, способное сделать его непобедимым. Способное — но не обязательно делающее. Магию можно остановить лишь магией, а потому Гледерик выгнал сегодня стражников из королевских покоев, остался один, сидел у камина, читал старинную книгу и ждал. Он надеялся, что ждет не зря.

Артур Айтверн. Все отныне упиралось в Артура Айтверна, нашего дорогого повелителя Западных берегов. Сын лорда Раймонда оставался одним из немногих, наряду с Ретвальдом и своими собственными младшими родичами, людей в Иберлене, способных на какое-то чародейство. Артур Айтверн обязан был владеть чародейским даром, ведь он происходил от Древнего Народа, был потомком легендарного эльфийского волшебника. Если кто и сможет справиться с Ретвальдом, так это он, ведь все легенды утверждают, что Сила передается потомкам того, кто ей обладал. Сыновья колдуна становятся колдунами, дочери ведьмы — ведьмами. А потом сыновья сыновей и дочери дочерей... До нынешних дней дожило не столь уж много потомков Эйдана Айтверна, если брать прямую линию, в наибольшей степени способную унаследовать его волшебство. Сам Артур, его дядя Роальд, сын Роальда Лейвис... возможно, имелись еще какие-то боковые ветви, да и бастардов за тысячу лет

должно было наплодиться изрядно, но поди их отыщи, этих бастардов. На виду оставались лишь три прямых потомка эльфийского князя — Артур, Роальд и Лейвис. Двух последних Брейсвер не знал, и сомневался, что даже познакомься он с ними поближе, они согласятся присягнуть его делу. Конечно, оставалась еще и Айна, и множество семей, чье родство с домом Айтвернов было закреплено некогда через брак. Гледерик и сам нес в своих жилах толику крови Драконьих Владык — ведь не раз короли дома Карданов брали леди из дома Айтвернов в жены. Было, впрочем, этой крови слишком мало, и колдовским даром Гледерик не владел. Однажды, очень давно, знающий человек сказал молодому Брейсверу, что пожелай тот обучиться магии, то пришлось бы потратить на это много лет, да и то непонятно, вышел бы толк. Гледерик не стал даже пытаться.

Женщина, происходящая от колдуна мужчины, сама может проявить силу лишь в исключительных случаях. Для этого нужно обладать очень мощным даром, и вероятность его появления мала. Гледерик не имел никакой возможности проверить, есть ли такой дар у Айны. Жили, конечно, на свете и очень сильные колдуньи, такие, что сам Бердарет Ретвальд устрасился бы их — но были они дочерьми других, таких же, как они, колдуний.

В своих странствиях наследнику Карданов довелось столкнуться с магией. Он знал, что и сейчас на земле не перевелись еще чародеи — пусть и остались их всего единицы. Немногие наследники истребленных в Войну Пламени древних колдовских кланов или потомки подобных Айтвернам эльфийских родов, смешавших свою кровь с человеческой, все еще были способны творить волшебство. Чаще всего они скрывали свой дар в тайне — но этот дар существовал, и Гледерик знал его мощь.

Впрочем, сколько бы ни было этих чародеев, было их все равно очень мало. И ближайšie из них находились очень далеко от Иберлена. А Гайвену Ретвальду несколько часов пути до ворот Тимлейна.

Гледерик понимал, что ему необходимо переманить на свою сторону Артура Айтверна. Не удалось в прошлый раз, но должно получиться теперь. Сила Артура спала — но ее можно попробовать пробудить, раз проснулась сила Гайвена. Это риск, но времени очень мало, и лучше пойти на этот риск, чем отправлять гонцов за границу, в надежде, что они успеют добраться до кого-то еще.

Нужно было лишь найти способ расположить Артура к себе. Книга, лежащая у Брейсвера на коленях, давала такую возможность. Эту самую книгу нашли по приказу Гледерика в тайном замковом книгохранилище, где хранились особенные манускрипты, право читать которые имел только король. Даже принц Гайвен, известный тем, что перерыл сверху донизу всю здешнюю библиотеку, никогда не бывал там и не брал в руки этой книги. Что же, зато теперь старинная хроника пригодится потомку Карданов. Все, что нужно для победы — встретиться с Айтверном и поговорить с ним. Гледерик отныне знал, что ему нужно сказать, верил, что сказанные слова обернутся именно тем, чего он ждал. Брейсвер послал гонцов к Айтверну с предложением переговоров. Но он также не исключал того, что им придется встретиться намного раньше. Может быть, этой ночью. Или следующей.

Артур Айтверн смог однажды бежать из этого замка, с помощью какого-то загадочного подземного хода, именуемого Старой Дорогой. В Тимлейнской крепости было много потайных ходов, некоторые из них люди Гледерика уже успели обнаружить, но среди них не нашлось пока такого, что выводил бы прямо за пределы города. Поэтому Брейсвер мог лишь предполагать, где находится эта самая Старая Дорога. Он разместил бы дверь на нее где-нибудь прямоком в королевских апартаментах. Скорее всего, его далекие предки рассуждали

сходным образом. Именно потому Гледерик и выгнал с этажа, где располагались покои Брайана Ретвальда, всех солдат. Он верил, что Артур Айтверн явится сюда, тем же путем, которым ушел. Айтверн едва ли готов идти на штурм своего любимого города. Брейсвер читал в мальчишке, как в раскрытой книге. Скорее всего юный Артур захочет решить все сам, быстро и без лишних смертей. Он явится в замок тайно, попробует найти Брейсвера и убить его. Айтверн явится сюда, готовый к бою, но боя не будет. Будет достаточно просто заговорить с ним, запеленать его в свои сети, и тогда ловушка захлопнется. У Гледерика появится новый союзник, и этот союзник овладеет волшебством и выступит против Ретвальда. Если Гайвен смог, не будучи обучен древним заклятьям, коснуться Силы, сможет и Айтверн.

Гледерик улыбнулся своим мыслям. Посмотрел в огонь камина, полюбовался игрой танцующих языков пламени. Перелистнул еще одну страницу, сухую и ломкую. Вдохнул полной грудью идущую от окна прохладу. Все было хорошо. По крайней мере — не отклонялось от планов.

Юный сэръ Артур верит в честь. Именно честь и обернется удавкой на его шею. Как и положено чести.

"Я прошел сквозь смерть, — подумал Гледерик. — Вот какой она оказалась, моя старая-добрая сказка, в которую я бросился очертя голову, словно глупый щенок на брошенную ему кость. Я видел, как предают друзья и как рушится все, на чем держится этот прогнивший мир. Видел владык, начинающих бессмысленные войны. Видел города, утонувшие в крови, и королевства, распадающиеся на части. Избалованные аристократы вроде молодого Айтверна произносят красивые слова о чести — и ради этих красивых слов втаптывают мир в грязь. Кто-то должен сотворить порядок из этого хаоса. Я могу. И я справлюсь. Лучше этим миром буду владеть я, нежели все эти дураки. Я хотя бы знаю этому миру цену".

Ночной ветер вдруг стал каким-то неудобным, холодным. Гледерик поежился в кресле, пожалев, что не оделся теплее.

Скоро все закончится, сказал он себе. Совсем скоро.

Глава восемнадцатая

Когда отряд подошел к заброшенной церкви, уже почти стемнело. В оврагах пролегли густые тени, небо окрасилось в темно-синие цвета, только на западе еще догорала розовая полоска — все, что осталось от заката. Артур прошел на заросший сорной травой внутренний двор, миновав валявшиеся на земле ворота, и поднял повыше факел, оглядывая полуразрушенный храм, с выбитыми слепыми окнами, проломленными в паре мест стенами, обвитыми диким плющом. Двери церкви были широко распахнуты, словно приглашая зайти.

— Так вот оно значит где, — пробормотал капитан Фаллен, останавливаясь рядом с Айтверном. — Это ж надо, чтоб в замок — да из святого места.

Артур не сдержал улыбки:

— И в самом деле. Представьте, какие могли получаться конфузы. Захотелось вдруг королю сбежать, скажем, от опостылевших королевских забот. Выходит он прямо из стены посередине мессы, хорошо если без короны и монаршего скипетра. Хор сбивается с пения, прихожане на колени, прихожанки в обморок, так мало что тайна раскрыта, еще и месса

нарушена.

— Оно, милорд, и правда, — хохотнул Фаллен. — Хорошо, пожалуй, что в церкви такой бедлам, нам меньше мороки выйдет.

Айтверн оглянулся, поглядел на Блейра Джайлса. Оруженосец стоял позади них, чуть поджав губы и опустив подбородок, напряженный, как пружина готового выстрелить арбалета. Артур в который уже раз за этот вечер задумался, а за каким бесом он вообще взял с собой Блейра. Не то чтобы он все еще сомневался в нем. На поле боя Джайлс уже доказал свою верность, когда бросился помогать Артуру в схватке с Эрдером. Другое дело, будет ли от него толк в Тимлейне? Айтверн не знал, но все же предложил Блейру составить ему компанию, а тот согласился.

Айтверн тряхнул головой, передал Фаллену факел, и направился к потрескавшимся ступеням:

— Пойдемте, господа, — бросил он через плечо, — мастер Гледерик ждет.

В храме ничего не изменилось. Битый камень, толчущийся под сапогами, изрубленные скамьи, сорванные со стен и тоже изрубленные на мелкие куски иконы. Выбоины в колоннах — похоже, по ним долго били мечами или топорами. Осколки стекла, изгаженный алтарь и толстый слой пыли.

Айтверн подошел к алтарю, повернулся от него налево и направился к стене. Эта стена, в отличие от противоположной, почему-то была совершенно нетронута, никаких выбоин и проломов. Все цело. Артур какое-то время смотрел на грубую кирпичную кладку, а потом у него вдруг ослабели ноги и потемнело в глазах. "А ведь церковь не тарагонцы разграбили, — подумал Айтверн, чувствуя, как его начинает мутить. — Совсем не тарагонцы. Это сделал кое-кто другой, специально и тщательно. Чтобы не случилось никаких конфузов". Преодолевая дурноту, он встал лицом к югу и снова принялся отсчитывать шаги. Сделав семь шагов, он остановился и присел на корточки, внимательно изучая стену и пытаясь припомнить, что же именно теперь требуется делать. Припомнить удалось далеко не сразу. Наконец Артур пересчитал кирпичи вверх от пола, легонько постукивая по ним пальцем, и наконец надавил на стену одновременно в двух местах. Часть стены медленно повернулась, приоткрывая за собой крошечную черноту вертикальной шахты. Артур щелкнул пальцами, подзывая Блейра. Айтверн принял у оруженосца факел и шагнул в проем, приказав всем остальным следовать за ним.

По винтовой лестнице они спустились вниз, в расположенный глубоко под церковью обширный зал, чьи стены тонули во мраке. Артур осветил факелом, найдя наконец в северной стене высокую арку, и направился к ней. Солдаты шли за ним, не отставая, их сапоги гулко топали по каменным плитам, выбивая мечущееся под низкими сводами эхо.

Коридор был достаточно широк, чтоб по нему в одну шеренгу могли пройти сразу шестеро человек. Впрочем, Айтверн шагал один. Сразу за ним следовали Блейр Джайлс и капитан Фаллен, и лишь потом все остальные. Грубая, но надежная каменная кладка, подпирающие потолок массивные колонны — Дорогу эту строили на века. Никаких ответвлений и развилок на ней не имелось, так что заблудиться тут нельзя было даже при наличии подобного желания. Шли молча, не переговариваясь, и душную подземную тишину, от которой временами становилось не по себе, нарушали лишь все тот же стук шагов да бряцание оружия. С потолка иногда срывались капли воды. Когда одна из них шлепнулась Артуру прямо на кончик носа, он чуть не вздрогнул.

В глухом подземелье Артур утратил счет минутам. Он не мог сказать, сколько времени

они уже идут вот так, но мог предположить, что прошло не меньше нескольких часов. Айтверну вдруг стало любопытно — а что же сейчас находится там, наверху, над самыми их головами? Они все еще пробираются под лесами и полями, или уже подошли к предместьям столицы? А может, миновали городскую стену? Идут под ремесленными кварталами или под резиденциями дворянских родов? А может, прямо наверху катит ленивые волны Нейра? И далеко ли еще до цитадели? Он бы продал что угодно, лишь бы только оказаться сейчас наверху и вдохнуть свежего воздуха.

Наконец они вышли в обширную залу, куда превосходящую размерами ту, что была расположена под старой церковью. Именно сюда они с сестрой и принцем спустились, покинув замок. Здесь Старая Дорога начиналась — ну или заканчивалась, смотря с какой стороны посмотреть.

— Всем оставаться здесь, — отдал Артур приказ гвардейцам. — Капитан, Блейр, составьте мне компанию. Проверим, что там наверху.

Втроем они стали подниматься по уводящей наверх лестнице, на сей раз не винтовой. Рука то и дело прикасалась к эфесу, Айтверна горячило почти столь же сильно, как перед первым в его жизни боем. Он найдет Кардана и поквитается с ним — за отца, преданного и убитого, за короля Брайана, за Александра Гальса, убивать которого пришлось ему, Артуру, за седые волосы Гайвена, за сотни солдат, втоптаных в землю близ Горелых Холмов, за собственные страх и отчаяние. Он не будет испытывать никаких колебаний и сомнений, просто найдет узурпатора и проткнет ему живот. И тогда все наконец закончится.

Лестница казалась поистине бесконечной, один марш сменялся другим, и очень скоро Артур утратил им счет. Еще бы, ведь им следовало подняться из самой глубокой бездны прямо в донжон Тимлейнской крепости. От подножия мира к самой его вершине. На одной из площадок они сели перевести дух и хлебнуть воды, потом пошли дальше. Когда лестница наконец закончилась, Айтверн испытал странное чувство, похожее на потрясение, смешанное с неверием. Прямо впереди темнела глухая стена. Артур передал факел Клаусу Фаллену и замер, выравнивая сбившееся дыхание. Затем опустился на колени и принялся дрожащими от волнения руками пересчитывать кирпичи — слева от края площадки, справа от края площадки, вверх от пола. Наконец он нашел нужные.

Артур со всей силы вдавил в них ладони — и тут же вскочил на ноги, делая шаг назад и обнажая меч. Раздался скрежет, и часть стены, точно также, как и в разрушенном храме, медленно повернулась, приоткрывая проход. Лунный свет освещал небольшую комнату, богато обставленную и совершенно безлюдную. Айтверн остановился на пороге, тяжело дыша. Потом шагнул вперед, осматривая комнату. Казалось, что небольшая гардеробная, примыкающая к королевской опочивальне, и вовсе не изменилась с того дня, как Артур в последний раз был здесь.

— Блейр, иди со мной, — шепотом сказал он оруженосцу. Тот кивнул и переступил порог. — А вы, Клаус, оставайтесь снаружи и караульте.

Отданный Айтверном приказ явно не пришелся командиру гвардейцев по душе:

— Сэр, осмелюсь возразить, но вы сейчас поступаете неразумно. Мы пробрались в замок, так чего же лучше, надо скорее позвать ребят. Ну сами посудите, чего вы тут вдвоем с мальчонкой сделаете. Я сейчас схожу за своими, вот тогда повоюем.

— Капитан, где были раньше ваши уши? Мы не затем сюда пришли, чтобы воевать. Вон там, — Артур указал острием меча на изукрашенную резьбой дверь, — королевская спальня. Если узурпатор сейчас там, то я просто приду и зарежу его во сне.

— А если его там нету? Сэр, может головой подумаете?

— Вы не представляете, — сказал Айтверн зло, — как я устал, что мне все перечат.

Отпихнув топтавшегося у прохода Блейра в сторону, Артур торопливо опустился на корточки, рассматривая кладку стены.

— Да что вы делаете, вразуми вас Пречистая Дева! — воскликнул капитан.

— Ничего такого, за что потом буду стыдиться. После поговорим, — Айтверн нажал наконец, куда следовало, и дверь тяжело захлопнулась, отгородив капитана Фаллена намертво сошедшейся стеной. Артур немного прикинул, и для верности нажал на еще один, особенный кирпич. Тот, который заклинивал механизм, не давая возможности открыть проход со стороны подземелья. Вот теперь и в самом деле готово. Айтверн встал, тут же пошатнулся и оперся спиной о дверцу шкафа, обессиленно сползая на пол. Блейр смотрел на него во все глаза, очевидно не находя слов.

— Что смотришь? — спросил Артур. — Теперь мы одни.

Джайлс схватился за рукоятку меча, тут же отдернул от нее ладонь, и поглядел на ведущую в королевскую опочивальню дверь.

— Да вы, герцог Айтверн, и в самом деле ума лишились, — проронил Блейр. — Вы хоть знаете, зачем все это делаете?

Артур не отвел взгляда.

— Да, знаю.

Он и в самом деле знал. Он пошел на это сумасшествие, чтоб не допустить воплотиться наяву своему жуткому видению, в котором царила смерть. Не дать жерновам войны перемолоть в мелкую труху то, что еще оставалось от его прежней жизни. Он любил Тимлейн и не мог допустить того, чтобы Тимлейн был уничтожен, а поэтому был готов рискнуть собой. Артур не желал умирать, но был готов к этому, лишь бы только утешить вместо с собой и Гледерика Кардана. Если узурпатор погибнет, штурма не будет. Мятежные лорды склонятся перед Гайвеном, тот помилует их, и в Иберлене снова воцарится мир.

Правда, еще оставался Джайлс, которого он за какими-то бесами притащил сюда.

— Послушай-ка, Блейр, — сказал Артур, поднимаясь с ковра. — Дальше я вполне справлюсь и сам, осталось совсем немного. Мои с Гледериком дела — это мои с Гледериком дела, тебе умирать вовсе не обязательно. Можешь уходить через подземелье, как только я отсюда выйду. Только на Фаллена лбом не наткнись и присмотри, чтоб он следом не вошел. Запоминай как следует. Двадцатый кирпич от правого угла, он же восьмой от пола, это чтобы разблокировать механизм, иначе ты отсюда не выберешься. Потом еще два. Тринадцатый справа и пятый от пола, и двадцать второй слева, он же шестой от пола. Тогда проход откроется. Запомнил? Молодец. Больше тебя не задерживаю, свободен.

— А с чего вы взяли, — медленно сказал Джайлс, глядя на Артура прямо в упор, — с чего это вы взяли, что я вас оставлю?

— С того, что ты свободный человек. Твоя служба у меня подошла к концу. Тебе вовсе не обязательно умирать за меня.

— Если я свободный человек... — начал Блейр словно бы нерешительно. — Если я свободный человек, то я сам выбираю, чего мне делать. Я пойду с вами.

— Дурак пустоголовый, — бросил Артур в сердцах. — Ну да черт с тобой, поступай как знаешь.

Стараясь ступать насколько это возможно бесшумно, Артур приблизился к двери и приложил к ней ухо. В спальне царила полная и абсолютная тишина. Артур на миг задержал

дыхание, а потом распахнул дверь и вошел вовнутрь. Он быстро пересек комнату, подошел к кровати, двумя быстрыми взмахами меча разрезал балдахин, после чего располосовал в пух и перья подушки. К сожалению, кроме подушек и одеяла на кровати ничего не обнаружилось — Гледерика Кардана не было в королевской спальне. Айтверн сжал зубы, борясь с подступившим к горлу тяжелым комком. Вот это и называется совершенно бессмысленной затеей. Шел-шел, и никуда в итоге не пришел... Он несколько раз ударил по пуховой перине мечом, потом все-таки попробовал взять себя в руки. Ладно, здесь Гледерика нету, но где-то же он должен быть, в конце-то концов.

Отсюда, из спальни комнаты, выводило еще три двери. Одна вела в предназначенную для особо высоких гостей малую приемную, вторая в умывальню, а третья — в личную гостиную. Значит, следовало осмотреть все эти три комнаты, а потом двигаться дальше. Поскольку покинуть королевские покои можно было только через приемную, ей следовало заняться в последнюю очередь. А начинать — с гостиной.

Артур, стараясь больше не производить лишнего шума, подкрался к ведущей в гостиную двери и склонился, всматриваясь в замочную скважину. Он увидел просторный зал, в самом конце которого ясным светом горел камин, разгоняя ночную темень. У камина стояли два кресла, и в одном из них явно кто-то сидел — какой-то человек, казавшийся отсюда, издалека, всего лишь тенью, без единого движения замершей на фоне веселящегося огня. Еще одна тень из мира теней, не больше, но и не меньше. Но Айтверн мог бы поклясться, что знает, кому принадлежит эта тень. Он и в самом деле знал. Знал, кто сидел там, впереди, на другом конце длинного зала, пропуская сквозь свои пальцы короткие часы летней ночи. Сидел то ли задумавшись, то ли просто заснув от сморившей его усталости, ведь так хочется хоть ненадолго смежить отяжелевшие веки, цепляясь за каждую минутку отдыха, искать забвения у согревающего теплом очага. Так хочется забыться хоть на чуть-чуть, отрешиться от целого мира, неподъемным грузом лежащего на твоих плечах. Забыть про бесчисленные невзгоды, про королевство, которым ты правишь, про армии и вассалов, ожидающих твоих приказов, про судьбу, которую обязательно нужно ухватить за хвост.

Артур повернулся и прошептал на ухо подошедшему Блейру:

— А вот дальше я точно иду один. Гледерик там, и я с ним разберусь. А ты оставайся здесь и смотри, не появится ли кто. Если появится — крикнешь мне.

Не дожидаясь ответа, Артур распахнул дверь и переступил через порог, отсекая любую возможность остановиться, передумать и отступить. Сделал первый шаг. Прочертил клинком в воздухе косую черту, проверяя, хорошо ли подчиняется ему оружие. И оказался лицом к лицу с будущим.

Это будущее сидело, устало склонив голову, в массивном кресле, уронив руки на подлокотники, совсем как сидел Гайвен Ретвальд на Коронном совете, проходившем в Эленгирской ратуше. Это будущее даже не шелохнулось при появлении незваного гостя, будто и в самом деле забылось в крепком и, должно быть, счастливом сне. Это будущее не знало, что совсем скоро оно сделается прошлым. Человек, в чьих жилах текла кровь бывших королей, тех самых, чьим именем строился этот замок и окруживший его город. Человек, беспечно смеявшийся в весенней ночи, встречая герцога Раймонда Айтверна и каждым словом издевавшийся над ним, а потом отпустивший отца из логова врагов, избавивший его от верной смерти. Человек, предлагавший Гайвену примирение и герцогский титул. Человек, совершивший немало добра — но и немало зла. Человек, похитивший Айну. Человек, пришедший из ниоткуда, бывший никем, не имевший ни дружины, ни денег, ни сторонников

— и севший однако на Серебряный Престол. Разыгравший с судьбой невысказанно сложную и опасную шахматную партию, и почти одержавший в ней победу. Почти.

Прогнав овладевшее им оцепенение, Артур двинулся вперед. Он шагал по тонкому красному ковру, делавшемуся светло-серебристым в льющемся из окон ярком лунном свете.

Артур шел, чуть отведя меч в сторону и вместе с тем готовый в любой момент вскинуть его и броситься в атаку. На клинке отражался все тот же лунный свет. Артур шагал через зал, и сам казался себя вовсе не человеком, а каким-нибудь колдовским существом из легенд, пришедшим из холмов сидом, сотканным из тумана и с текущей по жилам ртутью. Он не слышал даже своего дыхания.

До кресла с сидящим в нем человеком осталось всего несколько шагов, когда Гледерик Кардан вдруг заговорил:

— А, друг мой, ну вот и вы. Рад, что заглянули на огонек.

Артур Айтверн пошатнулся, сбился с шага и замер. А Гледерик Кардан слегка улыбнулся, без насмешки или злости, скорее приветливо, и откинул со лба упавшие на него рыжие волосы.

— Я предполагал, что вы составите мне компанию, потому и не ложился спать, — признался Кардан. — Даже подготовился к вашему визиту. Вот, видите, камин разогрел, чтоб кости не мерзли. Впрочем, в такую чудную летнюю пору они и не замерзнут. Вы не стойте, садитесь, для кого здесь второе кресло стоит? Для вас оно и предназначено. Не будьте соляным столбом.

— Я пришел, чтобы убить вас, — сообщил Айтверн.

— Ну разумеется, я иного ответа от вас и не ожидал. Конечно же, вы пришли меня убить. Если бы вы заявили распить со мной бутылочку виски и поболтать о погоде — вот что было бы странно. Сэр Артур, неужто вы возомнили меня идиотом? — голос Гледерика неожиданно сделался жестким. — Вы решили, я не знаю, как именно вы сбежали из Тимлейна? Будто бы я в не в курсе, что вы воспользовались потайным ходом. Я не стал бы спокойно ждать, куда вы припретесь сюда и отрубите мне голову. Если я все-таки здесь — и если вас до сих пор не сцапала стража — это потому, что все идет так, как мне нужно. Я желал поговорить с вами, и вот вы здесь, и пора уже брать быка за рога. Садитесь, не испытывайте мое терпение.

Айтверн выставил перед собой меч и сказал:

— Я пришел сюда не для того, чтобы чесать с вами языком. Возьмите себе меч, мастер Гледерик, или какое другое оружие, и разрешим наконец наш спор. Вставайте и берите оружие, я сказал. Не тяните время, я здесь чтобы драться, а не говорить. Вставайте! — повысил Артур голос, видя, что Гледерик даже не шелохнулся. Кардан по-прежнему сидел в кресле, приняв расслабленную позу человека, не желающего никуда торопиться и уж тем более и в мыслях не имеющего возможности взяться за клинок. На коленях у Гледерика, Артур заметил это только сейчас, лежала какая-то книга. А в оружейной стойке рядом с креслом, достаточно близко, чтобы дотянуться до него одним быстрым движением, покоился полуторный меч — но Гледерик, похоже, вовсе не собирался им сейчас воспользоваться. — Ну что ж, — сказал Айтверн, делая шаг вперед, — вы сами сделали выбор. Тогда, клянусь честью, я проткну вас насквозь, даже если вы не сдвинетесь с места и останетесь безоружны.

— Клянешься честью, что совершишь бесчестный поступок? — Кардан склонил голову к плечу. — Нечего сказать, настоящие рыцари именно так и поступают, — он неожиданно

перешел на "ты", совсем как тогда, в день переговоров. — Что же, мне даже нравится подобная решительность. Впрочем, до драки дело не дойдет, это я тебе обещаю. Прекрати упрямиться и давай в кои-то веки поговорим по-людски. Садись в кресло! — сказал он неожиданно настолько властно, что Артур невольно опустил меч. Но с места так и не сдвинулся.

Гледерик усмехнулся:

— А ты упрямый парень, я погляжу. Тогда будешь слушать стоя, невелика потеря. — И было нечто такое в голосе Кардана и в выражении его глаз, нечто настолько королевское, непреклонное и не привыкшее встречать возражений, что Артур понял — он и в самом деле выслушает сейчас все, что хочет ему сказать Кардан. — Я хочу предложить тебе одну вещь. От этой вещи ты уже однажды отказался, но сегодня, услышав все, что я намереваюсь тебе сказать и хорошенько подумав, наконец согласишься, — сказал Гледерик Кардан, сплетая пальцы обеих рук замком. — Я предлагаю тебе, Артур, поклясться мне в верности и признать своим сюзереном. погоди, не вскидывайся ты так! Прежде чем возражать, пойми, что все не так просто, как тебе кажется. Лучше ответь для начала на один вопрос. Почему ты служишь Гайвену Ретвальду?

Артуру не требовалось много времени, чтобы искать ответ на этот вопрос. Он и так знал, почему.

— Потому что Гайвен Ретвальд — мой король. Я принес клятву в верности ему и дому Ретвальдов, и точно также в верности дому Ретвальдов клялись мой отец, мой дед и мой прадед. Я не намерен нарушать своего слова, какими бы посулами вы бы не вознамерились меня переманить.

Гледерик вновь улыбнулся — великодушно и со снисхождением.

— В твоих словах уже кроется правильный ответ. Ты вроде бы упоминал про своих отца и деда, и о том, что они пошли за Ретвальдами. А я напому тебе о поколениях всех твоих прошлых предков, служивших мне. Они служили мне, ибо служили дому Карданов. Ибо я и есть дом Карданов, все, чем был мой дом, и все, чем он станет. И ты склонишься передо мною, потому что веришь в честь, Артур Айтверн, и лишь идя за моим знаменем, ты сможешь свою честь сохранить. Ты видишь эту книгу? Это — список с истории Иберленского королевства, составленной Баэлем Торнсоном через сто лет после его основания. В этой книге повествуется, откуда пошла наша земля, твоя и моя, и откуда пошли наши дома, твой и мой. Эта очень древняя хроника, почитавшаяся утерянной. Когда Бердарет Ретвальд пришел к власти, он повелел уничтожить все сохранившиеся ее копии, кроме одной. Он не хотел, чтобы кое-что, написанное в этой книге, всплыло наружу. Но сегодня оно всплывет — я скажу, а ты услышишь. Ну так слушай же! — Гледерик перелистнул несколько страниц и начал читать вслух. Его голос, сделавшийся вдруг очень тяжелым, бьющим, подобно исполинскому кузнечному молоту, заполнил всю комнату, отражаясь от стен, и Артуру захотелось зажать уши и не слышать ни этого голоса, ни тех слов, которые он читал. Потому что Артура сковало предчувствие внезапной беды, и еще ясное понимание одной-единственной вещи — что бы не сообщил ему Кардан, он не должен это слушать.

Но вместе с тем, он слушал и ничего не мог с этим поделать.

— То был несчастливый год, — прочитал Гледерик, — когда перемирие между людьми и Древним Народом было нарушено. Фэйри обвинили наше племя в том, что мы вероломно поселились на их землях и желаем сжить их с белого света. И сказали они, что не будет отныне мира, покуда останется на земле хоть кто-то, принадлежащий к человеческому роду.

И что будут наши города вырезаны, и будет наш народ уничтожен, и наша кровь увлажнит землю, и не останется на свете ни единого смертного человека, из тех, кого сотворил Создатель, именуемый ими Белым Богом. И поднялся на севере некто, именующий себя Владыкой Бурь, Бледным Государем, Повелителем Тьмы, и собрал он подле себя всех из фэйри, кто возжелал вести войну с родом человеческим, и было таковых много. И обрушился Повелитель Тьмы на наш народ, и пришел он с саранчой, и пришел он с ледяным ветром, и пришел он с раскалывающими небо молниями, и пришел он с великими силами. И ехали в его свите рыцари фэйри, с лицами, холодными, как дыхание смерти, в доспехах, вырезанных из льда, с мечами, выкованными из обсидиана, ехали на колдовских конях, что могут скакать равно по земле и по небу. И шли за ними карлики, могучие и многосильные, с молотами, что единым ударом могли разбивать в щепки скалы. И шли за ними гоблины, ощерив клыки и желая убивать, с топорами, как масло резавшими любую броню. И шли за ними иные создания, великие и малые, весь Древний Народ, племя иное, племя чужое, племя бесовское, и шел Древний Народ, чтоб истребить всякое семя человеческое, сколько бы его не нашлось, от одного края света и до другого. И впереди всех ехал Повелитель Тьмы, и был он могуч и темен, и заклинал он холод, лед и ветер, и стихии были покорны его слову.

Голос Гледерика, нараспев, в торжественной и жутковатой манере читавшего хронику о старой и страшной войне, которую до сих пор помнили в Иберлене, звенел набатом и бил, как колокол, и Артур чувствовал, как этот голос вонзается в него, входит, как меч входит в рану, и поворачивается по кругу, медленно что-то в нем изменяя. Комната дрогнула, качнулась и поплыла, сделавшись не совсем реальной, не совсем настоящей, не совсем существующей в действительности. Свет камина померк, отдалившись и становясь все более и более призрачным, и точно таким же призрачным сделался весь мир вокруг, и лишь только голос Гледерика оставался четким и внятным, и нельзя было никуда убежать или спрятаться от этого голоса.

— Но род человеческий принял брошенный ему вызов, хотя силы не были равны, и фэйри превосходили род людской во всем. И казалось, что остановить их невозможно. И казалось, что настали последние дни мира, и когда истекут они, больше не будет ничего. Но род людской принял битву. На холме Дрейведен герцог Дэглан Кардан, что сделался потом первым из королей Иберлена, и лорд Эйдан из Дома Драконьих Владык, единственный из сидов, кто принял сторону людей и сделался впоследствии первым герцогом Запада, встали лицом к лицу с Повелителем Тьмы и сразились с ним.

Небеса расколола сеть молний, протянувшихся от восточного горизонта и до западного — нет, расколола не здесь, не сейчас, не в Тимлейнском замке, Тимлейнского замка не существовало вовсе, и пройдут многие годы, прежде чем будет заложен первый камень в его основание. Молнии рвали небеса над холмом Дрейведен, где решалась судьба всего, что было в этом мире и чем этот мир мог стать, и Артур Айтверн... нет, его звали вовсе не так, в этом месте и времени он именовался Эйданом Драконьим Владыкой... и Эйдан Драконий Владыка видел, как мелькает меч в руках его родного брата, называющего себя отныне Повелителем Тьмы, и как с каждым пронзающим пустоту выпадом в небесах рождается новая молния, водопадом пламени низвергающаяся вниз, прямо на тающие человеческие полки, и без того теснимые армиями Древнего Народа. Эйдан Айтверн видел это, видел, как перекошено от торжества и ярости лицо его родича, и ничего, совсем ничего не мог сделать, потому что цепи заклятия связали его, не давая сделать ни единого движения, и всей магии, отпущенной Эйдану, было недостаточно, чтобы порвать сковавшее его обездвиживающее

заклятье и вновь сделаться свободным. И в нескольких шагах от него застыл Дэглан Кардан, точно такой же беспомощный здесь и сейчас, погребенный под обрушившейся на него Силой. Загорелое лицо Кардана сейчас побелело от напряжения, мышцы на руках вздулись, он пытался сделать хотя бы единственный шаг, нанести хотя бы один-единственный удар по врагу. Дурак, ради чего он старается, неужели не понимает, что никакая смертная воля не сможет сломить эльфийские чары! Наивный, глупый человек... Эйдану сделалось жаль своего все еще ведущего бессмысленную битву друга, не понимающего, что все уже проиграно и потеряно, и никакая сила уже не способна переломить ход этого сражения, выигранного Повелителем Бурь. А кто-то другой, внезапно проснувшийся внутри Эйдана, кто-то, кого-то он не знал и знать не мог, кто-то отчаянно юный и смелый, вдруг пожелал Дэглану Кардану удачи.

Бледный Государь меж тем остановился, прекратив свой смертельный танец, и поднял обсидиановый меч к небесам, обращаясь к своему брату:

— Вот и все, Эйдан. Я предлагал тебе остаться с нами, но ты не захотел. Твое право твой выбор. Знай, что убивать тебя я буду с тяжелым сердцем, — на бледном благородном лице темного владыки печаль перемешалась с решимостью. Он встал в боевую позицию и двинулся к превратившемуся в неживое изваяние родичу. Эйдан сосредоточился, прикидывая, что же еще он может сделать, лишь бы только помешать врагу — и понял, что ничего. Все ведомые ему заклятья, все доступные ему чары, вся отпущенная ему колдовская власть сделались прахом и пеплом в сравнении с могуществом приближающегося к нему Повелителя Тьмы. Осталось лишь умереть. Время пришло. Он выбрал удел смертного, но не знал, что удел смертного настигнет его столь скоро.

И тогда, когда Бледный Государь уже подошел к своему брату на расстояние удара, и поднял свой обсидиановый клинок, и был готов его опустить — в тот самый миг цепи заклятья, ледяными браслетами сковавшие тело Дэглана Кардана, вдруг разлетелись в мелкую стеклянную пыль, и этот глупый, наивный человек, желавший победы так глупо, наивно, страстно и яростно, как могут желать победы одни только люди, порвал своей кипящей волей оковы магии и бросился вперед, выставив клинок. И острие его клинка вонзилось Владыке Бурь под ребра и прошло все глубже и глубже, разрывая плоть и дойдя до самого сердца.

И от крика, который издал в тот миг Повелитель Тьмы, затряслись даже корни гор.

... Артур рухнул на колени, что было силы сжимая рукоять меча. А Гледерик внезапно с тяжелым стуком захлопнул книгу и отшвырнул ее куда-то прочь. Далекый потомок Дэглана Кардана, только что прямо на глазах Артура ранившего самого Повелителя Бурь, одним легким, текучим движением поднялся с кресла и оказался прямо над скорчившимся на полу Айтверном. Гледерик улыбался. Да, он опять улыбался.

— Ага, так значит это все-таки правда, — удовлетворенно сказал Кардан. — Значит, не врут, что Одаренные Силой могут заглядывать в прошлое и видеть, что в этом самом прошлом творилось с их далекими предками. Даже с очень далекими предками. Ты же видел, да? Видел, не отпирайся, это по тебе заметно, никак не утаишь. Да, Артур, именно так все и было, мне даже жаль, что в отличие от тебя сам я этого никогда не увижу. Темный Повелитель уже почти одолел Эйдана Айтверна и готовился выпустить ему кишки, когда мой пращур вдруг сумел как-то преодолеть наброшенное на него заклинание бездвижности, и нанес Темному удар. Очень тяжелый удар, почти смертельный. Оказавшийся бы смертельным почти для любого, кроме того, кому он был нанесен. Но Темный все же

выстоял, хотя меч, дошедший до сердца, должен был поразить его. Он удержался на самом краю. Если верить хронике, Повелитель Тьмы, уже умирающий, уже почти отошедший в мир иной, потянулся к своей армии, ко всем высоким эльфийским рыцарям, приведенным им на поле брани, потянулся к ним и вытянул из них всю их жизненную силу, чтобы забрать себе. Он принес их в жертву ради собственного выживания. В то мгновение и закончилась Война Смутных Лет. Воины Древнего Народа падали замертво, и людям больше не с кем было сражаться. А сам их владыка уцелел, и, закутавшись в темный вихрь, унесся куда-то на север, где и сгинул. Во всяком случае, больше его не встречал никто из людей. Таковы перипетии древней истории. Ты, конечно, знал о том, что твой и мой предки некогда одолели Повелителя Тьмы, но обстоятельства того, как это случилось, ты слышишь впервые. Так знай же, что Эйдан Айтверн уцелел только милостью Дэглана Кардана, в последний момент уберегшего его от гибели. И поэтому тогда же, в тот самый день, на холме Дрейведен, под небесами, все еще не очистившимися от разразившейся в них бури стихий, твой предок поклялся моему в вечной верности. Он поклялся служить ему, покуда жив он сам. Более того, Артур, он принес клятву и за всех своих потомков, за весь свой дом, до самого последнего колена. Любой из потомков Эйдана, любой из Айтвернов, должен верой и правдой служить дому Карданов, пока на свете остался хоть кто-то, принадлежащий к этому дому. Не удивляйся теперь, что Ретвальды сделали все, чтоб память об этом истерлась, и спрятали последнюю книгу, в которой упоминалась эта клятва, в самые тайные тайники своей цитадели. Возможно, они боялись, что однажды придет кто-то наподобие меня. Тот, кому кто-то наподобие тебя будет обязан служить верой и правдой, без малейших колебаний или сомнений.

Артур слушал, не в силах поверить в сказанное Карданом и все же понимая, что это все — чистая правда. Перед его мысленным взором до сих пор стоял Повелитель Бурь, заносающий клинок для последнего удара, совсем как Джейкоб Эрдер, и Дэглан Кардан, бросающийся наперерез Темному... совсем как Гайвен. И слова когда-то произнесенной Эйданом Айтверном клятвы отдавались эхом у Артура в ушах.

— Теперь ты понимаешь? Ты должен склониться передо мной, Артур, у тебя просто нету иного выбора, — сообщил ему Гледерик. — Если ты рыцарь, если ты человек чести, ты должен стать моим. Иначе твоя честь будет запятнана, а имя опозорено. Но ты не бойся. Служить мне не так уж и плохо. Ты нужен мне, Артур. Я не стану врать, что справлюсь без тебя — я не справлюсь. Древняя магия вернулась в наш мир, и снова меняет его облик. Теперь на трон Иберлена вновь претендует Король-Чародей, подобно своему пращуру, уже некогда севшему на этот трон. Я не хочу разделить судьбу Джейкоба Эрдера... но я обычный человек, а обычному человеку не под силу сражаться с колдовством. Когда-то, тысячу лет назад, мой предок герцог Дэглан смог победить Повелителя Бурь лишь потому, что рука об руку с ним сражался твой предок. Так наши дома показали, что вместе их не одолеет никто. Я хочу восстановить старый союз. В твоей крови течет древняя Сила, я убедился в этом сейчас — ты же видел то, о чем я читал тебе... пребывал во времени, которого больше нет. Это лишь малый дар, доступный всем, кто наделен магией. Есть и другие дары. Нужны время и тренировки, чтоб разбудить их — но я верю, что ты справишься. Ты станешь достаточно могуч, чтобы бросить свою Силу против Ретвальда и его Силы. Я пришел, чтобы снова сделать Иберлен великим, и я сделаю Иберлен великим, а ты поможешь мне. И тебе понравится мне помогать, обещаю. Ты же всегда мечтал о сильном и храбром господине, правда? О том, кто без всяких сомнений ведет армию в бой против врагов королевства.

Всякому рыцарю хочется служить кому-то, кто будет достоин служения. И я именно такой человек. Время разрозненных герцогств и графств ушло — приходит время империй. Тарагонцы попытались первыми и не смогли. Мы будем сильнее. Я шел к этому замку десять лет — и видел мир, разрываемый войной и преданный мечу. Настала пора изменить это. Величайшая в мире империя будет основана здесь, и сердце ее будет в Тимлейне. Из хаоса огня и смерти мы породим порядок и справедливость, отсюда и до самого далекого моря. Идем со мной, — Гледерик протянул ему руку, доверчиво раскрытую ладонь, — и ты построишь мир, которому сам захочешь служить.

Он говорил правду. Он и в самом деле говорил правду, понял Артур. Гледерик Кардан станет великим королем, таким, про каких помнят и спустя многие века после их смерти. Про подобных ему королей слагают красивые баллады и легенды, и их прославляют страницы хроник. Гледерик возьмет себе Иберлен и будет править Иберленом достойно, так, как и пристало править подлинному государю. Не потому, что Гледерик чист душой и помыслами. Нет, он вовсе не праведник, и помыслы у него не чисты. Но править достойно для него куда выгодней, чем править недостойно. Гледерик объединит под своей рукой не только Иберлен, но и все королевства на востоке и юге, сейчас распадающиеся и изнемогающие в бесконечной войне. Принесет на истерзанные земли долгожданный покой. А он, Артур Айтверн — он наверно и в самом деле будет счастлив служить такому королю. Побеждающему в любой битве и верховолящему на любом совете. И он, Артур Айтверн, рыцарь и потомок рыцарей, просто обязан служить Кардану, ведь к этому его призывает нерушимая клятва, данная за него самого его далеким предком. Если он нарушит эту клятву, то запятнает свою честь, и неважно, что об этом не узнает никто, кроме него самого. Вполне достаточно, что он будет знать это сам.

Вот только оставался еще Гайвен Ретвальд. Как бы не боялся его Гледерик, Гайвен пока даже не способен распорядиться тем колдовским могуществом, что на него свалилось. И Гайвену никогда не сделаться великим государем и повелителем мира, даже если б он того захотел, а он не захочет. Но зато Гайвен был — уже был — кем-то еще. И то, кем он был, значило намного больше, чем все короны, все мечи и все клятвы мира.

Да катись она в преисподнюю, эта честь, решил Артур. Гайвен — мой друг. Пусть у меня не будет никакой чести, но зато останутся друзья.

Артур Айтверн, превозмогая слабость и боль, поднялся на ноги и вскинул клинок:

— Вы правы, лорд Кардан, правы в очень многом из того, что сказали. Я и в самом деле мечтал о благородном и сильном господине. И у меня уже есть такой господин, только он — не вы. Защищайтесь!

Стоило Артуру это сказать, как на лице Гледерика Кардана отразились просто невероятные, немислимые растерянность, обида и боль. Так, как посмотрел на него Гледерик, смотрят лишь на лучших друзей или родных братьев, нанесших предательский удар в спину. А потом все овладевшие узурпатором чувства слились, смешались и схлынули, оставив после себя только чистую, ничем не замутненную ярость. Единым, молниеносным, неразличимым глазу движением Кардан вырвал свой меч из оружейной стойки и пошел в атаку. И с такой нечеловеческой силой был нанесен первый же его удар, что Айтверн выпустил из пальцев меч.

Тогда Гледерик, чье лицо по-прежнему было перекошено гневом, ударил обезоруженного Артура левой рукой в челюсть, ударил со всей имевшейся у него силы. Айтверну показалось, что у него прямо перед глазами взорвалась звезда, а Гледерик тут же

саданул его в живот эфесом меча, и, не переставая колотить, повалил на пол. Артур заорал, чувствуя, как в него раз за разом вонзается носок окованного железом сапога. Гледерик ударил его сапогом по плечу, по ногам, заехал под ребра, он бил его снова и снова, совершенно безжалостно, и при каждом следующем ударе Артур заходился в рвущем его голосовые связи крике.

А потом, когда Артуру показалось, что он больше не может этого выносить, в тот самый миг, когда боль достигла своей вершины, откуда-то издалека донесся дрожащий от злости голос:

— Немедленно прекратите!

И все действительно прекратилось. Тело болело, и перед заслезившимися глазами стлался кровавый туман.

— Не смейте его трогать, — повторил все тот же доносившийся с недосягаемых горных вершин отчаянный злой голос, и Артур к своему собственному удивлению узнал в говорившем Блейра Джайлса.

— Не сметь? — выдохнул Гледерик, и Артур кожей почувствовал все еще владевший Карданом гнев. — Это еще почему? Мне так хочется покончить с этим глупцом, и я с ним покончу. А ты, мальчик, кто такой, чтобы мне указывать? Откуда ты здесь взялся? Хотя постой, я тебя знаю. Оруженосец Александра Гальса. Я думал, ты погиб в Стеренхорде. Так как же получилось, что ты сейчас с ним... вот с ним?

Гледерик, как и Блейр, говорил откуда-то из надмирных высей, но Артур сделал над собой усилие, слегка повернув голову. Сквозь танцующие цветные пятна он увидел Блейра, стоявшего в трех шагах от него и сжимающего обеими руками обнаженный меч.

— Отныне герцог Айтверн — мой господин, — сказал Джайлс, делая шаг вперед, — и я не дам вам его убить! Подите прочь!

— А если я не захочу никуда идти? — развеселился Кардан. — Что ты сделаешь тогда? Неужто и в самом деле решишь со мной драться? Вот уж умора. Да я...

Договорить он не успел. Потому что Артур в этот самый момент, покуда Кардан вволю насмешничал, возомнив себя хозяином положения, нашел в себе силы извернуться и схватить Гледерика за колени, толкнуть его назад и опрокинуть. Не ожидавший никаких сюрпризов от казалось бы полностью поверженного противника, Кардан упал и ударился спиной о кресло, а Артур кое-как откатился и вскочил на ноги. Тело раскалывалось от боли, но Айтверн понял, что сможет стоять и драться. Подбежавший Блейр протянул ему свой меч. Рукояткой вперед.

— Справитесь? — спросил оруженосец с легким сомнением.

— Постараюсь, — ответил Артур с усмешкой и, приняв клинок в свои руки, развернулся к уже поднявшемуся, готовому к схватке Кардану. Блейр отступил, освобождая пространство для них двоих. Пространство, что станет сейчас пространством смерти. Гледерик Кардан, потомок многих десятков королей и сам король, улыбнулся той самой легкой насмешливой улыбкой, которая не сходила с его лица в целой сотне других, прежних битв, неизбежно заканчивавшихся его победой. И, не переставая улыбаться, ступая по красному ковру уверенно и вместе с тем изящно, с ленивой грацией, подобающей опытному фехтовальщику, Кардан вошел в незримый, но вместе с тем ясно видимый им и Артуром круг. Живым за пределы этого круга выберется только один. Гледерик прекрасно понимал это. Он был готов к бою.

И Артур принял бой.

Артур не знал, что за сила уберегла его в ту ночь. Может, то было его собственное отчаянное и страстное желание жить. Это желание помогало многим и многим, вступавшим в битвы прежде него, еще задолго до того, как он вообще родился на свет. Может, Артура спасло осознание того, что на свете остались люди, которых он любит и которые любят его, люди, которые ждут его возвращения. Он помнил о них и знал, что не может их подвести.

Как бы там ни было, случилось то, что случилось. Из всех ударов, что обрушил на него Гледерик, ни один не достиг цели. По всем законам здравого смысла, Артур Айтверн должен был погибнуть в том бою, но он не погиб. Артур и Гледерик кружились по королевской гостиной, наполнив ее грохотом стали, и оба они дрались так отчаянно, как никогда прежде.

А потом Артур Айтверн выбил у Гледерика Кардана меч из рук, и, не останавливаясь ни на долю мгновения, пронзил своему противнику сердце. Окровавленный клинок вышел у Кардана из спины. Гледерик из дома Карданов, до конца жизни именовавший себя в собственных мыслях Гледериком Брейсвером, умер совсем быстро, не сказав ни единого слова. Только подумал, что это, наверно, хорошая смерть.

Спустя какое-то время Артур осознал, что сидит на полу, прислонившись спиной к стене, подле почти догоревшего камина. Голова кружилась, тело ныло и раскалывалось на части, но в остальном все было прекрасно. Артур понял, что жив, хотя и не смог до конца в это поверить.

Над ним склонился какой-то человек, и прошло еще некоторое время, прежде чем Артур узнал в этом человеке Блейра Джайлса.

— Вы как себя чувствуете? — Джайлс задал этот вопрос и тут же весь будто растекся в стороны, стал нечетким и едва различимым для зрения. Айтверн сделал над собой усилие и смог разглядеть его ясно.

— Чувствую себя вполне терпимо, — Артур все же сумел изобразить улыбку.

— Помочь вам подняться?

— Было бы недурственно.

Блейр протянул руку, и Айтверн схватился за нее, а потом, оттолкнувшись другой рукой от стены, и в самом деле умудрился встать. Ноги зудели и ныли, но в остальном вполне можно было жить. Хотя танцевать, пожалуй, он еще не сможет ни сегодня, ни завтра. Зато послезавтра... Артур хохотнул и пошатнулся, Блейр тут же схватил его за плечи. И вот именно в таком порядке они кое-как доковыляли до окна.

За окном уже начинало светать. Луна скрылась, погасли и звезды, небо стремительно светлело, и Артур подставил лицо прохладному утреннему ветерку. На востоке, далеко-далеко на востоке, там, за морем крыш, башен и стен, разгоралась пока еще тонкая алая полоска, что скоро озарит половину неба неудержимым и прекрасным рассветным пламенем. Начинался новый день, и Артур понятия не имел, что этот день с собой принесет.

Пожалуй, это было даже неплохо.

— Блейр, — спросил он, глядя на избежавший разорения Тимлейн. — Пожалуйста, скажи мне одну такую вещь... С какой радости ты вообще меня спас?

Блейр внимательно посмотрел на Артура, а потом вдруг усмехнулся.

— Кажется, я приносил вам присягу, — сказал он почти весело. Он и впрямь веселился — в уголках глаз плясали смешинки.

— Это я помню. Но, знаешь, тут все приносили друг другу присягу, и никого это

особенно не останавливало. Я был тебе не самым лучшим господином. Да что там, я был тебе паршивым господином. Это ведь я убил Александра, и по сути все это время держал тебя в плену.

Блейр больше не улыбался, напротив, он сделался очень серьезным. Блейр Джайлс очень осторожно выпустил Артура из своих рук и убедился, что тот не упал, а напротив того, устоял. Правда, вцепившись для этого в край подоконника. Оруженосец Александра Гальса аккуратно расправил рукава безнадежно истрепанной куртки и лишь после этого заговорил — совершенно другим, незнакомым Артуру голосом.

— На самом деле я собирался вас убить. С самого начала. Знаете, почему я вообще принес вам присягу? Думаете, мне просто в темнице сидеть не хотелось? Да ничего подобного. Я хотел отомстить за моего лорда. Сначала ждал подходящего момента, да вот потом заколебался. Вы начали казаться мне хорошим человеком, а это очень непросто, убивать хороших людей. Но все равно, на вас была кровь сэра Александра, вот я и взял себя за горло. Тогда ведь, на холмах, я почему понесся вам помогать против Эрдера? У меня просто перед глазами помутилось, когда я понял — он с вами сейчас покончит. Он, а я не я. Нельзя было этого допустить, чтоб он отнял у меня мою месть. А вы, похоже, решили, что я вам верен. Ну так мне это на руку было. Я сюда и согласился с вами идти, потому что понял — была или не была, пора. Когда мы остались в той комнате одни, я был готов полезть в драку. И уже собирался доставать меч, когда вы вдруг предложили мне уйти. Уйти и остаться в живых, а сами пошли умирать. Вот так вот... — Блейр запнулся и немного помолчал. — Именем своим клянусь — будь на вашем месте Гледерик, он бы ни за что меня не отпустил. Потому я и помог не ему, а вам.

Артур смотрел на Джайлса во все глаза. Смотрел потрясенно и недоверчиво, будто бы видя его впервые в жизни.

— Ну и как? — спросил Джайлс, когда молчание затянулось. — Срубите мне голову с плеч за такое? Я ведь вас предал по сути. Пусть только в мыслях, но что ж от этого меняется. Хотите убивать, валяйте. Я сопротивляться не буду.

— Принеси мне меч, — сказал ему Артур.

Блейр смерил его очень долгим, внимательным взглядом, а потом отрывисто кивнул и пошел исполнять приказ. Все то время, пока он искал на полу оружие, не такое уж и долгое время, к слову сказать, Айтверн простоял у подоконника, оперевшись на него обеими руками и тяжело дыша. Когда Блейр, молчаливый и очень спокойный, вернулся, Артур принял у него оружие и очень долго его рассматривал, крепко сжимая пальцами костяную рукоять. Это не был меч Блейра, которым Артур убил Гледерика, и к счастью это не был меч, которым сражался сам Гледерик. Это был клинок, бывший у Артура в руке, когда он вступил в этот зал.

Айтверн сделал шаг от окна, подивившись, что ноги снова его держат, пусть и не очень твердо, и взмахнул клинком, проверяя, не подведет ли рука. Рука не подвела. Айтверн подошел к Блейру, встретившего его все таким же спокойным, сдержанным взглядом. Если он и боялся умирать, то не подавал виду.

— Встань на колени и опусти голову, — приказал Артур.

После короткого колебания Джайлс все же подчинился — правда, не до конца. Он, как и было ему сказано, встал на колени, но головы опускать не стал. Напротив, задрал подбородок, продолжая глядеть в упор. Просто смотрел и молчал, не говоря ни единого слова и, кажется, вовсе не дыша. Ждал.

Айтверн вновь проверил, плавно ли ходит в его руках меч, не выскользнет ли он из пальцев. Вроде бы не должен. Да, не должен. Ну и хорошо. Артур встал напротив Блейра и занес клинок, сжимая эфес обеими руками. Ему вспомнился тот далекий весенний день, когда Данкан Тарвел вывел его на крепостной двор Стеренхорда и, взмахнув мечом, посвятил в рыцари. Тогда рыцарское звание оказалось для Артура честью, которой он вовсе не был достоин. Чтобы по-настоящему заслужить право именоваться "сэром", иногда следует пройти очень долгий путь. Зато для некоторых присуждение рыцарского звания — просто пустая формальность.

Артур осторожно опустил меч и коснулся им плеча коленопреклоненного оруженосца.

— Блейр Джайлс из Гальса, сим я, сэр Артур, герцог Айтверн, посвящаю тебя в рыцари и возвожу в дворянское достоинство. Будь смел и отважен, не знай страха, всегда говори правду и никогда не говори лжи, твори добро, сражайся со злом, стань щитом для невинных и беззащитных. Будь таким, каким и должен быть настоящий рыцарь. Знаю, во всех своих делах оставаться настоящим рыцарем не удастся никому на этой грешной земле, не выходит у меня, вряд ли выйдет и у тебя. Но мы всегда будем пытаться. И иногда у нас даже будет что-то получаться. Меч вручишь королю, сердце — возлюбленной даме, душу — Господу Богу, а честь оставь себе и не отдавай никому, даже если станут просить и требовать. Встань, сэр Блейр Джайлс.

— Вы... вы... — Джайлс все пытался подобрать слова, но никак не мог.

— Это не я. Это просто то, чем ты уже являешься, а я тут совершенно не при чем. Будь любезен, обращай ко мне отныне на "ты", сэр Блейр. — И на сей раз уже Артур протянул Блейру руку, помогая тому встать. Каким-то образом он сам умудрился при этом не упасть.

Над городом уже вставало солнце, и Артуру следовало немедленно уходить отсюда, из разгромленной гостиной, и браться за бесчисленные дела, ожидающие его прихода. Ему следовало разрешить столько дел, что при попытке сосчитать их все немедленно начинала кружиться голова. Он должен был добиться примирения в стране и сделать так, чтобы последний месяц со всеми его предательствами и смертями поскорее отошел в область легенд и баллад, которые приятно слушать, но в которые совсем не хочется попасть. Найти всех своих друзей, остававшихся в Тимлейне, когда начался мятеж, и убедиться, что с ними все в порядке. Дождаться дня, когда Гайвен Ретвальд будет увенчан наконец короной иберленских королей и сядет на Серебряном Престоле, верша правосудие. Сделаться достойным герцогом Западных земель и достойным командиром королевских войск, раз уж нести два этих бремени теперь предстояло ему и никому другому. Позаботиться, чтобы тело Александра Гальса было со всеми почестями похоронено в фамильном замке Повелителей Юга, и встретиться с одним молодым человеком по имени Виктор Гальс. Сказать этому молодому человеку некоторые слова, которые должны были быть сказаны, и попросить прощения.

Также Артуру предстояло разобраться с доставшимся ему в наследство от предков колдовским даром и понять его природу и смысл. Достичь примирения со своей сестрой, Айной Айтверн, позабыв былые обиды и ссоры, оставив прошлое в прошлом. Артур верил, что это получится. Хотел верить. Ведь никакая вражда не может длиться вечно, особенно если причины, ее породившие, уже утратили всякое значение.

И тогда, смотря как солнце встает над Тимлейном, обещая ясный и свежий день, Артур Айтверн понял наконец одну очень обрадовавшую его вещь.

Его сказка совсем не закончилась.

Все еще только начиналось. И ему было очень интересно, что же случится дальше.

Конец

Больше книг на сайте — Knigolub.net